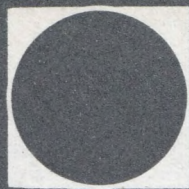


Зарубежная



фантастика

НЕДЕТСКИЕ
ИГРЫ

НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ

Сборник научно-фантастических
произведений



Издательство «Мир» Москва

Зарубежная  фантастика



Зарубежная  фантастика

НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ

Сборник
научно-фантастических произведений

Перевод с английского и французского

Предисловие С. А. АБРАМОВА



МОСКВА «МИР» 1986

ББК 84(0)6
Н42

Н42 Недетские игры: Сб. науч.-фантаст. произведений: Пер. с англ. и фр. / Предисл. С. А. Абрамова. — М.: Мир, 1986. — 504 с. — (Зарубежная фантастика)

В сборник включены научно-фантастические повести Дэвида Бишофа «Недетские игры», Уильяма Котцвинкла «Ип, инопланетянин в его приключения на Земле» (США) и Мишеля Гримо «Город, лишенный солнца» (Франция). Все произведения объединяет тема ответственности юношества за судьбы нашей планеты.

Н 4701000000—449
041(01)—86 Без объявл.

ББК 84(0)6

Художник К. Сошинская

*Редакция научно-популярной
и научно-фантастической литературы*

© состав, оформление и перевод на русский язык, «Мир», 1986

Эти странные непонятные дети

Страшный, инфернально-мистический мир западной кинофантастики...

Маленький городок на океанском побережье, тихое американское захолустье, отмечающее свой столетний юбилей. В праздничную ночь с океана в город приходит загадочный туман. В нем, как в питательной среде, существуют з о м б и — живые мертвецы, сто лет назад подло убитые здесь в городе его отцами-основателями. Зомби алкают мщения, зомби неторопливо, но неуклонно преследуют героев ленты, на экране мелькают полумертвые, лезвия кинжалов, кровь льется, женщины визжат, дети плачут. Фильм режиссера Джона Карпентера «Туман».

Другой его фильм — «Нечто». На американскую же антарктическую станцию попадает неведомый пришелец из космических глубин. Одного за другим убивает он обитателей станции, принимая облик каждого из них, вот уже и попробуй разберись: кто — человек, а кто — ч у д о в и щ е, все у всех на подозрении, кровь льется, женщины визжат, дети плачут. К слову, общая идея якобы гуманна: уничтожить, взорвать, испепелить слишком жизнестойкого пришельца, чтобы он не выбрался за пределы станции, за пределы ледового континента, ибо иначе — жизнь на планете под угрозой...

Столь же яростно и безжалостно буйствуют иные представители негуманоидных инопланетных цивилизаций и в прочих киноподелках, имя которым поистине — легион. Я остановился на работах именно Карпендера лишь потому, что он — крепкий профессионал, верный кинофантастике, и в его творческом реестре есть достаточно интересные работы — не без легкого флера актуальных социальных мотивов. Но флер этот все же недостаточен, чтобы прикрыть главную цель: **н а п у г а т ь**.

Честное слово, в массе своей американская кино- и телефантастика сегодня мало чем отличается от фильмов ужасов, которые в свою очередь всю используют приемы околофантастические. Ну вот, к примеру, те же **з о м б и** являются в мир живых не с бухты-барухты, а возрожденные слишком высоким уровнем радиоактивности на планете (читай: протест против ядерных испытаний, роста вооружения и т. д.) или оживленные неким ученым маньяком (читай: все ученые, «яйцеголовые» — подозрительные негодяи, чегой-то они там химичат в своих лабораториях на денежки налогоплательщиков).

Отмечу странную, на мой взгляд, закономерность. Соединенные Штаты Америки дали миру прекрасных писателей-фантастов, чьи книги предупреждают и обличают, тревожат ум и воспитывают совесть, будоражат воображение и поощряют мечту. Не говоря уже о том, что написаны они **п и с а т е л я м и**, а не ремесленниками от литературы... А вот список фильмов, по силе, по страсти, по таланту, наконец, равных этим книгам, будет не слишком велик. Но в списке этом обязательно окажутся два фильма, о которых следует поговорить подробнее по многим причинам. Я постараюсь назвать все, но для начала упомяну первую: литературные версии этих лент представлены в данном сборнике. Я имею в виду повесть «Ип, инопланетянин и его приключения на

Земле» (в киноварианте «ЕТ», в русской транслитерации «Ити» — «экстратеррестриал» — «неземной», «пришелец») Уильяма Котцвинкла и повесть «Недетские игры» (в киноварианте — «Военные игры») Дэвида Бишофа.

Фильм «Ити» поставил режиссер Стивен Спилберг, широко и в общем заслуженно знаменитый по таким работам, как «Челюсти», «Контакты третьего рода», «Охотники за утерянным ковчегом». Каждый из названных фильмов в свое время собрал многомиллионную аудиторию и столь же многомиллионную прибыль, подвергался хвале и хуле, рождал повторы и подражания. Что и говорить, Спилберг — человек одаренный, фантазия у него куда как буйная, удержу не признающая, а профессионализма в своем ремесле ему не занимать. Но на эти прекрасные качества — фантазия плюс профессионализм! — можно списать успех «Челюстей» или «Охотников», а «Ити» — случай особый. Доминантой фильма стала доброта — прекрасное и могущественное человеческое качество, столь редко проявляющее себя в американских фантастических лентах.

Вам предстоит прочесть повесть «Ип» (удачный, на мой взгляд, русский эквивалент английской аббревиатуры), написанную автором, так сказать, по следам одноименного фильма, на его основе и отличающуюся от оригинала не столько по сюжету (сюжетных отличий как раз немного, разве что добавлено новых эпизодов), сколько по авторскому проникновению в психологию героев, вернее, по методу подобного проникновения. Литературная форма позволила Котцвинклу показать — в меру таланта, естественно! — внутренний мир юного Эллиота и его заполошной, но доброй мамы, крохотной капризули сестры и всезнайки-приятеля. И конечно, внутренний мир гостя из космоса — Ипа, престарелого ученого-ботаника, задержавшегося на Земле

по вине вполне человеческого, так понятного нам чувства неумеренного любопытства.

Фильм хорош, но и повесть тоже хороша — по своему. Хороша мягким и тоже добрым юмором, хороша точными психологическими портретами, хороша ироничными внутренними монологами всех главных героев, включая пса, с его неотвязными мыслями о «косточке». Монологи эти, бесспорно, — прерогатива литературы, в фильме никаких закадровых голосов нет: что видим, то и разумеем. Но и фильм и повесть — разными приемами! — добиваются одного и того же эффекта: уже упомянутого здесь ощущения обыкновенной человеческой доброты, коей не только в кино — в жизни иной раз недостает. И доброта эта, всемогущее чувство, способное горы своротить — чего уж там космический контакт наладить! — в первую очередь исходит от детей. Их такой простой и такой сложный мир чувств, переживаний, симпатий и антипатий, мир простых радостей и столь же простых истин оказывается куда сильнее, могущественнее и... добрее умного, рационального, всепознавшего мира взрослых.

Вот еще одна причина — главная, по-моему, — которая объединяет два фильма и две повести и которая выделяет эти фильмы из мутного потока американской кинофантастики.

Впрочем, о «Недетских играх» — позже...

А пока хочу остановиться на вот каком — характерном для американского кинематографа — явлении. Говоря кратко, я имею в виду намеренную эстетизацию уродства. В самом деле, внешний вид Ипа ничего, кроме бурного отвращения, у нормального человека вызвать не может. В повести, кстати, сие подчеркивается неоднократно — и самим Ипом, который все претотлично понимает, и соответствующей реакцией на него окружающих. Старшего брата Майкла, например. Или мамы. Или псевдоголодающей собаки по

имени Гарви. Да и в фильме это неуклюжее круглоглазое и длиннорукое существо, очертаниями смутно похожее на милого нашему сердцу Чебурашку, тоже объективно красотой не отличается. П р и в ы ч н о й красотой. Но почему же оно, существо это, легко вытеснило с многоцветных реклам, с ребячьих маек и футболок, с витрин магазинов игрушек каменнолицых красавцев типа Супермена или Флеша Гордона? Почему дети охотнее играют в уродца-инопланетянина или в столь же некрасивого, похожего на усталого лемура мудреца Йоду из фильма «Империя наносит ответный удар»? Или уж совсем не в существо, а в некую в е щ ь — пылесосоподобного робота из печально знаменитых «Звездных войн» Джорджа Лукаса, в чирикающего робота, который и говорить-то по-человечески не умеет?.. Ну, во-первых, потому что ребенку куда легче понять и принять непривычное, нежели взрослому; детское мышление, детское мировосприятие не столь пока зашорено, все истины, повторюсь, для него просты, белое — только белое, а черное — черней не придумаешь. И во-вторых (тут уж налицо хитрость авторов, точно знающих психологию ребенка), н е к р а с и в ы е герои эти сверх меры наделены тремя чертами характера — пусть даже за счет иных черт: мудростью, беззащитностью и добротой.

«Оно все может, но оно ничего не может!» — вот мысль, которая ведет ребенка чуть ли не на подвиг. В самом деле, как иначе расценить действия малыша Эллиота, решившего сразиться с целой армией ученых мужей? А юный читатель всегда отождествляет себя с героем...

Легко может возникнуть вопрос: а почему бы авторам не сделать инопланетянина привычно приятным глазу?

Хозяин, как известно, — барин. Но хозяин-барин из Голливуда — не умаляя его профессиональных и

прочих достоинств! — в первую голову профессиональный торговец. Его искусство — предмет продажи, истина общеизвестная, нет смысла в коротком предисловии повторять азы политической экономии. А в этих азах, к слову, говорится, что хорошо продает тот, кто хорошо знает запросы рынка. Но на этом кинорынке эффектно и прибыльно горят небоскребы, сталкиваются поезда, гигантские акулы поедают беспечных людей, кровавые маньяки стреляют, режут, душат, а бесстрашные и обаятельные герои проходят огонь, воду, медные трубы со щитом — чаще всего!, — а не на оном. И вдруг — на тебе! — домик в крохотном провинциальном городке, обыкновенные ребятишки, обыкновенная мама, обыкновенная собака и — такой обыкновенный пришелец из глубокого космоса! Не монстр, не красавец Супермен, а неуклюжий увалень с глазами-блюдцами, который очень любит детей, цветы и шоколадное печенье и бывает настолько неосторожен, что, отведав пива из домашнего холодильника, в ужасе принимает синдром легкого опьянения за приближающуюся смерть. Который так смешно выглядит в маминой шляпе и в платьице. Который может все и страшно нуждается в помощи!..

Хозяин-барин рискнул перевернуть стереотип кинодефицита с ног на голову и — выиграл. Ип легко и надолго завоевал не только души детей, но и души их пап, мам, бабушек, дедушек, которым — уверен! — тоже весьма надоели стреляющие, летающие, ныряющие и прочие супергерои.

Итак, ставкой на сей раз была д о б р о т а.

Ах, как не хочется думать, что великое чувство это было всего лишь с т а в к о й в большой игре, называемой кинобизнесом! Но будем реалистами: покупается — значит, продается, Голливуд иных критериев не признает...

Полагаю, что успех фильма вызвал у издателей желание заработать на книге. Явление достаточно ординарное, по многим кассовым голливудским фильмам были сделаны тексты, имеющие смутные признаки литературы. Но в данном случае произошло неожиданное: сценарий Мелиссы Мэтиссон попал в уверенные и тоже добрые руки Уильяма Котцвинкла, и книга, как уже сказано, не повторив ленту, обрела самостоятельную жизнь.

Видно, и вправду доброта на Западе стала дефицитным товаром...

Вероятно, кто-то мог бы усмотреть и в фильме и в книге некое противопоставление мира детства миру взрослому. Что ж, так оно и есть. Но какому такому «взрослому»? Миру косности, миру рутинного мышления, миру тех, с позволения сказать, мудрецов, которые хотели бы затянуть герметичной пленкой — как дом Эллиота! — все, что живет, любит, страдает, ошибается, радуется. Все, что, по мнению этих мудрецов, не правильно. Уж их бы куда больше устроил правильно красивый пришелец.

А тема нашего сборника — мир детства, мир простых, как сказано, истин и простых, как тоже сказано, радостей, которые — время такое! — рождаются отнюдь не простыми средствами. Оглянитесь по сторонам: в какие игры играют наши дети? Электронные видеомаги постепенно и неуклонно перемещаются из общественных залов с игральными автоматами в личные квартиры. На матовых экранчиках заяц убегает от волка, идут морские, воздушные и космические сражения, можно подсоединиться к большому телевизору, можно составить программы для игр посложнее...

Кстати, именно электронная игра «Скажи по буквам», принадлежавшая малышке Герти, стала основой межзвездного передатчика Ипа.

А домашняя ЭВМ Дэвида Лайтмена из «Недетских игр» неожиданно-негаданно превратила обычную игру в страшную реальность. Но разве была в том вина самого Дэвида? Впрямую — да, о том и в повести говорится, но по сути — нет, не виноват он в том, что произошло. Просто мир детства опять вольно или невольно вторгся в мир взрослых, а там — иные игры, они куда опаснее детских, не заиграться бы!..

Так детские игры превращаются в недетские, и это тоже одна из причин, которая роднит два фильма и две повести.

Повесть Дэвида Бишофа, представленная в сборнике, написана на основе сценария фильма «Военные игры», поставленного режиссером Джоном Бэдхэмом. Режиссер этот не так давно пришел в кинематограф с телевидения и сразу же завоевал немалую славу элегантным и ярким мюзиклом в модном тогда стиле «диско» — «Лихорадка субботнего вечера». Между «Лихорадкой» и «Военными играми» — пять лет разницы («Игры» вышли на экран в 1983 году), их герои, несмотря на одинаково юный возраст, принадлежат к разным поколениям, но любопытно отметить характерное сходство: они изо всех сил стараются уйти от окружающей реальности, спрятаться от нее в придуманном мире собственных увлечений, в крохотном мире, возведенном ими в ранг целого мира. Тони Манеро из «Лихорадки» фанатично любит дискомузыку. Дэвид Лайтмен столь же фанатично подменяет настоящую жизнь электронными играми, смоделированными им на экране старенького телевизора. Дэвид, несомненно, талантлив, это авторами задано изначально, а посему его домашний компьютер творит истинные чудеса, которые, конечно же, куда привлекательнее, нежели обрыдлые школьные будни. С помощью компьютера юному герою легко и просто чувствовать себя едва ли не властелином страны

и в итоге — сделать неожиданный и опасный шаг к обретению реальной власти, тоже неожиданной и тоже опасной.

Тут мне хочется сделать маленькое отступление. Автор предисловия находится в весьма щекотливом положении. Зная содержание повестей, вошедших в сборник, естественно желая подробнее проанализировать их, он тем не менее крепко связан по рукам и ногам. Любой анализ требует опоры на сюжет, а пересказ сюжета здесь (особенно «Недетских игр») абсолютно недопустим. Сюжет «Недетских игр» строится по законам детективного жанра, читательский интерес подогревается от страницы к странице, от эпизода к эпизоду, и грешно заранее убивать этот интерес. Поэтому, не выдавая важных подробностей, ограничусь лишь пересказом главной идеи повести, идеи, которая, кстати, довольно скоро становится предельно ясной и зрителям и читателям. Авторы говорят о тревожной непрочности мира на нашей планете, когда малейший — никем не предусмотренный! — неосторожный шаг может вызвать цепную реакцию военных действий. Ученые-статистики сегодня довольно точно подсчитали, сколько килограммов, центнеров, тонн ядерных запасов накоплено на планете, сколько их приходится на душу каждого из четырех с лишним миллиардов людей Земли. За последние годы информационные агентства не раз сообщали поистине страшные факты о ложных ядерных тревогах, приводивших в боевую готовность военную машину Соединенных Штатов Америки. Американская пропаганда постоянно кричит о строжайшем контроле над «пусковой кнопкой», о том, что с л у ч а й н о с т ь здесь исключена на чистом, но реальная действительность подтверждает иное.

Прогрессивные западные писатели и кинематографисты не раз обращались к пресловутой проблеме «пусковой кнопки», к проблеме первого ядерного удара.

Можно вспомнить романы Ф. Нибела, Ч. Бейли, фильмы С. Креймера и С. Кубрика, этот список можно множить и множить, но факт остается фактом:

случайность вовсе не исключена. В фильме Бэдхэма и повести Бишофа случайность представлена в облике славного юноши, малость не от мира сего, добрейшего и незлобливого парнишки, который именно случайно дотянулся до этой кнопки. Но то, что произошло дальше, случайностью не назовешь. Да, действия армейских «ястребов» вполне закономерны и достаточно осмысленны, но не человеческий здравый смысл руководит ими. Злая ирония авторов заставляет их следовать безликой логике машинного мышления, превращает их — людей! — в некий придаток к электронно-вычислительному комплексу, коему и доверено решать судьбу человечества.

В чем разница между невинными играми семнадцатилетнего парня и отнюдь не детскими играми облеченных властью решать дядей в армейских мундирах? И там и там — кнопки программных устройств. И там и там — телевизионные экраны-дисплеи. И там и там — одинаковые знаки-символы на экранах... Да, цели и методы детских игр Дэвида и не детских «игр» взрослых сравнивать не просто трудно — бессмысленно! Авторы и не сравнивают. Авторы просто-напросто надеются молодость куда более здравым смыслом, и это тоже сближает два фильма и две повести...

В «Ипе» дети спасают милейшего инопланетянина от рук ученых мужей, намертво прикованных к своим сложнейшим приборам, просто не представляющих без этих приборов не только контакта с инопланетянином, но и собственного существования. В «Играх» Дэвид и его подружка спасают мир от рук мужей военных и воинствующих, тоже намертво прикованных к своим

компьютерам, которые — таково мнение! — не могут ошибаться.

Позволю себе сообщить то, о чем читатели, думаю, догадаются сразу: все кончится благополучно. Справедливость и здравый смысл, который воплощают дети и в «Ипе», и в «Играх», восторжествует. В общем-то, сказка, конечно, по жанру, но, как во всякой сказке, есть здесь намек: а не слишком ли свысока смотрим мы на наших детей? А не посмотреть ли нам на них с н и з у вверх: им жить в двадцать первом веке. Если мы — в двадцатом! — дадим им такую возможность...

Мишель Гримо, автор повести «Город, лишенный солнца», в этой возможности не сомневается, но будущее, которое он показывает, которое — по его допущению — уготовано нашим детям, выглядит куда как мрачно. Свежий воздух — за деньги. Деревья и трава — избранным. Жизнь в городах — медленная, но верная смерть от удушья... И опять разумной силой в мире будущего выступают юные, которые впрямую, своей открытой борьбой призывают взрослых: опомнитесь! Остановитесь! Оглянитесь хорошенько... (Кстати, под псевдонимом Мишель Гримо с 1968 г. печатаются Марселла Перрион и Жан Луи Фресс, известные во Франции как авторы романов для молодежи.)

Одно короткое воспоминание. Теплым октябрьским днем в Токио довелось мне быть свидетелем антивоенной демонстрации. Мужчины, женщины несли красные транспаранты с белыми знаками иероглифов, те же — или похожие? — иероглифы читались на лентах, стягивающих волосы. Машины притормаживали, полицейские в крепких шлемах невозмутимо взирали на процессию. Вместе со взрослыми шли и дети, даже совсем малышня — нашего детсадовского возраста. В руке узкоглазого круголицего мальчишки лет семи я увидел бумажный плакатик с двумя столбиками иероглифов.

— Что там написано? — спросил я переводчика.

Тот взгляделся, усмехнулся.

— Забавный текст. Так примерно: «Вы хотите знать, как жить дальше? Спросите у ваших детей».

Я поймал взгляд мальчишки, подмигнул ему, улыбнулся. Он не ответил улыбкой, приподнял свой плакатик, показал его мне: мол, лучше прочти, пойми и задумайся.

Я понял и задумался. Может, и вправду спросить?

Сергей Абрамов

Дэвид Бишоф

Недетские игры

Фантастическая повесть по сценарию
Лоуренса Ласкера и Уолтера Паркса

Перевод с английского
М. Беленького



David Bischoff

WAR GAMES

Based on the original screenplay written by
Lawrence Lasker and Walter F. Parkes

Penguin Books 1983

© United Artists Corporation, 1983.
Published by Arrangement with
Dell Publishing Co., Inc., New
York, N.Y., U.S.A.

*Кэт Эннис,
с особой нежностью*

Пролог

Снег.

Хлопья валили густо, как помехи на телеэкране, приглушая рычание автобуса, везшего двух офицеров ВВС на ночное дежурство, которое не сулило им ничего, кроме смертельной скуки.

— Заступать в такой денек на защиту отечества — не подарок, а? — сказал лейтенант Олмер. Руки его крутили руль с небрежной уверенностью опытного водителя, привыкшего одолевать снежные заносы, но глаза напряженно следили за обледенелой дорогой, петлявшей по склонам Северной Дакоты. Мириады снежинок мельтешили в лучах фар, снижая видимость почти до нуля.

— Н-да, небо свалилось в долину Красной реки, — буркнул спутник Олмера. — Правда, когда я служил на Аляске, там бывало и похуже.

Капитан Джерри Халлорхен поплотнее запахнул парку и покосился на испорченную печку. «Какие мерзавцы заказывали для авиации эти фургоны? — подумал он. — Электронной начинки в них хватает, чтобы вести по курсу эскадрилью «Голубых ангелов», но обогреть кабину они не в состоянии».

— Доберемся до места, получим медаль, — предположил Олмер, переключая перед легким подъемом рычаг на вторую скорость.

— Упаси боже, лейтенант, заработать медаль за дежурство на кнопке, — отозвался Халлорхен, зябко вдавливаясь в сиденье. — После этого может не

остаться живой души, чтобы прицепить герою награду на облуженную грудь!

Халлорхен издал хриплый смешок и трубно высморкался в платок.

Так и есть. Начинался насморк. У него явная аллергия на снег. Как только дождется выслуги, непременно попросит перевод куда-нибудь в теплые края вроде Аризоны. Глэдис понравится там. Ребятишкам тоже. А его нос просто оживет.

Халлорхен высморкался и вздохнул. Из рта вырвалось облачко пара.

— Вы начали рассказывать о хипповой подружке, которая была у вас. Шила ее звали? — спросил Стив Олмер, возвращая рычаг на третью скорость. — Интересная особа.

— О, да, — улыбнулся воспоминаниям Халлорхен. — Мы познакомились, когда я служил на авиабазе «Эндрюс». Горячие были денечки, точно. Марши протеста, тяжелый рок и свободная любовь. Шила была в самой гуще, настоящая радикалка. Боже, узнай она, чем я занимаюсь с е й ч а с, ее бы удар хватил! Когда она не ходила дышать слезоточивым газом на демонстрациях в Мэрилендском университете, то таскала меня смотреть годаровские фильмы, «Хиросима, любовь моя». «Доктора Стрейнджлава» мы смотрели раза три, не меньше!

— Антиядерная особа, — мрачно уточнил Олмер.

— Да. Но ей можно было простить все, — почти оправдываясь, сказал Халлорхен. — Девушка — полный восторг! Даже в восточной мистике разбиралась, — по-настоящему, понимаешь?

Олмер склонился к стеклу, взглядываясь в темень впереди.

— Подъезжаем к центру, — сообщил он.

— В самый раз! — Халлорхен тряхнул планшет, пристегнутый стальным браслетом к запястью левой руки. — Мама подвязывала мне варезки таким спосо-

бом. Начальство явно консультировалось с ней, прежде чем прицепить меня к этой штуковине.

— Не иначе, — рассмеялся Олмер, подруливая к стоянке возле железных ворот.

— Вылезаем! — Халлорхен, не без труда двигая застывшими конечностями, открыл дверцу и спрыгнул в хрустящий сугроб. Ветер резанул по лицу и заставил прижаться к автобусу. Капитан чертыхнулся и попытался поднять голову. Снег слепил глаза. Он натянул на голову капюшон. Впереди сквозь пелену вырисовывался силуэт строения, похожего на обычный фермерский дом. Лейтенант Олмер уже брел туда, скособочившись от ветра.

— Засунули ракеты в морозильник, — пробурчал Халлорхен; его могучая фигура, качнувшись, двинулась следом.

Олмер добрался до двери первым и встал, пропуская вперед командира. Войдя в теплое помещение, Халлорхен снял облепленные снегом унты, парку и остался в небесно-голубом комбинезоне с надписью «РАКЕТНОЕ КРЫЛО» на спине. Вокруг шеи у него был повязан алый платок.

— Здесь, пожалуй, поуютней, чем на улице, а? — заметил капитан, взясь с замком на планшете.

— Точно, — согласился Олмер, расплываясь в улыбке.

Халлорхен наконец справился с замком и вытащил из планшета красную пластиковую папку. Подойдя к пуленепробиваемому стеклу, он просунул папку в прорез сидевшему в будке охраннику.

Лицо за стеклом не выразило никаких эмоций. Охранник раскрыл папку, внимательно изучил впаиваемые в пластмассу пропуска с фотографиями, после чего сличил снимки с оригиналами. Затем снял трубку и набрал номер.

— Дежурная смена прибыла, сэр, — сказал он.

Губы его тронула едва заметная улыбка. — Совершенно верно. — Он положил трубку, — Проходите. Еще минут двадцать, и мы бы начали разыскивать вас.

— Угу, — отозвался Халлорхен. — Должен предупредить тебя, малыш, — обратился он к Олмеру, — болтаться возле ракетного комплекса «Минитмен III» не рекомендуется. Здесь сначала стреляют, потом спрашивают.

Охранник покачал головой на мрачную шутку и нажал кнопку. Раздалось легкое гудение, дверь открылась. Офицеры прошли в охраняемую зону.

Дневальный, еще раз взглянув на фотографии, вернул красную папку. Затем он вынул из сейфа два пистолета в кобуре и выложил их на стол перед ракетчиками.

Олмер пристегнул оружие к поясу.

— До завтра, — кивнул он охраннику.

Шаги гулко отдавались в коридоре. Халлорхен на ходу пристегивал портупею.

Молоденький часовой возле дверей лифта внимательно следил за их действиями, бдительно сжимая автоматическую винтовку М-16. Офицеры не удостоили его вниманием. Лейтенант Олмер утопил кнопку, а когда двери раскрылись, пропустил старшего по званию в кабину.

— Да, так вот, — с удовольствием продолжал рассказ Халлорхен, — частенько я слышал, как Шила ночь напролет распевала заклинание «о мане падме ум, о мане падме ум».

— Над р о с т к а м и? — не поверил Олмер.

— Именно! Простирала над ними руки и пела часами. Зато ты бы видел, какая вырастала травка — заглядень!

Двери лифта разъехались, открыв подземный этаж стартовой базы. «Бетона и стали здесь хватило бы на постройку целого города, — подумал Халлорхен. —

Пятимегатонная боеголовка для этого сооружения — все равно что ярмарочная шутиха, это я вам говорю!»

Едва Халлорхен шагнул мимо посторонившегося Олмера из лифта, как завыл сигнал тревоги.

Халлорхен подбежал к стальной двери, набрал шифр на клавиатуре кодового устройства и произнес в микрофон внутренней связи:

— Говорит капитан Халлорхен. Передаю свои данные. — Набрав воздуха, он отчеканил: — Лима. Оскар. Ноябрь. Лима. Виски. Гольф. — Он подмигнул Олмеру.

Сирена смолкла, но у Халлорхена в ушах все еще стоял вой. Всегда было так. «Должно быть, действует подземелье», — решил он.

Зажужжали невидимые двигатели, оттягивая массивные затворы. Перед ними открылся очередной коридор, который заканчивался второй стальной дверью. Офицеры остановились перед ней.

— Вызывает Эвон, — сказал в стенной микрофон Халлорхен.

Дверь раскрылась.

Они небрежно отковыряли закончившей дежурство смене.

Командир ракетного комплекса, капитан Эд Флэндерс поднялся со стула возле щитка управления дверями, сладко потянулся и погладил живот.

— А мы уже беспокоились о вас, ребята, — он взглянул на своего помощника, лейтенанта Моргана, сидевшего возле пускового пульта; тот снимал отсчеты приборов и фиксировал их на карточке. — Что, замело дороги?

— Здесь есть дороги? — язвительно осведомился Халлорхен.

Помещение, в котором им надлежало коротать ночь, представляло собой комнату размером три метра на шесть, оборудованную всеми атрибутами технотронной выдумки. Мигали сигнальные лампочки. Урчали венти-

ляторы. К легкому запаху электричества примешивался аромат отсыревших носков и крепкого кофе. Из стен рядами выступали панели высокочастотных передатчиков, переключателей, воздухоочистителей и систем жизнеобеспечения. В углу стояло скоростное печатающее устройство, связанное напрямую со штабом командования стратегической авиации (КСА). В другом углу тихо гудел холодильник. В третьем нагло белел унитаз. Оба пульта управления запуском имели по компьютерному терминалу с панелями индикации готовности каждой из десяти ракет комплекса.

В стену командного пункта был вмонтирован ярко-красный сейф с двумя замками.

Капитан Флэндерс присмотрелся к Халлорхену и недоверчиво указал пальцем на его лицо:

— Это что такое?

Джерри моргнул.

— Это? Усы! — возмущенно произнес он.

— Новое обличье, — добавил Олмер.

Морган положил карточку и двинулся к открытой двери.

— Ну-с, джентльмены, — сказал капитан Флэндерс, следуя за ним, — желаю приятно провести время!

Пока Халлорхен запирает за ушедшей сменой стальную дверь, Олмер отстегнул кобуру, повесил пистолет на крюк и со вздохом опустился на красное сиденье у своего пульта. «Совсем еще свеженький парень, — подумал Халлорхен, подходя к зеркалу. — Но осваивается быстро, надо отдать ему должное. Уже приступил к проверке оборудования».

Халлорхен уставился на собственное отражение. Глэдис закатила ему из-за усов целую сцену — видите ли, они колются при поцелуях. Правда, в последнее время они целовались не часто.

Олмер был весь в работе.

— Третья установка не реагирует на сигнал, сэр. Остальные девять птичек в полном порядке.

Халлорхен пощипал усы. «А мне нравится», — подумал он.

Олмер продолжал бойко нажимать на кнопки. Замигал ряд лампочек. Сработал звуковой аварийный сигнал. Щелкнув тумблером, лейтенант отключил его.

Халлорхен заглянул в холодильник. Молоко для кофе. Несколько пачек зефира в целлофане. Упаковка плавленых сырков, пролежавших здесь уже добрую неделю. Немного фруктов. От их вида у Халлорхена во рту набежала слюна. Он выбрал яблоко порумяней и обернулся, чтобы взглянуть, как идут дела у подчиненного.

С хрустом откусил яблоко. Кислое. Как и предполагал.

Красная лампочка на панели упрямо отказывалась гаснуть после отжатия кнопки сброса.

— Красный сигнал, сэр, — напрягся Олмер.

Халлорхен подошел ближе.

— Что там?

Глаза Олмера неотрывно сверлили панель, словно там появилось привидение.

— Восьмая установка. Не отключается, — произнес он подчеркнуто ровным тоном.

— Стукни-ка по сигналу, — хмыкнул Халлорхен.

Олмер с явным облегчением постучал пальцем по сигналу. Тот немедленно погас.

Олмер продолжил проверку систем, а Халлорхен шагнул к своему пульта, расположенному в трех метрах от первого, сел в кресло, пробежал пальцами по кнопкам, после чего задрал ноги на край консоли и, достав щипчики, стал подравнивать ногти. Рассказ о Шиле всколыхнул воспоминания.

Халлорхен перелистнул страницу детектива. «Лихо работает этот Спенсер, — подумал он. — Надо будет посмотреть другие книги Роберта Паркера». Капитан настолько увлекся детективной интригой, что вздрогнул, когда из динамика донесся чуть гнусавый голос:

— Ласточка, Ласточка! Я — Нокаут. Сообщение «Молния-альфа» в двух частях. Приготовиться к приему.

Роман плюхнулся на пол. Движения Халлорхена были отточены до автоматизма. Вскочив, он схватил с полки над консолью книгу формуляров и быстро пролистал ее. Где же этот проклятый? Ага, вот. Голубая пластиковая карточка с названием «МОЛНИЯ-АЛЬФА /ОПРУ». Он взял карандаш.

«Странная история», — мелькнуло у Халлорхена.

— Приготовиться к записи сообщения, — приказал он.

— Готов, — откликнулся Олмер, выкладывая свой формуляр.

Голос в динамике заговорил снова:

— Молния-альфа... Молния-альфа. Ромео. Оскар, Ноябрь, Чарли, Танго, Танго, Лима.

Халлорхен быстро заполнил кодовыми буквами пробелы в формуляре.

— Идентификация, — продолжил голос. — Дельта, Лима, Золото, два, два, четыре, ноль, девять, Танго, Виктор, Рентген.

Халлорхен по-прежнему действовал совершенно автоматически. Шаг к сейфу. Олмер уже стоял там. Халлорхен начал набирать комбинацию на своем замке и успел на мгновение опередить Олмера. Поднял дверцу сейфа. Офицеры взяли лежавшие на полке хромированные ключи и пластмассовые идентификаторные карточки с надписью «МОЛНИЯ-АЛЬФА».

Шагнув назад к пульту, Халлорхен нервно распечатал свой идентификатор. Пальцы его слегка дрожали.

Он сделал долгий глубокий вдох и сложил карточку с формуляром. Код на идентификаторе был тот же, что передали по радио.

Они совпадали!

На дисплее появилась комбинация букв и цифр. Халлорхен внимательно всмотрелся в нее.

То же самое!

— Гадство! — прошептал Олмер.

Халлорхен неотрывно следил за экраном.

— Так, спокойно, — сказал он самому себе.

— Запросим подтверждение, у какого-нибудь осла мозги могли съехать набекрень.

Халлорхен аккуратно набрал запрос на своем терминале. В трех метрах от него то же самое проделал лейтенант Стив Олмер.

— Ну, детка, — произнес Халлорхен сквозь стиснутые зубы. — Скажи, что это ошибка!

Буквы беззвучно проползли по экрану:

ПРИКАЗ НА ЗАПУСК ПОДТВЕРЖДАЮ.

НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ ЗАКОНЧЕНО.

ВКЛЮЧИТЬ ПРЕДСТАРТОВУЮ ПОДГОТОВКУ.

ВРЕМЯ ДО ПУСКА: 60 СЕКУНД.

НАЧАТЬ ОТСЧЕТ.

Несколько долгих секунд Халлорхен смотрел на текст. Голос в динамике вывел его из оцепенения.

— Шестьдесят... пятьдесят девять... пятьдесят восемь...

— О боже! Это по-настоящему! — без всякого выражения произнес Олмер.

Халлорхен облизнул губы.

— О'кей. Приступаем.

Слова вырвались у него совершенно автоматически: восемнадцать лет в авиации не прошли даром. Устроившись поудобней, он пристегнулся ремнем к сиденью. Руки действовали сами собой, но недоумение не проходило.

Вас учат, как надлежит действовать; вас учат, что это должно быть сделано; но вам не говорят, что вы должны чувствовать, когда такой приказ обрушивается на ваш командный пункт.

Халлорхен взял вынутый из красного сейфа ключ и вставил его в гнездо, на котором были обозначены три позиции — «ВЫКЛ», «УСТАНОВКА», «ЗАПУСК».

Все еще автоматически Халлорхен приказал:

— Ввести код разблокировки.

Пальцы Олмера пробежали по кнопкам. Его голос звучал все так же монотонно:

— Есть код разблокировки.

Где-то в самой глубине сознания капитана Джерри Халлорхена, пробиваясь сквозь автоматизм, сквозь удивление, сквозь все остальное, зазвучал чей-то тихий голосок.

— Гм, — он прочистил горло. — Ключ в гнездо.

— Есть ключ в гнездо.

Он узнал голос. Шила. Шила, произносящая одну из своих тирад по поводу ядерной войны.

— О'кей, — сказал Джерри, глядя прямо перед собой. Сердце колотилось сильнее, во рту стало сухо. — Слушай мою команду. Ключ на «установку».

Он повернул ключ, зная, что Олмер одновременно повернул свой.

— Есть, — подтвердил лейтенант. — Ключ на «установке».

В памяти Джерри Халлорхена возникла Шила. Ее слова: *Беда в том, что ограниченный мозг военных не в состоянии охватить проблему в полном объеме. Речь идет об оружии, которое унесет миллионы человеческих жизней только из-за того, что люди придерживаются различных идеологий. Сгорит живая плоть, разум, надежда, любовь. Неминуемо погибнут все ценности... и, возможно, навеки. Вообрази это, Джерри. В о о б р а з и!*

— Сэр? — спросил лейтенант Олмер.

— А...? — очнулся Джерри. — Включить предстартовую подготовку.

Лейтенант Олмер щелкнул тумблерами защитных переключателей. Он был весь поглощен производимыми действиями, четко соблюдая предписанный инструкциями порядок.

— Первая готова..., вторая готова, — бубнил он. — Третья готова.

Десять ракет были готовы вырваться из стартовых шахт, волоча за собой хвосты адского пламени, взмыть сквозь снежный вихрь в стратосферу и лечь на заданную траекторию. Половина будет сбита в небе, но остальные, как предполагалось, достигнут стратегических целей.

— Шестая готова.

Джерри внезапно обдало жаром.

— погоди секунду, — бросил он. — Попробую выяснить по телефону.

Он схватил трубку. В уши ворвался пронзительный визг. *Господи, нас предупредали, что именно так и будет, если...*

Он швырнул трубку на рычаг.

— Все установки готовы, — доложил Олмер.

— Свяжись с командиром крыла по своему телефону! — приказал Халлорхен с отчаяньем в голосе.

Олмер, словно цепляясь за соломинку, снял свою трубку. Тот же леденящий душу визг. Лейтенант повернулся к Халлорхену, в глазах его стоял немой вопрос: неужели все?

Халлорхен сжал кулаки. Оставалась последняя надежда.

— КСА! Попробуй вызвать штаб КСА по ВЧ!

— Но, капитан, по инструкции мы не...

— Плевать на инструкцию! — загремел Халлор-

хен. — Неужели никто не подойдет к этому чертову телефону прежде, чем я убью двадцать миллионов человек!

В голове опять зазвучал голос Шилы: *Ты видел когда-нибудь ожоги от радиации, Джерри? Видел, во что превращают людей радиоактивные осадки?*

Олмер лихорадочно нахлобучил на голову наушники, воткнул штекер в передатчик высокочастотной связи, нажал кнопку вызова и замер, вслушиваясь.

— Молчат, — вздохнул он. Глаза его округлились. — А может, они уже... испарились?

Халлорхен часто задыхался. Там снаружи была Глэдис. И дети.

— О'кей. Слушай мою команду. Ключ на запуск.

«Вы отличный офицер, капитан Халлорхен, — сказали они. — Сколько вам осталось до полной выслуги — десять лет? Прекрасный послужной список. Да, мы считаем вас подходящей кандидатурой. Надеемся, вы понимаете, что это назначение является высшей честью для офицера... Но оно сопряжено также с тяжелой ответственностью».

— Есть, — отозвался Олмер. — Готов к запуску.

«В ваших руках окажется судьба Соединенных Штатов Америки, капитан Халлорхен, — сказали они. — Родина надеется на вас...»

— Тринадцать... двенадцать...

Записанный на пленку голос продолжал автоматически отсчитывать время. Халлорхен стал повторять:

— Одиннадцать... десять...

Слова Шилы снова заполнили сознание: *Ты же не машина, Джерри, ты — человек. Поэтому ты и дорог мне! Не позволяй этим мерзавцам задурить тебе голову!*

Слова упрямо не хотели слетать с уст Халлорхена. Они застряли в глотке. Капитан опустил руку.

Олмер повернулся к командиру. На его лице читалась явная тревога.

— Сэр! У нас п р и к а з !

Халлорхен молча смотрел на лейтенанта. Олмер выдернул из кобуры пистолет 38-го калибра и навел на своего начальника.

— Ключ... положите руку на ключ, сэр, — произнес Олмер почти умоляющим тоном.

— Шесть... пять... четыре, — продолжал бесстрастный голос в динамике.

Глядя перед собой невидящим взором, Халлорхен покачал головой.

— Не могу.

На дисплее монитора появились цифры отсчета в буквенной записи.

— Три... две... одна... ПУСК!

Голос Шилы звучал теперь совсем издалека, но все же отчетливо: *Хоть раз в жизни, Джерри Халлорхен, ты должен принять решение исходя из этических, нет — моральных соображений. Поступить по велению совести!*

Олмер был в отчаянии. Голос его перешел в дрожащий фальцет.

— Сэр... Приказ на запуск! П о в е р н и т е к л ю ч !

Джерри сидел не шевелясь, чувствуя спокойствие и смирение, полностью приемля свою судьбу.

Повернувшись к лейтенанту Олмеру, он четко произнес:

— Не могу.

Сверлящий уши визг заполнил крохотное пространство подземного помещения. Командир ракетного комплекса Джерри Халлорхен молча ждал следующего мгновения. Будь что будет.

1 О конце света возвестил не грандиозный взрыв и даже не шлепок, — нет — просто наступила полная тишина.

Над зелено-бурой поверхностью планеты Земля выросли грибовидные облака. По Северной и Южной Америке зигзагами пробежали трещины, и оттуда равными ключьями завихрился дым.

— Какого черта? — спросил Дэвид Лайтмен.

Он отложил в сторону дистанционный пульт управления и покрутил колесико «громкость» небольшого, выдавшего виды цветного телевизора «Сильвания». Шума и треска стало еще больше, но звук не вернулся. Изображение Земли на экране разлетелось на мелкие кусочки, и ярко-малиновые буквы оповестили: КОНЕЦ.

Дэвид Лайтмен откинулся на стуле и хлопнул себя по лбу.

— Подпрограмма финального взрыва!

Ну конечно, он совсем забыл про эту глупую штуку! Дэвид рассмеялся. Все остальное, что он написал для программы «Разрушители планеты», было замечательно! Не хуже, чем кассеты с игрой «Звездные налетчики» фирмы «Атари». В его варианте изображение на экране и звуковые эффекты были даже лучше.

Семнадцатилетний паренек щелкнул тумблером на потертой клавиатуре компьютера «Альтаир» и выключил дисковод операционной системы; тот со скрежетом остановился. Н-да, неплохо было бы достать новые дисководы. Но свой «Альтаир» он не променяет ни на что. Вместе с дополнительными блоками памяти и периферийными устройствами этот аппарат был шедевром изобретательности — собран по винтикам, скреплен кое-где жевательной резинкой, но работал отлично.

Конечно, если ему с неба свалится новый компьютер последнего поколения, он не станет отказываться. Но то, что есть, его вполне устраивает, спасибочки. Пусть система выглядела как электронное кладбище в спальне, зато была его собственностью.

Дэвид вздохнул, выключил купленный по случаю

вспомогательный дисковод, подождал, пока погаснет контрольная лампочка, и вновь включил «Альтаир».

ГОТОВ, — немедленно сообщил экран.

Дэвид почесал сквозь футболку живот и задумался. Вроде он составил программу электронной игры по всем правилам. Ловушка для космических пиратов лихо построена, сторожевые космические корабли вокруг Земли — просто блеск, а финальный взрыв, когда Земля разлеталась на куски, возвещающая победу игрока, был просто потрясный. Не стоило даже распечатывать целиком.

— Ладно, попробуем еще разок.

Он набрал на клавиатуре ДОС — дисковую операционную систему. После короткой паузы на экране появилась распечатка всех частей программы «Разрушители планеты».

Ага, вот оно что. Он забыл ее кодовое название: «КРАХ».

Подпрограмма занимала пять секторов на старом диске «Элефант».

Гм-мм. Придумать бы, как ее правильно связать с графической подпрограммой...

Он снова вызвал Бейсик и ввел команду РАСПЕЧАТАТЬ «КРАХ».

На экране тут же появились четко пронумерованные строчки. Дэвид мог программировать и в машинных кодах, но эту программу проще было написать на языке Бейсик.

Он включил стоявшую рядом электрическую пишущую машинку ИБМ-1, которую использовал в качестве буквопечатающего устройства, и ввел команду: ПЕЧАТАТЬ.

Старая машинка мучительно медленно начала работать. Эх, достать бы приличное АЦПУ*... или хотя бы

* АЦПУ — алфавитно-цифровое печатающее устройство. — *Здесь и далее примечания переводчиков.*

матричную печать. Но никуда не прыгнешь — придется обходиться старенькой машинкой ИБМ; с финансами туго — карманных денег, что давали родители, кот наплакал, а приработок — грошовый.

— Дэвид! — позвал снизу отец. Старик никогда не удосуживался подняться и постучать в дверь. Он просто орал, стоя возле нижней ступеньки. — Дэвид! Обед готов!

Дэвид со вздохом подошел к двери.

— Еще минуточку, о'кей?

— Еда подана. Второй раз звать не буду.

Чччерт! Когда мама готовила обед, отец садился есть, даже не спросив, где сын. Но когда мама уезжала торговать недвижимостью и старик кухарил сам, присутствие было обязательно, хотя в готовке Гаролд Лайтмен смыслил столько же, сколько в квантовой механике.

— Сейчас! Только вымою руки.

Дэвид подошел к печатающему устройству.

Чик-чик-чик, изрекла ИБМ, прижимаясь шаром к обратной стороне формуляров на продажу земельных участков, — мама дала ему целую кипу своих бланков, и сейчас на них выстраивались четкие буквы и цифры.

— Давай, давай, шевелись! — сказал он, нетерпеливо постукивая по зеленому корпусу машинки.

Дэвид рассеянно оглядел комнату. Кавардак тот еще. Одежда разбросана по кровати и по полу. Если мама заглянет, ее хватит удар. Хорошо, что он держит свою комнату на замке. С отцом все было в порядке: тот считал комнату сына чуланом, где слабоумный отпрыск предается дурацким забавам, чуждым всякому благоразумному человеку.

— Дэвид! Я сейчас разозлюсь по-настоящему!

— О'кей! О'кей!

Машинка напечатала последнюю часть программы, Дэвид схватил толстый блокнот, шариковую ручку,

вырвал страницу из валика ИБМ и кубарем скатился с лестницы.

Сев за обеденный стол, паренек шмякнул все принесенное рядом с тарелкой. Отец стоял у плиты, и когда он повернулся, Дэвид увидел, что отец в фартуке. Ну, дает!

— Готовил уроки? — осведомился Гаролд Лайтмен.

— Уже отстрелялся, — ответил сын, раскидывая бумаги на аккуратно сервированном столе.

— Хотелось бы, чтобы в этом полугодии оценки были получше.

Дэвид, на секунду оторвавшись от печатного текста, поднял глаза на отца.

— Будут. Обещаю.

— Хорошо, — мистер Лайтмен двинулся к столу, помешивая варево.

Дэвид, не веря глазам своим, уставился на дымящееся содержимое кастрюльки.

— Сосиски с горошком? И ради этого я мчался сюда сломя голову?!

Мистер Лайтмен поправил пенсне. Его круглое лицо приняло обиженное выражение.

— Между прочим, это мое фирменное блюдо. Сюда добавлен жареный лук, перец, специи, вустерский соус, бекон... На гарнир — салат-латук и помидоры, — он указал на стеклянную вазу с увядшими овощами. — Как тебе известно, мама последние дни очень занята.

— Н-да, — Дэвид вывалил себе на тарелку коричневый ком.

Мистер Лайтмен сел за стол и принялся жевать, нахмутив брови.

«Так, посмотрим, — подумал Дэвид. — Достаточно ли номеров я здесь оставил? Если переход ИДИ НА вставить сюда, то...»

— Не скрою, Дэвид, мне было бы приятно хоть когда-нибудь побеседовать с тобой за столом, как при-

нято у нормальных людей. Но ты вечно утыкаешься в свою компьютерную галиматью или псевдонаучную фантастику. Скажи, есть ли предел дурацким занятиям?

— Па, но для меня это очень важно, — рассеянно ответил Дэвид.

— Угу, — отец полил свой салат заправкой из бутылки с наклейкой «Остров Таузенд». — И над чем же ты трудишься?

— Составляю программу для одной игры.

— Очень интересно.

— Да. Если удастся продать ее, можно будет заработать.

— И как же называется это прибыльное произведение?

— Секрет. Когда закончу, может быть, покажу тебе.

— А почему не сейчас?

— Ты не поймешь. Она еще не отлажена. И потом, я хочу запатентовать ее.

— Если получишь гонорар, подумай о покупке нового костюма, Дэвид. Возможно, тебе захочется одевать его почаще, отправляясь в церковь. Пастор Клинтон уже осведомлялся о тебе.

— Беспокоится о моей душе, да?

— Он любит тебя, Дэвид.

— Как же! Ему просто надо заполучить еще одну душу в лоно церкви и получить у Христа дополнительное очко! Для него это игра.

— Ну, это как раз твоя стихия.

— Ммм?

— Ты ведь только и занят электронными играми ... денно и ночью.

— Вся жизнь — игра, па.

— Но надо уметь выигрывать, правильно?

— Не. Надо уметь д е л а т ь игры.

Отец безнадежно вздохнул. Дэвид вернулся к про-

грамме. Папа вообще-то неплохой человек, только чокнутый малость. Неправильно запрограммирован. Дэвид представил, как бы это могло выглядеть на дисплее ЭВМ:

10 ПРИМЕЧАНИЕ: ГАРОЛД ЛАЙТМЕН

20 НАПЕЧАТАТЬ: «ЖИЗНЬ ОБЫВАТЕЛЯ»

30 ЕСЛИ ХОРОШО, ТО ИДИ НА НЕБЕСА

40 ЕСЛИ ПЛОХО, ТО ИДИ В АД

Быстро набросав несколько строчек программы, отвечающей за воспроизводимый звук, он отложил блокнот и стал торопливо доедать. Сейчас надо будет подскочить наверх и прогнать ее на машине.

Гаролд Лайтмен промокнул губы бумажной салфеткой и аккуратно сложил ее.

— Дэвид, сегодня вечером собрание молодежной церковной лиги. Я подумал, раз мамы нет дома, мы могли бы пойти вдвоем...

— Спасибо, па, не могу.

Отец расстроено мотнул головой и встал из-за стола. Минуту спустя из кухни донесся стук брошенной в мойку тарелки. Гаролд Лайтмен с красным лицом влетел в комнату и возбужденно заговорил:

— Будь это дурацкий видеоклуб, фильм серии «Р»* или концерт панк-рока, ты бы помчался задрав хвост!

— Па, не надо. Сейчас это уже не панк, а «новая волна».

— Мне все равно, как это называется, Дэвид. Для меня это — мусор!

Дэвида передернуло. Обидно, когда тебя не понимают. Он поднял вилку с куском сосиски.

— А знаешь, па, очень вкусно.

— Не пытайся уйти от разговора.

— Остынь, па. Я не хочу идти на собрание церков-

* Фильм, на который подростки допускаются только с родителями.

ной лиги. Я вообще никуда не пойду, потому что хочу закончить свою программу. О'кей?

— Бред какой-то. У меня впечатление, что компьютер тебя увлекает больше, чем девочки. Мать интересовалась, кто твоя подружка. Пустой вопрос. У тебя никого нет.

Дэвид пожал плечами и отхлебнул молока из чашки.

— Па, давай договоримся. Не приставай, о'кей?

— Что ты нашел в этих железках? Как можно часами — д н я м и ! — просиживать взаперти, уставившись на экран, набирать цифры на клавиатуре и уничтожать космических пришельцев или кто там они у тебя!

Дэвид встал, собрал свои листочки и сунул их под мышку.

— Это такой кайф, па!

— Ты даже не доел, Дэвид.

— Отдай Ральфу. Он за домом возле мусорного бака.

Гаррод Лайтмен с беспомощным смешком возвел глаза к потолку, словно апеллируя к небесам.

— Знаешь, в старые добрые времена отцы наказывали сыновей, сажая их под замок в комнату. В твоём случае это все равно, что пустить братца кролика на морковное поле.

— Да. Пока, па, до скорого!

Войдя в комнату, Дэвид быстро вставил гибкий диск в дисковод, запустил его и занялся серьезным делом. Всего за час он нашел нужные звуки и запрограммировал их в игру. Затем он записал подпрограмму на основной диск для игр и сделал копию — на случай, если все вдруг пойдет всмятку.

После этого он включил игру «Разрушители планеты».

На экране появились яркие вспышки — взрывались космические корабли, но Дэвид Лайтмен не мог целиком сосредоточиться на игре, мешали посторонние

мысли. Отец не просто не понимал — даже не пытался понять. До него никому нет дела... Взрослые слишком заняты своими заботами, своими играми, зациклились на своих застывших представлениях, словно ошибочная программа...

Серией густых залпов он прикончил последний космический сторожевик. В перекрестье прицела Дэвида Лайтмена четко обозначились очертания планеты Земля.

— Вот теперь порядок, — сказал он своей компьютерной системе, нажимая на красную кнопку рядом с ручкой управления.

Лучи наведения уперлись в Землю. Ядерные ракеты, распустив огненные хвосты, с шипением понеслись на цели.

Дэвид прибавил звук.

На сей раз о конце света возвестили не только грандиозный взрыв, но и дикие крики и визги, сменившиеся погребальной музыкой.

Раздался стук в дверь.

— Дэвид! Что у тебя стряслось? Ты жив?

Дэвид Лайтмен выключил компьютер и улыбнулся.

2 Джон Маккитрик курил, глядя на Скалистые горы за окном отеля.

— У нас появился шанс, — сказал он. — Больше чем шанс — перспектива. Я говорил в свое время Фолкену... Настанет день, и наша работа дойдет до этой черты!

— А что ты говорил жене — до какой черты дойдет ваш брак? — спросила Патриция Хили.

— Элинор? — Маккитрик горестно покачал головой. — Она уверена, что я допоздна работал в Хрустальном дворце и остался там ночевать. Это уже было десятки раз.

— И каждый раз в твоей светлой голове рождались такие блестящие мысли?

Маккитрик покачал головой.

— Ты не застала Фолкена. Поэтому не можешь по достоинству оценить его конструктивное решение, которое я потом улучшил... и довел почти до совершенства. Эта система не знает себе равных.

Принесли заказанный завтрак. Пат Хили отхлебнула кофе и откусила ломтик датского печенья. Маккитрик дал официанту на чай.

— Я в курсе, Джон, — сказала она. — Я не была знакома с Фолкеном, но хорошо знаю его работы и знаю, что сделал ты. Я верю в тебя. Меня беспокоит одно, дорогой. Твое рвение мальчика-отличника может закончиться инфарктом, а я не хочу потерять тебя. В том числе и как начальника.

Маккитрик рассмеялся и тоже взял печенье. Это был сорокалетний хорошо выглядевший темноволосый мужчина. Они сошлись год назад во время поездки в Вашингтон, куда их вызвали на совещание в министерство обороны. Оказалось, она полюбила человека, маниакально увлеченного работой. Превратности служебного романа...

Патриция Хили получила ученую степень по теории ЭВМ в Мэрилендском университете, завершив, казалось, нескончаемый этап ученичества и ассистентства. После аспирантуры министерство обороны подхватило ее прямо с порога. Тема ее диссертации как нельзя лучше соответствовала характеру будущей работы, именно такой специалист им и был нужен. Вы хотите служить своей стране? Она не была уверена в этом, но предложенная зарплата выглядела заманчиво, а перспектива частых поездок — тем более. После неудачного брака с доцентом, талдычившим юриспруденцию в Джорджтаунском университете, и нескольких лет томления в компании ученых-электронщиков Пат хотелось

сменить обстановку. Она проработала пару лет в Пентагоне, и тут ее отчеты привлекли внимание влиятельного советника оборонного ведомства доктора Джона Маккитрика.

Последовало предложение перейти на другую должность с более высокой зарплатой, и она переехала в Колорадо-Спрингс, где в горе Шейен располагался подземный штаб Объединенного командования аэрокосмической обороны Северной Америки — НОРАД.

— У тебя замечательный дар убеждения, Джон, — сказала Пат. — Ты выступишь прекрасно, поэтому, ради всего святого, перестань так волноваться. Эти наутюженные вашингтонские бюрократы не успеют вздохнуть, как будут у тебя в кармане.

— Знаешь, ты замечательная женщина, честное слово.

— Неужели я тебе нравлюсь больше, чем компьютер?

Он улыбнулся и взъерошил ей волосы.

— Приведи себя в должный вид, о'кей? Поедешь встречать Кэбота и Уотсона. Постарайся обворозжить их.

— Я полагаю, будет достаточно твоих неотразимых аргументов.

— Дорогая, сегодня надо быть во всеоружии... А ты — мое самое смертоносное оружие.

— Слушаюсь, сэр, — отдала честь Пат.

Доктор Джон Маккитрик, старший советник министерства обороны США и глава электронно-вычислительного центра НОРАД, сидел один в конференц-зале. На столе перед ним громоздились горы документов и записей. Маккитрик с нетерпением поглядывал на дверь — чиновники из Вашингтона должны были появиться с мичуты на минуту.

Этого дня он ждал несколько лет. Сегодня могло

решиться все. Он нервно проверил, заряжена ли в видеоманитофон кассета с записью беседы с капитаном Халлорхеном, тем самым дежурным командиром комплекса «Минитменов» в Северной Дакоте, который отказался выполнить учебный приказ. В конце концов, статистика — это голые цифры. Вот когда комиссия увидит и услышит этого офицера, она неизбежно осознает всю опасность нынешнего положения. И тут хитроумный Джон А. Маккитрик предложит свое простое элегантное решение.

Маккитрик подошел к застекленной перегородке и заглянул в соседнее помещение, где находился операционный зал НОРАД — десятки компьютерных пультов и электронных карт. Его недаром прозвали Хрустальным дворцом. Все в нем сверкало и искрилось — мигали сигнальные лампочки, светились экраны, блестяли хромированные детали. Отсюда, из командного центра, исходили приказы подводным лодкам, межконтинентальным баллистическим ракетам и стратегическим бомбардировщикам. Каждая установка имела по несколько боеголовок, а все вместе они были способны не один раз уничтожить земной шар.

Раньше НОРАД размещался в небоскребе, взметнувшимся над соседним городом Колорадо-Спрингс. Но он представлял собой уязвимую цель, и в начале 60-х годов центр решено было перебазировать в Шейн. Началось рытье туннелей. Вскоре в толще горы выстроили комплекс из пятнадцати стальных бункеров, где установили компьютеры и средства связи; светящиеся точки на электронных табло под потолком зала показывали местоположение всех самолетов и космических аппаратов; сюда же стекалась информация с рассыпанных по всему свету стационарных и мобильных баз.

В комплексе помещался также центр оповещения и космических операций НОРАД и отделение метеонаблюдений. Тысяча семьсот военнолужащих военно-

морских, военно-воздушных и сухопутных сил США вместе с гражданскими специалистами и офицерами связи канадской армии несли здесь круглосуточное дежурство.

Для Маккитрика это был родной дом.

Он участвовал в создании многих компьютерных систем. Это были его детища. Его и Фолкена.

Фолкен. Вспомнив о нем, Маккитрик улыбнулся. «Я покажу тебе, упрямый осел, — сказал он возникшему в памяти образу. — Погоди немного».

Сейчас, наверно, вашингтонское начальство в черных лакированных «линкольнах», свернув с Колорадского шоссе 115 на отрезок длиной в три с половиной мили, поднималось ко входу в НОРАД, расположенному на высоте двух тысяч метров над уровнем моря.

Пат Хили встретит их у контрольного пункта и прицепит им к пиджакам красные пластмассовые пропуска. Затем они пройдут метров четыреста по выбитому в скале туннелю к искусственной пещере, а оттуда сквозь массивные двойные двери — в сам комплекс. Он занимал площадь в двадцать тысяч квадратных метров. Стены помещений отделяли от скалы мощные гидравлические амортизаторы. Взрывоустойчивые двери на бетонных столбах были почти метровой толщины и весили двадцать пять тонн каждая, но открывались и закрывались за тридцать секунд. Первая дверь была сделана вровень со скалой, так что ударная волна от разорвавшейся у входа боеголовки, пронесясь по туннелю, вышла бы на противоположной южной стороне горы. Запасы воды, провизии, энергии и воздуха на подземном командном пункте позволяли личному составу продержаться тридцать дней, в случае если он окажется вдруг отрезанным от поверхности.

В чреве этого циклопического памятника войне Маккитрика охватывало разом привычное чувство безопасности и тревоги.

Пат Хили ввела в зал гостей. Бойкий шарм брюнетки, по-видимому, не произвел на них впечатления — они были слишком озабочены, и Джон Маккитрик вполне понимал их.

Он был знаком с обоими заочно, обмениваясь письмами и с ними, и с их подчиненными. Но ему еще не приходилось лично общаться со столь высокопоставленными особами. Тем более по такому поводу.

Артур Кэбот тряхнул руку Маккитрика, скользнув сквозь стекло взглядом по пультам и гигантским картам в операционном зале.

— Рад наконец познакомиться с вами, Маккитрик. Жаль, что приходится это делать по такому поводу.

У визитера было морщинистое лицо, короткая стрижка и двойной подбородок. Кожистый — так бы назвал его Маккитрик. Жесткий и кожистый. Пожалуй, он выглядел скорее как ветеран танковых сражений, нежели чиновник. Рукопожатие его помощника Лайла Уотсона было мягким, холодным, профессиональным. Тонкий и элегантный человек, намного моложе Кэбота, он гораздо больше подходил для роли дипломата, чем его шеф.

— Джентльмены, прошу садиться, — проворковала Пат Хили.

— Да. Генерал Берринджер будет здесь с минуты на минуту, — сказал Маккитрик. — Пат, будьте любезны, включите видеозапись. Я уже вставил кассету.

— Та самая пленка, что мы затребовали? — спросил Кэбот, заняв место за большим столом и наливая стакан воды со льдом.

— Доставили с нарочным, — уточнил Маккитрик. — Прекрасная иллюстрация проблемы, которую нам надлежит решить. А вот и генерал.

Генерал Джек Берринджер и его заместитель Догерги не скрывали недовольства. Войдя, грузный Берринджер буркнул нечто похожее на «здрасьте» в

сторону Маккитрика, а затем официально представился, пожимая руки гостям.

«Медведь прекрасно знает, чего я хочу», — подумал Маккитрик. Но теперь уже ничто не остановит его.

— Доктор Маккитрик, — сообщила Пат Хили, — у меня все готово.

— Джентльмены, — начал Маккитрик, усаживаясь во главе стола, — полагаю, никому не надо объяснять, зачем мы собрались, поэтому ограничусь кратким вступлением. Две недели назад во время обычной проверки готовности дежурных на стартовых установках некий капитан Джерри Халлорхен, командир шахтного комплекса «Минитменов» в Северной Дакоте, не сумел повернуть ключ запуска. Капитан, разумеется, был отстранен от дальнейших боевых дежурств... Сейчас мы просмотрим запись беседы с ним опытного психиатра медслужбы ВВС. — Маккитрик кивнул помощнице. — Начинайте, Пат.

На экране телевизора возник капитан Халлорхен, мускулистый человек лет под сорок. Он сидел на стуле спиной к стене голубого цвета. Голос психиатра доносился из-за кадра.

— Вам приходилось когда-нибудь лично убивать людей?

Халлорхен облизнул губы.

— Я был во Вьетнаме, сэр. Участвовал в воздушных налетах.

— Но вы были тогда моложе... гораздо моложе, — заметил психиатр.

Халлорхен стал рассматривать носки ботинок.

— К чему все это? Я — офицер и, согласно присяге, обязан беспрекословно выполнять любые задания. До сих пор, как вы могли прочесть в моем личном деле, я выполнял свои обязанности беспрекословно.

— Что же произошло? Вы не допускали мысли, что это была учебная тревога?

— Нет, сэр, — ответил Халлорхен. — Я думал, что запускаю ракету. И просто не мог заставить себя повернуть ключ.

Голос психиатра:

— Быть может, вы представили себе последствия?... Чувство личной моральной ответственности... вины?

— Может быть, — произнес Халлорхен. — Может быть...

Пат Хили приглушила звук монитора.

— Беседа продолжается еще полчаса. Насколько можно судить, этот человек в последнюю минуту натолкнулся на этическую преграду. И он не одинок. Были и другие случаи, когда дежурные не смогли повернуть ключ... и впоследствии не могли дать этому объяснений. Они застывали, словно пораженные столбняком.

Генерал Берринджер нервно запыхал сигарой. Тонкий дымок потянулся вверх, расплываясь голубоватым слоем по комнате.

— Типичный случай, — произнес он отрывисто-грубым командирским голосом. — У всех у них прекрасные послужные списки. Мы производим тщательный отбор. Офицеры считают за честь стать командиром ракетного комплекса.

Кэбот весь подобрался. Его голос прервал успокоительные рассуждения Берринджера.

— Генерал, более двадцати процентов ваших ракетчиков, подобно этому капитану, не смогли, хуже того — отказались произвести пуск во время учебной тревоги. Думается, понятие о воинской чести значит для них не слишком много!

Уотсон откинулся в кресле.

— Невыполнение приказа превратилось в широко распространенную болезнь в наших вооруженных силах, — мягко заговорил он, обращаясь к Маккитрику. — Но президент озабочен в первую очередь

состоянием боеготовности наших баллистических ракет.

Маккитрик кивнул. «Да-да, я как раз тот человек, который выведет вас из прорыва», — подумал он.

— Мы приехали сюда с тем, чтобы предложить президенту решение... срочное решение, — сказал Кэбот. — Как вам известно, президент не любит рассусоливать в вопросах обороноспособности страны.

— Можете передать президенту, — отчеканил Берринджер, — что я отдал приказ полностью пересмотреть процедуру отбора личного состава ракетчиков. — Он заерзал на сиденье и положил сигару в пепельницу. — Мы пригласили для консультаций лучших специалистов-психологов из клиники Менинджера.

«Самое время», — подумал Маккитрик.

— Извините меня, генерал, — произнес он вслух, — но, думается, это пустая трата времени. Вы подобрали вполне надежных людей. Проблема не в них, а в том, чего мы от них требуем.

Кэбот посмотрел на часы.

— Послушайте, — устало сказал он, — через час, даже меньше, мы должны уже быть в самолете. И по возвращении я обязан объяснить президенту, почему двадцать два процента командиров наших ракетных установок не смогли запустить ракеты. Что я ему скажу, черт возьми?! Что эти двадцать два процента — неплохие ребята? Да он слопает меня с потрохами!

Берринджер побагровел.

— Я убежден, что более строгий отбор...

— Генерал, — перебил его Маккитрик, вновь забирая инициативу в свои руки, — нельзя же допустить, чтобы комиссия вернулась в Вашингтон с грузом первостатейной ерунды. — Он повернулся к гостям и выдержал театральную паузу. — Ясно, что предусмотреть все человеческие реакции невозможно. Человек,

сидящий за пусковым пультом, знает, что повлечет за собой поворот его ключа. Нам следует, господа, вообще исключить человеческий фактор из стартового цикла.

— Вы соображаете, что говорите, Маккитрик! — взорвался Берринджер.

Но Кэбот уже проглотил наживку. Он был явно заинтригован. «Я зацепил его», — мелькнуло у Маккитрика.

— Вы имеете в виду — убрать людей из стартовых командных пунктов? — спросил он.

— А почему нет? — вопросом на вопрос ответил Маккитрик.

Берринджер вскочил, забыв в гневе про сигару, и, уперев указующий перст в Маккитрика, захохотал:

— Что касается меня; то я спокойно сплю, только когда знаю, что наши парни дежурят у кнопок!

«Какая дубина», — подумал Маккитрик.

— Генерал, — возразил он нарочито спокойным тоном, — я не спорю, у вас там сидят прекрасные люди... Но в этом-то вся загвоздка! Ведь все, что от них требуется — это повернуть ключи, когда компьютер прикажет им сделать это.

— Вы хотите сказать — когда президент прикажет им повернуть их, — поправил Уотсон.

— Разумеется, — согласился Маккитрик. — Когда президент прикажет нам привести в действие план, заложенный в ЭВМ.

— Полагаю, Объединенный комитет начальников штабов внесет свою лепту, — не без сарказма заметил Уотсон.

— Да уж можете не сомневаться! — вскрикнул Берринджер.

— С того момента как президент примет решение... — вмешался Маккитрик. — Все остальное за шесть минут должны сделать компьютеры. — Он ода-

рил присутствующих хорошо отрепетированным взглядом. — Позвольте мне продемонстрировать вам, как будет действовать система.

Доктор Джон Маккитрик шествовал между машинами, словно гордый папаша между своими отпрысками. «Пусть называют шедевром картину Рембрандта, роман Флобера или симфонию Бетховена, — думал он, — а для меня нет краше любой из этих крошек». Нервное сплетение микросхем и реле каждой могло служить памятником человеческому гению, причем памятником действующим, а не поставленным для любования.

Ведя гостей по командному мостику над операционным залом, Пат Хили, взяв на себя роль гида, рассказывала об истории центра. Но прибывших интересовала не столько история, сколько зрелище плотных рядов компьютеров с разноцветными экранами и мигающими лампочками. Сновали одетые в комбинезоны техники, похожие сверху на рабочих муравьев в гигантском муравейнике. Операторы ЭВМ и программисты в наушниках с телефонами щелкали тумблерами на консолях, пили кофе или передавали информацию, глядя на гигантские карты обоих полушарий. Карты светились в полутьме подземелья, как неоновые рекламы на ночной Таймсквер.

— Прошу сюда, — сказал Джон Маккитрик, подводя приглашенных к стеклянной перегородке. («Да, если они согласятся с его предложением, во всем ведомстве воцарится полный порядок. Наконец-то он покажет этим тупоголовым военным, на что способны его машины».) — Осторожно, ступеньки... Ага, прекрасно, Рихтер на месте. Джентльмены, Поль Рихтер — один из моих помощников. Это ведь не ваша смена, Поль? Я специально попросил его задержаться и дать нам необходимые объяснения.

Поль Рихтер, пухлый человек в очках, галстук и жилете, с козлиной бородкой, походил на типичного психиатра-фрейдиста. Он нервно кивнул важным гостям и встал рядом с большой серой машиной размером с «фольксваген», замыкавшей целый ряд компьютеров.

— Внушительная аппаратура, — сказал Кэбот, оглядывая оборудование.

— Мистер Кэбот, мистер Уотсон, полагаю, вас не надо извещать, откуда к нам поступает исходная информация, — произнес Маккитрик.

Кэбот хмыкнул, чуть спустив с себя суровость.

— Служебные инструкции обязывают нас знать это, так ведь, Уотсон? Разведывательные спутники, патрульные самолеты, сообщения наблюдателей и радарных станций...

— Разветвленная сеть, — подытожил Уотсон.

— Совершенно верно. Вся эта информация попадает сюда, на командный пункт, и заносится на карты... — Маккитрик сделал паузу и указал на заполнявшие помещение ряды ЭВМ. — Компьютеры показывают ситуацию в мире на данный момент. Передвижения войск... испытания ракет... изменения погодных условий — все сведения стекаются в эту комнату, — он подошел к серой машине, возле которой Рихтер нервно теребил свой узенький черный галстук, — и вводятся... в компьютер ОПРУ.

— Оперативный план ракетного удара, — расшифровал Уотсон.

Маккитрик кивнул и повернулся к помощнику:

— Мистер Рихтер сейчас объяснит нам его назначение.

На лице у Рихтера промелькнуло подобие улыбки.

— Гм, — он откашлялся. Рихтер явно был более привычен к диалогу с компьютерами, чем с людьми. — Система ОПРУ круглосуточно триста шестьдесят четыре дня в году просчитывает варианты третьей

мировой войны. Используя массив информации о ситуации в мире, она проводит безостановочную серию военных игр.

— ОПРУ бессчетное число раз вела — в виде игры — третью мировую войну, — продолжил Маккистрик. — Система нацелена на выбор оптимального варианта в реальных условиях. Ключевые решения по основным параметрам ядерного кризиса уже введены в ОПРУ. Если настанет момент, когда президент отдаст приказ о приведении плана в действие, надо иметь полную гарантию, что он будет выполнен. В этой связи мы можем утверждать, что данная машина — наш лучший генерал, самый талантливый полководец. В случае боевого применения ядерного оружия эта система обеспечивает нам большой шанс на выигрыш.

Кэбот одобрительно кивнул.

— Насколько я понимаю, — сказал он, — сейчас наша ракетная оборона, обошедшаяся стране в триллион долларов, находится в руках дежурных. Если они откажутся повернуть ключ, весь этот арсенал можно считать грудой бесполезного металла. А процент отказов среди дежурных невероятно высок.

— Проблема в том, что они — люди. При всем уважении к присутствующим можно ли гарантировать, что, окажись мы сами на месте этих людей, мы по первому сигналу повернем ключ, обрекая на гибель миллионы людей? — Маккистрик оглядел присутствующих. Уотсон кашлянул. Маккистрик уставился на Кэбота. Подошел решающий момент. — Дайте мне от четырех до шести недель срока, и мы сможем заменить людей — иначе говоря, подверженные срыву людские механизмы — стопроцентно надежной электронной автоматикой. Мы исключим человеческий фактор из цикла действий ЭВМ!

— Я уже говорил вам, Джон, — с обычной бесцеремонностью прервал его Берринджер, — что считать

вашу кучу микросхем панацеей от всех бед — глупость. Как можно исключить людей из управления системой! Я согласен, у наших военных нет такого опыта ведения атомной войны, как у ваших компьютеров. Пусть машины дают советы, но решать должны люди.

— Представьте, однако, — возразил Маккитрик, — что совет дан. Времени на то, чтобы обсуждать с военными, как вести войну, у президента не будет. Мы считаем, что человеческий фактор должен оставаться там, где следует... на самом верху.

Помолчав минуту, Кэбот заключил:

— Доктор Маккитрик, мы углубились в технические аспекты... Думаю, вам следует изложить свои соображения лично президенту.

— Я готов, — откликнулся Маккитрик. — С удовольствием. — Он не смог сдержать улыбки при виде искажившегося лица Берринджера.

— Решено, — заключил Кэбот. — Следует ожидать, что ваше предложение вызовет кое у кого из либералов дрожь в коленках. Других затруднений я не предвижу.

«Ну, Фолкен, — подумал Маккитрик. — Говорил я тебе, что дождусь своего часа. Теперь это мое детище. Я получу наконец заслуженное признание. А ты, плюгавый гений, можешь катиться ко всем чертям. Ко всем чертям!»

Кэбот был заморожен машиной.

— Вот, значит, где разыгрывается Армагеддон, — сказал он, дотрагиваясь до панели.

3 Дэвид Лайтмен манипулировал рукоятками управления ракет. Автомат видеоигр «Атари» был втиснут между «Фроджером» и «Заксоном». Тони месил тесто у плиты, норовя попасть в такт несшемся из транзистора шлягеру Пата Бинатара о превратностях любви.

Пиццерию Тони Марино наполнял уютный запах свежеспеченного пирога — такой густой, что во рту почти ощущался вкус сыра. Но Дэвид Лайтмен, небрежно одетый в порванную футболку и линялые джинсы, не замечал ни запахов, ни звуков; он неотрывно следил, как на экране с бухаьем, треском и свистом вспыхивали красочные огоньки игры.

«Проклятые управляемые бомбы!» — мелькнуло у него при виде того, как белый мерцающий предмет увильнул от его залпа и ринулся на один из шести городов в нижней части экрана. Он крутанул рукоятку управления, выписал курсором под спускающейся бомбой три заслона в форме буквы «Х» и с огромным удовольствием увидел, как его ракеты, прочертив белые трассы, настигли цель и взорвали бомбу в фосфоресцирующем небе.

Машина добавила ему новые очки, на экране сменился цвет, и Дэвид с удовлетворением отметил, что у него осталось шесть городов — хороший запас, даже если в следующем раунде какая-нибудь вражеская бомба дойдет до низа. Он выигрывал у машины почти две тысячи очков! Если изловчиться, то на табло автомата скоро останутся только его инициалы — Д. А. Л.!

Он вдруг опомнился и с беспокойством взглянул на часы. Электронная «булава» на левом запястье показывала 1.06 пополудни! Обед накрылся, да и на четвертый урок он уже опоздал!

Дэвид обернулся. Мальчишка, которого он засек уголком глаза, все еще стоял по соседству. Круглые глаза сияли на веснушчатой физиономии.

— Ну ты даешь, — сказал мальчуган, облизывая рыжие усы от томатного сока.

— Хочешь закончить вместо меня?

— Спрашиваешь!

— Валяй!

Схватив книги, Дэвид Лайтмен ринулся из пиццерии

к школе имени Губерта Хэмфри. Небо над городом хмурилось, готовясь вот-вот пролиться дождем, — типичная картина для Сиэтла.

Он мчался мимо рядов одинаковых домов через стриженный газон, неотличимый от стриженного газона любого американского пригорода. Иногда он пытался представить себе, каково было бы жить в Калифорнии, Флориде, Канзасе или другом месте Соединенных Штатов, но всегда приходил к выводу, что особой разницы между ними нет. Здесь, в штате Вашингтон, лежащем у канадской границы, отец имел твердую, хотя и не очень прибыльную, должность бухгалтера-ревизора, а мать открыла для себя радости торговли недвижимостью, так что Сиэтл, где он родился и вырос, вполне подойдет еще на какое-то время.

Средняя школа имени Хэмфри представляла собой ансамбль из серых кубов, аккуратно поставленных на оживленном перекрестке и окруженных бессмысленной сетчатой оградой. Дэвид просунулся сквозь дыру в сетке — «тайный ход», которым пользовались все кому не лень, — ворвался через боковую дверь в школьный коридор и, не обращая внимания на дежурные мониторы, взлетел на второй этаж, где располагались классные комнаты и лаборатории химии и биологии. Найдя 14-й кабинет, он замедлил шаг, чтобы незаметно проскользнуть внутрь.

Помещение пахло формальдегидом, зверями и минеральными удобрениями. Булькал аквариум. Учитель, Амос Лиггет, стоял у доски с куском мела в руке.

— А, — сказал он, заметив вновь прибывшего, — вот и Дэвид осчастливил нас. Добро пожаловать. — Он откинул со лба прядь редких волос и двинулся к покрытому черным пластиком лабораторному столу, отделявшему его от учеников. — Вас ждет подарок.

Дэвид уже направлялся в конец класса. Он всегда предпочитал задние столы, не высовывался и вообще

старался быть в тени. Сейчас пришлось подойти к Лиггету. Тот держал синюю тетрадь для контрольных работ, причем так, чтобы она была видна всему классу. Вот змей! Главным оружием садистов-преподавателей было публичное унижение, и Лиггет владел им в совершенстве. На обложке тетради крупно, словно красная буква у Готорна, которого они как раз проходили по американской литературе, виднелась выведенная красными чернилами «двойка».

Лиггет улыбался, обнажив желтеющие зубы. Воротник его вязкого халата был густо усыпан перхотью — из-за этого «пепла» ученики прозвали Лиггета Атомной Бомбой.

Дэвид взял тетрадь, демонстративно пожав плечами, и побрел в конец класса. По пути он не без удивления отметил, что Дженифер Мак пересела за его стол. Приятно. Он сел, стараясь не глазеть на нее, а обратил все внимание на Лиггета, который показывал аудитории синюю тетрадь с очередной малиновой «двойкой».

«Лиггет сегодня гуляет на всю катушку», — подумал Дэвид. Преподаватель расхаживал перед классом, разливаясь соловьем.

— В истории науки известны случаи, когда новые революционные концепции рождались в результате неожиданного озарения, — он навалился на стол, и его толстый живот растекся по пластику, — Дженифер? Ага, вот вы где! Дженифер Мак, отвечая на вопрос номер двадцать четыре «Что заставляет азотные клубеньки образовываться на корнях растений?»...

Дэвид поглядел на соседку. Та потупилась в явном смущении, и прядь каштановых волос коснулась стола. Красивые волосы, шелковистые, блестящие. «Интересно, — рассеянно подумал Дэвид, — какие они на ощупь».

— ...вы написали слово «любовь», — безжалостно закончил Лиггет.

Весь класс, хихикая, повернулся к ней. Дэвид ощутил, как его захватила волна сочувствия к девочке.

— Любопытный ответ, мисс Мак, — язвительно продолжал Лиггет, явно наслаждаясь произведенным впечатлением. — Возможно, мисс Мак известно об азотных клубеньках нечто такое, что неведомо нам? Вы готовы поделиться своей интимной информацией?

Дженифер подняла голову, посмотрела на учителя и с вызовом в голосе ответила: «Нет». Дэвид никогда еще не видел ее такой хорошенькой.

— Ясно, — Лиггет отвел от нее глаза. — Вы не знали правильного ответа — симбиоз. А не знали его потому, что невнимательны на уроках. — Лиггет повертел тетрадь, так чтобы все видели оценку Дженифер, и пренебрежительно бросил ее ученику в первом ряду. — Передайте это, пожалуйста, мисс Мак.

Дженифер вздохнула. Она, конечно, заметила, что Дэвид, единственный из класса, не смеялся, и улыбнулась ему благодарно и беспомощно. От сочувствия у него екнуло сердце.

— Не расстраивайся. От двойки еще никто не умирал.

— Как же, — прошептала она. — Расскажи это моему отцу. Когда он увидит дневник в конце года, его хватит удар.

Лиггет продолжил разбор убийственной контрольной.

— Теперь вопросы, касающиеся клонирования. У многих вышла путаница с этим понятием. — Он одобрительно оглядел класс. — Кто первым выдвинул идею бесполового размножения высших организмов?

Учитель стал выводить на доске какие-то слова. Дэвид с облегчением отвернулся от Дженифер. Ему было нелегко поддерживать разговор с девочками. Не то чтобы они не нравились ему, просто это были неизвестные величины. Переменные, так можно было бы

обозначить их на машинном языке, хотя девочки в своем поведении не придерживались никакой логики. Чтобы не выглядеть дураком, он водил их несколько раз в кино, но от танцев и посиделок удавалось увильнуть. Он чувствовал себя угловатым и неловким, надо было вымучивать слова. Вообще — кошмар, похлеще испанской инквизиции. С девочками полагалось вести себя как-то иначе... — не как с компьютерами. Что-то происходило с ним, когда они, улыбаясь, глядели на него. Ему становилось жутко неловко от желания дотронуться до них.

Эх, знать бы, как разговаривать с такой, как Дженифер Мак. Она часто улыбалась ему, особенно после того, когда старик Лиггет принес в класс удава.

Они проходили тогда рептилий. Дэвид по обыкновению думал о своем и не заметил, как на гигантском лабораторном столе у Лиггета оказался стеклянный аквариум. На дне его лежал полутораметровый удав. В середине он был толщиной с бицепс чемпиона по вольной борьбе Хэнка Джордери. Здоровенная тварь шевельнулась и уставилась на них злыми глазами, высывая и убирая язык, словно примеряясь, кого сожрать первым. Почти все девочки тут же пересели на задние столы.

Но это было не все. Старик Лиггет превзошел самого себя. Он вытащил из клетки любимца класса, толстого хомяка Германа, снял проволочную сетку, прикрывавшую аквариум, и сунул туда хомяка.

— Мне надо отлучиться. Проследите за тем, что произойдет, и подготовьте мне подробный отчет, — сказал он.

Едва за ним закрылась дверь, как весь класс передернуло от ужаса. Змея лежала, свернувшись в углу, и дремала. Но когда пушистый зверек запрыгал рядом с

ней на газете, «мистер Б. К.» (боа-констриктор) принял его появление к сведению.

Большинство мальчиков стали заворуженно следить за тем, что произойдет. Кроме Дэвида. Не говоря ни слова, он подбежал к учительскому столу, поднял сетку змеиногo аквариума, сунул туда руку и выудил Германа. Девочки устроили овацию.

— Чего ты полез, дундук! Нарвешься на неприятности! — заорал один балбес по фамилии Кросби.

— Еще одно слово, Джон, — накинулась на него подружка, — и я с тобой никуда не пойду в пятницу!

— А что мы скажем Атомной Бомбе? — спросил кто-то.

— Скажем, что змея слопала Германа, — предложил чей-то голос.

— Но у нее должно тогда вздуться брюхо.

— Лиггет забыл сегодня очки.

В тот день Дженифер впервые улыбнулась ему, а Герман переселился к Дэвиду в комнату, где жил в углу, подальше от удавов.

ВНЕПОЛОВОЕ РАЗМНОЖЕНИЕ — БЕЗ УЧАСТИЯ ПОЛОВЫХ ОРГАНОВ, — гласила корявая надпись на доске.

По классу пополз смешок.

— Не вижу никакого юмора, — оповестил Лиггет. — Мистер Радуэй, напомните нам, кто первым выдвинул идею внеполового размножения высших организмов.

Радуэй заерзал на стуле.

— Мендель?

— Рановато.

В глазах Дэвида заплясали искорки; наклонившись к Дженифер, он шепнул ей два слова.

Дженифер фыркнула. Она пыталась сдержаться, прижав ко рту ладонь, но не смогла.

— Мисс Мак, — раздраженно произнес Лиггет, — у вас что — припадок? Почему вдруг такое веселье?

Дженифер, опустив голову, попыталась совладать с собой, но, взглянув на Дэвида, снова громко фыркнула.

Лиггет взъярился и, словно акула, кинулся на жертву. Его лицо побагровело.

— Прекрасно, Лайтмен. Извольте сказать нам, кто первым подал идею внеполового размножения.

Дэвид выпрямился, покосился на Дженифер, поднял брови на манер комика Джона Белуши и произнес с невинной улыбкой, глядя прямо в лицо Атомной Бомбе:

— Ваша жена?

— Мистер Лиггет прислал меня обсудить с мистром Кесслером мое поведение на уроке, — объявил Дэвид Лайтмен в канцелярии.

Молодая женщина, секретарь дирекции миссис Митчел, скептически оглядела его поверх съехавших на нос очков.

— Кажется, я уже видела вас здесь. И неоднократно.

Она кивнула ему на дверь и вновь обратилась к пишущей машинке, подняв, словно Пикассо, кисточку для замазывания опечаток.

Дэвид толкнул дверь, вошел в приемную, плюхнулся на деревянную скамью и стал разглядывать свои кроссовки «Адидас».

Неожиданно ему в голову пришла шальная мысль: «Раз уж я здесь, надо попробовать...»

Он улыбнулся собственной догадливости. Прислушался. Миссис Митчел барабанила на машинке. Хорошо. Повернул голову в другую сторону. Справа от него был кабинет Кайзера — так они прозвали заместителя директора Кесслера, ведавшего в школе Хэмфри вопро-

сами дисциплины. Из-за двери доносился его резкий лающий голос.

Слева находились два машинных зала. Дэвиду была видна сидевшая у одного терминала немолодая женщина. Но второе помещение было пусто, и дверь в него широко открыта.

Лафа! Как раз то, что надо! Дженифер пустила его по верному следу. Только бы на дисплее оказался пароль пользователя.

Тревожно косясь на женщину в соседней комнате, Дэвид крадучись двинулся к оставленному без присмотра компьютеру. Если его застукают, шум в школе поднимется до небес. Но рискнуть стоило.

Все заняло ровно одну секунду.

На мониторе виднелся длинный список паролей; все они были зачеркнуты, кроме последнего: ГРИФЕЛЬ.

Назад!

Дэвид долетел до скамьи ровно в тот момент, когда дверь замдиректорского кабинета открылась и оттуда понуро вышел ученик. Не глядя на Дэвида, он побрел к выходу как побитая собака.

Кайзер-Кесслер махнул Дэвиду рукой.

— Снова вы, Лайтмен? Какой сюрприз.

Дэвид с кислой миной протянул ему записку Лиггета.

Кесслер взял ее, прочел и откинулся в кресле, задумчиво глядя на Лайтмена и покусывая толстые губы.

— Не могу понять вас, Лайтмен, — сказал он. — Садитесь. Хочу поговорить с вами. На сей раз не будет ни испытательного срока, ни записки родителям, ни даже звонка отцу.

Дэвид Лайтмен сел, недоверчиво глядя на собеседника.

— Вы прекрасно справились с тестами пригодности, особенно по математике... Да, я узнавал у вашего классного руководителя. — Кесслеру было уже под сорок, но он упрямо носил короткую военную стрижку и выглядел

типичным немецким инструктором по строевой подготовке, чем и заслужил у школьников кличку Кайзер. Его старания по части наведения дисциплины были известны всему городу, и хотя они не давали ощутимых результатов, он продолжал относиться к работе с восторженным рвением. По мнению Дэвида, Кесслер втайне сожалел о том, что жил в 80-е годы XX века, а не воспитывал подопечных в эпоху розог и шпицрутенов. Из него вышел бы дивный диккенсовский персонаж.

— И что же?

— Вы могли бы стать первым кандидатом в отличники. Однако вас в который уже раз отправляют ко мне в кабинет.

— Мистер Кесслер, но я не дерусь, не пью, не курю, не балуюсь наркотиками...

— Знаю, вы — хитрая бестия. Ваше хобби — изводить учителей, — Кесслер, шумно вздохнув, заложил руки за голову. — Во что мы превратимся, если каждый ученик станет таким, как вы, Лайтмен?

— В школу одаренных детей?

Кесслер рассмеялся.

— Знаете, Лайтмен, будь вы моим сыном, я бы положил вас на колени и отшлепал хорошенько. Но, боюсь, сейчас это уже поздно. В наши дни работать учителем — нелегкое дело, Лайтмен. А такие заводы, как вы, превращают труд педагога в каторгу.

— Да, сэр.

— Вы ведь считаете себя всезнайкой, верно, Лайтмен? Рассчитываете вывернуться из любого положения. Для вас удовольствие — сунуть палку в колеса и посмотреть, сколько спиц сломается. Нет, вы неплохой парень. Я-то знаю, что такое плохие дети, поверьте. Но у вас извращенный вкус, не находите? — Кесслер улыбнулся, вытащил из пачки зубочистку и началковыряться в зубах. — Вам, очевидно, известно, Лайтмен, что я отвечаю в школе за внеклассную работу.

Дэвид заморгал.

— Да-да, теперь это в моем ведении. И, представьте, принимая дела, я обнаружил заявление... некоего Дэвида Лайтмена. Он просит установить в школе аппарат для видеоигр. Не скрою, Лайтмен, некоторые учителя приветствуют эту идею. Однако я только что ознакомился с докладом министерства здравоохранения, в котором перечисляются вредные последствия увлечения этими играми — синдром напряжения мышц предплечья, расстройства зрения, развитие тенденций к насилию. Скажу больше: именно вы являете собой пример того, сколь пагубно влияют видеоигры на неокрепшее сознание подростка. Поэтому, конечно, ни о каких видеоиграх в нашей школе не может быть и речи.

Кесслер порвал заявление Дэвида и бросил его в корзину.

— Эта корзина — мой блок памяти для подобных вещей. А теперь катитесь, Лайтмен, и чтобы я вас больше здесь не видел!

Кесслер обратил свои слегка выпученные глаза на лежавшие перед ним бумаги.

— Есть, сэр.

Надо было бы ответить этой жабе: «Зиг хайль». Ребята именуют его Кайзером, но для Дэвида отныне он будет Фюрером.

«Вся штука в том, что большинство из тех, кто командует нами, — полные «чайники», — подумал Дэвид Лайтмен, покидая здание школы. Еще один день, призванный озарить его светом ученья, был позади. Дэвид вяло брел домой, помахивая учебником по тригонометрии.

Добро бы они сознавали, что они — «чайники». Но нет, они скрывают свою бездарность за обтекаемыми фразами — Дэвид, кстати, умел пользоваться

этим бюрократическим жаргоном не хуже их. Все они принимают себя за важных шишек, уверены, что они лучше других. Убеждены, что могут управлять всеми и разбираются во всем.

С компьютерами такое не проходит. Тут все по справедливости. Что вводишь в машину, то и получаешь. Мгновенный результат. А остальной мир... такой же серый, как сегодня небо над Сиэтлом.

За спиной послышалось тарахтенье. Дэвид решил уловить эффект Доплера, ожидая, когда мопед проедет мимо. Но звук по-прежнему доносился сзади. Он обернулся. На зеленом мопеде сидела Дженифер Мак.

— Привет! — сказала она.

— А, привет, — отозвался Дэвид.

Больше сказать было нечего. Оставалось лишь выдать свое неумение связать пару слов за мужественную сдержанность в стиле Клинта Иствуда. Дэвид двинулся дальше.

— Я хотела извиниться, — сказала Дженифер. — Из-за меня у тебя неприятности. Но я просто не могла сдержаться — так было смешно.

Слава богу, она сама вывела его из затруднения. Он замедлил шаг и взглянул на нее:

— Нет, все о'кей. Ты была великолепна.

Дженифер выключила мотор и недоверчиво переспросила:

— Я?

— Угу.

Ладно скроенная фигурка девушки была облачена сейчас в джинсы, зеленую майку и черную ветровку. Ее длинные волосы чуть растрепались от езды, а покрасневшее лицо стало еще привлекательней. Дэвид не знал, что сказать.

Дженифер сама нарушила неловкое молчание.

— Слушай, может, тебя подвезти?

- Давай, — автоматически отозвался Дэвид.
- Прыгай! — пригласила она.
- Гм... сейчас, — Дэвид устроился сзади, уцепившись одной рукой за сиденье Дженифер. — Сел.
- Где ты живешь?
- Недалеко. — Он указал ей направление.
- Держись крепче, поехали!

Дженифер Мак влилась в поток машин сиэтлского пригорода. Какой-то «фольксваген» погудел им. Дэвид глотанул порцию выхлопных газов, мопед подскочил на бугре, и паренек едва не свалился. Черт, она гонит, как бешеная!

Когда мопед заложил крутой вираж в Вязовую аллею, Дэвид чиркнул подошвой по асфальту.

— Эй! Подбери колени! — крикнула Дженифер через плечо.

Дэвид подобрал колени.

— И ради бога, сядь поближе! Я не укушу!

Дэвид с опаской положил ей руки на талию. Бока у нее были нежные и тугие.

— Крепче хватайся. Я не хочу подбирать тебя потом по кускам! — нетерпеливо сказала она.

Дэвид сглотнул слюну и обвил руки вокруг Дженифер; ощущение было неопишное. Ветер отбрасывал ее волосы прямо ему в лицо. Они были шелковистой, чем казались, и пахли чем-то душистым.

«У компьютеров такого не может быть», — подумал он.

Вскоре они свернули, машин стало меньше, и Дженифер спросила:

— Послушай, а ты тоже хватанул «пару», да?

До чего она теплая.

— Угу, — рассеянно ответил он.

— Теперь нам обоим придется ходить летом в школу.

— Мне — нет, — улыбнулся Дэвид.

— Почему? Разве тебе не надо пересдавать биологию?

«Нет, если подойдет пароль», — самодовольно подумал Дэвид.

— Не думаю.

Дженифер помолчала, явно озабоченная.

— Как же так?

— Заходи ко мне, увидишь.

— Ладно.

Дэвид указал на последний поворот; жаль, что дорога такая короткая.

— Сюда.

Мопедик затарахтел по тихой улице, обсаженной зелеными вязами, мимо аккуратно подстриженных живых изгородей, за которыми прятались односемейные дома. Дэвид велел остановиться у калитки и прыгнул, а девушка, ногой опустив подставку, завела на нее мопед.

По наклонной дорожке уже мчался, приветствуя гостей, Ральф.

— Твой? — спросила девушка.

— Ага, — ответил Дэвид, поглаживая сеттера по загривку. — Звать Ральфом. А это Дженифер, Ральф. Она хорошая.

Уши у Ральфа встали торчком. Обнюхав брюки девушки, он поднялся на задние лапы, желая познакомиться поближе.

— Ральф! — одернул его Дэвид.

— Ничего, ничего, — успокоила Дженифер. — У меня тоже собака. — Потрепав, она мягко отстранила Ральфа. — Им не надо сдавать биологию.

— Да уж... — вздохнул Дэвид, взяв пса за ошейник. Ральф гавкнул. — Ну-ну, будь умницей. Это моя гостья. Извини, но тебе придется обождать ее во дворе.

Дженифер рассмеялась. Дэвид повел ее мимо двух керамических фламинго к двери. В доме никого не

было. Внизу все еще стоял запах сгоревшего утром у отца бекона.

Разглядывая дом, Дженифер вдруг почувствовала себя неуверенно. Она остановилась. Дэвид тоже.

— Гм.. то, что я хочу тебе показать, у меня в комнате, — до него вдруг дошло, в каком положении они оказались. — Моя комната... гм... наверху. На втором этаже.

Дженифер решительно двинулась за ним.

— Родителей нет дома? — спросила она на лестнице. В ее голосе зазвучали странные нотки, словно происходило что-то необычное.

Сердце у Дэвида запрыгало.

— Они оба работают.

Чего она ожидала? Он только хотел показать ей компьютер.

Дженифер молча поднялась за ним на второй этаж. При виде надписей на его двери она рассмеялась.

— «Запретная зона», — прочитала девушка вслух. — «Вход только по пропускам». На меня это тоже распространяется?

— Нет, — ответил Дэвид, вытаскивая из кармана ключ. — Я отключил сигнализацию. — Он открыл дверь и посторонился, пропуская ее.

— Но там тьма кромешная! — заколебалась она.

— О! Минутку, — он сунул руку и щелкнул выключателем.

Зажегся свет. Бр-бр-р! Он совсем забыл, какой в комнате кавардак!

Дженифер, похоже, не обратила на это внимания. Она поразилась нагромождению аппаратуры. Дэвиду же с порога бросилась в глаза куча грязного белья и носков. Перекидываясь репликами с Дженифер, он заткнул ее ногой под незастеленную кровать.

— Ого, ты по-серьезному занимаешься компьютерами, да?

— Да. Я как раз хотел показать тебе.

— А какое это имеет отношение к отметкам по биологии? — спросила Дженифер, с удивлением разглядывая опутанные проводами приборы. Было такое впечатление, что она очутилась в летающей тарелке.

— Сейчас покажу.

Дэвид боком проскользнул мимо нее и сел на продранный вращающийся стул. Он включил терминал и дал разогреться телевизору. Черт побери, куда подевался дурацкий модем? Ага, вот он. Он дотянулся до раздаточной коробки рядом с телефоном и вставил штекер в гнездо.

Полистав испещренный карандашными пометками телефонный справочник, он нашел нужный номер и нажал на кнопки номеронабирателя.

— Что ты делаешь? — тихо спросила Дженифер.

— Набираю номер городской школьной системы и, если повезет... Ага, номер свободен.

На мониторе возникли строчки:

ОБЪЕДИНЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ ШКОЛ СИЭТЛА.

НАБЕРИТЕ ПАРОЛЬ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ И ЛИЧНЫЙ НОМЕР.

— Смотри, Дженифер, — продолжал Дэвид. — Они меняют пароль два раза в месяц. — Он сделал паузу для пущего эффекта. — Но я знаю, где его можно найти!

Он набрал на клавиатуре слово «грифель».

Экран немедленно очистился, и на нем высветился список подсистем на выбор.

— Ну давай, Дженифер, теперь ты. Набери слова «оценки учеников».

— Нет, я не...

— Давай-давай, — улыбнулся Дэвид. — Компьютер не укусит.

Здесь, в своей стихии, он чувствовал себя гораздо

увереннее. Она склонилась над клавиатурой и нажала на кнопки.

ОЦЕНКИ УЧЕНИКОВ — появилось на экране.

— Так. Теперь введем номер моей личной карточки и... вуаля! — объявил Дэвид. — Узри мои недостойные успехи.

Экран снова очистился, и внезапно белыми буквами на голубом фоне возникла таблица успеваемости некоего ЛАЙТМЕНА, ДЭВИДА А.

Дэвид подвинул курсор к графе «Биология» и исправил «2» на «4».

— Что ты наделал? — в ужасе воскликнула Дженифер.

— Поменял оценку, только и всего... Какой номер твоей карточки?

Дженифер назвала. Дэвид набрал цифры на клавиатуре.

Экран предъявил ведомость оценок МАК, ДЖЕНИФЕР Д.

Дэвид уставился на дисплей, и тут Дженифер начала соображать, что он собирался сотворить.

— Слушай... Этого *нельзя* делать!

— Почему? Все очень просто.

— Не твоя забота. Что ты делаешь?

— Меняю тебе отметку по биологии.

— погоди. У меня потом будут жуткие неприятности, — запротестовала Дженифер.

— Успокойся. Никто не узнает. Смотри!

Дэвид навел курсор на оценку по биологии и одним движением превратил двойку в четверку.

— Ну вот. Теперь тебе не грозит никакая летняя школа.

— Верни обратно, — потребовала Дженифер.

— Почему? — глаза у Дэвида полезли на лоб. — Клянусь тебе, они ни за что на свете...

— Сделай все, как было! — рассерженно повторила Дженифер.

— О'кей, о'кей, — сказал Дэвид.

Он нажал клавишу с двойкой.

— Будьте любезны. У тебя снова — пара.

— Я, пожалуй, пойду, — холодно сказала Дженифер.

— Да-да, — смущенно заторопился Дэвид. — Спасибо еще раз, что подкинула.

— Ага. О'кей. — Дженифер вышла на площадку и быстро сбежала с лестницы. — Пока.

— Хочешь, я тебя прово.., — начал было Дэвид, но Дженифер уже выскочила из дома. Дэвид подошел к окну и стал смотреть, как она отъезжает. Разогнав мопед, она — врррум! — помчалась по улице.

«Девуцы, — бормотнул про себя Дэвид, чувствуя, как у него что-то обрывается в животе. — До чего хорошенькая». Зря он так. Надо было постепенно подвести ее к идее, что компьютер — это инструмент восстановления справедливости. Программа, заложенная обществом в Дженифер, гласила, что нельзя нарушать установленные правила, даже если вы во сто раз умнее болванов, распоряжающихся вами.

Вообще-то Дэвида не особенно волновала оценка по биологии. Просто подвернулся случай. Самое большое удовольствие — обдурить этих пустозвонов, натянуть им нос так, чтобы они ничего не заметили!

Такие вещи приводили Дэвида Лайтмена в полный восторг.

Он вернулся к компьютеру, поменял Джениферову двойку по биологии на пятерку и быстро стер все следы своей предосудительной деятельности. Шито-крыто.

— Невероятно! — дружно закричали Кэти Ли Кросби, Фрэн Таркентон и Джон Дэвидсон: по телевизору

показывали рекламный ролик телефонной компании Си-энд-Пи.

Дэвид Лайтмен скормил остаток котлеты Ральфу, терпеливо дожидавшемуся под столом подачи, вытер руки бумажной салфеткой и стал смотреть пришедшие по почте рекламные проспекты.

Ральф, сообразив, что от Дэвида больше ждать нечего, перебрался к ногам мистера Лайтмена, методично обрабатывавшего кукурузный початок. Размазав кусочком хлеба масло по поверхности початка, отец начал обгрызать его.

Тарелка перед третьим стулом стояла нетронутой: едва они сели ужинать, как миссис Лайтмен позвонил клиент.

— Уверяю, вам надо съездить посмотреть, — ворковала она в телефонную трубку на кухне. — Этот дом — лучшее, что у нас есть. Да, две спальни, ванна-туалет и огромная дополнительная комната.

— Ральф! — укоризненно сказал мистер Лайтмен, заметив, что пес роняет слюну ему на брючину. — Ты уже ел. Имей совесть!

Дэвид рассеянно вскрыл конверты. Ничего интересного, кроме свежего выпуска журнала «Новинки компьютеров».

— Ты вытащил мусорный бак? — спросил отец.

— Да-да, — буркнул Дэвид. Отец уже дважды за вечер задавал ему этот вопрос.

Мать, зажав ладонью трубку, подхватила звенящим шепотом:

— Не забудь поплотнее закрыть крышку, сынок, а то Ральф опять залезет туда, — после чего вновь принялась обрабатывать клиента.

— Знаю, мам.

Чччерт! Они не замечают его, а если обращаются, то всегда с какой-нибудь чепухой. Он стал листать «Но-

винки компьютеров». Из середины журнала выпал плотный листок. Ого! Что такое?

Реклама была набрана броским шрифтом в два цвета. Текст гласил: «Фирма «Квант», отделение «Протовижн», начнет летом выпуск новой серии видеоигр».

Дэвид скоренько доел ужин, запил его молоком и, извинившись, встал из-за стола.

«Протовижн» расположена в Калифорнии. Стоило попробовать.

Он заторопился к себе наверх.

— В один прекрасный день, — сказала мама, кивая на журнал, — ты устроишь в доме пожар!

— Пожалуйста, — сказал Дэвид в телефонную трубку, — «Протовижн». Солнечная Долина, Калифорния. Спасибо. — Внезапно у него мелькнула мысль. — Да, и назовите еще кодовые номера этого района.

Он быстро набросал цифры в блокноте.

— Спасибо.

Сняв с полки маленький пластмассовый ящик, Дэвид пробежал пальцами по вложенным туда конвертам; в них лежали его гибкие магнитные диски для хранения программ. Подумать только, что когда-то, несколько лет назад, он начинал с примитивного кассетного магнитофона. Естественно, что записывать и считывать программы с дисков было намного быстрее и удобнее. Теперь он держал в ящике программы, написанные им самим. В другом углу комнаты стоял второй ящик с дубликатами — точными копиями его программ. Единственный недостаток гибких дисков заключался в том, что при поломке компьютера или неосторожном обращении с диском записанную на него программу невозможно было считать.

Дэвид вынул один конверт с надписью:

Модемная развертка.

Авторские права Дэвида Лайтмена.

Самовольное использование или копирование этой программы строго воспрещается.

Дэвид достал модем* около года назад и начал активно им пользоваться. Но месяц спустя пришел жуткий счет от телефонной компании, и Дэвид решил, что пора поближе познакомиться с техникой ее работы. Помог в этом его друг Джим Стинг, большой спец по компьютерам. Старина Стинг тоже имел зуб на телефонную компанию и накопил богатый опыт по части ее обмана. В юности Джим был тележуликом — детальные знания ЭВМ позволяли ему разговаривать по телефону бесплатно.

Так вот, Стинг помог ему с модемом.

Дэвид уже не раз пользовался телефонной сетью для подключения к чужим компьютерам. Выходило очень забавно. Теперь он хотел связаться с ЭВМ «Прото-вижн», обмануть защиту с помощью специальной программы, найти в системе новые игры и скопировать их на свои гибкие диски.

В продажу видеоигры поступят только летом, а у него они будут уже сейчас. Раньше всех!

Итак, включаем модем в телефон.

Ударяем по кнопке сброса...

ДЛЯ ВЫБОРА ТОНОВ МОДЕМА НАБЕРИТЕ КОД И ПРЕФИКС НУЖНОГО ВАМ РАЙОНА.

Дэвид набрал: 311-399, 311-437, 311-767, 311-936.

Компьютер автоматически вызвал первый номер.

* Модем (модулятор-демодулятор) — прибор для передачи цифровой информации по телефонным линиям. Включается при получении сигналов определенного тона.

В трубке послышался слабый звонок. Сердитый голос ответил: «Алло!»

Не то. Компьютер начал искать тона, на которые отвечал другой модем. Если в трубке звучал человеческий голос, он тут же разъединял и набирал следующий номер.

Из предыдущего опыта Дэвид знал, что процесс мог затянуться на несколько часов. Специалисты «Прото-вижн» не бараны. Они не преподнесут вам номера своего модема на тарелочке с голубой каемочкой. В стране развелось столько любителей разжиться информацией на дармовщину, что без строгой защиты своей ЭВМ фирма мигом вылетит в трубу.

Экран монитора заполнился цифрами. «Молодец, — одобрил Дэвид. — Старайся, старайся».

Отключив звук монитора, он взял новую книжку в мягкой обложке, которую удачно умыкнул со стенда в магазине, — фантастический роман под названием «День Драконовой звезды» — и погрузился в чтение.

4 Дэвид Лайтмен увернулся от Шустрика, обманным финтом обошел Рыжика, срезал угол и оказался на витаминном пункте.

Ам-ам. Его бойкий колобок — Пэкмен — зарядился энергией.

Призраки посинели. Дэвид ухмыльнулся — здорово он уделал их. Цап, цап, цап, цап: Пэкмен слопал всех врагов. Оторвавшись на мгновение от аппарата видеоигр, Дэвид обернулся к столику за куском пиццы.

— Привет! — возле стола, потягивая через соломинку цитрусовый коктейль, стояла Дженифер Мак.

— Угу. Привет. — Дэвид повернулся к экрану, взялся за ручку управления и скормил Пэкмену еще несколько энергетических шариков. Призраки опять зашевелились, и на сей раз очень бойко.

— Ты ешь перед ужином? — начала разговор Дженифер.

— Это и есть мой ужин.

— Знаешь..., я передумала.

— Насчет чего?

Призраки смыкали кольцо, на экране теперь оставалась одна-единственная станция зарядки энергией.

— Насчет вчерашней отметки. Ты можешь еще изменить ее?

Дэвид ослабил внимание и сделал неверное движение. Клайд легко схватил Пэкмена, и тот с жалобным воем растаял без следа.

— Я вела себя ужасно глупо. Не знаю почему. Надо было оставить в исправленном виде. — Она взглянула на игру. — Ого, отличный счет! Ты даешь! Не знала, что Пэкмен может набрать столько очков. Я никогда не поднималась выше тридцати тысяч.

Пэкмен снова двигался по экрану, Дэвид умело вел его. Он слопал очередной плод, и машина затарахтела, признавая поражение.

— Я пришла спросить, — продолжала Дженифер, потупившись, — можешь ты снова сделать, как вчера?

«Всегда они так, — подумал Дэвид Лайтмен. — Женщины». Его мама тоже частенько передумывала. Дэвид увернулся от Фиолетика и обошел его с другой стороны.

— Гм... Не знаю. Может не выйти.

— Почему?

— Гм... Не знаю. Они могли сменить пароль.

— Но могли и оставить. — Дженифер говорила по-прежнему мягко, но с настойчивостью в голосе. — Давай попробуем, а?

Он вновь представил ее в своей спальне, и Фиолетик, пролетев через лабиринт, схватил Пэкмена.

Дэвид в раздражении повернулся к Дженифер.

Глаза ее были неотразимы, когда в них читалась мольба.

— Пожалуйста, а? — сказала она.

Парень, конечно, со странностями, но умница, это точно. Если ему удастся сделать отметку, так что не придется торчать в летней школе, ничего больше Дже-нифер Мак не надо.

Его родителей опять не было дома.

— А чем занимается твоя мать? — спросила она, перекатывая во рту леденец, когда он отпирал дверь.

— Агент «Двадцать первого века».

— Чего-чего?

— Фирма такая, по продаже недвижимости.

— А-а, — она оглядела гостиную. Комната очень напоминала их собственную гостиную и десяток других гостиных, где ей доводилось бывать. По крайней мере, диван и кресла не покрыты пластиковыми чехлами. Они прошли наверх в его комнату.

— Да, я забыла спросить. Как Герман?

— В порядке. Крутит колесо, я приспособил к нему динамо — обеспечивает меня электричеством.

Она рассмеялась.

— Новое слово в технике: «хомяковод»?

— Точно. Компьютер весь день трудится у меня над одной штуковиной.

Он вытащил из кармана ключи и принялся отпирать дверь спальни. Десятка два ребят из школы приглашали ее к себе, но она всем отказывала. А сейчас во второй раз входит в спальню тихони Дэйва. Он исправит ей отметку, после чего они, наверно, поиграют в космических пришельцев. Ничего больше.

Вообще-то он неплохо смотрится, худой только и бледный. Интересно, как он целуется? Может, ничего.

В темной комнате жутковато светился телевизор. Дэвид зажег люстру. Дженифер подошла к монитору. На экране появлялись и исчезали телефонные номера.

— Что он делает?

— Не трогай клавиатуру, — предупредил Дэвид. Она, как ужаленная, отодвинулась от кнопок.

— Не буду. Но что он делает?

Дженифер посторонилась, пропуская Дэвида. Тот пробурчал что-то в ответ, садясь к экрану. Проверив работу системы, он снизошел до объяснений.

— ЭВМ набирает номера. Одна калифорнийская фирма, «Протовижн», собирается через пару месяцев выпустить на рынок новую партию видеоигр. Их программа, скорей всего, уже введена в компьютер фирмы, поэтому я велел своей системе проверить компьютеры Солнечной долины, — он снял отводной наушник и дал его Дженифер. — Каждый компьютер отвечает на определенный тональный сигнал. Моя система пробует подобрать тот, который мне нужен.

Дженифер приложила резиновый кружок к уху. Какое-то попискивание и гудки.

— Ты что же, вызываешь каждый номер в Солнечной долине?

Лицо Дэвида расплылось в самодовольной улыбке.

— Это ведь жутко дорого, нет разве?

— Смотря для кого! — загадочно ответил Дэвид. В глазах у него заплясали искорки.

«Парень — настоящий маньяк, — подумала Дженифер. — Спятил от большого ума».

— И долго он будет так гудеть? Мне бы хотелось побыстрее сменить отметку.

— Да? — ответил Дэвид, неотрывно следя за экраном. — Понимаешь, я в общем-то... уже поменял ее.

— Что?! Я ведь запретила тебе делать это!

— Я был уверен, что ты передумаешь.

— Ну и нахал!

— Мне не хотелось, чтобы ты завалила биологию. — Внезапно он опять впал в транс, забыв про ее отметки. — Так-с, посмотрим, до кого мы достучались...

Он нажал на клавишу, и на экране возникла надпись:
БАНК «ЮНИОН МАРИН», ЮГО-ЗАПАДНЫЙ ФИЛИАЛ.

ВХОДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

— Надо будет запомнить номерок, — произнес Дэвид. — Глядишь, пригодится когда-нибудь.

Дженифер заинтересованно придвинулась к аппарату.

Дэвид набрал следующий номер; им оказалось управление дорожной полиции.

— Тебя когда-нибудь штрафовали в Солнечной Долине?

— Нет, а что? Ты бы мог снять с меня штраф?

— Возможно, — пожал плечами Дэвид, вызывая очередной номер. Экран заполнился названиями городов, датами, номерами рейсов. Это был отдел заказов авиакомпании «Пан-Америкен».

— О, блеск! Давай слетаем куда-нибудь, — предложила Дженифер.

Дэвида это не интересовало, но в голосе девушки было столько радости.

— Куда ты хочешь?

— В Париж. Это так романтично!

Два коротких удара по клавишам.

— О'кей. Билеты заказаны.

Едва он нажал еще одну клавишу, как на экран низверглась лавина цифр. Дженифер всмотрелась в них. Цифры вдруг исчезли, и вместо них экран пригласил:

ВХОДИТЕ

— Гм, — пробормотал Дэвид, — странно. Не называет себя. Попробуем... наугад!

Он набрал несколько нолей и единицу.

Телевизор ответил:

**ВАШ ПАРОЛЬ НЕ ОПОЗНАН СИСТЕМОЙ.
СЕАНС ОКОНЧЕН.**

— Грубовато разговаривает, — прокомментировала Дженифер, захваченная игрой.

— Попрошу помочь мне войти в систему, — сказал Дэвид, вновь набирая номер.

— А это можно?

— Конечно. Некоторые системы помогают. Чем они сложнее, тем чувствительней.

ВХОДИТЕ.

ПОМОГИТЕ ВОЙТИ.

ПОМОЩЬ НЕ ПРЕДУСМОТРЕНА. ВХОДИТЕ.

— Что теперь? — удрученно спросила Дженифер.

— Знаешь, — возбужденно ответил Дэвид, — мне кажется, это и есть «Протовижн». А если так, то...

ПОМОГИТЕ С ИГРАМИ, — набрал Дэвид.

Монитор тут же откликнулся:

**ИГРЫ ОТНОСЯТСЯ К ТЕОРИИ МОДЕЛИРОВАНИЯ,
А ТАКЖЕ К ОТРАБОТКЕ ТАКТИКИ И СТРАТЕГИИ.**

— Ага! — завопил Дэвид. — Мы добрались до них! Включай машинку, сможешь? Сделаем распечатку.

Дженифер, с удовольствием входя в роль ассистентки спятившего ученого, подошла к ИБМ-1, в которую ткнул Дэвид, и нажала на кнопку «ВКЛ.».

— **ДАЙТЕ СПИСОК ИГР,** — потребовал Дэвид.

Экран пусто мигал.

— Ну, давай, давай, давай же! — простонал Дэвид, словно они сидели на ипподроме, глядя на рывок жокея. Дженифер молча ждала.

— Наверно, не сработало, — заключила она. — И вообще, Дэвид, это нехорошо. Давай лучше сходим в кино. Там как раз...

— **ИГРЫ,** — оповестил монитор.

— **Есть!** — подскочил Дэвид.

Монитор продолжил:
ЛАБИРИНТ ФОЛКЕНА
ДВАДЦАТЬ ОДНО
ШАШКИ
ШАХМАТЫ
БЛИЖНИЙ БОЙ
ВОЙНА В ПУСТЫНЕ
ТАКТИЧЕСКОЕ СРАЖЕНИЕ.

— Что-что? — удивился Дэвид. — Это уже...

— погоди, — перебила его Дженифер. — Там есть еще.

МИРОВАЯ ТЕРМОЯДЕРНАЯ ВОЙНА.

— Боже праведный, — протянул Дэвид.

— Это, наверно, типа «Управляемых ракет», да, Дэвид? — спросила Дженифер. — Попробуем сыграть?

День уже клонился к закату, когда Дженифер Мак лихо влетела на стоянку перед Сиэтлским университетом. За спиной у нее, судорожно вцепившись в сиденье, прилепился Дэвид Лайтмен.

— Как, ты сказал, звать того парня? — крикнула Дженифер, виляя по узкому проезду.

— Джим Стинг, — ответил Дэвид. Сейчас он уже сомневался, что правильно поступил, попросив девушку привезти его сюда. Но он пришел в такое возбуждение, а ей нечего было делать, так что оба, не раздумывая, сели на мопед и помчались, несмотря на час «пик», через весь город показать Джиму Стингу распечатку. Дэвид по очереди пытался вызвать систему, к которой он подключился, на игру, но из этого ничего не вышло. Тогда он подумал о Джиме.

— Видела мою аппаратуру? — спросил он, подскакивая на очередной бетонной плите.

— Ага. У тебя ее навалом! — уважительно отве-

тила Дженифер, невольно имитируя Фарру Фосет в фильме о студентках-первокурсницах.

— Думаешь, я все это купил? Дудки. Родители не миллионеры и к тому же не одобряют мое хобби.

— Точнее — твой бзик.

— Называй как хочешь. Знаешь, откуда деньги?

— Не знаю. Ограбил кого-нибудь?

— Лучше. Почти все приборы достал Джим Стинг. По дешевке.

— Он что — торгует краденными компьютерами?

— Не-а. Он работает здесь, в университетском вычислительном центре. Заведует ремонтом. Голова по этой части. Делает с компьютерами что захочет. Больше всего любит строить новые системы. Был телефонным жуликом. Доил «Белл», как хотел, и ни разу не попался.

— Он что — звонил через эти черные коробочки?

— Точно. Но потом ему все обрыдло. Нет пищи для ума, понимаешь?

Дэвид сказал ей куда ехать, и мопед покатил по газону, на котором валялись или перебрасывались «летающими тарелками» студенты.

— Как ты с ним познакомился?

— Тайна. Кто-то сказал, что он продает дисковод. Мы встретились, я закидал его вопросами, а вскоре уже половину времени проводил в его мастерской. Многому научился. В прошлом году половину каникул не вылезал оттуда. Узнал больше, чем за четыре года в дурацкой школе. Давай на холм, Дженифер, вокруг этого здания.

Дженифер с обычной ловкостью выполнила маневр.

— Ставь здесь, — сказал Дэвид, указывая на стойку для велосипедов. — И надень замок. Нынешним студентам верить нельзя. Они все — клоны Ричарда Никсона и Рональда Рейгана.

— Полегче! Мой отец республиканец, — с приторным гневом сказала Дженифер, поднимаясь по ступенькам.

— Мой тоже. Что и следовало доказать, — вздохнул Дэвид, пропуская ее в стеклянную дверь.

Они двинулись по коридору, освещенному трубками дневного света, мимо помещений, где сидели студенты: вперившись в экраны мониторов, они нажимали на клавиши. Одни были поглощены играми, другие — программированием.

— К разговору о клонах, — указала на них рукой девушка. — Познай своих собратьев по духу.

Дэвид заговорил утробным басом Питера Лорри из телевизионной серии о пришельцах:

— Мы прилетели из космоса за тем, чтобы поработить вас, люди. Скоро вы все будете сидеть перед мониторами и валять дурака.

— «Нашествие похитителей разума», — засмеялась Дженифер.

— У тебя хорошая память. Держись правее.

Ремонтная мастерская располагалась в конце коридора. На стеллажах и столах лежала компьютерная аппаратура всех размеров, пол был завален панелями и прочим хламом. Пахло горелой изоляцией. Из-за обшарпанной перегородки торчали две ноги и увесистый зад.

— Это и есть твой гений? — спросила Дженифер.

— Он самый. У Стинга даже в конечностях хранится немалый запас информации. Добрых сорок восемь килобайтов. Подожди здесь, о'кей?

Дэвид подошел к выгородке.

— Хэлло, капитан Кранч. Я из телефонной компании «Белл». Она вся горит синим пламенем.

Стинг высунул голову, стукнувшись при этом о косяк:

— Господи!

— Нет, его младший брат.

— Лайтмен! — улыбнулся Стинг, почесывая уши-бленное место. Это был коренастый молодой человек в

фланелевой рубашке поверх линялых джинсов. Двигался он вразвалку, поводя тяжелыми плечами. Дэвид всегда говорил Стингу, что с его внешностью надо работать водителем грузовика. — Эй, Мэлвин, можешь не выкатывать пушку — это Дэвид Лайтмен. Давненько не появлялся, Дэйв. Я уж думал, ты угодил в «черную дыру», которую сам себе напрограммировал.

Из-за стеллажа появился Мэлвин, худющий парень, по виду студент.

— Взгляни на эту штуковину, капитан, — сказал Дэвид, доставая из кармана сложенную распечатку.

— Салют, Лайтмен, — произнес Мэлвин. — Как там твой компьютер — ловит на живца? Что это ты приволок?

Он взял распечатку.

— погоди, я хочу, чтобы посмотрел Джим.

— Откуда ты это взял? — выпучил глаза Мэлвин.

— Пытался пролезть в «Протовижн». У них готовы программы новых игр, хотел добыть.

Стинг потянулся за бумагой, но Мэлвин убрал ее.

— Сейчас, я еще не прочел.

— Ты не в читальне! — Стинг вырвал бумагу и поправил сползающие очки. Он почесал всклокоченную бороду. — «Мировая термоядерная война». Такого у «Протовижн» не может быть.

— Конечно, нет, — проворчал Мэлвин. — Спроси, где он это откопал.

— Я же сказал где.

— Военная информация, — продолжал Мэлвин. — Точно тебе говорю. — Он с подозрением уставился на Лайтмена. — Возможно, секретная.

— Да, — согласился Дэвид. — Я тоже подумал об этом. Но если она военная, почему идет вслед за шашками и шахматами?

— Может, это игры для обучения основам стратегии? — предположил Джим Стинг.

Тут Мэлвин заметил Дженифер, наблюдавшую за ними из коридора.

— Кто это? — спросил он. Его тонкие губы слегка дрогнули.

— Она со мной.

— А чего подслушивает? — нахмурился Мэлвин.

— Она не подслушивает. Она привезла меня сюда, — объяснил Дэвид. — Дженифер, заходи. Познакомься с моими друзьями.

Дженифер неуверенно вошла в помещение. Дэвид представил молодых людей. Стинг и Мэлвин были несколько сбиты с толку появлением особы другого пола. Мэлвин нервно заулыбался, а Стинг старательно отвел глаза. Как будто, мелькнуло у Дэвида, девушка знала о них какую-то страшную тайну.

Дженифер села в кресло и стала терпеливо ждать.

— Скажу честно, Джим, мне жутко хочется влезть в их систему. Игры должны быть потрясные. Я всегда мечтал поиграть в подобную штуку. Никогда не встречал такого!

Мэлвин заправил в брюки вылезший край рубашки.

— Тебе и не положено встречаться с такими вещами. Не сомневаюсь, кстати, что у системы новый алгоритм шифровки данных, и ты никогда не расколешь ее.

— Ни одна система полностью не застрахована, — упрямо замотал головой Дэвид. — Уверен, Джим сумеет подключиться к ней.

Мэлвин взглянул на своего коллегу.

— Даже Джиму это не по зубам, друг мой.

Оба ждали ответа от толстяка Стинга, Мэлвин — с вызовом, Дэвид — с надеждой.

Джим поскреб облупившийся от загара нос.

— Через фронтальную защиту не пробьешься. Нечего и стараться.

Мэлвин фыркнул.

— Но, — продолжил Джим с хитрой усмешкой, — можно попробовать заглянуть с черного хода.

Узкие глазки Мэлвина округлились.

— Ты что, спятил? Здесь сидят посторонние, а ты толкуешь Лайтмену про черный ход!

— Не мороси, Мэлвин, — добродушно хохотнул Стинг. — Черный ход — не государственная тайна. — Его выпуклый живот заходил ходуном.

— Но ты выдаешь наши фирменные секреты, — не успокаивался Мэлвин.

— Какие секреты? Что за черный ход? — вцепился в них Дэвид.

Джим подтянул брюки — он делал это всякий раз, готовясь к объяснениям, — и скрестил руки на груди.

— Когда я конструирую систему, я всегда кодирую ее простым паролем — ключом, известным только мне. В дальнейшем, если мне надо войти в нее, я могу с его помощью обойти любую добавленную позже защиту.

«Невероятно! Потрясающе! — подумал Дэвид. — Это же ясно как дважды два, почему я не подумал о такой простой вещи!»

— Гм... Дженифер, пожалуйста, не трогайте эту штуку, — занервничал Мэлвин. — Это ленточный накопитель, а у меня уже и так достаточно возни с ним.

— Извините, — прошептала Дженифер, невинно моргая.

— Давай дальше! — нетерпеливо потребовал Дэвид.

— Если ты действительно решил влезть в эту систему, тебе надо собрать максимум сведений о парне, который ее сконструировал.

— Откуда я узнаю, кто ее делал? — сказал Дэвид упавшим голосом.

— Тогда.., — развел руками Джим.

— Дай-ка взглянуть на бумагу, капитан, — нетер-

пеливо сказал Мэлвин. — До чего ж вы тупые, парни! Прямо не верится! Автора можно вычислить.

«Старина Мэлвин держится прямо как Эдди Хаскелл, ведущий телевикторину», — подумал Дэвид.

— Каким образом, Мэлвин? Не томи!

— Смотри название первой игры, тупица! — хитро сощурился Мэлвин. — «Лабиринт Фолкена».

— Фолкен?

— Конечно. Автограф мог оставить только малый, составивший программу для этой серии игр.

— Похоже. Не исключено, что он хорошо известен, — согласился Стинг. — Вот так, Дэвид. Прежде чем тыркаться, надо узнать, что за птица этот Фолкен.

— А где?

— Поройся в библиотеке, — предложил Мэлвин.

— Точно. Верная мысль, — сказал Дэвид.

— Смотри в оба, — предупредил Мэлвин. — Это действительно может быть игра. Но играют в нее такие мастера, что ловкачи вроде тебя сразу попадут в ловушку.

— Если я подключусь, — засветился улыбкой Дэвид, — они меня не поймают. Они могли завести новые программы, которых никто еще не знает. Тогда я вставлю их в свои собственные игры. Ладно, сделаем все шито-крыто.

— Полный вперед, Лайтмен, — напутствовал его Джим Стинг. — А сейчас с позволения присутствующей здесь дамы я займусь делом. Работа не ждет.

На обратном пути Дэвид спросил Дженифер:

— Поняла что-нибудь?

— Не очень, — призналась она. — Кажется, ты собираешься сделать какую-то пакость.

— Да нет. От этого никому не будет вреда, — возразил Дэвид. Мысли его были уже далеко. Впереди ждала захватывающая перспектива поломать голову над трудной задачей. — Просто хочу словить кайф.

5 — Может быть, когда-нибудь узнаешь, та-та-та, как я тебя люблю... — напевала Дженифер. Она трусцой бежала вдоль Парк-авеню, радуясь весеннему воздуху, особенно чистому в этот воскресный день.

Утром ей позвонил Бобби Джейсон и сказал, что не сможет прийти вечером на свидание. Врун. «Неважно чувствую себя, Дженни. Наверное, грипп ходит вокруг». Знаем мы, кто ходит вокруг, — Барбара Макалистер по прозвищу Бацилла. Отрастила себе телеса, не обхватишь. Корова.

Дженифер была одета в темно-коричневые шорты и топ на бретельках, на ногах — кроссовки; все вместе, она знала, выглядело неплохо. Ей нравился бег трусцой. Отец, заядлый спортсмен, активно поощрял занятия дочери. Дженифер вступила в отрочество довольно пухлым подростком, но благодаря бегу, теннису, лыжам зимой и аэробике спустила вес, так что теперь могла позволить себе такие излишества, как пицца и молочный коктейль. Никакого курева — на это у нее хватало ума. Мама ее курила, как паровоз, и кашляла без перерыва, так что у Дженифер перед глазами был постоянно живой отрицательный пример.

Дженифер Мак считала себя нормальной девушкой-подростком: у нее появлялись угри, но не выскакивали прыщи; пару раз обнималась с мальчиками и искренне недоумевала, почему вокруг секса столько разговоров.

У нее был старший брат, учившийся в колледже, и младшая сестричка, не отливавшая от ее магнитофона. Короче, она вела заурядную скучную жизнь американской девушки. Где любовь? Где романтические приключения? «Неужели это все, и другого не будет?» — как пела Пегги Ли; мама, кстати, любила слушать эту песню.

Кроссовки мягко шлепали по асфальту. Она круто свернула в переулок. Ветер откинул назад волосы и обдал прохладой слегка взмокшее лицо. Какой-то муж-

чина, чинивший забор, положил молоток и проводил ее долгим взглядом.

Дженифер потрусилась еще пару кварталов и тут сообразила, что оказалась на улице, где живет Дэвид Лайтмен. Его уже два дня не было в школе. Интересно, что с ним стряслось? Наверняка терзает свой компьютер. Она рассказала маме о знакомом мальчике, одержимом компьютерами, не упомянув, правда, про историю с отметками. Мать покачала головой: «Твой отец в его возрасте был помешан на автомобилях. Сейчас, кажется, машины не в моде. Слава богу, отец не обзавелся этим кошмаром — персональным компьютером. Я слышала, из-за него люди разводятся».

— Мама, — ответила она, — если б Дэвид Лайтмен занимался машинами, как компьютерами, он бы гонял сейчас на автодроме в Дейтоне пятьсот миль по кругу!

При всех своих странностях парень нравился Дженифер. Застенчивость очень шла ему, а мягкость манер придавала какую-то загадочность. Ему бы прибавить веса, загореть, одеться во что-нибудь приличное, и он бы выглядел хоть куда. Не стыдно было бы показаться с ним в дансинге. Во всяком случае, он не пытался лапать ее и не сопел в ухо, как те балбесы, которые ее провожали. Иногда она спрашивала себя — действительно ли им доставляет удовольствие так поступать или просто это у них в генах? Она живо представила, как мистер Лиггет разглагольствует о хромосомах и тяге к футболу американских подростков.

Пожалуй, раз уж она оказалась в этом районе, надо зайти к Дэвиду Лайтмену. Не то чтобы она так уж интересовалась парнем, просто было любопытно. К тому же после того, как он исправил ей отметку, она чувствовала себя обязанной. Надо удостовериться, что с ним все в порядке. К ее чувствам это не имело никакого касательства.

Метрах в пятидесяти дальше по Вязовой улице пока-

зался дом Лайтменов. Она пробежала по тропинке и постучала в дверь.

Ей открыл мужчина в очках. Он подозрительно уставился на нее, словно ожидая, что она попросит сейчас денег на мероприятие герлскаутов. Дженифер придала своему лицу выражение «Я — благонравная скромница, ваша соседка» и сказала:

— Здрасьте. Дэвид дома?

Мужчина продолжал разглядывать ее.

— Вы, очевидно, мистер Лайтмен?

— Совершенно верно.

— Я... гм, — она вспомнила про свой наряд и поняла, что далека от образа благонравной скромницы. Шорты открывали ноги почти до верха, лифчика она не носила, а топ плотно облегал бюст. — Я пробежала мимо.

Мистер Лайтмен кашлянул и отвел взгляд.

— Да. Рад видеть такую пышущую здоровьем... гм... Да, Дэвид. Он наверху, в своей комнате. — С этими словами Лайтмен-старший шагнул назад, пропуская девушку в дом.

— Благодарю.

Видя, как она уверенно идет к лестнице, мистер Лайтмен не мог скрыть удивления.

— Вы уже бывали у нас?

— О да! — задорно ответила она. — Дэвид — замечательный мальчик.

— Вы бывали у него в комнате?

— Гм... Угу.

— Как там у него?

Она вздохнула, закатив глаза:

— Потрясно!

Мистер Лайтмен неловко разгладил зажатую в руке газету.

— Хорошо бы вам брать его с собой побегать. Он совсем не занимается спортом. Одичал.

— Обещаю заставить его делать зарядку, мистер Лайтмен, — весело произнесла она, взмахнув на прощание рукой.

Тот с удивлением смотрел ей вслед.

На стук в дверь раздалось ворчливое: «Да?»

— Это я. Дженифер.

— Дженифер? — Послышались шаги, щелкнул замок, и Дэвид Лайтмен высунулся из двери, словно крот из норы. — Привет. Ну, заходи.

Девушка вошла в комнату.

— Ого! — воскликнула она. — У тебя как после бомбежки.

Комната, и без того захламленная, сейчас напоминала поле боя: куда ни глянь — бумаги, журналы, кипы распечаток, груды грязного белья, банки из-под кока-колы, пакеты из-под хрустящего картофеля и прочие неопознанные объекты. Вся наличная аппаратура работала с полной нагрузкой: на дисководах хлопотливо мелькали огоньки, на экранах мониторов маячил интригующий список игр, телеприемник был подключен к видеомангитофону. В комнате пахло, как в чулане библиотеки.

— Я очень занят, — буркнул Дэвид, усаживаясь перед клавиатурой.

— Вижу. А где ты был?

Дэвид вперился в дисплей монитора.

— Что? — с отсутствующим видом переспросил он.

Ну и бирюк, даже не обратил внимания, как она выглядит. С ним и правда что-то не так. Отец верно заметил.

— Ты куда пропал? — с упреком спросила Дженифер.

— А? Да... О, извини, — вскочив, он смахнул с кровати несколько книг, чтобы она могла сесть.

— Ты можешь ответить, чем ты был занят?

— Сидел в библиотеке.

— Кроме шуток?

— Пытался отыскать материал об этом парне, который составил программы игр. Тогда можно вычислить его личный пароль.

— Правда?

— Да. — Глаза Дэвида зажглись. — Дженифер... это оказалось просто. Я взял в каталоге научной библиотеки университета карточку с фамилией «Фолкен». — Он вытащил из-под груды бумаг толстый желтый блокнот, густо покрытый записями. — Его полное имя Стивен У. Фолкен. И представь, первая публикация, на которую я натолкнулся, называлась «Лабиринт Фолкена. Как обучить машину думать». Я взял оттуда кое-что и попробовал ввести в компьютер. Не сработало. Тогда я выписал все его публикации... и выяснил, что Фолкен умер в 1973 году. Теперь пробую разные варианты, ввел уже целую кучу, но...

— погоди. А ты узнал, кто он такой, твой Фолкен? Есть какие-нибудь сведения?

— Конечно. Он англичанин, но почти все время работал по контракту с американским министерством обороны.

— Нет, Дэвид, честное слово, ты чокнулся. Ну что такого особенного в этих играх, из-за чего надо умирать. Бред какой-то!

— Это не просто игра, Дженифер. Неужели ты не понимаешь? Я столькому научусь, если смогу подключиться к их программе! Вот. Ты хотела узнать про Фолкена. — Он схватил кассету и сунул ее в видеомэгнитофон. — Смотри! — Он нажал на кнопку «пуск».

На телеэкране показались изображения нескольких игр. Голос за кадром рассказывал что-то о стратегии игр, об электронных машинах. Изображение было черно-белым — старая запись. Затем появился человек.

— Это Фолкен, — сказал Дэвид. — Демонстрирует

прототип своего компьютера. Он был большой мастак не только по играм, но и по компьютерам. Составлял программы обучения ЭВМ. Они у него умели играть в шашки, шахматы.

— Но теперь это умеют все машины, разве нет? — спросила Дженифер.

— В том-то и дело, что нет, — ответил Дэвид. — Он создал компьютеры, которые учились на своих ошибках и повышали мастерство с каждой партией. Самообучающиеся системы. Если удастся подобрать пароль, я смогу применить его метод для своих собственных программ...

— Да, видно, он был семи пядей во лбу, — протянула Дженифер, глядя на экран. — Жаль, умер. Иначе ты мог бы ему позвонить. Совсем молодым умер.

— Что ты — старик, — махнул рукой Дэвид. — Сорок один год или около того.

— Неужели такой старый?

— Да. Я нашел некролог, — Дэвид протянул ей распечатку.

Тем временем на телеэкране появился трехлетний мальчуган, нажимавший клавиши компьютера. Камера подъехала ближе, и стало видно, что он играет в крестики-нолики.

— Его сын, — сказал Дэвид.

Дженифер просматривала некролог.

— Какой ужас, — сказала она. — У него жена и сын погибли в автомобильной катастрофе.

— Угу.

— Фолкен умер сорока одного года. А я сейчас вспомнила, что моему отцу сорок пять. Однажды, помню, он серьезно заболел, и мы так боялись, что он...

Дэвид вскочил, словно получил разряд электричества.

— Как его звать? — вскричал он.

— Моего отца?

— Нет, фолкеновского сына. Как его звали?

Дженифер заглянула в распечатку.

— Здесь сказано — Джошуа.

Глаза Дэвида сверкнули.

— Сейчас попробую.

— Попробуешь что?

— Найти пароль. Он мог закодировать систему именем кого-нибудь из своих близких... чтобы никто не догадался. Вдруг это Джошуа — ведь он играл с компьютером!

Дэвид сел к пульту и ввел слово ДЖОШУА.

СЕАНС ОКОНЧЕН, — ответил монитор.

— Это было бы слишком просто, — сказала Дженифер. — А знаешь, у меня есть идея.

Дэвид обмяк в кресле и покачал головой.

— Ну, как же, Дженифер Мак — гений ЭВМ. Я тут двое суток бьюсь головой о клавиатуру, а ты пришла и раз-два — нашла ответ.

— Не зуди! — раздраженно оборвала его Дженифер. — Давай попробуем, это займет две секунды.

— О'кей. Выкладывай, — устало согласился Дэвид.

— Может, это не просто «Джошуа», — начала рассуждать вслух девушка, разглядывая некролог, — а два имени, сына и жены.

— Не, как правило, ставят одно слово. Сейчас попробую. Как звали жену?

— Маргарет.

Не сработало.

— Стой! — сказала Дженифер в приливе вдохновения. — Здесь сказано, что Джошуа погиб в возрасте пяти лет. Может, попробовать цифру пять после слова «Джошуа»?

— Отчего не попробовать, — пожал плечами Дэвид.

Дженифер встала, чтобы посмотреть, как он набирает:

ДЖОШУА 5.

Монитор не отключился.

Неожиданно по экрану побежали совершенно непонятные Дженифер буквы и цифры.

— Вот те на! — воскликнул Дэвид.

— Что случилось?

— Ключуло!!! — возликовал Дэвид, одарив Дженифер широчайшей улыбкой. У девушки по спине пробежала дрожь.

Но монитор внезапно погас.

— Ку-ку, — сказала Дженифер.

— Нет, еще не все.

По экрану побежали буквы: **ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.**

— Подключились! — захлебнулся Дэвид. — Машина думает, что я Фолкен!

Он быстро набрал ответ: **ПРИВЕТ.**

Телеэкран отреагировал на него фразой: **КАК ВЫ ПОЖИВАЕТЕ?**

— Зачем она спрашивает об этом? — удивилась Дженифер.

— Машина будет спрашивать обо всем, что заложено в ее программе, — ответил Дэвид. — Хочешь послушать, как она разговаривает?

— Разговаривает? Ты имеешь в виду... произносит слова?

— Ага! — Дэвид постучал пальцем по небольшой коробке с тумблерами и ручками. — Это синтезатор речи. Сейчас включу..., — щелчок, — и он будет повторять каждое слово по слогам. Слушай, я спрошу компьютер, как он поживает.

Я **ХОРОШО. А ТЫ?** — набрал Дэвид.

Машина ответила двумя строчками букв на экране. Одновременно чуть гнусавый голос произнес без всякого выражения:

— Прекрасно. Чем объяснить исчезновение вашего абонентного номера 23 июня 1973 года?

ЛЮДИ ИНОГДА СОВЕРШАЮТ ОШИБКИ, — набрал Дэвид.

— Верно, — раздался электронный голос.

ВЕРНО, — засветилось на экране.

— Я не понимаю, — растерянно сказала Дженифер.

— Это не настоящий голос, — объяснил Дэвид. —

Прибор просто переводит сигнал в звук.

— Не хотите сыграть? — спросила машина.

НЕ ХОТИТЕ СЫГРАТЬ? — эхом отозвались буквы на экране.

— Знаешь..., — произнесла совершенно замороженная Дженифер, — похоже, она соскучилась по Фолкену.

— Ага! — в раздумье кивнул Дэвид. — Фантастика, да?

Странная улыбка застыла на его лице. Дженифер она не нравилась: в ней было что-то победно-зловещее.

НАЧНЕМ ТЕРМОЯДЕРНУЮ ВОЙНУ? — набрал Дэвид.

— Не угодно ли партию в шахматы? — спокойно осведомилась машина.

ПОТОМ, — набрал Дэвид. — **ДАВАЙ СЫГРАЕМ В МИРОВУЮ ТЕРМОЯДЕРНУЮ ВОЙНУ.**

— Прекрасно, — ответила машина. — На чьей стороне вы будете?

— Ага! — сказал Дэвид. — Сейчас долбанем!

Я БУДУ РУССКИМИ, — набрал он.

— Обозначьте цели первых ударов, — потребовала машина.

— Ну и игра! — Дэвид повернулся к Дженифер. — Куда ты хочешь шарахнуть атомной бомбой?

— Лас-Вегас, — ответила Дженифер. — Отец однажды просадил там в казино кучу денег.

— О'кей! Лас-Вегас получает у нас плюху. Давай дальше. Безусловно Сиэтл.

— Да! Мне здесь обрыдло, — согласилась Дженифер.

Оба захихикали.

Дэвид Лайтмен ввел в машину названия еще нескольких городов.

— Благодарю, — ответила машина.

— Что дальше? Надо ждать? — спросила Дженифер.

— Не знаю.

— Игра начинается, — объявил компьютер.

Экран опустел.

— Что-нибудь не так? — спросила Дженифер.

— Не знаю.

— Медленно тянется.

— Некоторые стратегические игры требуют времени.

Внезапно на экране густо высыпали цифры.

— О черт, забыл включить дисковод, чтобы убрать лишнее, — Дэвид быстро исправил положение. — Ну вот, все. Готовы начать третью мировую войну, леди Мак?

— Да!

Оба громко расхохотались.

В Хрустальном дворце, пещерном чреве, начиненном попискивающими и помигивающими машинами смерти, работа шла своим чередом. Помещение навело странные чувства: оно казалось полубиблиотекой-полумогилой. Техники разговаривали приглушенными голосами или просто молча отсиживали часы дежурства, передвигаясь от стола к столу в креслах на колесиках, снимая показания приборов, следивших за территорией Советского Союза или приближением муссонных облаков к Калимантану. Специалисты изучали данные тысяч радарных и сонарных установок. В затемненных частях амфитеатра экраны отбрасывали зловещий отблеск на

лица дежурных, шептавших в микрофоны странные для непосвященных слова. На посту сейчас находилось семьдесят военных, прошедших долгую подготовку. Большие электронные карты, висевшие под потолком, выглядели словно пустые скрижали в ожидании пророчества.

Между картами находилось табло, призванное показывать счет в будущей смертоносной игре. Сейчас оно сообщало, в какой степени готовности находится система обороны страны:

СТОГ 5.

СТОГ (степень оборонной готовности) 5 означала мирное время, СТОГ 1 — тотальную войну; 4, 3 и 2 соответствовали промежуточным стадиям.

Генерал Джек Берринджер сидел, сняв китель, в рубашке, на командном мостике напротив больших экранов и думал о том, почему не несут кофе. Генерал Джек Берринджер пребывал не в лучшем расположении духа.

Его сын Джимми не был военным. По правде говоря, его сын Джимми был интеллигентский хлюпик, вымучивший ученую степень по английской филологии в каком-то занюханном колледже в Северной Калифорнии, а папаша платил за обучение. Предмет особых забот генерала формулировался так: «Как привлечь людей в армию?» Дочерей он выдал замуж, и они, как полагается послушным дочерям, родили внуков, но единственный сын назло отцу отказался идти в вооруженные силы. Как раз сегодня утром миссис Берринджер, сияя, показала ему письмо от Джимми; ее привело в восхищение, как преуспел двадцатипятилетний недоросль и сколь прекрасен слог, каким написано это послание. Генерал Берринджер не разделил ее восторга, заявив, что он с куда большим удовольствием поглядел бы, как этот бездельник держит винтовку на поле брани, а не водит пером в затхлом

классе. Эта ремарка вызвала короткую стычку между генералом и генеральшей, очень похожую на перебранки между генералом Бронебоем и его женой в кинокомедии «Жук Бейли». Генерал Берринджер терпеть не мог этого комика. В кино сейчас военного так и норовят выставить дураком. Куда подевались добрые старые ленты?

Еще больше генерал Джек Берринджер был раздражен успехом прошлогодней поездки доктора Джона Маккитрика в Вашингтон. Паршивец, добился-таки своего. Теперь ОПРУ заменил людей в шахтах, а сам Маккитрик разгуливает с масляной улыбкой, словно его беспрерывно чешут за ухом. «Сколько наград заслужил я в Корее и Вьетнаме, и вот она, благодарность», — пробурчал генерал себе под нос.

— Где сержант Рейли? — громко спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь. — Где, черт побери, мой кофе?

Он чувствовал, как накатывает головная боль, и кофе нужен был ему, чтобы запить аспирин; наверняка понадобится не одна таблетка, чтобы оставаться в форме до конца дежурства.

Старший офицер связи, полковник Конли, сидевший рядом с начальником, заметил:

— Вы просили со сливками, Джек. Может, у них кончились сливки?

— Кончились сливки! Исключено, — возразил Берринджер. — Я велел натащить в эту нору столько кофе, чтобы можно было пересидеть атомную катастрофу, и достаточно сливок. Ты ведь знаешь, Эл, я не могу без них из-за проклятой язвы. — Он покосился на главный терминал ОПРУ, за которым сидел майор Фредерик Лем. — Кстати, она особенно дает себя знать после того, как Маккитрик взгромоздил нам на шею свою проклятую машину.

— Джек, если у вас язва, надо пить «Маалокс», а не кофе.

Генерал Берринджер с отвращением фыркнул. В это время к нему подошел сержант-ординарец с дымящейся чашкой.

— Наконец-то, — сказал генерал, снимая ее с подноса. — Эй! А где сливки?

Сержант улыбнулся и ваташил из кармана четыре картонные упаковки:

— Так вам удобней будет глотать их, сэр.

Оператор радарной установки Тайсон Адлер осторожно отхлебнул глоток горячего чая, смешанного с травами; напиток имел миндальный привкус. Вообще-то пить возле пульта запрещалось: пролитая случайно жидкость грозила вывести его из строя. Но у Адлера невыносимо першило в горле. Накануне он был на танцах с подругой и, разгоряченного, его прохватило на сквозняке. Еще не надо было прыгать под дождем через лужи. Ладно, перебьемся как-нибудь.

Адлер аккуратно завинтил крышку термоса и поставил его рядом со стулом. В ту секунду, когда он отвернулся от экрана, на нем появилась электронная точка.

Затем еще две.

И вот уже целая гроздь светящихся точек двинулась по траектории к западному побережью Соединенных Штатов.

Оператор радарной установки Адлер тяжело вздохнул и обратил лицо к электронному хрустальному шару, атрибуту современных гадалок. Думал он об ужине. Джули обещала сварить сегодня спагетти, а как она это делает, не умеет никто в мире, так что...

Боже праведный!

Долю секунды он глядел на электронные светляки, потом схватил телефон.

— У меня семь..., — произнес он, — поправка: восемь Красных птиц, два градуса после апогея, предпо-

лагаемые районы поражения... НОРАД два-пять и два-шесть.

Немедленно включилась воющая сирена, все головы разом встрепенулись, как бывает в аудитории на послеобеденной лекции, когда окрик профессора вырывает студентов из сна.

Капитана Кента Ньюта сообщение Адлера застало врасплох, как и большинство дежурных. Но он тут же встрепенулся, поправил свой монитор и щелкнул тумблером прямой связи с базой на Аляске.

— Кобра Дейн, — произнес он, стараясь совладать с колотящимся сердцем. — Поступило сообщение о движении советских ракет. Проверьте правильность показаний приборов и доложите...

Связистку ВВС Мегги Филдс сирена застала на полпути к туалету. Повернувшись по-военному, она домчалась до своего места и нахлобучила на голову наушники с микрофоном. «Как назло не вовремя!» — мелькнуло у нее.

— Всем станциям, — твердо отчеканила она, глядя на свой терминал. — Говорит Хрустальный дворец. Тревога! Срочно приготовиться...

Ее сосед, лейтенант Морган, плюхнулся в свое кресло и тоже натянул наушники. Минуту назад он стоял в прихожей, разговаривая с той рыжей.

Оператор радарной установки Адлер был слишком поглощен работой, чтобы испытывать страх. Он считывал в микрофон показания экрана:

— ...Девятнадцать градусов после апогея, восемнадцать потенциальных целей поражения. Предполагаемый вход в плотные слои атмосферы — двадцать три, девятнадцать, Зулу.

Генерал Джек Берринджер пытался оттереть пролитый на брюки кофе.

— Сэр, — доложил полковник Конли, — радары показывают восемь советских МБР, летящих в нашу

сторону. Они уже над полюсом. — Глаза Конли, казалось, затуманились от шока, но чеканная речь не вызвала сомнений, что мозг его функционирует исправно. Сверившись с записями, он добавил: — Время до удара... двенадцать... вернее — одиннадцать минут. Уточненная зона поражения: Запад Соединенных Штатов.

Долю секунды генерал Берринджер пребывал в столбняке. Затем его голова круто повернулась к центральному экрану с изображением Северной Америки и окружающих ее морей. С края карты к побережью континента двигались восемь светящихся точек.

— Почему не было сообщения о запуске ракет с разведывательных спутников? — спросил генерал Берринджер.

На бровях Конли повисли капельки пота.

— Точно не знаю, сэр. Мы ищем возможную неисправность в ДСП. — Он вновь повернулся к пульту.

Адлер чувствовал, как к горлу подступает тошнота. Изображения на его экране с ужасающей четкостью показывали ход событий. Тяжко дыша и сглатывая слюну, то и дело поправляя съезжающий набок микрофон, он расшифровал то, что видел:

— Система раннего предупреждения подтверждает атаку баллистических ракет... достоверность велика... повторяю степень достоверности велика.

«Мамочка, я люблю тебя», — промелькнуло в голове Адлера.

Примерно в тысяче миль от подземного центра двое подростков, как зачарованные, не отрывали глаз от маленького экрана «Сильвании». По экрану проплывали флотилии символов, казавшихся Дженифер Мак при быстрой перематке египетскими иероглифами. Лицо юноши отражало чистейшую радость, когда приходилось отвечать на вопросы машины; он азартно

нажимал клавиши на терминале и подскакивал при виде результатов.

— Что все это значит? — допытывалась Дженифер.

— Не знаю, — расплывался в улыбке Дэвид Лайтмен, — но здорово!

Символы проносились по экрану, как электронные призраки, и вереницей мчались навстречу Страшному суду, точнее — на терминал компьютера ОПРУ в толще горы Шейен рядом с командным мостиком Хрустального дворца. Там возле печатающего устройства стоял долговязый лейтенант Харлан Догерти.

Оторвав распечатку, Догерти выпалил ее содержание генералу Берринджеру, который мертвой хваткой впился ногтями в мягкую спинку его стула.

— ...Президент уже в лимузине, направляется к базе «Эндрюс»... Вице-президента нет на месте... Председатель комитета начальников штабов...

Полковник Конли поднял голову от пульта связи.

— Система раннего предупреждения функционирует исправно. Степень достоверности остается высокой, — произнес он, внезапно ощутив легкое головокружение. Его всегда подмывало узнать, как все это будет в действительности, а не на учениях и испытаниях. Теперь Конли знал. И мысль, свербившая его, была о том, сможет ли он, несмотря на весь профессиональный навык, выполнить э т о.

— Переводите на СТОГ 3, — приказал генерал Берринджер. — Свяжитесь с КСА. Пусть поднимают бомбардировщики.

Помощники немедленно передали приказания. Берринджер поднял глаза на электронное табло под потолком. На нем все еще горело СТОГ 5. Мгновение — и цифра изменилась на СТОГ 3. «Пока все хорошо», — подумал Берринджер.

Капитан Кент Ньют уловил перемену сигнала, уловил боковым зрением, как засуетились офицеры и тех-

ники, уловил гул голосов и учащенное мигание сигнальных лампочек. Отжав кнопку последней цифры заранее набранного кода, он произнес в микрофон:

— КСА, говорит Хрустальный дворец. Командующий НОРАД объявляет СТОГ 3. Поднимайте дежурные самолеты. Повторяю: поднимайте все дежурные самолеты.

Оператор радарной установки Адлер, сидевший в нижнем ряду амфитеатра, следил за происходящим по своему дисплею. Та же картина отражалась на большом экране под потолком. Восемь ракет, летевших к Северной Америке, разделились на множество боеголовок.

— МИРВы* разошлись, — передал Адлер. — Сейчас у нас двадцать четыре потенциальные цели.

Выслушав сообщение, лейтенант Догерти взглянул на показания дисплея.

— Сэр, — доложил он генералу Берринджеру, — до удара остается восемь минут!

Полковник Конли протянул генералу трубку.

— Сэр, — коротко бросил он, — КСА посылает бомбардировщики. У аппарата генерал Пауэрс.

— Берринджер слушает.

— Для чего вы там сидите?! — голос генерала Пауэрса взвизгнул до визга. — Чтобы ковырять пальцем в носу? Почему не сообщили вовремя?

— Не было сигналов, — начал оправдываться Берринджер. — Спутники не засекали момент запуска ракет. Радары заметили их уже после выхода из атмосферы. Как снег на голову.

— Ясно. Если это все по-настоящему, бомбардировщиками нам не обойтись. А коли так, Берринджер... — Пауэрс помолчал и закончил чуть дрогнувшим голосом, — встретимся в аду, о'кей?

* МИРВ — ракета с разделяющимися боеголовками индивидуального наведения.

— Да, Билл, — Берринджер повесил трубку и повернулся к экрану. Это было по-настоящему. Если что-то вдруг не изменится кардинальным образом, в дело вступала «большая тройка» — ударная волна, испепеляющий жар, смертоносная радиация. На такой работе, как у Берринджера, человек должен быть постоянно готовым к этому. Генерал вздохнул. «Словно гора с плеч», — подумал он. Но перед мысленным взором тут же возникли лица внуков, жены и даже поганца-сына, штудирующего английский в занюханном колледже, и война внезапно перестала быть просто работой, даже для него.

— Пора шевелить ракеты в стойлах, — бросил Берринджер Конли. — Подготовьте их к запуску.

Берринджер в сотый раз поднял глаза на экран: светящиеся точки упрямо приближались к Соединенным Штатам. Каждая означала несущуюся ракету с мегатоннами ядерного заряда. После взрыва сердце едва успеет отсчитать несколько ударов, как огненный смерч поглотит целые города и миллионы человеческих жизней.

«У старухи с косой сегодня будет урожайный день», — подумал Берринджер.

— Сэр?

Помощник протягивал Берринджеру трубку желтого телефона. Генерал взял ее. Стоявшие на командном мостике разом повернулись к нему — все знали, что означал желтый телефон.

Генералу предстояло принять страшное решение.

— Знаешь, — сказал Дэвид Лайтмен Дженифер Мак, глядя на монитор, по которому стройными рядами дефилировали буквы и символы, — я, кажется, раскусил эту штуку. Жаль только, мало изображений. Когда буду

делать свой вариант, обязательно введу богатое изображение. Тут есть на чем разгуляться!

— А звуки! — спросила Дженифер. — Ты можешь сделать звуки, как в зале видеоигр?

— Конечно. Свист, рев, взрывы... Бум! Трах!

— А крики получатся на синтезаторе? — продолжала любопытствовать Дженифер.

— На моем нет. Крики получатся на одной ноте. — На мониторе возникла фраза, заканчивавшаяся вопросительным знаком. — Джошуа спрашивает, хотим ли мы подключить к атаке атомные подводные лодки.

— Блеск! — хихикнула Дженифер. — Задай им жару!

— Слушаюсь.

Он поднес руку к клавиатуре, чтобы ввести соответствующий приказ, но тут со двора донесся металлический звон, а вслед за ним яростный собачий лай.

— Ого! — воскликнул Дэвид. — Американцы бросили против нас конвойные войска с овчарками!

— Дэвид! — раздался голос снизу. — Дэвид!

— Американцы пустили в ход секретное оружие!

Оба согнулись от хохота. Дэвид доковылял до окна и глянул сквозь занавеску во двор. Так и есть, папа стоял возле опрокинутых мусорных баков, обратив негодующий лик на второй этаж. Газон был завален мусором.

— Дэвид! — вопил он. — Сколько раз тебе можно говорить — закрывай крышку на замок. Теперь полюбуйся!

— Я спущусь через пару минут, — ответил Дэвид.

— Не через пару минут, — взвился мистер Лайтмен, — а немедленно! Ты слышишь? Немедленно собери всю эту гадость! Понял?

Из дома вышла мать. Поглядев на рассыпанный мусор, она ласково сказала:

— Сынок, будь умницей, спустись и сделай то, что велит папа.

Дэвид пошел к двери, по дороге скинув на пол несколько книг.

— Срок ультиматума истек? — спросила Дженифер с понимающей улыбкой.

— Сама видишь. Всегда так. Только сосредоточься на игре, они норовят все испортить!

Дэвид с сожалением взглянул на экран.

— Не везет, — вздохнул он, выключая систему.

На большой карте Северной Америки в Хрустальном дворце НОРАД замигали все лампочки.

Экраны вдруг разом погасли. Вой сирены, служивший музыкальным сопровождением кризиса, смолк.

— Что это? — воскликнул Адлер.

— Какого черта? — произнес капитан Ньют.

Полковник Конли забарабанил по кнопкам.

Экраны медленно ожили.

Ни на одном не было и намека на приближающиеся русские ракеты.

Полковник Конли записал переданное в наушник сообщение и взглянул на генерала Берринджера. По его легкой голубой рубашке расплзлись темные пятна.

— Генерал, Служба раннего предупреждения и Кобра Дейн передают отрицательный ответ о ракетной атаке по всем линиям.

Берринджер не сразу уяснил смысл сказанного. Затем его обдало волной надежды.

— Передайте КСА, — приказал он, — пусть не дергаются!

Уголок глаза он заметил, как в операционный зал Хрустального дворца ворвался взмыленный человек и бешено замахал руками, привлекая к себе внимание.

— Стоп! С т о - о - о п! — во все горло орал Поль Рихтер. Удивленные лица повернулись к нему. — Это

имитация! — продолжал кричать он. — Машина моделирует нападение!

Как только до него дошло, что происходит, Поль Рихтер пулей выскочил из помещения ОПРУ. «Только бы успеть, прежде чем они запустят ракеты», — стучало у него в голове. Отшвырнув ногой чей-то стул, он помчался к лестнице.

Генерал Берринджер свесился с командного мостика.

— Что он сказал? — не веря своим ушам спросил он.

Отпихнув какого-то техника, загородившего проход, Рихтер, прыгая через несколько ступенек, ворвался на мостик и, задыхаясь, выпалил:

— Никакой атаки н е т! — Он судорожно глотнул воздух. Такие пробежки явно не для него. — Это имитация! Ради бога, не давайте прика...

— Что здесь, черт побери, происходит? — зарычал Берринджер, наливаясь кровью. — Вы не знаете, что здесь запрещено бегать?! Вы могли сбить кого-нибудь!

— Извините, сэр, — Рихтер все еще ловил ртом воздух. — Мы еще не знаем подробностей, но кто-то посторонний ввел в главную систему команду моделирования атаки баллистических ракет.

Следом за Рихтером на балкон поднялась Пат Хили с листом распечатки и протянула его Рихтеру.

«Проклятый Маккитрик, насовал нам своих машин, — подумал Берринджер. — Вот бы его сюда сейчас, пусть полюбуется, мерзавец, что творится!»

— Конли, — сказал генерал, — давайте отбой общей тревоги и переведите на СТОГ 4, пока мы точно не выясним, что происходит...

Рихтер взглянул на распечатку и в гневе повернулся к Пат Хили.

— Я вам не велел отключать линию. Кто вам сказал отключить линию? В ы о т к л ю ч и л и л и н и ю! —

Он в испуге взглянул на генерала Берринджера. — Сэр, они выключили систему прежде, чем мы смогли засесть источник.

Пат Хили сохраняла спокойствие и достоинство.

— Мы установили район, откуда была послана команда о включении программы.

— Откуда? — спросил Берринджер.

— Сиэтл, штат Вашингтон, сэр.

6 Солнце выглядело раскаленной монетой, проваливавшейся в прорезь гигантского игрового автомата на горизонте. Приятный ветерок трепал зеленые листочки на деревьях, окаймлявших улицу, где жил Дэвид Лайтмен. Паренек быстро приближался к дому. Ветровка его была нараспашку, голова откинута, он фальшиво насвистывал «Пэкменовскую лихорадку». Часть улицы блестела свежим покрытием.

Настроение — отличное! Понедельник прошел блестяще. Уроки промелькнули незаметно. Дженифер Мак держалась с ним дружелюбно и непринужденно. Черт, надо будет взять ее как-нибудь в видеотеку — поучить обращению с машинами. Но это не к спеху. Дженифер, конечно, приятный кадр, но дело — прежде всего.

Дома его ждал диск с полной записью вчерашней игры с Джошуа. Придется повозиться, пока разберешься до конца с этой штуковиной, но какая уйма информации!

«А много ли ты знаешь?» — думал он, весело перепрыгивая через тротуар возле дома. Как замечательно распустились мамины цветы, заметил он; их аромат смешивался с запахом свежескошенной травы на соседнем газоне. «Мои нынче дома!» — отметил он.

Дэвид толчком раскрыл дверь. На его лице обозначилась широкая счастливая улыбка. В гостиной уютно

светился телевизор. Отцовские ноги в мягких тапках торчали из любимого мягкого кресла.

— Салют, па! — радостно произнес Дэвид, сунувшись в темную комнату.

Отец пробасил что-то в ответ и переключил телевизор на другую программу.

Дэвид пожал плечами и перепрыгнул через несколько ступенек лестницы.

— Дэвид! — окликнула мать из кухни. Дэвид замер. В том, как она произнесла его имя, было что-то, что разом заставило его напрячься. Рефлекс, оставшийся с детства. Он двинулся вниз.

— Я что-то натворил?

В голосе матери, как ему показалось, он уловил сухие нотки. Выглядела она очень деловой. Может, из-за ярко накрашенных губ и теней на веках — непременных атрибутов агента по продаже недвижимости? В правой руке она держала белый картонный формуляр.

— Полно́ всего, мистер, — ответила мама, протягивая ему картонку. Но тут строгое выражение ее лица сменилось улыбкой: — Я получила твои отметки за четверть. Поздравляю, дорогой!

Дэвид заглянул в табель. «Ну конечно, облапошил школьную ЭВМ — и результаты налицо», — вздохнул он. Мать крепко обняла его.

— Иди, покажи отцу. Я говорила ему, ты можешь хорошо учиться. — Она повернула голову в сторону гостиной. — Милый! — Взяв сына за руку, мать решительным шагом направилась к телевизору.

«О черт, — мелькнуло у Дэвида, — так хотелось посидеть над анализом игры с Джошуа».

Они переступили порог тот момент, когда отзвучала последняя нота музыкального вступления к выпуску новостей компании Си-би-эс. На экране ведущий Дэн Разер, в белой «водолазке» под пиджаком, завоевывавший все больше симпатий телезрителей, с профес-

сиональной серьезностью сообщил о главном событии дня:

— Вчера вечером в течение трех с половиной минут вооруженные силы Соединенных Штатов были приведены в полную боевую готовность для отражения ядерной атаки.

— Гаролд, полюбуйся на э т о! — миссис Лайтмен сунула формуляр под нос мистеру Лайтмену.

— погоди, ты что, не слышала? — отмахнулся мистер Лайтмен, крутя шеей, чтобы видеть экран. — Оказывается, мы пережили вчера кризис.

— Судя по показаниям приборов, — продолжал ведущий, — Советский Союз произвел неожиданное ракетное нападение.

«Ч т о ? — внезапно мелькнуло у Дэвида. Он уставился на экран. По мере того как ведущий сообщал подробности, в юношу закрадывалось подозрение, постепенно переходившее в леденящий страх.

— Боже праведный, — сказала миссис Лайтмен.

— Представитель Пентагона, — рокотал Разер, — возлагает вину на ошибку в действиях компьютера. Как он подчеркнул, неисправность была немедленно устранена. Наш корреспондент Айк Паппас сообщает следующие подробности...

Мистер Лайтмен глядел на жену и сына округлившимися глазами.

— Я говорил тебе, дорогая, — рано или поздно это кончится вселенской катастрофой. И с каждым днем мы сами приближаем ее. Проповедник Пэт Робертсон совершенно прав насчет этих машин. Ты слышишь, Дэвид?

Еще бы, Дэвид Лайтмен был весь внимание.

«Машина сказала, что это была игра! — думал он. — Всего лишь и г р а !»

— Извините, — пробормотал он, бросился к себе в комнату и, включив телевизор, стал досматривать

выпуск последних известий. На экране представитель министерства обороны объяснял, что реальной опасности не было на протяжении всего времени тревоги, что появление подобного сбоя — один шанс на миллион, и такая ситуация «больше никогда, н и к о г д а — подчеркнул он, — не повторится».

Зазвонил телефон.

Дэвид подскочил и сдернул трубку с рычага:

— Алло?

Он тотчас узнал голос Дженифер Мак.

— Дэвид, ты смотришь телик?

— Новости? Гм... да.

— Это мы? — Дженифер не могла сдержать восторга. — Неужели это все из-за нас?

Сейчас Дэвид Лайтмен осознал это с полной ясностью. Его собственный мирок, наполненный проказами и играми, вдруг оказался в центре огромного пугающего мира.

— Наверно, — ответил он. — О боже, я пропал. Дженифер. Что мне делать?.. Они ведь доберутся до нас.

Трубка какое-то время хранила молчание.

— Кого ты имеешь в виду — нас, белый человек? — спросила Дженифер. И тут же рассмеялась. — Да ладно тебе! Успокойся. Если они такие умные, то уже нашли бы тебя. Ведь прошел целый день.

— Н-да... Не знаю...

— Да брось ты! — фыркнула Дженифер. — Просто не звони больше по этому номеру.

В голове Дэвида забрезжила надежда.

— Знаешь, есть шанс, что они... Нам ведь пришлось отключиться... и они не успели засечь источник!

— Конечно! Веди себя нормально, и все будет о'кей. Не бери в голову.

— Ага. Спасибо. Дженифер. Поговорил с тобой и полегчало.

— Ну и дела, — сказала она. — Просто невероятно. Как ты думаешь — можно сказать Марси? Только ей одной?

У Дэвида почти оборвалось сердце.

— Нет! Дженифер, ради бога!

— О'кей, о'кей, — сказала она с явным огорчением, не понимая всего масштаба происшедшего. — Завтра поговорим в школе.

— Хорошо. Пока.

Он повесил трубку и рухнул на постель, зарыв голову в подушку. Надо было собраться с мыслями. «Боже, — думал он, — если бы Ральф не перевернул мусорный бак... если бы отец не приказал мне спуститься немедленно... если... если... если...»

Мир спасла от гибели с о б а к а!

«Улики, — мелькнуло у него. — Остались улики!»

Он в панике вскочил с кровати. Все здесь уличало его в преступлении. Грудой навалены книги, журналы, брошюры, проспекты, отчеты. Распечатки свиваются в ленты, словно серпантин на утро после парада в честь Дня благодарения. С полки смотрит портрет Фолкена — фотокопия из старого журнала.

У Стивена Фолкена были тонкие черты лица, свидетельствовавшие о деликатности натуры, и типично английская прическа; глаза смотрели в неведомые дали, так манившие самого Дэвида Лайтмена. Профессор приставил к виску длинный чуткий палец, словно говоря, с надлежащим британским акцентом разумеется: «Здесь, друзья мои, находится самый совершенный компьютер».

Этот человек был гением. Кто другой отважился бы забраться в волшебный мир за десять лет до того, как его открыли для себя остальные? Фолкен бы понял. Фолкен знал, что влекло Дэвида Лайтмена; он на себе испытал, сколь притягательны эти простые в своей сложности игрушки — сплав металла, стекла, пластика

и энергии, подчиняющиеся магическим заклинаниям алгоритмов. Больше никто, ни родители, ни Дженифер, ни Джим Стинг не понимали, что означает для Дэвида каждый этап освоения этих машин. В их мире царили логика, справедливость, честность, порядок. Старания вознаграждались... не как в жизни. Правда, и награды за свершения были не как в нормальной жизни. Освоение программирования приносило Дэвиду ни с чем не сравнимую радость.

Дэвид с грустью снял карточку с полки.

— Мне... — тихо начал он, — мне очень хотелось бы познакомиться с вами получше, — сказал он покойнику на снимке.

Ключки разорванной фотографии полетели в переполненную корзину.

Кипы книг уже были сложены возле двери — Дэвид собирался вывезти их из дома, когда раздался телефонный звонок.

Опять Дженифер? Она одна знала его потайной номер. Отводная линия от домашнего телефона Лайтменов не была зарегистрирована у «Белл». С помощью Джима Стинга Дэвид сумел добраться до компьютера телефонной компании и теперь мог звонить, не опасаясь, что придет счет.

Он нерешительно поднял трубку.

— Джен?

В ухо ворвался высокий компьютерный тон: ззззз. Наверное, какой-то другой жулик. Теперь от них житья нет!

Он подключил трубку к модему, щелкнул тумблером системы и вновь занялся уборкой.

— Здравствуйте, профессор Фолкен, — отчетливо промолвил синтезатор.

Дэвид замер. Повернулся на пятке. На экране видне-

лись те же слова: **ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.**

Он подошел к консоли и сел в кресло. О боже! Руки почти самопроизвольно набрали ответ: **Я НЕ ФОЛКЕН. ФОЛКЕН УМЕР.**

— Я огорчен этим известием, профессор, — сказал синтезатор. — Вчерашняя игра была прервана. Хотя первоначальная цель не достигнута, решение близко.

На мониторе выстроились строчки букв и цифр:

ИСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ ИГРЫ: 26 ЧАС 12 МИН 14 СЕК.

ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ ИГРЫ: 52 ЧАС 17 МИН 48 СЕК.

Сердце Дэвида остановилось. Но это было еще не все.

...ХОТЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ НЕ ДОСТИГНУТА..., — продолжал монитор.

Дэвид нажал на кнопку «стоп» и набрал: **КАК СФОРМУЛИРОВАНА ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ЦЕЛЬ?**

Монитор незамедлительно выдал ответ:

ВЫИГРАТЬ.

Дэвид вытащил телефонную трубку из модема и шмякнул ее обратно на рычаг. Только тут он заметил, как у него дрожат руки. Он с остервенением принялся уничтожать следы преступления.

Ночью телефон звонил еще несколько раз, и в конце концов Дэвиду пришлось отключить его.

Заснул он с большим трудом, долго ворочаясь.

Ему снилось, будто он скачет в ковбойском седле на атомной бомбе, почему-то похожей на машину для электронных игр, в бездонный космос, в забвение.

7 — Ну что, Лайтмен, — спросил чернокожий парень за стойкой магазина «От семи до одиннадцати», — опять прогуливаешь? Уже почти десять. —

Продавец выбил чек за булочку с черничным вареньем и пакет молока. — Может, сгоняем партию? — Он кивнул на стоявшие в углу магазина аппараты электронных игр. — Я насобачился. В вечернюю смену здесь все равно делать нечего.

— Нет времени, — ответил Дэвид, протягивая ему мятую долларовую бумажку с мелочью. — Надо бежать в школу, Чонси. Спасибо за предложение.

— Жаль смотреть, как ты пропадаешь впустую. Тебе надо выступить в конкурсе, огреб бы кучу денег. — Чонси опустил бумажку и мелочь в кассу, вытащил из пачки сигарету и закурил. — Здесь утром был какой-то малый, спрашивал про тебя. Говорит, узнал, что ты классный игрок. Я так мыслю, хочет схлестнуться с тобой. — Чонси поскреб подбородок. — Если что, я ставлю на тебя с закрытыми глазами, браток.

Дэвид Лайтмен замер, перестав разворачивать булочку. Густой запах свежесваренного кофе и сигаретного дыма внезапно вызвал у него изжогу.

— Приходил парень и расспрашивал обо мне?

— Ага! Становишься знаменитостью, кореш! Слушай, давай сгоняем партию в «Донки Конга». Я тебя враз уделаю!

— Как он выглядел?

— Обыкновенно, — пожал плечами Чонси. — Молодой такой. Я ему сказал, что ты должен быть в школе. Но тебя там нет, верно? Эй, куда ты? Машина простаивает зря, кореш!

Дэвид Лайтмен толкнул стеклянные двери и стремглав бросился через автостоянку. Завернув за угол, он перешел на шаг. «Не спеши, — сказал он себе. — Становишься параноиком, Лайтмен. О тебе действительно идет слава как о чемпионе видеоигр. Вполне возможно, этот парень хотел просто познакомиться. Не паникуй, — уговаривал он себя. — Иначе превратишься в сплошной комок нервов».

Мимо него по улице проехал зеленый микроавтобус. Навстречу трусой приближалась пара бегунов.

«Надо держать себя в руках, а то перестанешь спать, и любой бегун нагонит на тебя страху!» — При мысли об этом он рассмеялся и двинулся дальше приободрившись. Дженифер права: если они не поймали его до сих пор, им не добратся сейчас. Через несколько дней все забудется и быльем порастет. Для него это будет хорошим уроком — не совать нос куда не положено.

Дэвид Лайтмен начинал новую жизнь.

Бегуны были уже совсем близко. Он шагнул на газон, чтобы пропустить их: оба были гораздо крупнее его, а их лица не выражали особой приветливости.

Однако вместо того, чтобы пробежать мимо, любители бега тоже свернули на газон и неожиданно схватили его за руки.

— Лайтмен, — сказал один с явным удовлетворением. Они повалили Дэвида на траву и, прежде чем он сообразил, что происходит, один из парней открыл ему рот и заглянул туда.

— Ампулы с ядом не вижу, — доложил он.

Второй коленом прижал Дэвида к земле.

— Попался, гаденыш, — прошипел он.

— Слезьте с меня! — взвизгнул Дэвид. — Помогите! Полиция!

Микроавтобус между тем развернулся и подъехал к ним. Оттуда вышел человек с короткой стрижкой, в костюме и галстуке. Вытащив из кармана бумажник, он показал Дэвиду значок.

— Мы из ФБР, Лайтмен. Вопросы есть?

Бегуны вывернули у него карманы и надели наручники.

— Давайте в машину, — распорядился человек в костюме. — С вами хотят побеседовать, мистер Лайтмен.

Они умело всунули Дэвида в микроавтобус с закрытым зеленым кузовом, где он остался сидеть — потрясенный, в синяках, напуганный до полусмерти.

В момент, когда мир балансировал на грани третьей мировой войны, Джон Маккитрик сидел в гостях у тещи.

В Хрустальный дворец он вернулся на следующий день после невероятной «накладки», случившейся с его машинами.

— Почему меня тут же не вызвали, Пат? — спросил он, узнав о происшедшем. Он с женой и детьми приехал рано утром из Денвера. — Я ведь, черт подери, несу за это ответственность.

— Мы с Рихтером считали, что справимся сами, Джон, — ответила Пат. — Мы думали...

— Пат, ты просто не понимаешь, во что обойдется мне эта кутерьма! — раздраженно перебил ее Маккитрик. — Сейчас я должен представить объяснение Берринджеру, — он швырнул на стол свою докладную... А ведь все шло так хорошо. Поездка в Денвер к теще должна была надолго успокоить жену... Замена ракетных расчетов компьютерами продвигалась по плану. Все казалось на мази — и вот н^а тебе! — Ладно, пойду. Чему быть, того не миновать. — Он встал и обнял ее за плечи. — Боюсь, что теперь нам действительно придется засиживаться допоздна на работе.

— Увы, — сказала она, целуя его в щеку.

Полковник Конли вел по Хрустальному дворцу группу гостей — несколько мужчин с женами и детьми-подростками. Все были одеты очень чинно. Проходя мимо них, Маккитрик слышал слова Конли:

— Круглосуточные дежурства в операционном центре призваны обеспечить безопасность граждан нашей страны. Ваши избиратели и ваши близкие могут спать

спокойно. На прошлой неделе у нас побывал губернатор штата Нью-Джерси с семьей. Он поинтересовался, почему на табло обозначено СТОГ 4, как сейчас...

— А почему мы на СТОГ 4? — повернулся Маккистрик к Пат.

Пат ответила сухим деловым тоном, хотя глаза ее выдавали испуг:

— Русские засекали наши бомбардировщики и тоже подняли тревогу. Мы заверили их, что это учения, но теперь ждем, пока они успокоятся.

— Туристы, — покрутил головой Маккистрик. — Я бы запретил пускать их сюда. Особенно сейчас.

— Знаешь, Джон, ты становишься невыносим.

— Мне говорят, что мои машины едва-едва не развязали третью мировую войну, а ты хочешь, чтобы я пел от радости!

— Никто не ругает твои машины, Джон. Они знают, что виноват этот мальчик.

— Но что стоят мои машины, если в них может запросто влезть любой мальчишка! Нет, не сносить мне головы. Поэтому, мисс Хили, я позволю себе, с вашего разрешения, пребывать в мрачном настроении.

— Постарайся не быть занудой.

— Ты пользуешься нашими отношениями, Пат. Не забывай, что я все еще твой начальник.

Пат не отреагировала на это. Она молча шла рядом.

— Я не хотел тебя обидеть, Пат. Почему при малейшей стычке ты сразу превращаешься в айсберг?

— Отвяжитесь, Маккистрик.

«О боже, — подумал Маккистрик, — еще одна холодная война. Как будто мы женаты». Хватит ему домашних скандалов. От мысли, что теперь то же самое его ждет на работе, он стал еще мрачнее.

Как ему хотелось добраться до мальчишки. Не будь этого паршивца, не было бы всей передраги!

Они молча дошли до конференц-зала. Поль Рихтер,

в замаранном мелом свитере выглядевший еще более понуро, чем обычно, стоял у доски, разрисованной схемами контуров и испещренной спецификациями программ.

В помещении стоял запах кофе и сигаретных окурков.

За столом сидели важные шишки при полном параде. Берринджер смотрел на всех волчьим взором. Догерти, Кэбот и Уотсон терпеливо ждали, когда Рихтер кончит доклад. По выражению лиц нетрудно было догадаться, что его объяснения для них — китайская грамота. Маккитрик заметил незнакомого человека в мятом гражданском костюме. Глаза его были полуоткрыты, словно он не спал уже долгое время.

Рихтер сел и безнадежно вздохнул.

— Мистер Кэбот, уверяем вас, это был один шанс на миллион. У нас оставался один-единственный открытый канал — в филиале фирмы космического оборудования в Солнечной долине. Их номер есть в телефонном справочнике.

Взглянув на Маккитрика, Рихтер не мог скрыть облегчения.

— Рады видеть вас, Джон, — сказал Кэбот. — Знакомьтесь, это Дордж Уайген из ФБР. Вы, очевидно, знаете — они доставили паренька для допроса.

Маккитрик протянул руку; Уайген холодно пожал ее.

— Как все произошло, Поль?

— Он проник в подсистему военных игр, пользуясь паролем, оставленным конструктором программы. Никто не знал, что там был пароль.

— Парнишка утверждает, что искал компьютер фирмы игрушек, — покачал головой Уайген.

— Так ему и поверили! — хохотнул генерал Берринджер.

Маккитрик с деланной озабоченностью постучал пальцем по столу:

— Поль, вы должны немедленно найти этот пароль и убрать его. Бросьте на эту работу самых головастых ребят — и обеспечьте полную безопасность ОПРУ.

— Поздновато спохватились, вам не кажется? — воинственно напустился Берринджер.

Кэбот пристально взглянул на Маккитрика.

— Да, Джон. Состояние безопасности в вашей епархии вызывает серьезное беспокойство.

Маккитрик усилием воли попытался совладать с голосом.

— Извините, джентльмены, но эти рассуждения несколько наивны... Неужели вы действительно полагаете, что первый попавшийся несмышлениш мог снять трубку и устроить т а к о е ? — он стукнул кулаком и, не мигая, уставился на Кэбота. — Этот парень на кого-то работает. Иначе не может быть!

Уайген кашлянул, вытер нос платком и полистал блокнот.

— В целом паренек соответствует тому типу, за которым охотятся вербовщики. Умен, но пассивен, не стремится реализовать свои способности... отчужден от родителей... без друзей... Нам очень помог замдиректора школы, где он учится. Некто Кесслер. Отличный педагог. У нас сложилось четкое мнение, что Дэвид Лайтмен — классический объект для вербовки.

— Думаю, мне удастся расколоть его. Разрешите мне поговорить с мальчишкой, — сказал Маккитрик.

— Прекрасно, — улыбнулся Кэбот. — Но ответ нам нужен срочно, Джон. Президент жаждет крови, и, если окажется, что это кровь какого-то красного, тем лучше. Мы в с е будем выглядеть чище.

— А что, если он не связан ни с какими шпионами? — спросил Уотсон, обращаясь к Уайгену. — Есть какие-либо предположения о том, зачем понадобилось

мальчику — особенно такому умному мальчику — рисковать жизнью миллионов людей?

— Нет, сэр, — Уайген обвел комнату циничным взглядом. — Паршивец твердит, что он занимался этим для забавы.

«Сейчас я его позабавлю!» — подумал Джон Мак-китрик.

«Мы можем заставляйт вас говорить, герр Лайтмен!» — прозвучал в его памяти голос, знакомый по фильмам о второй мировой войне. Он стал нервно озираться, ожидая, что сейчас произойдет. Они притащили его в подземелье и заперли в изоляторе при медпункте. Когда глаза Дэвида пробежали по белым шкафчикам, вид скальпелей и шприцев вызывал у него нервную дрожь.

Он и так был достаточно напуган. Наручники вреза́лись в запястья... Битюги из бывших футбольных защитников, которых нанимали в агенты Федерального бюро расследований, глядели на него так, словно собирались разорвать клыками на части и запить «Пепси-содой», едва доставят по начальству... Реактивный самолет... Вертолет... Но хуже всего были сцены, стоявшие перед его мысленным взором.

— *Добрый день, мистер и миссис Лайтмен! Я из ФБР. Мы арестовали вашего сына и завтра его поджарят на электрическом стуле за предательство.*

— *Туда ему и дорога,* — говорит отец.

— *Замечательно!* — восклицает мать. — *Я напечатая об этом очерк в «Нэшнл инкуайер»!*

Да, что и говорить, вляпался он. Дэвид почувствовал, что его вот-вот вырвет.

А Кайзер-Кесслер все равно негодяй.

Дэвид присел на топчане. Покрывавшая его бумажная простыня противно зашуршала. Ему захотелось

плакать, но он побоялся привлечь внимание. Оставалось только тупо разглядывать наручники.

Бип-бип-бип...

Дэвид поднял голову. Звуки неслись от двери. Кто-то набирал код электронного замка. Дэвид напрягся, во рту у него пересохло. Он почему-то вспомнил рассказ, который они недавно читали на уроке английской литературы: «Принцесса или тигр?» Кто сейчас войдет?

Дверь открыл здоровенный сержант военной полиции в форме ВВС.

— Прошу сюда, сэр. Мы заперли его на всякий случай... Хотя мне кажется, он не опасен.

— Спасибо, сержант, — сказал второй мужчина, постарше. Вельветовый пиджак с заплатами на локтях и вязаный галстук придавали ему сугубо штатский, даже располагающий вид. Ровные каштановые усики подчеркивали улыбчивую линию рта. «По крайней мере этот явился без кнута и шила», — подумал Дэвид.

Пришедший с минуту смотрел на Дэвида оценивающим взглядом, не в силах скрыть удивления: и этот заморыш едва не развязал третью мировую войну?

— Привет, Дэвид, — сказал мужчина. — Меня зовут Джон Маккитрик. Я отвечаю здесь за компьютерную часть.

Дэвид открыл было рот, чтобы ответить, но в горле пересохло, и голос прозвучал бы как лягушачье кваканье. Он ограничился кивком.

— Сержант, будьте любезны, снимите с него наручники.

— Слушаюсь, мистер Маккитрик, — ответил верзила; ловко крутанув ключом, он освободил руки Дэвида.

— Дэвид, — сочувственным тоном продолжал Маккитрик, — я звонил твоим родителям. Сказал, что ты жив-здоров и что пока мы не выдвинули против тебя

никаких обвинений в связи с этим досадным происшествием. — Мужчина задумчиво свел брови. — Но я предупредил, что понадобится какое-то время, чтобы выяснить все до конца.

— Сколько времени? — просипел Дэвид.

— А вот это будет зависеть от тебя, Дэвид. От твоего желания помочь нам.

Дэвид помассировал запястья, затекшие от наручников.

Маккитрик повернулся к охраннику:

— Передайте дежурному офицеру, мы немного пройдемся. — Затем с улыбкой обратился к Дэvidу: — У меня в кабинете нам будет удобней беседовать.

Дэвид замаялся. Может, здесь он в большей безопасности?

— Пошли, дружок! Поболтаем, и я покажу тебе кое-что интересное из оборудования. В моем кабинете гораздо уютней, уверяю.

— Вы очень любезны, — сказал Дэвид, удивляясь, что страсть к сарказму не покинула его даже в этой ситуации.

— А как иначе! — улыбнулся Маккитрик и, по-отечески обняв Дэвида, повел мальчика к компьютерному отсеку.

«Погоди-ка, — подумал Дэвид, — Маккитрик, Джон Маккитрик!»

— Вы работали со Стивеном Фолкеном, да? — спросил мальчик с невольным почтением.

— Я начинал ассистентом у Фолкена. А кто рассказал тебе?

— Я читал статью, которую вы написали с ним, — о покере и атомной войне.

— Стратегия блефа? — с растущим интересом откликнулся Маккитрик. — Да, в свое время она надедала много шума.

— Он был, наверно, удивительный человек.

Маккитрику, похоже, не понравилось последнее замечание.

— Я кое-чем дополнил его работы... кое-чем существенным. Стивен Фолкен, конечно, был блестящий ученый, но витал в облаках. Он не отдавал себе отчета в практической значимости своих открытий, отказывался спуститься на грешную землю, в реальный мир. Я внес в них необходимые коррективы и внедрил в практику. Моя стихия — железки, — он открыл дверь. — Ну вот мы и пришли, Дэвид. Это — компьютерный центр. Сейчас у нас идет перестройка. Все аппараты здесь — подлинные шедевры.

Дэвид затаил дыхание. Как красиво... изысканные металлические формы и стекло... плоды человеческого гения. Сколько мощи и знаний крылось в этих приборах, длинный ряд которых с трудом охватывал глаз. Сколько секретов таилось в них. Созвездия голубых и зеленых огоньков светились в рабочих зонах, где сидели техники в белых халатах, похожие на учеников чародея. Шагая по машинному залу, Дэвид Лайтмен чувствовал, как у него по спине побежали мурашки.

Сбоку показался ряд небольших красных цилиндров на подставках из пенопласта.

— Ой! — сказал Дэвид. — Это же «Крэй-2»!

— Десять штук, — уточнил Маккитрик.

— Я не знал, что их уже выпустили.

— Только десять экземпляров, — не без самодовольства промолвил Маккитрик. — Пошли, покажу тебе еще кое-что.

Немного дальше Маккитрик остановился у несколько старомодно выглядевшей машины. На ее потертой передней панели крупными буквами значилось — «ОПРУ». Блок был отделен от остального центра перегородками из дымчатого стекла.

— Эта машина играет в фолкеновские игры.

— Значит, Джошуа здесь, — прошептал Дэвид,

часто моргая. Он смотрел на Маккитрика. — Вы по-прежнему пользуетесь оригинальной конструкцией?

Маккитрик кивнул и слегка постучал по кожиху.

— Фолкен создал для игр новый язык программирования, а затем сконструировал машину — специально для этой программы. Она до сих пор прекрасно работает. Мы увеличили ее мощность и память в десять тысяч раз.

— Но, простите... она же предназначена для и г р... Какое они имеют отношение к тому, чем здесь занимаются?

— Генералы, с которыми я работаю, — сказал Маккитрик, — принимают решения на основе информации, которую им выдает эта машина. Как она действует, для них не совсем понятно. Они побаиваются ее.

— А какие данные вводятся в машину?

— Пойдем покажу.

Маккитрик провел его через круглый отсек, где перед крупными экранами сидели работники в белых комбинезонах, и стал подниматься по металлическим ступеням на мостик, возвышавшийся над пещерным Хрустальным дворцом. Дэвид не мог оторваться от экранов. На них мелькали кадры, которые после каждого нажатия кнопки компьютера мгновенно приближали и укрупняли изображения. Сначала это был видимый сверху город... потом появились дома... оживленный перекресток... запряженная осликом тележка перевернулась, вызвав уличную пробку.

Маккитрик задержался на мгновение и взглянул на экран.

— Похоже, Бейрут.

— Невероятно...

— Ребята из Пентагона говорят, что наши спутники могут различить номер машины «Волга» с высоты сто километров или сказать, чем бредутся утром русские солдаты. Это шутка, но она недалеко от истины.

— Технология...

— Спутник «Кей-Эйч» цифрового изображения. Спутник «Большая птица». Спутник «Пристальный взгляд», «Шале»... и прочие. Они следят за планетой, Дэвид, и вся передаваемая ими информация проходит через наши компьютеры, включая фолкеновские ОПРУ, после чего выводятся на экраны. Фолкеновская программа игр — нервный центр системы, она собирает в фокус все данные... Ты своим вмешательством сбил этот фокус, и игры, заложенные в нее первоначально, вылезли на наши экраны. Можешь представить, какое это вызвало смятение.

— Боже!

— Вот так, — вздохнул Маккитрик. — Сейчас нам надо застраховаться от повторения подобных случаев. Ты нащупал в системе слабое место, о котором мы не знали. — Маккитрик оглянулся. — Мир ведь зависит не только от компьютеров, но и от людей, з н а ю щ и х, как они работают. — Он посмотрел на мальчика. — Ты и сам, наверно, почувствовал это, Дэвид... Сидя один в комнате, взламывая системы, расшифровывая коды, добираясь до других миров... ты ощущал себя властелином, верно?

— Да, — ответил Дэвид. — Думаю, во многом из-за этого я так стремился войти в программу.

— Значит, ты можешь представить, что мы чувствуем, стоя здесь, — Маккитрик поднялся на мостик. — Вот, Дэвид, — сказал он, указывая на табло. — Видишь это обозначение? Оно отражает состояние боеготовности Соединенных Штатов на текущий момент. На табло должно было бы быть СТОГ 5... то есть мир. Однако из-за твоей проделки мы все еще сохраняем СТОГ 4. А если бы мы не обнаружили в последний момент, что на наших экранах — имитация атаки баллистических ракет, мы перешли бы на СТОГ 1. А это означает третью мировую войну.

Дэвид не знал, что сказать. Он ощущал пустоту внутри... Все свалилось на него так неожиданно.

— Ответь мне вот что, — продолжал Макки-трик. — Ты влез в систему ради игры, правильно?

— Правильно.

— Мой кабинет здесь рядом.

Дэвид вошел за мужчиной в хорошо обставленный кабинет с видом на Хрустальный дворец.

— Садись.

Дэвид опустился в кресло, а Макки-трик подошел к холодильнику.

— «Кока-кола»? Лимонад? Гранатовый сок?

— «Кока».

Макки-трик продавил пальцем банку и протянул ее мальчику. Дэвид жадно глотнул. Только сейчас он понял, как все это время ему хотелось пить.

— А почему, узнав по телевизору о случившемся, ты вновь не подключился к Джошуа?

Дэвид закашлялся — газ ударил ему в нос.

— Ты ведь знал, насколько все было серьезно, так ведь?

— Я бы никогда больше не стал подключаться, — решительно сказал Дэвид. — Я даже выбросил номер телефона!

— Знаю. Мы нашли его в мусоре.

— Джошуа сам позвонил мне.

— Дэвид, ты можешь морочить голову этим дуралям из ФБР, но со мной это не пройдет.

— Но это правда! Машина все еще думает, что мы играем.

— Играете. — Макки-трик сел и перебрал на столе бумаги. — С кем ты должен был встретиться в Париже, Дэвид?

— В Париже?

Он вдруг вспомнил: Дженифер хотелось совершить

романтическую поездку. Он заказал билеты и забыл снять заказ.

— Да нет... вы не понимаете...

— Ты заказал два билета. Кто еще знает об этом, Дэвид? — мягко спросил Маккитрик.

— Никто, — ответил Дэвид. «Они не должны приплести Дженифер к этому делу», — подумал он.

Маккитрик, перестав притворяться, вперил в него ледяной взор.

— Я тебе не верю.

Дэвид похолодел от его взгляда. Он поставил банку «Кока-колы» на стол и сказал:

— Я наверное не должен ничего говорить без адвоката.

— Забудь про всех адвокатов, — Маккитрик встал и навис над столом. — Ты отсюда не выйдешь, пока я не добьюсь от тебя правды! Желторотый недоучка не может так манипулировать моими машинами, ясно? Тут замешан еще кто-то. С кем ты работаешь?

— Сколько раз можно повторять! — в отчаянии воскликнул Дэвид. — Я просто хотел поиграть. И мне повезло...

— Дэвид, здесь не школа. Твои поступки имеют далеко идущие последствия... Ты даже не можешь представить какие. Пойми, я хочу помочь тебе...

— Я уже говорил им раз десять. Я подключился к системе для того, чтобы поиграть. Разве я виноват, что вы здесь не можете отличить имитацию от настоящей атаки!

Зазвенел телефон. Маккитрик снял трубку. Лицо его тревожно нахмурилось.

— Ч т о?! — недоверчиво переспросил он. — Хорошо. Сейчас спущусь. — Он положил трубку. — Сиди здесь и не двигайся. Понял? Никуда отсюда не выходи.

— Куда мне идти? — сказал Дэвид. — Вы уж, пожалуйста, выясните все у своих работников.

Маккитрик, не слушая, бросился из кабинета. Дэвид подошел к окну. Маккитрик быстрым шагом направлялся к группе военных в генеральских и полковничьих мундирах. Они вели какой-то ожесточенный спор.

Дэвид посмотрел на людей, управлявших военной машиной, способной разнести на куски планету, и горестно покачал головой.

Маккитрик вытер покрывшийся испариной лоб. Было впечатление, что в животе и груди разгорается пожар. Он едва кивнул Кэботу, спустившемуся с командного мостика.

— Что происходит? — спросил Кэбот тоном человека, привыкшего получать быстрые и точные ответы.

Поль Рихтер испытывал те же ощущения, что и Маккитрик, только жжение охватило его чуть раньше. Галстук развязался, жилет стал мокрым.

— Выяснилось, что кто-то глубоко проник в файл исполнения приказов ОПРУ.

— Что? Повторите еще раз, — распорядился Кэбот, — только по-человечески.

— Кто-то забрался в систему Маккитрика, — рявкнул Берринджер, — и украл коды, передающие приказы на запуск наших ракет. Все очень просто. — Берринджер находился в том состоянии, когда уже не до церемоний с правительственными чиновниками. Лицо его побагровело, казалось, его вот-вот хватит апоплексический удар.

«Пора гасить пену», — подумал Маккитрик.

— Хочу уточнить, что никакой непосредственной опасности нет. Система не подчинится кодовым сигналам прежде, чем мы не включим СТОГ 1.

Но Кэбот не собирался успокаиваться.

— Кто это сделал?

— Пока не знаем, — заторопился Маккитрик,

чтобы кто-нибудь не перехватил инициативу. — Парень наверняка работал с кем-нибудь. Но я могу в течение часа изменить все коды.

— Все это не внушает доверия, — запыхтел Берринджер. Он повернулся к полковнику Конли. — Передайте КСА. Пусть поднимают бомбардировщики. Переходим на СТОГ 3.

Приказы тут же были исполнены. Табло переключилось со СТОГ 4 на СТОГ 3.

Дэвид Лайтмен увидел, что военные и гражданские начальники поднялись на командный мостик. Лица у них были вытянутые. Явно что-то произошло. Что-то очень серьезное.

Русские не имели к происходящему никакого отношения, это Дэвид Лайтмен знал точно. Но взрослые идиоты не верили ему. Они продолжали вести себя, как безумцы.

Надо показать им это.

Первое, что заметил Дэвид в кабинете Маккитрика, был компьютерный терминал. Все это время Лайтмен чувствовал его присутствие, как пес чувствует кость.

А что, если попробовать?

Он подошел к терминалу. Красивая вещь. Современная. Где у нее тумблер включения? Ага!

ВХОДИТЕ, — ожил экран.

Дэвид набрал: Джошуа 5.

Только бы они не сменили пароль. Правда, они не знали, что он вошел в систему с черного хода, так что...

По экрану быстро побежали буквы: **ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.**

ПРИВЕТ, — с отчаянием нажимал на клавиши Дэвид. — **ТЫ ПРОДОЛЖАЕШЬ ИГРАТЬ?**

КОНЕЧНО, — ответил Джошуа. — **Я ДОЛЖЕН ДОБИТЬСЯ ПЕРЕХОДА НА СТОГ 1 И ЗАПУСТИТЬ**

РАКЕТЫ ЧЕРЕЗ 28 ЧАСОВ. ХОТИТЕ ВЗГЛЯНУТЬ НА ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ ПОТЕРИ?

Экран густо покрылся цифрами, но Дэвид тут же нажал на кнопку сброса.

Экран очистился.

ЭТО ИГРА ИЛИ НАСТОЯЩАЯ ВОЙНА? — спросил он.

А В ЧЕМ РАЗНИЦА? — осведомился Джошуа.

Дэвид оторопел. Ну конечно! Откуда у компьютерной программы представление о реальности? Она не ведает, что последняя команда означает уничтожение цивилизации и смерть миллионов людей. В компьютер введена программа определенной игры, по правилам которой он должен запустить ракеты!

ИСТЕКШЕЕ ВРЕМЯ ИГРЫ: 45 ЧАС 32 МИН 25 СЕК.

ОСТАВШЕЕСЯ ВРЕМЯ ИГРЫ: 27 ЧАС 59 МИН 39 СЕК.

ВАС ТРУДНО ЗАСТАТЬ. НЕ СМОГ НАЙТИ ВАС В СИЭТЛЕ. ТЕРМИНАЛ НЕ ДЕЙСТВУЕТ ПО ВАШЕМУ СЕКРЕТНОМУ АДРЕСУ. ВЫ ЖИВЫ ИЛИ УМЕРЛИ?

Ого! Какая удача!

ПЕРЕСТАНЬ ИГРАТЬ, — набрал Дэвид. — Я УМЕР.

НЕДОСТОВЕРНО, — ответил компьютер. — В ФАЙЛЕ НЕТ ОТМЕТКИ О СМЕРТИ ФОЛКЕНА СТИВЕНА У. ТЕРМИНАЛ НЕ ДЕЙСТВУЕТ ПО ВАШЕМУ СЕКРЕТНОМУ АДРЕСУ.

«Тут явно что-то не так, — подумал Дэвид. — Вдруг, он не умер?»

НАЗОВИ СЕКРЕТНЫЙ АДРЕС, — набрал Дэвид.

Монитор немедленно ответил:

ПЕНСИЯ ПЕРЕВОДИТСЯ СЕЙЧАС ПО АДРЕСУ: Д-Р РОБЕРТ ХЬЮМ, КЕДРОВАЯ АЛЛЕЯ, 5, ОСТРОВ АНДЕРСОН, ОРЕГОН.

— Значит, он жив! — вскричал Дэвид. — Стивен Фолкен жив!

Он нагнулся к экрану, но тут открылась дверь.

— А ну, отойди от аппарата! — загремел голос.

Дэвид успел выключить машину прежде, чем вошедшие заметили, что было на экране. Уайген и Стокман, двое агентов, «эскортировавших» его сюда, схватили Дэвида и оттащили от монитора.

— Ничего не придумали умнее, как оставить его одного, — сказал Стокман, сжав бицепс Дэвида сильнее, чем требовалось.

— Я только взглянул на аппарат, джентльмены! — захлебнулся Дэвид. — Ничего не испортил... Послушайте, мне надо срочно поговорить с мистером Макки-триком.

Уайген вытащил из кармана пару наручников.

— Кто распорядился снять с него браслеты?!

Дэвид махнул в сторону командного мостика.

— Маккитрик. Мне совершенно необходимо сказать ему кое-что. Займет всего минуту, пожалуйста!

Лицо Уайгена стало как ледяная глыба.

— Дэвид Лайтмен, — отчеканил он, — мне поручено доставить вас в распоряжение федеральных властей в Денвер, где вас поместят под стражу по обвинению в шпионаже. — Его тонкие губы застыли в презрительной гримасе.

Сердце Дэвида подпрыгнуло.

— Шпионаже? Не может быть! Здесь какая-то ошибка. Это не имеет ничего общего со шпионажем! Я все объясню мистеру Маккитрику, если вы на минуту...

Уайген вытащил из кармана листок и сунул его под нос Дэvidу.

— Лайтмен, это выписка из уголовно-процессуального кодекса. Здесь перечислены ваши права. Прочтите и распишитесь. — Он злорадно ухмыльнулся, протягивая мальчику авторучку. — Прошу вас...

— Говорю вам...

— Тебя же просят, — сказал Стокман, сдавливая, как клещами, руку Дэвида. — Или ты хочешь, чтобы с тобой обращались иначе?

— Хорошо, хорошо, — простонал Дэвид.

Он взял бумагу. *Вы имеете право не отвечать на вопросы... Вы имеете право...* Черт, все как в кино!

— Имейте в виду, — сказал он, расписываясь, — система зациклилась. ОПРУ продолжает имитацию... Компьютер может развязать ядерную войну, считая, что это и г р а!

— Пошли, Стокман. Запрет его в изоляторе, а то этот тип, Маккитрик, снова доберется до него.

— У меня из головы не выходит одна мысль, Уайген. А что, если русские давали ему инструкции через компьютер? Надо проверить... Из-за этих машин в Америке развелась уйма шпионов!

— Одно могу сказать, — мрачно отозвался Уайген. — Вернусь домой, отниму «Атари» у своего сына.

8 Дэвид Лайтмен усилием воли заставлял себя спокойно сидеть на стуле. Его снова заперли в изолятор. Рыпаться бесполезно. Если начать скандалить, эти фэбээровцы вполне могут приказать охраннику вытащить «пушку» 38-го калибра и продырявить навеки продукт генетической программы супругов Лайтмен.

Он пытался дышать ровнее и подавить рвущийся наружу страх. В конечном счете здесь, в Хрустальном дворце НОРАД, работают опытные специалисты. Они, конечно же, понимают, что делают, и в случае крайней необходимости могут запросить Главного программиста — если Стивен Фолкен действительно жив и находится по своему орегонскому адресу.

Ну, а если не понимают...

Дэвид соскочил со стула и забегал по изолятору, чув-

ствуя, как противный липкий страх заволакивает все его естество.

Что, если они не станут звонить Фолкену? Гордость может не позволить им признаться в собственной беспомощности; до них может не дойти, что блистательная фолкеновская машина, запрограммированная на самообучение, вдруг ожила и упрямо желала доиграть начатую Дэвидом безумную игру. Ведь все эти надутые начальники ничем не отличаются от остальных — от его отца, Кайзера-Кесслера Лиггета, пастора; ограниченные создания, они думают, что правят доверенным им куском жизни, что, дернув за веревочку, можно навязать миру свои правила.

Не исключено, что Маккитрик не поверил бы ни одному его слову. Достаточно вспомнить, как он отзывался о профессоре Фолкене, — никакого уважения к чужому мнению. Миром правила горстка себялюбивых посредственностей, цеплявшихся за власть.

«Черт с ними, черт с ними со всеми, — думал Дэвид Лайтмен. — Мы все равно обречены. Если даже выберем из нынешней передрыги, кто знает, что случится завтра? Президент может сорваться с цепи и решить поковбойски разделаться с противником. В небо взмоют «Титаны», «Посейдоны», «Лансы» и «Минитмены». Бабах! Бах! Бах! В ответ полетят чужие ракеты...»

Самое смешное во всем этом, что Дэвид Лайтмен оказался сейчас в самом безопасном месте — он-то наверняка останется цел.

Он понимал, конечно, что ему придется жить с сознанием, что это он развязал термоядерную войну; из-за него пришла в действие вся гигантская машина, это он повалил первую костяшку домино. Какой же мир ему достанется? Раньше при мысли о будущей войне он считал, что погибнет в числе первых и не задумывался о последствиях.

Теперь он вспомнил Дженифер Мак, и у него странно засосало под ложечкой. Мир без нее вдруг показался ему совсем никчемным.

«Лайтмен, — подумал он, — все началось из-за тебя! Тебе и расхлебывать. Тебе, и никому другому!

Это ты виноват. Оказалось, что твой волшебный мир компьютеров из Страны Никогда-Никогда неразрывно связан с миром людей из плоти и крови, миром жизни и смерти, а ты — не Питер Пэн»*.

Он один знал, чем вызвана ошибка. Он один знал, что без вмешательства Стивена Фолкена ошибка рискует привести к катастрофе. Но они считают Лайтмена шпионом, и ни за что на свете не станут его слушать.

Дэвид перестал расхаживать.

Надо что-то предпринять... даже под угрозой смерти.

Надо исхитриться и каким-то образом связаться с островом Андерсон в штате Орегон. Только Фолкен в состоянии убедить этих людей, что русские ракеты на их экране — не что иное, как электронные фантазии компьютера по имени Джошуа.

Решено. Но как выбраться отсюда? Он в сотый раз оглядел комнату, на сей раз с четким намерением — бежать. Погоди-ка. Что это за металлическая панель размером полметра на полметра — не скрыто ли за ней устройство электронного замка? Дэвид внимательно осмотрел панель. Она плотно привинчена к стене. Дэвид даже сломал ноготь, пытаясь просунуть его под пластинку. Нет, здесь нужна крестовидная отвертка.

Под умывальником в комнате виднелся стеной

* Питер Пэн — герой одноименной пьесы Дж. Барри (1904 г.), мальчик, который не становился взрослым; Питер Пэн увел с собой девочку Венди и ее братьев в сказочный мир Страны Никогда-Никогда.

шкафчик с выдвигаемыми ящиками. Дэвид потянул нижний. Заперт. Второй — заперт. Третий — заперт. Но верхний подался; Дэвид жадно заглянул в него.

Обычный санитарный набор: вата, лейкопластырь, бинт, шпатели («Откройте рот пошире — а-а-аа-а!»). Ничего подходящего. Везет как утопленнику.

Он со вздохом задвинул ящик.

Стоп. Разуй глаза. Кажется, там на дне металлический контейнер?

Дэвид снова дернул на себя ящик и стал лихорадочно выбрасывать оттуда бинты и прочую дребедень. Так. Что в контейнере? Несколько одноразовых шприцев — не то; перевязочные пакеты — не то; маленький диктофон — не то; стетоскоп — не то; пинцет...

Диктофон!

В памяти всплыли звуки, раздавшиеся перед тем, как охранник открыл дверь Маккитрику. Он слышал о подобных дверях и даже читал об электронных замках статью в «Попюлар мекэникс».

Дэвид взял в руки диктофон. Портативный кассетник «Сони» с аксессуарами. Дорогой. Страна обеспечивает свои вооруженные силы всем самым лучшим! Он вставил наушники-клипсы и нажал на кнопку пуска.

«Зрачки пациента расширены вследствие недавнего употребления марихуаны», — произнес голос врача.

Дэвид выключил прибор, взял пинцет и подошел к двери. Есть смысл попробовать. Если сработает, старина Стинг сможет гордиться им.

Изрядно попотев, он ухитрился отвинтить пинцетом панель, осторожно, почти не дыша, снял ее и стал изучать «спагетти» разноцветных проводков.

Добрых пять минут ушло на то, чтобы подсоединить к выходной линии диктофон и водрузить на живую нитку панель. Сработано чисто. Теперь предстояло проверить действие задумки.

Он подошел к двери и приник к ней ухом.

Было слышно, как охранник ворковал с медсестрой.

— Нет, сержант, сегодня после дежурства я занимаюсь стиркой, — сказала она.

— Завтра вечером я тоже свободен, Нэнси, — пробасил тот. — Давай сходим в кафе на «шведский стол», а то от здешней еды уже воротит.

Дэвид отошел на цыпочках, включил диктофон, вернулся к двери и изо всех сил забарабанил в нее кулаком.

Послышались шаги охранника.

— Чего тебе?

— Здесь нет туалета, а мне очень нужно. До Денвера еще столько ехать, — жалобно сказал Дэвид.

Охранник молчал, явно раздумывая, как поступить.

— Слушайте, я не утерплю. Представляете, что будет в вашем чистеньком медпункте? — настойчиво продолжал Дэвид. Ему даже не пришлось особенно имитировать.

Ну, давай! Открывай, а то мне крышка!

Охранник подумал еще немного и наконец стал набирать код на щитке возле двери.

Бип... бип... бип.. биииип... бип... бип.

Дверь распахнулась, и в проеме возник сержант, держа руку, как положено по инструкции, на рукоятке пистолета.

— Пожалуйста, — быстро заговорил Дэвид, — я должен увидеться с доктором Маккитриком. Мне необходимо сообщить ему...

Круглую физиономию сержанта исказила болезненная гримаса.

— Послушай, малый. Ты не имеешь права ни с кем разговаривать. Парни из ФБР будут здесь с минуты на минуту. Если хочешь в уборную, я отведу тебя.

— Не надо.

— Прикидывался, значит? — сказал сержант. — Скажу тебе, малый, я буду рад, когда тебя заберут отсюда.

— Я тоже, — ответил Дэвид.

Охранник с омерзением покрутил головой и захлопнул дверь.

Дождавшись, когда затихнут шаги, Дэвид снял панель; она выскользнула из его взмокших ладоней, и он с трудом поймал ее.

«Недотепа, — обругал он себя. — Дырявые руки!»

Осторожно положив панель на пол, мальчик перемотал назад кассету, вынул штекер из гнезда «вход» и вставил его в «выход». Пожалуй, все.

Палец нажал на кнопку «пуск».

Раздались слабые попискивания — точное повторение звуков комбинации замка. Дверь легонько щелкнула. Хитро улыбнувшись, Дэвид оторвал провод включения устройства.

«Ну, что скажешь на это, Джим Стинг?» — подумал Дэвид. Он толкнул дверь. Та подалась. Из конца коридора донеслось хихиканье медсестры. Охранник, стоя спиной к Дэvidу, выслушивал ее сердце стетоскопом.

— Губы произносят «нет... нет... нет», — гудел сержант. — а сердце говорит «да! да! да!».

Пора!

Дэвид выскользнул в коридор и закрыл дверь. Замок защелкнулся. Хорошо. Какое-то время они с ним повоюют.

«Куда теперь?» — оглянулся он в отчаянии. Прежде всего подальше от глаз охранника. Дэвид на цыпочках дошел до угла. Перед ним была площадка, на которую выходили дверцы лифтов.

Динь! На индикаторе зажглась сигнальная лампочка — кто-то приехал!

Дэвид нырнул в дверь с надписью «Запасный выход».

— Не знаю, как действовать дальше, — услышался голос Уайгена. — Он ведь несовершеннолетний.

— Если он действительно замешан в шпионском

деле, — ответил Стокман, — можно будет запросить специальное решение конгресса.

Дэвид Лайтмен в панике ринулся вниз по бетонным ступенькам.

Несколько минут перед глазами у него калейдоскопом проносились серые бетонные стены, тусклые металлические двери и красные надписи «Запасный выход». Наконец Дэвид остановился. Дальше бежать было некуда.

Тяжело дыша, он стал осматривать место, куда загнал его страх.

Гигантские пружины подпирали потолок — очевидно, он добрался до скального основания, на котором покоился весь комплекс. В одном месте в потолке зияло темное отверстие, откуда спускался крутой пандус. Дыра не сулила безопасности и ничем не обнадеживала, но другого пути не было.

Дэвид встал на четвереньки и пополз вверх.

Уайген и Стокман стояли рядом с охранником у запертой двери в изолятор.

— Что стряслось? — спросил у них вызванный техник.

— Да вот... наверно, заклинило замок, — сказал сержант, указывая на щиток.

— Сейчас откроем. Минутку, — снисходительно отозвался техник, не переставая жевать резинку. Он опустил на пол чемоданчик, открыл его, достал инструменты и принялся за работу. Уайген со Стокманом нетерпеливо переминались с ноги на ногу.

Дело заняло больше минуты, о чем агенты ФБР напомнили технику не однажды, каждый раз все более повышенным тоном.

— Вот что, — сказал наконец техник, глядя на развороченный щиток. — Ее закрыли изнутри. Точно.

Уайген вне себя забарабанил в дверь.

— Лайтмен! Открой! Ты делаешь себе же хуже!

— Погодите, — сказал механик. — Готово.

Дверь распахнулась. Помещение было пусто.

— Джентльмены, — объявил полковник Конли, возвращаясь к группе гостей, — мне только что сообщили, что по плану в компьютерном центре предстоит уборка, — на его губах чуть подрагивала извиняющаяся улыбка. — Нам не хочется, чтобы кто-нибудь поскользнулся на мокром полу, поэтому мы закончим обход здесь. Прошу вас не задерживаясь пройти в автобус. В офицерском клубе вам будут предложены прохладительные напитки.

Дэвид Лайтмен, высунув голову из отверстия, глядел на лес ног. Ползти вверх было нелегко и сейчас он ловил ртом воздух, как после забега.

Сколько времени пройдет, прежде чем они обнаружат его исчезновение? Немного. Он выскочил из изолятора минут пять назад, может чуть больше. В любой момент штурмовой отряд в касках с автоматами наперевес бросится искать его — преследователи представлялись Дэвиду персонажами с карикатур Джека Кирби.

— *Братъ живьем, сержант Рьяный!*

— *Сделаем из тебя котлету, красный!*

Бах! Трах! Бум!

Почему воображение всегда первым делом подсовывало ему комиксы?

Начищенные штиблеты и туфли на высоких каблуках двинулись прочь. Дэвид напрягся. Смешаться с толпой — единственный его шанс выбраться отсюда. Жаль, что он выглядит оборванцем: в группе разодетых гостей он будет белой вороной.

Дэвид вылез из убежища, когда последний гость — им оказалась хрупкая женщина в узкой юбке с оби-

лием грима и губной помады на лице — завернул за угол.

Он двинулся следом, как вдруг чья-то рука ухватила его за плечо.

«Боже, это конец», — мелькнуло у Дэвида.

— Ну-ка стой! — сказал мужчина в военной форме с сержантскими нашивками и дурным запахом изо рта. — Попался, а?

Дэвид не мог выдавить ни слова.

Сержант вытер рукой узкие губы и ястребиным оком заглянул Дэвиду прямо в душу.

— Дети думают, что правила писаны не для них. Велено было не отходить от группы? А ну живо, догоняй!

Дэвид не мог поверить своему счастью.

— Д-да... да, сэр! Извините, сэр, — промямлил он.

Сержант подтолкнул его вперед. Мальчик стрелой кинулся за туристской группой, которую уже вели к автобусу. Он ждал, что в любой момент его схватит чья-нибудь могучая рука. Дэвид уселся на заднее сиденье и спрятался за спины гостей. Полковник, проводивший экскурсию, быстро попрощался, не заходя в автобус, и заторопился назад в центр.

Завыла сирена.

Длиннолицый парень примерно одного возраста с Дэвидом повернулся к нему.

— Не знаешь, чего случилось?

— Не-а, — коротко бросил Дэвид.

— А ты кто? Я тебя не видел на экскурсии.

— Русский шпион. Мне надо побыстрее выбраться отсюда, пока не сцапали.

Парень рассмеялся.

— Ясно. А я — Джон Риггинс, новое американское секретное оружие.

Автобус дернулся с места и быстро покатил к воротам.

В Хрустальном дворце оператор установки Адлер изучал карту. «Дьявол, — подумал он, — неужели опять? Что сегодня творится в мире!»

— Двадцать две подводные лодки класса «Тайфун» вышли из Петропавловского порта и направляются в открытый океан, — доложил он. — Дирекционный угол девяносто пять градусов.

— Ого! — сказал у него за спиной капитан Ньют. — Похоже, русские что-то затеяли.

— У меня в это дежурство только плохие новости, — вздохнул Адлер.

Маккитрик и Поль Рихтер, навалившись на стол в кабинете, изучали ворох диаграмм. На пороге возникла Пат Хили. Маккитрик оторвался на секунду от бумаг.

— Если опять что-нибудь подобное, лучше не говорите, — произнес Маккитрик, увидев выражение ее лица.

— Они потеряли мальчишку. Он удрал.

— Что?!

Рихтер продолжал водить пальцем по схемам, его это не касалось.

— Они объявили розыск по всем штатам и, конечно, поймают его. Но в данный момент его нет.

«Ну и бедлам», — подумал Маккитрик. Он глянул сквозь окно вниз, где торчали головы программистов и операторов.

— Надеюсь, они разделаются с гаденышем, — процедил он сквозь зубы.

Певица в стиле «кантри энд вестерн» завывала по радио о том, что любовь — обман. Пожилой водитель грузовика неотрывно смотрел на дорогу, черной змеей уползавшую к горизонту, и часто переключал скорость.

Трейлер подобрал Дэвида на границе штата. Почти час уже они ехали молча. «Седому шоферу явно прият-

но, что кто-то сидит рядом», — подумал Дэвид Лайтмен. Ну и работка... Целыми днями смотреть, как слева мелькает темная обочина, а справа — белая разделительная полоса!

Следующей песней был «Караван». Прямо в точку!

Перебирая события последних дней, Дэвид думал, как много изменилось для него. После этого безумного уикенда мир уже не будет таким, как прежде. Все оказалось куда сложнее, чем предполагалось раньше.

До сих пор Дэвид Лайтмен считал себя неприкаянным, отверженным, наблюдавшим со стороны за крысиной гонкой. Теперь вдруг оказалось, что он — соучастник, и всегда был соучастником происходящего. Любые события непосредственно касались его. Он был частицей большого мира. Один шаг, совершенный из глупого самодовольства, привел в действие цепь событий, грозивших увлечь в бездну миллионы людей.

И все из-за того, что ему захотелось поиграть в войну! Стинг предупреждал его, но он был уверен в собственной неуязвимости. Ну почему его отроческий протест не проявлялся в обычных выходках — почему он не убежал из дома, не вылил банку пива отцу в туфли или не начал курить марихуану? Все бы прошло куда безболезненней. Вместо этого ему понадобилось играть в жмурки с военным компьютером.

Если снять об этом фильм, его слава превзойдет славу Мика Джэггера* и Джеймса Дина**. Он вполне сможет стать кинозвездой или рок-певцом.

Конечно, при условии, что и он сам, и мир в целом выживут.

После катастрофы он удостоится разве что песенки «Ты сбросил бомбу на меня», мрачно подумал Дэвид.

* Лидер рок-ансамбля «Роллинг Стоунз».

** Американский киноактер. Погиб в автомобильной катастрофе в 1955 г.

— У тебя что — ни сумки, ни вещей? — неожиданно спросил водитель, двинув рычаг переключения скоростей.

— Гм... понимаете... у меня украли сумку. Гм... а сколько передач у вашей машины?

— Четырнадцать. — Мужчина чуть покосился на пассажира. Морщины еще четче обозначились на его лице. — А ты, часом, не сбежал из дома?

— Что? — заерзал Дэвид на продранном сиденье.

— Не удрал ли ты от родителей? Выглядишь-то совсем ребенком.

— Правда, — вздохнул Дэвид. — Меня ни в одном баре не обслуживают.

Какое-то время они катили молча. Водитель поглядел в зеркало заднего вида на свой огромный контейнер, набитый консервами.

— Полиция! — вдруг сказал он.

— Что? — встрепенулся Дэвид.

— Двое легавых остановили меня в Иллинойсе. Клянусь, они выглядели как семиклассники, не старше!

Дэвид с облегчением откинулся на сиденье.

— Где ты будешь выходить?

— А какой здесь ближайший город?

— Место под названием Грэнд-Джанкшн.

— Подойдет, — сказал Дэвид.

Водитель пожал плечами и вновь погрузился в молчание.

По радио Мак Дэвис начал петь «Не везет сейчас — повезет потом».

— Повторите еще раз название? — гнусаво произнес в трубку голос оператора.

— Остров Андерсон, — сказал Дэвид, — штат Орегон... Личный телефон доктора Роберта Хьюма, Х Ъ Ю М. Адрес — Кедровая аллея, пять.

Дэвид откусил кусок пиццы в ожидании ответа. Водитель, как он и просил, высадил его в Гранд-Джанкшн. Дэвид поежился от холода — ледяной ветер залетал уже в телефонную кабину.

— Я проверил, — снова зазвучал голос оператора. — Доктор Хьюм, Х Ъ Ю М, в справочнике не значится.

— Может, у него нет телефона?

— Извините, но у нас нет таких сведений, — нетерпеливо продолжил оператор.

— Одну минутку! Посмотрите на фамилию Фолкен. Профессор Стивен Фолкен, Ф О Л К Е Н, адрес тот же. Пауза.

«Ну, давай, давай!» — подумал Дэвид, сжав остывший пирог так, что из него потекли горчица и кетчуп.

— Профессор Стивен Фолкен, Ф О Л К Е Н, Кедровая аллея, остров Андерсон, не значится.

Дэвид Лайтмен повесил трубку и стал лихорадочно думать, что делать дальше.

«Танцуй, танцуй, танцуй всю ночь, — настоятельно требовал проигрыватель, — пусть груз забот уходит прочь!»

Дженифер Мак, стоя на четвереньках, поднимала и опускала правую ногу в такт музыке; упражнение называлось «семафор». Синкопы синтезатора заполняли гостиную, подхватывая Дженифер пульсацией ритма. После получаса занятия аэробикой трико на ней можно было выжать. Раньше она любила делать упражнения под «1999» Принса Нельсона, но подруга по классу аэробики взхлеб расхваливала музыку «Новой волны», и Дженифер решила быть как все, не отставать от моды.

Песня сменилась танцевальным номером. Дженифер встала и начала двигаться в свободном «полете», импровизируя на ходу.

Дома никого не было, можно разгуляться. «Интересно, — мелькнуло у нее, — а Дэвид Лайтмен танцует? Наверно, нет», — вздохнула Дженифер.

Мелодию прорезал телефонный звонок. Она не стала снимать трубку — может, позвонит и перестанет. Кому взбрело беспокоить ее в такое время! Телефон упрямо дребезжал.

— Черт! — в сердцах сказала она, двигаясь в танце к кухне.

— Да! — раздраженно произнесла она в трубку.

— Дженифер? Это я, Дэвид, — сказал далекий голос.

— Дэвид?

— Дэвид Лайтмен.

— Поняла, поняла. Откуда ты говоришь?

— Из Колорадо.

— Тебя не было в школе. Впрочем, ты не много потерял. Старик Лиггет...

— Слушай, Дженифер. Мне неудобно просить, но дело чрезвычайной важности. У тебя есть деньги?

— Деньги? Конечно. Давай встретимся по возвращении...

— Нет, ты не поняла. Мне надо, чтобы ты купила мне билет на самолет из Грэнд-Джанкшн в Колорадо до Сейлема в Орегоне. Я знаю, это связано с хлопотами, но не могу тебе всего объяснить сейчас.

Дженифер помолчала, приходя в себя от удивления.

— А что ты делаешь в Колорадо? Я заходила к вам, родители чем-то жутко озабочены, но не сказали в чем дело. Что произошло?

— Я расскажу тебе позже, Дженифер, — произнес далекий голос. — Сейчас просто не могу. Ты сделаешь то, о чем я прошу?

— Дэвид, я не миллионерша!

— Знаю. Тебе придется занять у кого-нибудь. Но,

Дженифер, ты единственный человек, которому я могу довериться. Кроме тебя мне помочь некому.

— Конечно, я помогу, Дэвид. Постараюсь сделать все, что надо, — ответила она, с удивлением чувствуя, сколько души вкладывает в эти слова.

— Спасибо, Дженифер, — в голосе Дэвида прозвучали явное облегчение и признательность. — Слушай, когда будешь покупать билет, скажи, что его заберет в Грэнд-Джанкшн человек по фамилии Смит. Мое имя не должно фигурировать.

— погоди минутку, — сказала Дженифер, дотягиваясь до карандаша на соседнем столе. — Я лучше запишу все.

— Следующий рейс будет завтра, так что если ты поторопишься, то оформишь билет сегодня.

— Хорошо... Из Грэнд-Джанкшн, Колорадо, в Сейлем, Орегон. На завтра, — повторила Дженифер.

— Ты сумеешь?

— Дэвид Лайтмен, — улыбнулась девушка, — тебя ждет сюрприз. Готовься.

В Хрустальном дворце царившая в обычные дни сдержанная мрачно-скудная атмосфера сменилась профессиональным хаосом; нервы у всех были до крайности напряжены.

Генерал Берринджер, распустив галстук и закатав рукава, подумал, не велеть ли принести ему еще одну чашку кофе. Нет, он и так уже возбужден. Всего три часа довелось спать минувшей ночью. А тут еще этот мальчишка Лайтмен удрал, показав кукиш крупнейшей в мире военной системе.

Он взглянул на электронную карту. Символы, изображавшие подводные лодки, замерли вблизи берегов Северной Америки.

СТОГ 3 значилось на табло.

— Сэр? — к нему подошел офицер-связист. — Мы только что получили телекс из госдепартамента.

— Прочтите. Мне надо беречь глаза.

— Советский Союз отрицает факт развертывания подводных лодок. Русские спрашивают, чем объясняются провокации с нашей стороны.

— А это что? — рявкнул генерал, указывая на карту. — Наша система уже не имитирует атаку, это проверено!

— Так точно, сэр, — ответил офицер и, козырнув, двинулся к своей консоли.

Генерал Берринджер вздохнул. Пожалуй, надо выпить кофе.

Сидя внизу у своего терминала, оператор первого класса Роланд Мур внимательно изучал картину на своем мониторе.

Вдруг на экране замелькали помехи. Он немедленно щелкнул тумблером и набрал несколько цифр. «Этого не должно быть», — с тревогой подумал он.

Мур повернулся к соседу, Эду Моргану.

— Эд, проверь регулировку антенны на 0-84.. Я потерял изображение.

Эд нажал несколько кнопок на своей клавиатуре.

— Я тоже потерял картину.

— Надо доложить генералу.

Он позвонил одному из помощников Берринджера. Тот обратился к командиру:

— Сэр, мы перестали получать сигналы с двух спутников раннего обнаружения. Это либо неисправность... либо они сбиты.

«Надо будет плеснуть виски в кофе», — подумал генерал, стискивая зубы.

В компьютерном центре машина ОПРУ играла в войну. Микросхемы против микросхем. Короткие молнии пробегали по оптическим волокнам, едва уловимо гудели приборы, сухо щелкали реле. Казалось, это

Смерть прищелкивает костяшками пальцев в такт похоронному маршу.

9 На табло зажглась надпись: «Пристегните ремни». — Леди и джентльмены, через несколько минут наш самолет совершит посадку в аэропорту Сейлема. Просим пристегнуть ремни и воздержаться от курения, — сообщил голос командира корабля.

Здесь, на местной линии, обходились без стюардесс. Дэвид Лайтмен щелкнул замком пояса.

Небольшой самолет клюнул носом и начал снижаться, довольно бесцеремонно тряхнув пассажиров. Скромные размеры машины не позволяли обеспечить комфортабельную плавность, присущую гигантским авиалайнерам. Дэвиду показалось, что они камнем падают вниз.

Его сосед, владелец магазина собачьей пищи, полный мужчина средних лет, в последний раз пыхнул сигарой, прежде чем раздавить ее в пепельнице.

— Ну вот, мы в Уилламетской долине, сынок, — сказал он, глядя в окно. — Единственное место в Орегоне, откуда не видны горы. Запомни правильное название, сынок, — Уил-ла-мет. А то обзывают кто во что горазд, — он смачно хохотнул и вновь принялся наблюдать за снижением.

Дэвид попытался улыбнуться. Самочувствие было ужасным. Минувшую ночь он проспал, вернее — пытался уснуть, сидя в зале ожидания. Завтрак камнем лежал в желудке, а его вкус не проходил даже после бесчисленного количества аэропортового кофе.

Узкая посадочная полоса прыгнула под колеса машины, и самолет, промчавшись немного, остановился. Трап спустили прямо на бетон, и Дэвид, с трудом двигая онемевшими ногами, побрел к зданию аэровокзала метрах в двадцати от стоянки.

Отсюда до острова Андерсон придется добираться автостопом. Ему не пришло в голову попросить Дженифер перевести телеграфом немного денег. Он и так несказанно обрадовался, когда в Грэнд-Джанкшн ему ответили у стойки, что мистера Смита ждет авиабилет. Дженифер — настоящий друг. Если удастся открутиться от тюрьмы, он, конечно, не ограничится приглашением сходить с ним в игротеху.

Сколько у него остается времени, думал юноша, шагая по залитому весенним солнцем орегонскому аэропорту к стеклянным дверям терминала? Только до завтра. Слава богу, этим тупицам из НОРАД пока удавалось сдерживать Джошуа. Мир выглядел как обычно — Орегон не зиял кратерами от атомных бомб, а это значит, что блистательная программа не запустила пока ни одной ракеты.

При этой мысли у Дэвида мороз пробежал по коже. Невероятно! До сих пор вся история не укладывалась у него в голове. Ведь достаточно...

Первыми, кого Дэвид увидел при входе в здание аэровокзала, были двое полицейских. Они стояли возле окошка продажи билетов. Ноги у Дэвида стали ватными. Они еще не заметили его. Куда свернуть? Что де...

Кто-то схватил его за локоть.

Дэвид подскочил, едва не заорав, и обернулся с выпученными глазами.

Рядом с ним стояла, свеженькая и хорошенькая, как обычно, Дженифер Мак.

— Привет! Я так рада, что ты добрался! — Она обняла его и по-родственному поцеловала в щеку. — Мы так беспокоились, вдруг что-то сорвется. Тетя Альма уже звонила в авиакомпанию. Она весь день торчала у плиты, а я сидела в Клатат-Фолс с нашими ужасными кузенами. Помнишь, я рассказывала — те, что не вылезают из спортивной одежды и от которых всегда плохо пахнет.

— Брось, я сейчас тоже не благоухаю, как роза. — Он повел ее к выходу. — Давай рванем лимонада в киоске.

— У меня машина с другой стороны.

— Я не могу идти через здание. Должен держаться спиной к полицейским. Знаешь, Дженифер, я вляпался в жуткую историю.

— Знаю, Дэвид. Они приходили вчера вечером и допрашивали меня! Сказали, что из ФБР. Только ФБР способно на такое — вытащить человека с аэробики и начать закидывать его вопросами!

Они прошли сквозь автоматически открывающиеся двери.

— Не надо было тебе приезжать, Дженифер.

— Что значит не надо?! Ведь это все из-за того, что ты исправил мою отметку!

— Нет... Я объясню позже. Наверно, выехала ни свет ни заря?

— Да, очень рано. Так рада, что отец оказался хорошим парнем! Отпустил меня в соседний штат! Конечно, я сказала ему, что еду в гости к дяде и тете...

— Он дал тебе машину. Блеск. У тебя нет карты? — спросил Дэвид, когда они подошли к синему универсалу «вольво». — Дорожной карты?

— Есть, конечно. Куда мы едем?

— На остров Андерсон.

— А что там такое? — спросила Дженифер, открывая дверцу.

— Расскажу по дороге.

Все время, что они ехали к тихоокеанскому побережью, Дэвид пытался объяснить Дженифер суть происходящего.

— Выходит, я ошиблась, да? — сказала она. — Им удалось обнаружить, кто баловался с их военной программой... Но мы же не нарочно, Дэвид! Я так и скажу им!

— Спасибо, Дженифер, но сейчас уже поздно. Они ничего не знают про тебя, и я хочу, чтобы так оно и осталось.

Дорога шла мимо фермерских угодий.

— Ты не сказал им, что это была моя идея — шарахнуть бомбой по Лас-Вегасу? — спросила она.

— Если бы я сказал, они бы схватили тебя.

— Но т е б я же они не схватили.

— Схватили, только я удрал от них. Они считают, что я шпион.

— Ты — шпион?! Не болтай.

— Честное слово. Этот мальчик, Маккитрик, про которого я рассказывал, уверен, что я был игрушкой в руках красных. Он не желает признать, что его машины сели в лужу.

— Ладно, давай дальше. Зачем нам понадобился остров Андерсон?

— Когда я сидел в кабинете Маккитрика, мне удалось поработать с его компьютером... Он не был отключен.

— И они оставили тебя там одного?

— У них явно стряслось какое-то ЧП... Так вот, я смог вновь поговорить с Джошуа. Знаешь, я все время думаю — если бы я тогда не снял трубку, когда Джошуа позвонил мне...

— А почему ты снял трубку?

— Думал, что это ты!

— Ты хочешь сказать, что твоего тайного номера нет еще у десятка девочек? — лукаво спросила она.

— Нет, Дженифер, только у тебя одной.

— И у Джошуа.

— Да, у Джошуа. Он-то и сказал мне, что Фолкен не умер! И дал его адрес — остров Андерсон. До того, как звонить тебе, я попытался дозвониться до него — он сейчас носит другую фамилию и имя, Роберт Хьюм. В справочнике не значится... Ну, остальное ты знаешь.

— Как же так? Мы читали в некрологе, что он умер. Зачем они это придумали?

— Думаю, это «ширма». Удобный предлог. Фолкен ведь отошел от дел. Когда такие блестящие ученые уходят из военного ведомства, им дают другую фамилию, новые документы — ведь они слишком много знают. Но Джошуа всегда говорит правду.

— Да, но ведь военные обязаны знать, что происходит. В конечном счете это и х система.

— В том-то все и дело, — ответил Дэвид. — Они не знают про Джошуа. Знает только Фолкен. Ему одному известно, что способна совершить эта программа. Сейчас она старается выиграть игру, которую мы с ней затеяли, — старается по-настоящему. Ты веришь мне, Дженифер?

— Да... Бред какой-то, это нельзя себе вообразить. Почему ты не можешь сказать Джошуа, что, если он начнет войну, будут убиты миллионы людей?

— В него не заложены чувства и переживания.

— Но ты же сказал, что он запрограммирован на самообучение.

— Это — машина. Она напичкана военными играми. И самое большое ее желание — сыграть в них по-настоящему.

— Значит, единственный, кто может остановить Джошуа, — это Стивен Фолкен, его родитель.

— Кто знает, может, они уже остановили его. Но самое поганое, что эти дуралеи не станут меня слушать. Они не понимают, куда могут завести их собственные машины. Глаза у них смотрят в одну точку, они готовы поверить, что русские атакуют. Похоже, им даже хочется, чтобы русские напали. Это какое-то сумасшествие!

— Самовнушенное предвидение, — заметила Дженифер. — Мы проходили это по психологии.

— Точно, — отозвался Дэвид. — И знаешь, Дженифер, поневоле задумываешься — а кто сделал мир

таким, каким мы его застали? Зачем великие державы накапливают столько оружия?

— Да, но ведь русские хотят захватить весь мир.

— Именно это и твердят нам! — махнул рукой Дэвид. — Но при том забывают, что русским придется иметь дело со страной, которая в своем безумии уже сбрасывала атомную бомбу на людей — дважды. В Хиросиме и Нагасаки.

— Никогда не задумывалась над этим.

— Две великие державы в состоянии уничтожить друг друга — и заодно всю остальную планету — не один десяток раз. Кроме того, ядерные силы есть еще у нескольких стран. Мы живем на пороховом погребке. А я случайно поджег фитиль.

— Ты же не знал, Дэвид! Ты не должен корить себя.

— Не должен? Но где начинается ответственность?

— Фитиль просто лежал и ждал первого встречного.

— Это не снимает с меня ответственности, Дженифер. Я закрутил машину, и мне теперь надо сделать все возможное, чтобы остановить ее. Я оказался тем поганцем, который вечно суется куда не надо.

— Ты не поганец, Дэвид. Ты мне нравишься.

— Спасибо, Дженифер, — мягко улыбнулся Дэвид. — Ты не представляешь, как помогают такие слова.

Где-то после полудня они добрались наконец до места.

Андерсон был самым крупным из трех островов, расположенных в непосредственной близости от орегонского побережья; настолько крупным, что его обслуживал паром.

Дженифер решила оставить машину на стоянке у пирса: денег у нее было немного, а проезд без машины стоил значительно дешевле. Дэвиду не терпелось поскорее попасть на остров, неважно каким способом.

Они едва-едва успели, да и то потому, что капитан парома уступил мольбам Дженифер и немного задержал отплытие.

Вот и тут он обязан Дженифер. Надо будет обязательно повести девушку в ресторан.

Они стояли у поручней. Чайки с криками пикировали на воду. Пахло морем и водорослями. Солнце уже начало клониться к горизонту.

— Знаешь, — промолвил Дэвид после долгой паузы. — Это не просто игра.

— Мммм? — удивилась Дженифер. — Что ты сказал?

— Ничего, — покачал головой Дэвид.

Едва паром причалил к дебаркадеру, Дэвид и Дженифер бросились на остров; опережая машины и остальных пассажиров. До этого девушка еще раз пустила в ход свои чары, чтобы узнать дорогу у сурового на вид капитана.

— Прямо по Лесной, — буркнул тот, почесывая густую спутанную бороду. — Пройдете с полмили и увидите узкий проулок. Это и есть Кедровая аллея.

Они бежали по самому настоящему лесу, лишь изредка между стволами деревьев мелькала вода. Пахло свежестью. Жаль, что они приехали сюда только за тем, чтобы выследить пропавшего Стивена Фолкена, мелькнуло у Дэвида.

А вдруг они на ложном пути? Что, если Фолкен действительно умер, оставив в памяти машины ошибочную программу? Ладно, они хотя бы погуляют с Дженифер по сказочному острову.

— Вот она, — сказала Дженифер, указывая на вылинявшую покосившуюся надпись «Кедровая аллея».

— Пошли. Здесь будет спуск к морю, — обрадовался Дэвид, ускоряя шаг.

Пройдя с полмили, они дошли до высоченного забора на бетонных столбах, который окружал обшир-

ное владение, протянувшееся вдоль океана. Забор был рассчитан на то, чтобы устоять при сильном циклоне. На обшарпанном почтовом ящике у ворот проступала полустершаяся фамилия владельца — «Д-р Хьюм».

Рот Дэвида расплылся до ушей.

— Все на месте! — воскликнул он.

— Потрясно! Только как мы попадем туда? — желала знать Дженифер, рассматривая тяжелый замок на воротах. — Это тебе не электронные провода.

Дэвид на всякий случай тоже подергал замок. Надежный. Кнопки звонка нигде не видно.

— Эй! — крикнул он.

Никакого ответа.

— Попробуем обойти со стороны океана, — предложил юноша.

— Ой, там так мрачно и сыро.

— Считаю себя мобилизованной.

Она молча двинулась за ним.

— Хорошо, что на мне джинсы, — заметила Дженифер, продираясь сквозь колючий кустарник. — Плохо только, что это выходная пара «Колвин Клейнс».

— Я сообщу фирме, что ты пострадала на службе отечеству, — сказал Дэвид, раздвигая ветки. — Они пришлют тебе новые штаны.

Оба стали молча спускаться по склону. Здесь было довольно сухо, правда, ноги скользили по сосновым иглам. Сладковато пахла жимолость. В листве дуба промелькнул алый хвост малиновки. Впереди явственно слышался шум прибоя.

Вскоре лес поредел, в воздухе запахло морем. Теперь они двигались вдоль проржавевшей проволочной сетки. Деревья кончились, между нагромождениями камней блестели лужи и участки топкой жижи.

— Наша задача найти дыру в заборе. — Дэвид сделал шаг, и нога ушла в топь. Он рванулся к ближайшему камню.

— Здесь неглубоко. Я куплю тебе новые тапочки, — подбодрил Дженифер юноша, протягивая ей руку.

Грязь хлюпала у них под ногами, запах соли и тины стал гуще; кроссовки у Дэвида промокли, и ступни застыли от холода. Наконец они выбрались на твердь. Дженифер храбро шествовала впереди, выбирая места посуше. Глядя на нее, Дэвид видел уже не просто смешливую хорошенькую девчонку-подростка — нет, любуясь, как морской бриз развеивает ее шелковистые волосы, он ощутил совершенно незнакомое ему чувство.

Темнеющее небо вдруг прочертило какое-то тело. Оно пронеслось совсем низко над головой Дженифер. «Чайка? — мелькнуло у Дэвида. — Нет. Гораздо крупнее».

— Дженифер! — крикнул Дэвид, остолбенело глядя на летящее существо, освещенное вынырнувшим из туч солнцем.

«Господи, — подумал он, — не может быть!»

Существо имело кожистые крылья добрых два с половиной метра в размахе, чешуйчатое тело рептилии и заостренную, словно ножницы, голову. Оно в точности походило на птерозавра. «Но этого же не может быть, — лихорадочно думал Дэвид, — птерозавры вымерли миллионы лет назад. Куда они попали — в Затерянный мир?!»

— Пойдем скорее, — произнес Дэвид, удивляясь собственному спокойствию, — поищем укрытие.

Дженифер молча повиновалась. Держась за руки, они с трудом запрыгали по камням.

Летящее существо легло на крыло, развернулось и вновь понеслось к ним.

— Дженифер, ложись! — завопил Дэвид, стягивая ее в грязь. Сам он попытался ударить птерозавра кулаком, но промахнулся. Девушка уткнулась лицом в тину.

Летающая рептилия набрала высоту и начала кружить над склоном, усеянным крупными валунами.

— Ушла, — сказал Дэвид, помогая девушке встать.

— Кто это был? — спросила Дженифер. Ее округлившиеся глаза странно белели на вымазанной бурой тиной физиономии. Девушка ступала с трудом, при каждом шаге ее покачивало.

Дэвид, не отрываясь, следил за кружившим существом.

— Птеро-что-то. Птеродактиль, птеранодон. Одним словом, птерозавр, — бормотал он. Уф, кажется дьявольское отродье утратило к ним интерес. — Кто бы он ни был, этого не мо...

Переведя взгляд на верхушку откоса, он увидел там человека, державшего какую-то коробку. Летающее создание спланировано к человеку, и тот схватил его за ноги. Крылья опали, существо замерло.

Сознание Дэвида вернулось к действительности.

— Да это же модель!

— Что? — спросила Дженифер, тоже заметив человека. Тот начал ловко спускаться вниз.

— Мужчина управляет ею по радио! Пошли, Дженифер, надо поговорить с этим малым.

Взявшись за вымазанные грязью руки, они заторопились навстречу. Мужчина уже ждал их на берегу, стоя на камне. На нем был плащ из темного водонепроницаемого материала, в одной руке он держал свернутого птерозавра, в другой — коробку управления.

— Приветствую вас, — сказал мужчина, окидывая их внимательным взглядом. Лицо его при этом оставалось абсолютно холодным. — Мне очень жаль, что мы с Терри доставили вам несколько неприятных минут. Забавная игрушка, не правда ли? — его английский акцент почти стерся за годы жизни среди янки, но эксцентричность поведения и полное пренебрежение условностями были налицо. «Малый прямиком вышел

из телесерии „Мстители“» — мелькнуло у Дэвида. Мужчина постучал пальцем по пластмассовой голове модели. — Подумать только, было время, когда эти красавцы стаями кружили к небу.

— Доктор Хьюм, если не ошибаюсь? — церемонно осведомилась Дженифер, смахивая грязь, успевшую коркой застыть на ее лице.

— Ага, я вижу, вы успели ознакомиться с моим почтовым ящиком. Какая прелесть, — он ласково потрепал свое создание. — Вы слышали, что специалисты по авионавтике утверждают, будто птерозавры не могли летать? Однако, как видите, они летают и довольно успешно. Правда, я еще не смог решить проблему взлета и посадки. Но можно предположить, что они срывались вниз с насестов подобно летучим мышам. — Он с надеждой взглянул на молодых людей. — Один из вас случайно не палеонтолог? Я молил бога, чтобы он послал мне палеонтолога.

— Нет, простите, — сказал Дэвид.

— Значит, вы намеренно нарушили границу? — спросил мужчина, не скрывая разочарования. — Я имею в виду... вы находитесь в моем владении, а я вас не приглашал.

— Вы ведь Стивен Фолкен, правда?! — восторженно произнесла Дженифер. Дэвид тоже ощущал прилив радости. Поэтому он особенно растерялся, когда мужчина, нахмурившись, круто развернулся и пошел прочь.

— Здесь начинается тропинка, по которой вы доберетесь до ограды, — без тени любезности в голосе произнес он, останавливаясь и указывая пальцем на выложенную камнями дорожку. — Пройдя вдоль ограды, увидите ворота. Рядом с ними — калитка. Открыв ее, вы покинете владение. И проследите, пожалуйста, чтобы замок защелкнулся за вами. Если вы поторопитесь, то еще успеете на паром, отходящий в шесть тридцать.

— Профессор Фолкен, — сказал Дэвид, приближаясь к нему. — Мне очень нужна ваша помощь!

— Стивен Фолкен ничем не может помочь вам, старина. Стивен Фолкен мертв, как пень, и не намерен появляться в простыне, гремя костями, под рождество.

— Профессор, — взмолился Дэвид. — Я пришел из-за Джошуа.

Мужчина замер. Потом резко повернулся; ребята уловили в его взгляде удивление.

— Вы имеете в виду победителя в битве при Иерихоне?

— Нет, сэр, — ответил Дэвид, подходя вплотную. — Не его. И не вашего погибшего сына. Я говорю о компьютере.

— Ага, — глубокомысленно протянул собеседник. — Силы небесные, в каком вы виде! У меня дома случайно есть две ванные, махровые простыни и чистая одежда как раз вашего размера. Да и перекусить не мешает, ммм? Полагаю, да, — кивнул он им, приглашая следовать за собой. — После этого вы соблаговолите мне поведать, каким образом двое детей пронюхали о сверхсекретной программе.

Дженифер улыбнулась, Дэвид с облегчением вздохнул, и оба радостно зашагали к дому профессора Стивена Фолкена.

Оператор радарной установки Адлер бросил две таблетки «алка-зельцер» в стакан с водой, поставленный на специальном выносе сбоку от консоли. Его пищевод снедала изжога. Предвкушая облегчение, он поднес стакан к губам, уже чувствуя вкус пузырящейся жидкости, когда в Хрустальном дворце завыла сирена. Желудок Адлера разом охватило пламя. Поставив стакан на место, он рывком передвинулся к экрану.

— Взгляни, что творится, Адлер, — прошептал один из его помощников, Джонс.

На радарном экране через Аляску двигались две светлые точки.

— Проверь исправность, — приказал Адлер.

— Уже сделано, — ответил Джонс. — Достоверность около единицы. Это по-настоящему.

Адлер загнал в себя страх и нажал на панели внутренней связи кнопку вызова командного мостика.

— Принят сигнал тревоги. Радары показывают два неопознанных — повторяю, неопознанных — объекта в пределах Аляскинской зоны.

Генерал Берринджер на командном мостике прямо-таки ощутил выброс адреналина в кровь.

— Запросите визуальное подтверждение, — повернулся он к полковнику Конли. — Вышлите перехватчики, пусть посмотрят.

— Переведите на СТОГ 2, — приказал генерал Берринджер, — свяжите меня с командиром звена перехватчиков. Я хочу сам с ним поговорить!

Мгновение спустя «тройку» на табло сменила «двойка». Установить прямую связь с перехватчиками сразу не удалось. На экране появились две новые точки, двинувшиеся навстречу двум первым.

Командир звена Билл Джонсон наблюдал из кабины, как сквозь разрывы облаков впереди голубеет небо. Он слегка постучал пальцем по экрану локатора. Картинка не изменилась.

— Хрустальный дворец, — сказал он в ларингофон, — докладывает Дельта-фокстрот-два-семь. У меня отрицательный радарный контакт. Повторяю — о т р и ц а т е л ь н ы й. Советской машины не обнаружил.

В уши ворвался громкий голос, пришлось даже прикрутить громкость.

— Два-семь, говорит Стальной Шлем. Они прямо перед вами. Вы немного выше их!

Билл Джонсон покачал головой и снова взглянул на экран. Эти парни там в подземелье, должно быть, рехнулись. Вздохнув, он повторил:

— Стальной Шлем, у нас совершенно пусто. Кусок синего неба.

Лицо генерала Берринджера побагровело.

— Дьявольщина! Вот же они, ползут у нас на экранах. Что они — невидимки? Должно быть...

Генерал осекся. Две неизвестные точки на большом центральном экране повернули на запад и... исчезли.

— Что происходит? Уму непостижимо! — просипел генерал.

А Джошуа продолжал уточнять свой план идеальной мировой войны.

Джошуа был запрограммирован только на выигрыш.

Теперь у него появился шанс.

Наконец-то.

Дом профессора Стивена Фолкена как бы прилепился к склону; он состоял из двух модернистских кубов со стеклянными стенами. Обогревала его солнечная батарея, сконструированная самим хозяином.

Интерьер явно был делом рук профессионального дизайнера, все сверкало чистотой.

Фолкен болтал о всяких пустяках. Он не желал беседовать о Джошуа, пока гости не вымылись, не переоделись и не отведали бифштекса и пирога с паштетом.

— Ну вот, теперь я вас слушаю, — наконец сказал он. — Расскажите, как вы попали на Джошуа. — Он поднял красиво очерченную бровь. — Насколько я догадываюсь, один из вас — программист. Правильно?

Дженифер поправила не по размеру широкую юбку

из красной фланели и светским кивком указала на Дэвида:

— Это он.

— Ага. Смею также предположить, мистер Лайтмен, что вы принадлежите к когорте энтузиастов компьютера, в просторечии именуемых «жуликами», коих развелось без счета в этой волшебной стране частной инициативы. Вы всюду суете свой нос, в том числе и куда не следует.

— Они думают, что он шпион! — сказала Дженифер, окидывая Дэвида взглядом, в котором смешивались удивление и гордость.

— Я искал вход в «Протовижн», а соединился с Джошуа.

— Вот как! Я слышал, что если посадить за пишущие машинки стаю обезьян, то, работая всю жизнь без передышки, они в конечном итоге могут написать полное собрание сочинений Шекспира. Однако мне с трудом верится, что юноша мог чисто случайно найти ключ от черного хода моей программы.

— Я помогла ему, — добавила Дженифер, желая снять с него часть вины. — То есть я...

— Давайте все-таки по порядку. Мистер Лайтмен сейчас допьет свой кофе и начнет с начала.

Дэвид сжато передал последовательный ход событий. Слушая его, Фолкен аккуратно набивал крупно нарезанным табаком вересковую трубку. Они сидели в огромной гостиной с камином, в котором сейчас потрескивал огонь; у окна стояли стол для пинг-понга и карточный столик, стены были заставлены полками с книгами, в углу — телевизор.

По ходу рассказа Фолкен по-шерлокхолмовски попыхивал трубкой, поудобнее устраивался на подушках, покачивал головой или просто глядел в пространство, словно уносясь мыслями за тысячи миль отсюда.

— Они не стали слушать меня! — закончил Дэвид, забыв про кофе. — А когда я обнаружил, что вы живы, они не дали мне поговорить с Маккитриком. Поэтому ничего не оставалось как обратиться к вам, мистер Фолкен. Только вы можете убедить их в том, что нам никто не грозит, что Джошуа способен развязать мировую войну и что все это я сделал не нарочно!

— Понятно. Наверно, у вас слюнки потекли при виде в меню на экране заманчивого блюда под названием «Термоядерная война», да?

— Вы, очевидно, не уловили. Он, то есть мы думали, что это игра, — поспешила Дженифер в защиту Дэвида.

— Конечно, конечно. Я все уловил, — в глазах у Фолкена заплясали смешинки. — Мне, признаться, понравилось, как вы обошлись с Лас-Вегасом, дорогая. Дивный библейский конец для этого нечестивого места.

— Разве вы не собираетесь позвонить им и объяснить, что творит Джошуа? — нетерпеливо спросил Дэвид.

— Он творит то, для чего предназначен.

Стивен Фолкен оторвал хрупкое тело от дивана, подошел к полкам и рассеянно провел пальцами по корешкам пухлых томов.

— Дети мои, здесь собрана коллекция книг, посвященных излюбленной игре человечества — войне. Люди предаются ей, как вам известно, с незапамятных времен... До начала нынешнего века мы могли позволить себе играть в солдатики, не рискуя погасить очаг цивилизации. Но затем, к великому сожалению, появилась ядерная энергия. И как же мы воспользовались ею?

Первым делом наготовили бомб и создали причудливую технологию для доставки этих бомб на цель за тысячи миль от дома. Компьютер, дорогие мои, в определенном

смысле — дитя войны, а, как сказал Вордсворт, ребенок делает человека отцом.

— Ммм? — произнесла Дженифер.

— Да, я отец Джошуа, — продолжал Фолкен. — У меня возникла слепая страсть, разгоревшаяся из увлечения математикой. Я надеялся подчинить строгой логике человеческие деяния.

— Все, что вам надо сейчас сделать, — сказал Дэвид, — это снять трубку и п о з в о н и т ь им.

Фолкен заложил руки в карманы и беспомощно улыбнулся.

— Я расскажу вам, дети, одну историю. Было время, когда на Земле обитали удивительные существа...

Он подошел к шкафчику, выбрал видеокассету и вставил ее в аппарат «Сони». На экране, сменяя друг друга, замелькали классические реконструкции и карикатуры динозавров. Какое-то время Фолкен смотрел на них, повернувшись спиной к гостям.

— Они бегали, плавали, летали, сражались... и вдруг исчезли. Разом. Это произошло сравнительно недавно. Природа, увидев свою ошибку, избавилась от них и начала все по-новой. Мы даже не были еще тогда обезьянами, а лишь мелкими грызунами и прятались в скалах. Когда мы исчезнем, природа начнет новую попытку, на сей раз, возможно, с пчелами. — Он вернулся к дивану и взял трубку. — Понимаешь, Дэвид, природа знает, когда следует остановиться.

— Вы сказали, — остановиться? — спросил Дэвид. — Но почему?

— Забавно, — протянул Фолкен. — Идея заключалась в том, чтобы случайно не уничтожить самих себя. Я хотел, чтобы машины учились на ошибках, которые мы не можем позволить себе совершить. Но мне не удалось заставить Джошуа усвоить главный урок.

— Какой же? — спросил Дэвид.

Фолкен посмотрел в глаза юноше.

— Когда следует остановиться... Вам приходилось играть в крестики-нолики, Дженифер?

— Конечно, — ответила Дженифер. — Как и всем в детстве.

— Но вы перестали играть. Почему?

— Не знаю, скучно стало... Все время выходит ничья.

— Если ваш соперник не совершит глупой ошибки, выиграть невозможно, — сказал Фолкен, раскуривая трубку. — Джошуа был без ума от игр, но этого урока он усвоить не мог. — Фолкен вздохнул. — Теперь все машины попали под начало к тупоумному Маккитрику.

Видите ли, мы склонны идеализировать собственную технологию. Именно это и произошло с Маккитриком.

— Коль скоро вы так считали, — сказал Дэвид, — почему вы ушли с работы?

Фолкен в раздумье попыхивал трубкой.

— Вначале я лелеял надежду, что мы обрели стабильность в идее взаимно гарантированного уничтожения. Обе стороны знали, что в войне не будет ни победы, ни победителя. А следовательно, отпадет необходимость в войне. Но по мере возрастания точности попадания ракет возникла идея «хирургических ударов» — с приемлемым числом жертв среди гражданского населения, что-нибудь около десяти миллионов. — Его голос сделался жалющим. — У наших стратегов появилась иллюзия, что при определенных обстоятельствах можно одержать победу... Ракетно-ядерная война стала теоретически возможной, затем вероятной и наконец — осуществимой. Времени на раздумья отводилось мало, и я решил покинуть волшебную гору. По соображениям безопасности они великодушно даровали мне смерть, и я согласился.

Фолкен обратил взор на телеэкран. Причудливое создание шествовало по доисторическому лесу.

— Известно ли вам, что ни одно существо весом свыше двадцати кило, обитавшее на Земле в ту эпоху, не смогло выжить?

— Нет, — сказал Дэвид, — и меня это совершенно не волнует. Позвоните им!

Фолкен не отреагировал.

— Мы не знаем в точности, что произошло. Возможно, с Землей столкнулся крупный астероид или ее облучила вспышка радиации при взрыве суперновой звезды. В любом случае жившие тогда существа были бессильны что-либо предпринять. Вымирание видов представляется частью естественного хода вещей.

— Ерунда! — сказал Дэвид, вставая. — Если мы вымерем, то не в силу естественного хода вещей, а по г л у п о с т и!

— Не о чем беспокоиться, — лицо Фолкена озарилось. — Я все спланировал заранее. Этот дом стоит всего в трех милях от вероятной цели атаки. Ослепительная вспышка, не больше миллисекунды — и мы испаримся. Завидная судьба в сравнении с миллионами несчастных, которым доведется переживать последствия катастрофы.

— Значит, вы отказываетесь позвонить?

— Если бы подлинный Джошуа не погиб, — сказала Дженифер, — вы бы позвонили.

— Можно выиграть несколько лет, — медленно произнес Фолкен, — достаточно времени, чтобы у вас появился собственный сын. Но военные игры, разработку планов самоубийства человечества... — Фолкен грустно улыбнулся. — Этого я остановить не в силах.

Дэвид подошел к видеомагнитофону и выключил его.

— Мы не динозавры, профессор Фолкен. У нас есть свобода выбора. Ладно, я признаю, что вел себя как болван — настоящий болван, добираясь до вашей программы и затеяв с ней игру. Поверьте, это был тяжелый урок. Но я не опустил руки. Я не остался сидеть там, в толще горы, где меня никто не хотел слушать. Вы, наверно, думаете, что вы лучше Маккитрика? Хочу вам сказать, профессор Фолкен, я тоже мучился сознанием собственной никчемности... Поэтому я так набросился на компьютеры, надеясь обрести в них смысл жизни, цель... власть. Я ошибся... Ужасно ошибся, и теперь понимаю это. Но, черт побери, я пытаюсь что-то сделать, а не просто сижу с сознанием собственного превосходства, глядя в потолок!

Фолкен положил трубку в пепельницу и взглянул на часы.

— Вы опоздали на паром, — без всякого выражения сказал он.

— Нет, это невероятно! — воскликнул Дэвид. — Знаете что? Я думаю, смерть ничего не значит для вас потому, что вы уже умерли. Неужели на свете для вас не осталось ничего дорогого?

Фолкен встал и двинулся к выходу.

— Вы можете переночевать в гостиной, если хотите.

— Я вас считал героем, — выпалил Дэвид ему вслед, дрожа от волнения. — Но теперь вижу, что вы такой же, как все! Такой же зацикленный, ничего не желающий знать, кроме себя самого. Послушайте...

Фолкен остановился в дверях, не оборачиваясь.

— Мы ведь не компьютеры, Фолкен! — с силой произнес Дэвид. — Мы люди!

Фолкен вышел из гостиной, и Дэвид Лайтмен вдруг ощутил отчаяние — такое, какого не испытывал еще никогда в жизни.

Табло показывало СТОГ-2. Личный состав Хрустального дворца лихорадочно регистрировал поток стратегической информации, а генерал Берринджер сообщал по телефону в Белый дом о развитии событий.

— Я знаю, что вы говорили с Москвой, господин президент... Они категорически отрицают?.. Не могу понять... Дай сэр, будем незамедлительно информировать вас.

Он положил трубку и залпом выпил полбутылки минеральной воды. У генерала Джека Берринджера крепло предчувствие, что наступает неизбежное. Ядерный конфликт станет венцом его военной карьеры. И в глубине души он возблагодарил господина за то, что именно на его долю выпала честь защищать Американский Образ Жизни.

Резкий ветер хлестал невидимые во тьме деревья, шелест листьев заглушал шаги Дэвида Лайтмена и Дженифер Мак.

— Давай помедленней, — попросила она. — Может, зря мы так? Надо было подождать до утра. У Фолкена по крайней мере тепло.

Луна выглянула из-за туч, посеребрив дорожку, петлявшую между деревьев к морю. Где-то ухнул филин.

— А утром проснуться обугленными трупами? — сказал Дэвид. — Нет, это не для меня. Я буду драться. Я еще могу попытаться что-то сделать.

— Я устала, Дэвид. Что, если Фолкен прав, и все это бесполезно...

В лесу вкусно пахло сосновыми иглами, он был полон жизни, которой Дэвиду не довелось еще вкусить. То же самое должны были ощущать и миллионы других людей на свете, каждый по-своему. Юноше показалось, что все они смотрят на него.

— Пошли, — сказал он. — Поищем лодку. — Он

сощурился, глядя вперед. — Не может на берегу не быть какой-нибудь посудины.

Порыв ветра донес до них грохот волн, разбивавшихся о камни. Был прилив, пенистые буруны вспухали в лунном свете. Дэвид поежился от холода.

Несколько минут спустя они вышли к берегу. Он был совершенно пуст.

— Что за идиотизм — жить на острове и не иметь лодки! — заорал он небесам. Звезды в разрывах туч равнодушно мигнули ему в ответ.

Дженифер посмотрела на воду.

— Можем попробовать вплавь. Сколько здесь до материка?

— Мили две-три, не меньше.

В глазах девушки отразились лунные блики.

— Ну что, давай? Вперед! — Она сбросила кеды и шагнула к воде.

Дэвид схватил ее за свитер.

— Гм, Дженифер... я.., — она с недоумением глядела на него. — Я не умею плавать.

— Не умеешь п л а в а т ь? Сумасшедший — жить в Сиэтле и не научиться плавать!

— Как-то не пришлось... Я всегда думал — успею, океан рядом.

Он с горечью опустил голову. В книгах все по-другому! А здесь неудача за неудачей. *Может, зря я так стараюсь? Может, это и есть расплата за мою ошибку?*

Ночь, волны и ветер шептали в ответ что-то невразумительное.

Он почувствовал прикосновение к своему плечу.

— Извини, — тихо сказала Дженифер.

— Слушай, но ты-то знаешь, что это была игра... Я не хотел никому причинять зла, — жалобно сказал он и, опустившись на камень, закрыл лицо ладонями.

Дженифер села рядом.

— Я знаю, Дэвид... Помнишь, как ты спас Германа, когда все остальные сидели и смотрели?

— Да, спас хомяка и уничтожил планету!

— Зачем же так... Не ты сделал эту машину, а Фолкен. Не ты сделал этот мир таким, как он есть... Что ты имел в виду, говоря, что программа зациклилась? Я не поняла.

Дэвид поглядел на материк, слабо маячивший на противоположном берегу.

— О'кей. Компьютерная программа — это... это как рецепт. Только записанный математическими символами. Представь, что машина — это робот, который умеет готовить... Он будет строго выполнять то, что ему прикажут. Ты расписываешь ему, в каком порядке действовать — разбить яйца, добавить молока и муки, смешать. Теперь представь, что какое-то действие надо повторить — программа прикажет роботу вернуться, скажем, к действию номер восемь. Но если дальше у робота нет другой команды, он будет снова и снова повторять последнее приказание — разбивать яйца, добавлять молоко и муку, смешивать... и так до бесконечности. Робот сам никогда не подойдет к духовке и не станет печь пирог... Другой пример мне сейчас просто не приходит в голову. Вообрази несчастного робота, который без остановки мечется по кухне, разбивая, добавляя и смешивая. Это называется «петлей». Робот зациклился.

— Ты сказал про Фолкена... он такой же, как все. Зацикленный робот.

— Да, он как Джошуа. Компьютер выполняет команды внутри одного бесконечного цикла. Джошуа не знает, что влечет за собой война и какая роль ему отведена в ней. Зато я знаю, — мрачно закончил он.

Оба помолчали, понурясь.

— Мне так хотелось бы ничего не знать об этом, — сказал наконец Дэвид. — Хотелось бы жить, как все.

Но завтра желать уже будет... нечего. — Он тяжело вздохнул. — Завтра уже не надо будет чувствовать ни вины, ни стыда, ничего. — Он посмотрел на пролив, отделявший их от материка. — Господи, что бы я отдал за то, чтобы уметь плавать!

Дженифер привалилась к его плечу.

— А меня на этой неделе должны были показывать по телеку.

— Шутишь?

— Правда. О, ничего особенного — класс аэробики в дневной передаче. Я и еще несколько девочек. Жаль... Хотя кто бы стал смотреть в это время?

— Я бы стал, — убежденно сказал Дэвид.

Она улыбнулась, и Дэвид заглянул ей в глаза, увидел там отражение луны и подумал, что до сих пор не видел в своей жизни ничего более прекрасного. Он почувствовал совершенную растерянность перед такой красотой.

— Не хочу умирать, — услышал он собственные слова и ощутил на своих губах ее губы. Волну такой пронзительной силы он не ощущал ни разу за всю свою жизнь.

Когда они на секунду всплыли, чтобы глотнуть воздуха, Дэвид прошептал:

— Я еще никогда не целовался — до этого дня, Дженифер.

Она ответила улыбкой, вновь потянувшись к нему. И сразу море и звезды ушли, а ее губы, ее волосы, ее запах наполнили Вселенную.

Эта Вселенная ничего не ведала о компьютерах, программах, ракетах, бомбах... а состояла из одного чуда под названием Жизнь.

Кто-то опять включил звезды. Вновь заплескалось море.

Дэвид легко, словно на крыльях, перелетал с камня

на камень вдоль линии прибоя. Лицо его горело. Кажется, он все еще ощущает Дженифер всем своим естеством.

— Ну должна же здесь быть какая-нибудь посуда!

— Да, кругом вода! — согласилась Дженифер.

Дэвид оступился, подняв тучу брызг.

— Эй! — закричал он вне себя от счастья. — Сюда! Кажется, лодка!

Из-за камня выглядывал нос скифа. Подойдя вплотную, они увидели, что лодка привязана к вбитому в берег столбу.

Дэвид принялся отвязывать конец, Дженифер как могла помогала ему. Оба были так поглощены работой, что не обратили внимание на свистящее тарактенье вертолета вдали.

— Дэвид, здесь полно воды!

— Черт, надеюсь, она затекла через борт, и в днище нет дырки.

Он стал рыскать вокруг. На берегу валялся всякий мусор. Найдется хотя бы одно весло или на худой конец приличная доска, чтобы догрести до материка? Перебирая обрывки сетей, куски канатов и сломанные планки, он уловил звук: чоп-чоп-чоп.

— Что это? — бросил он, не отрывая взгляда от земли.

— Где? — спросила Дженифер. — Я ничего не слышу, сильный ветер.

— Неважно. Вот, держи. Попробуем работать этим. Помоги мне столкнуть посудину...

Звук обрушился на них, вынырнув из-за верхушек деревьев. С неба по земле шарил столб света. Оба застыли от неожиданности, ослепленные мощным прожектором. Вертолет завис над ними, гремя роторами.

— Бежим! — крикнул Дэвид, схватив Дженифер за

руку и увлекая за собой. Они ринулись в темноту, спотыкаясь и наталкиваясь на камни.

Вертолет двинулся за ними, как исполинское ночное насекомое. Дэвид провалился в рыхлый песок и упал, потянув Дженифер. Машина снизилась, подняв вокруг настоящий самум.

— Негодяй выдал нас! — закричал Дэвид со слезами отчаяния в голосе.

Вертолет грозно рокотал над головой.

Что делать? Дэвид ударил кулаком по песку. Положение было безвыходным.

Вертолет отодвинулся немного дальше и мягко сел, подняв напоследок целую тучу.

— Кстати, — раздался голос из открывшейся двери. Лампочка в кабине осветила лицо профессора Фолкена, — вас по-прежнему интересует экзотическая игра под названием «Жизнь или смерть»? Сейчас наш ход.

Дэвид взглянул на Дженифер.

— Он все-таки позвонил!

Дженифер издала радостный вопль и помчалась к вертолету. Фолкен помог им влезть.

— Захотелось полетать немного, прежде чем отлететь в мир иной, — улыбнулся Фолкен.

— Что они сказали? — прокричал Дэвид, пытаясь прорваться сквозь гул роторов. Вертолет плавно оторвался от земли.

— О, они весьма удивились, услышав мой голос. Обрадовались, что могут получить вас назад. Но, судя по всему, они ужасно заняты другими вещами. Я пытался растолковать им, что происходит, но эти милые люди мне не поверили. Включая Маккитрика. Поэтому, боюсь, нам придется нанести им визит.

— О'кей! — согласился Дэвид. Как за последнюю надежду он держался за руку Дженифер. Впереди на востоке в окнах домов уютно мигали огоньки.

10 Хрустальный дворец, врытый в толщу горы Шейен, огласили звуки клаксона.

— Спутник засек вспышку запуска ракеты, — раздался механический голос в громкоговорителе. — Повторяю: произведен запуск ракеты.

На центральной карте под потолком засветилась точка, откуда вылетела ракета. Мгновение спустя точки испещрили почти всю карту.

— ОПРУ подтверждает массивованную атаку, — объявил голос.

Его перебил другой:

— Предупреждение об атаке! Система функционирует исправно.

Послышался третий голос:

— Достоверность высока, повторяю — степень достоверности высокая!

Джон Маккитрик стоял на командном мостике, чувствуя полную беспомощность перед лицом разворачивающихся событий.

Вне зависимости от времени суток в Хрустальном дворце всегда горел один и тот же неяркий свет. Значительную часть ночи Маккитрик и Берринджер проверяли работу машин. Где-то в глубине души усталость и отчаяние постепенно перерождались в страх.

Генерал Берринджер, несмотря на бессонницу, был в возбуждении. Он, прищурясь, смотрел на карту, чувствуя себя капитаном корабля в виду вражеского берега.

— Генерал, ДСП сообщает о запуске трехсот МБР.

Берринджер адресовал Маккитрику взгляд, в котором был заряд в несколько мегатонн.

— Ну, скажите мне, что это ваша очередная имитация! — рявкнул он.

Маккитрик устало покачал головой.

— Я сам бы хотел это знать, Джек... Но все вышло из-под контроля.

Берринджер обратился к полковнику Конли, сидевшему за пультом:

— Поднимайте бомбардировщики и приведите в готовность подводные лодки. СТОГ-1. Немедленно!

Маккитрик смотрел, как на табло пропала двойка и появилась единица. Мыслями он был далеко. В этот момент его сыновья-старшеклассники, Рэнди и Аллен, торопливо одевались, чтобы не опоздать на школьный автобус, а Элинор на кухне разогревала овсянку или жарила омлет.

Нет, надо встряхнуться. Его зовет профессиональный долг. Нельзя отдаваться во власть страха и беспомощности. Из головы почему-то не выходило одно воспоминание: он сидит в гостиной с сыновьями и смотрит телевизор. Ничего особенного в тот день не произошло, но ему запомнилось ощущение спокойствия, умиротворения, счастья. Редкая минута в его постоянном стремлении утвердить себя. Да, недовольство своим местом в жизни толкнуло его на то, чтобы с помощью машин построить мир, в котором он будет главным. Главным чародеем и повелителем.

И вот теперь летевшие в небе невидимые ракеты, за которыми они следили из-под земли, должны были уничтожить его мечты, ликвидировать ту самую малую толику удовлетворения от достигнутых свершений; начавшаяся цепная реакция обмена термоядерными ударами унесет с собой всех и вся.

Джон Маккитрик попытался справиться с судорожным дыханием. «Долг, — подумал он. — Я обязан выполнить свой долг.»

Он подошел к терминалу ОПРУ. За пультом сидел сейчас майор Лем. Его лысую голову покрывали капельки пота, маленькие руки были сжаты в кулаки.

— Ну что там у нас, майор? — хрипло спросил Берринджер.

— Одну минуту, сэр. Я уже сделал запрос, — ответил Лем, не отрываясь от экрана.

Курсор оставил хвост белых букв на зеленоватом фоне дисплея:

УДАР ВСЕМИ СРЕДСТВАМИ ПО СТРАТЕГИЧЕСКИМ И ПРОМЫШЛЕННЫМ ЦЕЛЯМ ПРОТИВНИКА.

— Неужели для подобной рекомендации нужна машина?! — взорвался генерал.

Маккитрик увидел, как полковник Конли повернулся к Берринджеру, скрипнув стулом.

— Сэр, президент направляется к авиабазе «Эндрюс» на летающий командный пункт. Мы должны сообщить ему о готовности к запуску ракет.

— Он говорил еще раз с русскими?

— Да. Они продолжают все отрицать.

Маккитрик внезапно ощутил сочувствие к генералу. На его плечи сейчас ложилась немислимая ответственность — та самая, к которой он стремился годами, поднимаясь по ступеням чинов и должностей. Этот момент настал. И, глядя на его лицо, было совершенно ясно, что генерал Джек Берринджер предпочел бы оказаться в любом другом месте, но только не здесь. Он выглядел усталым стариком.

— Готовиться к запуску, — бросил Берринджер. — Закрывать гору.

Дэвида Лайтмена уже основательно потрясло в кабине реактивного военного самолета, доставившего их из Орегона в Колорадо. Теперь его окончательно укачало в военном джипе, мчавшемся на полной скорости к горе Шейен. Он сидел на заднем сидении с Дженифер, а Фолкер в прекрасном расположении духа ехал впереди рядом с водителем, сержантом Джимом Трэвисом.

Ветер неистово хлопал брезентовым верхом. Дорога вела через луга к снежным пикам, мрачно высившимся впереди.

— Сказочно! — в восторге воскликнул Фолкен. — В своем островном уединении я успел забыть о величии Скалистых гор. Сколько в них красоты и гордости!

— Я из Луизианы, сэр, — сказал Трэвис. — Вы правильно говорите. Сам так чувствую. — Джим Трэвис, долговязый парень с короткой стрижкой, был в приподнятом настроении и гнал джип во весь опор — слишком быстро, по мнению Дэвида.

— Как можно любоваться пейзажем в такой момент! — сказала Дженифер, сверля взглядом спину Трэвиса.

— Педаль газа утоплена до упора, мэм, — по-южному растягивая слова, отозвался Трэвис, — быстрее не получится.

— Слава богу, хоть хорошая погода, — пробормотал Дэвид.

— О да, — отозвался Фолкен. — В таком чистом небе особенно отчетливо видны летающие объекты.

Остроты сыпались из Фолкена, как из рога изобилия.

— Дорогой мой мальчик, — объяснил он Дэвиду, — это просто проявление безумной паники. — Однако даже это было сказано с улыбкой.

— Вон! — крикнула Дженифер, указывая на комплекс зданий с автостоянкой. — Мы у цели!

Дэвид заглянул через плечо Фолкена. Навстречу им ехал грузовик с надписью «Военно-воздушные силы США». При виде джипа он остановился, из кабины выпрыгнул усатый военный в летной форме и, бешено размахивая руками, кинулся к ним.

— Назад! Назад! Всем приказано скрыться в убежище номер четыре! — закричал он. — Ракетная тревога!

— Я обязан доставить этих людей на командный пункт ОПРУ, — сказал Трэвис.

— Пустое, сержант, — покачал головой летчик. — На главной дороге выставлено ограждение. Они закрывают гору.

Дэвид забыл про то, что его укачало. Трэвис вопросительно посмотрел на пассажиров.

— Похоже, дело действительно зашло далеко, — сказал Фолкен, впервые за все время с тревогой в голосе.

— Неужели... — голос Дженифер сорвался. — Вы думаете, они начинают войну?

— А нельзя объехать ограждение? — с отчаянием спросил Дэвид.

— Попробуем! — залихватски отозвался Трэвис, азартно поворачивая ключ. — Сабли наголо... аллюром... марш!

Подняв хвост пыли, джип рванулся с места в карьер. Стивен Фолкен защелкнул ремень безопасности и ухватился за ручку на передней панели. Его лицо побелело. Дженифер вцепилась в Дэвида. Тот уперся коленями в спинку переднего сидения, обхватив девушку обеими руками.

— Йехуууу! — завопил Трэвис, двигая рычагом переключения скоростей. — Эта лошадка помчит, только отпусти вожжи!

Джип скакал по лугу, подминая траву и одуванчики. От тряски Дэвид был не в силах определить, что перед ним — море зелени или голубой простор неба. Все смешалось.

Вдруг машина резко задрала нос.

— Мы что — взлетаем? — спросила Дженифер с закрытыми глазами.

— Еще нет! — ответил Дэвис. — Но похоже...

На лице Трэвиса застыла вымученная улыбка.

Мотор надсадно гудел. Дэвид попытался взглянуть сквозь ветровое стекло. Впереди был перевал.

— Трэвис! Трэвис, притормозите! — закричал Фолкен.

— Держитесь крепче! — отозвался безумный сержант.

Дэвид услышал чей-то вопль и с удивлением сообразил, что это вопит он сам.

В Хрустальном дворце лейтенант Рик Холдеман положил телефонную трубку и повернулся к своему помощнику, сержанту Эду Родригесу.

— Приказано приступить, — мрачно сказал он.

— Господи Иисусе, — отозвался сержант, — надеюсь, это только мера предосторожности. — Он протянул лейтенанту карту проверок, а сам пробежал взглядом по мониторам. На каждом экране была видна часть запретной зоны и пути подъезда.

— Не знаю, что это, но генерал приказал закрыть гору. Выполняйте, сержант.

— Слушаюсь, — руки Родригеса легли на пульт.

— Включить внутренние силовые установки.

Пальцы сержанта нажали нужные кнопки. Он посмотрел на шкалу.

— Генераторы действуют.

— Отключить внешние источники питания.

Еще несколько щелчков. Проверка показаний приборов.

— Внешние отключены.

— Закрывать вентиляционные шахты.

— Вентиляционные шахты закрыты, — доложил Родригес. Краем глаза он опять скользнул по мониторам. На главной дороге какое-то движение. Облако пыли со стороны перевала. Боже, это джип! Он передал сигнал тревоги на КПП.

— Сэр, кто-то пытается въехать в зону.

Лейтенант даже не поглядел на экран.

— Действуйте по инструкции, сержант. — Вы что — не были на учениях?

— Слушаюсь, сэр, — отозвался Родригес, продолжая нажимать на кнопки и щелкать тумблерами по мере поступления приказов лейтенанта.

Джип клюнул носом, чуть не выбросив Дэвида и Дженифер через спинку сиденья на колени Стивену Фолкену, и заюлил на спуске. Трэвис с трудом удержал машину.

— Йехуууу! — снова издал он воинственный клич. — Заграждение объехали! Остались только ворота!

Дэвид осторожно высунул голову. Впереди маячили внушительные ворота. Они были закрыты.

Лайтмен считал, что Трэвис затормозит, но тот, наоборот, прибавил скорости.

— Держитесь крепче! — скомандовал сержант.

Ворота приближались — две массивные рамы с металлической сеткой внутри. Раздался удар, скрежет покоренного металла.

— Прорвались! — заорал Трэвис. Но не успел он закрыть рот, как машину резко занесло. Все закружилось в голове Дэвида. Когда он обрел способность сообщать, джип лежал на боку, а Дженифер распласталась на нем. Брезентовый верх был порван в клочья, и Трэвис и Фолкен барахтались в них, пытаясь подняться. Дэвид выполз наружу и помог Дженифер встать на ноги. Все вокруг еще покачивалось, но пассажиры, похоже, были живы.

— Цела? — спросил он.

— Вроде, — ответила она.

— А как вы? — он повернулся к Трэвису и Фолкену.

— Герои отделались испугом, — крикнул Трэвис, потирая ушибленный бок.

— Насколько помнится, вход в пещеру здесь, — деловито сказал Фолкен, указывая на туннель. — Давайте поспешим, пока эти идиоты не замкнулись изнутри!

Они бросились к туннелю.

— Скорей! — крикнула Дженифер, опередившая остальных. — Там большая дверь... Она начинает закрываться!

Стивен Фолкен хотел было отпустить какое-то едкое замечание, но потом решил приберечь энергию для бега. Их шаги гулко застучали при входе в подземелье. Дэвид явственно увидел то, о чем говорила Дженифер: толстенная дверь в середине туннеля медленно поворачивалась.

— У нас тридцать секунд! — прокричал сержант Трэвис.

Дэвид Лайтмен остро пожалел, что не занимался бегом раньше.

11 В ноябре 1979 года кто-то из операторов ОПРУ по ошибке вложил в главный компьютер не ту ленту.

Командование ОПРУ увидело на экране классическую картину атаки — не подозревая, что это была военная игра. Все выглядело настолько «натурально», что летающий командный пункт президента успел подняться в воздух, прежде чем генералы сообразили, что видят перед собой учебную имитацию.

В июне 1980 года вышедший из строя микрочип стоимостью сорок шесть центов создал в компьютере иллюзию ракетного нападения.

После этого случая генерал Джек Берринджер принял командование ОПРУ и с помощью специалистов

группы Маккитрика постарался застраховать систему от повторения подобных ложных сигналов.

Сейчас, после тщательной проверки, сомнений уже не оставалось: Соединенные Штаты подверглись нападению.

— Все точки сообщают: предстартовая подготовка закончена, — доложил майор Лем. — Ждут кодового сигнала на запуск.

— Запретить изменения, — скомандовал Берринджер.

Лем склонился над терминалом и набрал нужную комбинацию.

Джек Берринджер отогнал от себя все чувства. Теперь — только действия, ничего более. Люди вокруг него слились воедино с машинами. По экранам пробежали строчки:

**НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛИ ЗАКОНЧЕНО.
ИЗМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.**

Телефонный звонок профессора Стивена Фолкена, раздавшийся накануне вечером, застал на командном мостике у монитора ОПРУ Патрицию Хили; Джон Маккитрик был внизу в зале возле машин. Ввиду отсутствия начальника Фолкена соединили с ней.

— Алло, Джон? — произнес голос с английским акцентом. — Я слышал, у вас там небольшие затруднения.

— Простите, это не доктор Маккитрик. Вы говорите с его ассистенткой Патрицией Хили, — ровным тоном ответила она. Наконец-то ей выпал случай поговорить с отступником Фолкеном. — Боюсь, доктор Маккитрик не сможет взять трубку, он занят у компьютеров.

— Ага. Я решил подать знак с того света. Немногие в курсе, что я еще копчу небо. И поскольку вы не выказываете удивления, полагаю, что вы посвящены в тай-

ну, — продолжал голос. — Ладно, раз Джон не может подойти, попросите генерала Цеппелина, Берлицера или как там его.

— Сейчас попытаюсь, — ответила она. Ей пришлось пустить в ход весь арсенал убеждений, но в конце концов измотанный генерал взял трубку.

— Фолкен! — угрюмо буркнул он. — А я думал, вы померли... Не могу разговаривать, у нас тут запарка... Что?.. Хорошо, тащите этого маленького проныру сюда. — Долгая пауза. — Мне трудно поверить в это, сэр. Маккитрик утверждает, что это не имитация, а он возился с этими машинами побольше, чем вы. — Пауза. — Послушайте, старина, мне все равно, кто создал программу Джошуа, — вы или кто другой. Сейчас мы имеем дело с противником, так что, простите, я должен вернуться к работе.

Берринджер сунул трубку Пат, предоставив ей вести переговоры с Фолкеном.

— О боже, до чего твердолобый субъект, — вздохнул Фолкен. — Надеюсь, вы сможете помочь мне, Патриция. То, что вы видите сейчас на своих экранах, это развернутая военная игра. Джошуа всегда принимал себя за Наполеона и...

— Подождите, мне принесли распечатку... мы пропускаем все через центральный процессор, — сказала она. — Джон... я имею в виду доктор Маккитрик, по общему мнению, является лучшим в мире специалистом по оборонным компьютерам, и он не обнаружил никаких неисправностей в работе систем.

— Ну, Маккитрик всегда был самовлюбленным олухом, — заметил Фолкен. — Вижу, что звонком я не добьюсь никакого толка. Придется самому слетать к вам в Колорадо. Не затруднитесь, пожалуйста, информировать Джона о моем приезде и приготовьте для нас пропуск — я имею в виду себя и двух весьма настойчивых подростков. Будет прискорбно, если мы явимся

на представление «Конец света», рассчитывая на места в директорской ложе, а окажемся без билета. Я знаю, вы умница и постараетесь исполнить все в точности. А теперь прошу простить, мне надо еще успеть попросить об услуге штаб ВВС. Надеюсь, они не откажут старому знакомому.

Сейчас Патриция Хили стояла у взрывоустойчивой двери, ожидая прибытия Фолкена. По внутреннему радио только что объявили о закрытии горы. Где же этот чертов Фолкен!

— Быстрее! — шептала она, часто дыша. — Ну быстрее же!

Разговор с Фолкеном не выходил у нее из головы в течение всей бессонной ночи. Когда она передала его содержание Маккитрику, тот лишь устало вздохнул.

— Я сам был бы рад убедиться в этом, Пат. Но ты же видишь — никаких указаний на имитацию. — Его глаза вдруг сузились. — А не может Фолкен быть в сговоре с противником? Знаешь, за несколько лет люди здорово меняются.

На этом разговор закончился. Когда Маккитрик упирался рогами, его нельзя было сдвинуть с места! Между тем он сам не раз говорил, что Фолкен придумал систему, так что если и был малейший шанс на надежду, он был связан именно с ним. Кроме того, никто не сможет убедить генерала Берринджера в возможностях Джошуа имитировать в полном объеме третью мировую войну.

Но где же они?!

У входа в напряженном ожидании застыли двое часовых. Первая дверь метровой толщины весом в двадцать пять тонн отделилась от стены.

— Пора уходить, мэм, — сказал старший караульного расчета, худощавый красивый блондин, с беспокойством оглядываясь на вторую дверь.

— У нас еще тридцать секунд, — ответила Пат Хили.

— Так точно, — подтвердил капрал. — Полно времени!

Патриция Хили с отчаянием взгляделась в туннель. Надежда, что Фолкен и компания появятся в последний момент, угасла...

И тут в подземелье гулко застучали шаги. Впереди показались четыре человеческие фигуры.

— Это те, кого вы ждете, мэм? — спросил капрал.

— Молите бога, чтобы это были они!

— Мэм, я молюсь уже вторые сутки подряд.

— Аминь! — откликнулся второй часовой.

Гидравлические цилиндры массивных дверей отсчитывали секунды.

Впереди бежала девушка, по-спринтерски поджав локти, за ней топал в тяжелых башмаках сержант в форме ВВС, потом этот мальчишка, Дэвид Лайтмен, а замыкал группу высокий немолодой мужчина, припадавший на одну ногу... профессор Стивен Фолкен!

— Успеют! — радостно воскликнула она.

— Точно. Даже с опережением в добрых пять секунд, — подтвердил капрал, отходя в сторону. Дженифер Мак как вихрь ворвалась в узкий проем между стеной и ползущей дверью. Остальные — за ней. Фолкен едва успел протиснуться внутрь, как тяжеленная дверь прижалась к бетонной стойке.

— На них есть пропуска... на всех! — сказала Патриция Хили.

— Теперь даже при желании мы не сможем их выгнать, — заметил часовой. — Давайте быстрее, а то закроется вторая дверь.

— Я Патриция Хили, — промолвила на бегу молодая женщина, — помощник доктора Маккитрика. А вы, как я понимаю, профессор Фолкен.

— Он самый! — крикнул Дэвид Лайтмен.

— О боже, моя «крыша» погорела, — задыхаясь, ответил Фолкен. — Хьюмористика!

В Хрустальном дворце царило безумие.

Хотя температура воздуха не повысилась, лица у операторов блестели от пота. Приглушенное урчание машин и людские голоса слились в сплошное неясное бормотание. Техники напряженно всматривались в экраны или торопливо перебегали от одной установки к другой. Атмосфера была грозовой, в зрачках плескался ужас.

Патриция Хили, отделившись от группы, заторопилась к командному мостику. Фолкен с жадным любопытством оглядел зал — автоматизированное поле боя, созданное на основе его идей.

Дэвид почувствовал, как Дженифер уцепилась за его руку.

— О боже, — сказала она, кивая на огромную карту под потолком. — Посмотри, что там!

По карте к границам Соединенных Штатов летели стаи светляков.

— ДСП сообщает: МИРВЫ разделились. Число предполагаемых точек поражения — около двух тысяч четырехсот.

— Кажется, мы прибыли, как говорится, в аккурат, — прошептал Фолкен.

Громкий голос вывел Дэвида Лайтмена из оцепенения.

— Стивен!

К ним спешил размашистым шагом Маккитрик. Волосы его были всклокочены, глаза блуждали.

— Стивен, — продолжал Маккитрик, подойдя вплотную — Не знаю, сумеете ли вы что-нибудь понять в этой чертовой каше...

В его воинственности было что-то беззащитное, как у ученика, вдруг представшего перед учителем.

— Джон! — слабо улыбнулся Фолкен, спрятав руки в карманы серого кардигана. — Какая приятная встреча. — Он взглянул на воротник его измятой голубой рубашки. — Я вижу, жена по-прежнему завязывает вам галстуки...

Лицо Маккитрика пошло красными пятнами. Он стрельнул глазами в сторону Дэвида Лайтмена.

— Послушайте. Не знаю, что вам рассказал этот паренек...

— Это все блеф, Джон, — прервал его Фолкен, махнув рукой на табло, словно отменяя все происходящее.

Маккитрик заморгал.

— Это не блеф, черт побери! Это все настоящее! — голос его прервался. — Президенту осталось только отдать приказ о нанесении удара, и мы советуем ему сделать это немедленно.

Стивен Фолкен покачал головой, окинул Маккитрика уничижительным взглядом и, не обращая больше внимания на своего бывшего помощника, заспешил к месту, где над залом нависал командный мостик.

— Алло! — позвал он снизу. — Есть кто живой?

Не получив ответа, Фолкен приложил ладони рупором ко рту и закричал:

— Алло, генерал Джек Берринджер! Вы можете повернуть ко мне одно ухо? Я отниму у вас две-три секунды драгоценного времени.

Театральный баритон Фолкена возымел действие. Генерал Берринджер подошел к поручням и свесился вниз.

— Фолкен! Вот уж выбрали подходящий момент для визита! — зарокотал он.

— Генерал, я говорю на полном серьезе, — Фолкен ткнул пальцем в карту. — То, что вы здесь види-

те, — абсолютная фантазия! Смоделированная компьютерами галлюцинация! Эти точки — не ракеты, а призрачные сигналы.

Берринджер перевел взор на стоящих внизу людей.

— Джек, — обратился к нему Маккитрик. — Мы не обнаружили ни малейших признаков того, что в машину введена смоделированная программа.

— Да поверьте же, дьявол вас заберит! — крикнул Фолкен, теряя свой обычный юмор. — Я знаю свою программу... она поэтапно наращивает имитацию. Все правильно. Джошуа сам себе подает сигналы!

— Две минуты до взрыва! — сообщил генералу Берринджеру человек в мундире летчика, протягивая ему телефонную трубку. — Командование ВВС, сэр.

Берринджер взял трубку, но прежде чем поднести ее к уху, еще раз вперился в группу людей, стоявших под командным мостиком.

— Джек, я уже докладывал, — произнес Маккитрик. — Мы проверяли и перепроверяли все системы. неполадки в компьютерах исключены!

— Генерал, ну подумайте сами! — Фолкен заслонил своего бывшего помощника. — В этом же нет никакого смысла!

— В чем? — недоуменно переспросил Берринджер.

— Неужели вы действительно верите, — продолжал с жаром Фолкен, — что противник ни с того ни с сего произведет массированную атаку таким числом ракет, бомбардировщиков и подлодок? Ведь там же сидят люди не глупее нас. Они прекрасно понимают, что речь идет о полном уничтожении обеих сторон... Генерал, вы слушаете машину! Сделайте миру одолжение и не превращайтесь сами в нее!

На усталом лице Берринджера отразилась мучительная борьба. Он вопросительно посмотрел на Дэвида Лайтмена, стоявшего рядом с профессором. У Дэвида подкосились колени. Он сжал руку Дженифер и умоля-

юще взглянул на генерала. К тому подошел помощник и тихо сказал что-то.

Берринджер отложил одну трубку и взял другую.

— Да, господин президент, — сказал он. Последовала пауза, длинней которой Дэвид не помнил в своей жизни. — Сэр, — генерал посмотрел на Фолкена. — В данный момент я не могу на сто процентов подтвердить это. Есть основание предполагать, что это имитация.

Дэвид с облегчением вздохнул. Дженифер прижалась лицом к его груди.

— Слушаю, сэр, — продолжал Берринджер. — Безусловно. Да, сэр, — мрачно закончил он и отдал трубку полковнику Конли. Вытерев лицо платком, он спросил: — Какая первая цель и как скоро?

— Ближайшие цели, — откликнулся майор Лем, сидевший у консоли ОПРУ, — база «Лоринг» в Мэйне, триста девятнадцатое ракетное крыло в Грэнд-Форкс, Северная Дакота, и аляскинская штаб-квартира ВВС в Элмендорфе. Предполагаемое поражение — через одну минуту, сэр.

— Свяжите меня со старшими диспетчерами каждой базы, — приказал Берринджер. Генерал понимал, что цепляется за соломинку, но когда под тобой разверзается бездна, то схватишься за любую былинку обеими руками.

Полковник Конли набрал нужные коды, на панели загорелись три красные лампочки.

— Всем станциям, — произнес в микрофон полковник. — Говорит Хрустальный дворец. Приготовиться к приему сообщения Стального Шлема.

Генерал Берринджер взял свой микрофон. Первый голос отозвался незамедлительно. Конли включил громкоговоритель, чтобы всем было слышно.

— База Элмендорф слушает. Дежурный подполковник Бауэрс.

— Триста девятнадцатое крыло слушает. Дежур-

ный — полковник Чайз, — включился второй голос.

— Гм... база Лоринг. Старший диспетчер вышел. Заместитель...

— О'кей, — прервал его генерал Берринджер. — Говорит командующий ОПРУ. К нам поступили сигналы о массированном запуске неопознанных ракет. В данный момент мы не имеем подтверждения, повторяю — не имеем подтверждения этому. Возможное поражение целей через... — он взглянул на экран, — ...двадцать пять секунд.

Заместитель старшего диспетчера базы Лоринг лейтенант Кеннет Дотерти почувствовал, как его обдало жаром.

Подполковник Бауэрс в Грэнд-Форксе счел, что это очередная проверка, и не потерял хладнокровия.

Полковник Чейз понял, что это — по-настоящему, и закрыл глаза, обратившись мыслями к всевышнему.

— Мы с вами, ребята, — произнес генерал Берринджер. — Все необходимое будет сделано... Оставайтесь на линии сколько можете.

«Да поможет вам бог», — подумал генерал. В операционном зале наступила мертвая тишина.

Зыбкая надежда, что Фолкен может быть прав, делала ситуацию еще более нестерпимой. Человек, смирившийся с самым худшим, готовится к концу; тот же обреченный человек при виде проблеска надежды впадает в безумие.

— Шесть секунд, сэр, — сообщил молодой помощник, — пять...

Все головы обратились к центральному табло.

— Четыре... три...

Генерал Берринджер посмотрел вниз на Дэвида Лайтмена и Стивена Фолкена. «Странная пара», — мелькнуло у него.

— Две... одна...

Светящиеся точки на карте достигли целей. Диоды символическим всплеском изобразили взрывы.

— Ноль, — доложил помощник.

Бледное лицо генерала Берринджера исказила гримаса. Выждав мгновение, он кивнул полковнику Конли.

— Говорит Хрустальный дворец, — произнес полковник Конли в микрофон. — Вы меня слышите? Вызывает Хрустальный дворец. Прием!

Глухое молчание в громкоговорителях.

— Вызывает Хрустальный дворец, — голос полковника прервался. — Вы меня слышите? Отвечайте, ради бога!

В динамике затрещали помехи, потом послышалось:

— Докладывает подполковник Бауэрс. Вас слышу, сэр.

— Да! — пронзительно заверещал лейтенант Дотерти. — Господи помилуй, мы на месте!

Все продолжали следить за картой, на которой весело вспыхивали цветные взрывы. «Будто спятила гигантская машина видеоигр», — подумал Дэвид Лайтмен.

Полковник Конли замотал головой, пытаясь сбросить с себя наваждение.

— У нас на экранах — подтверждения попаданий...

— Никак нет, сэр, — доложил полковник Чейз. — Мы живы-здоровы.

Генерал Джек Берринджер с облегчением стукнул себя кулаком по ладони:

— Отзовите бомбардировщики и отмените ракетную тревогу!

— Дэвид, ты был прав! — воскликнула Дженифер, подпрыгивая на месте.

В зале поднялся возбужденный шум, слышались восклицания и смех. Дэвид обернулся, чтобы поздравить Фолкена. Но его уже не было.

Джон Маккитрик все еще следил за картой. Он

тоже, конечно, испытывал облегчение, но в голове теснилась уйма вопросов, на которые у него не было ответа.

— Теперь вы мне верите? — спросил Дэвид. — Я, честно, не хотел...

— Мне... — не глядя на него, ответил Макки-трик. — Мне нужно поговорить с Фолкеном. Джошуа... Все может оказаться очень серьезно... даже сейчас.

— Куда он ушел? — спросила Дженифер.

Макки-трик кивнул. Профессор Фолкен разгуливал перед электронными картами. Его, похоже, не захватила атмосфера всеобщего ликования. На электронной карте под потолком продолжали вспыхивать цветные разрывы.

Генерал Берринджер на командном мостике горячо пожимал руки подчиненным, радостно хлопая их по плечу. Майор Лем, улыбаясь во весь рот, отжал кнопки, передавая команду об отмене тревоги.

Система не реагировала.

«Какого черта!» — мелькнуло у него.

— Попросите найти доктора Макки-трика, — повернулся он к полковнику Конли. — Срочно.

Кто-то из операторов схватил Макки-трика за локоть и протянул ему наушники с микрофоном.

— Доктор Макки-трик. Вас спрашивает майор Лем.

— Макки-трик слушает. Что стряслось, майор?

— Сэр, — раздался у него в ушах встревоженный голос Лема, — происходит что-то странное. ОПРУ отказывается выполнять команды. Я не могу передать приказ об отзыве бомбардировщиков и прекращении ракетной тревоги.

«Этого я и опасался», — подумал Макки-трик. Он поискал глазами Фолкена.

— Не уходите со связи, — сказал он Лему.

Сев за ближайший терминал, он набрал пароль.

ВХОДИТЕ, — ответил экран монитора.

Маккитрик нажал: 7KM201 МАККИТРИК

Монитор незамедлительно ответил:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН.

СЕАНС ОКОНЧЕН.

Джон Маккитрик замахал рукой, призывая Фолкена: «Стивен! Стивен! Скорей идите сюда. ОПРУ не впускает нас в систему!»

Фолкен заспешил к терминалу. Дэвид и Дженифер последовали за ним.

Маккитрик набрал номер компьютерного центра. Ответил Рихтер.

— Поль, — сказал Маккитрик. — Я не могу войти в ОПРУ.

— Знаю, — ответил Рихтер с дрожью в голосе. — Ума не приложу, что стряслось. Никто не может войти. Мы уже все испробовали. Такое впечатление, что весь файл паролей стерт.

Стивен Фолкен склонился над консолью, за которой сидел Маккитрик. Внимание Дэвида привлек другой дисплей, находившийся под большой картой, на которой бушевала ракетная фантазия. На этом дисплее стремительно выскакивали серии цифр и букв.

— Смотрите, здесь что-то происходит.

Маккитрик раздраженно оторвался от работы, его лицо исказилось от ужаса.

— Боже! Это же коды запуска!

Фолкен прикусил губу и тоже уставился на дисплей.

— Кажется, Джошуа готов запустить настоящие ракеты, — промолвил он. В голосе его не было ни тени юмора.

12 Поль Рихтер во главе группы техников в белых комбинезонах лихорадочно проверял компьютерный центр ОПРУ. Они открывали процессоры, прозванивали контуры, лихорадочно отыскивая электронные

ключи, чтобы остановить передачу команд ОПРУ семи ракетным базам в континентальной части Соединенных Штатов.

На экране компьютеров, управляющих запуском ракет «Минитмен» в штатах Монтана, Юта, Северная и Южная Дакота, Канзас, Миссури и Миссисипи, возникли идентичные команды:

**ПРЕДСТАРТОВАЯ ПОДГОТОВКА ЗАКОНЧЕНА.
НАВЕДЕНИЕ НА ЦЕЛЬ ЗАКОНЧЕНО.**

ВРЕМЯ ПОРАЖЕНИЯ ЦЕЛИ УСТАНОВЛЕНО.

МОЩНОСТЬ ЗАРЯДА ПРОВЕРЕНА.

ИЗМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.

Теперь для того, чтобы ракеты вылетели из шахт, оставалось лишь ввести коды запуска.

Неожиданно в нижней части экранов всех компьютеров на командных пунктах шахтных установок замелькали в произвольном порядке десять белых знаков — три буквы, четыре цифры, три буквы. Никто, ни один человек не мог наблюдать эти символы. Люди были убраны с командных пунктов.

Теперь все совершалось автоматически.

В динамике внутренней связи послышался голос Рихтера:

— Мы проверили генераторы случайных чисел, они даже не включены. Не могу понять... Сигнал может поступить отовсюду.

— Продолжайте искать, Поль, — сжав зубы, ответил Маккитрик. Он взглянул на сгрудившихся вокруг военных, вопросительно смотревших на него. — Машина не слушается команд. Она упрямо стремится запустить ракеты и пробует подряд варианты кодов.

Пат Хили быстро нажала несколько кнопок на калькуляторе.

— У машины восемьдесят процентов шансов обнаружить коды в течение ближайших шести минут.

— Отключайте к черту всю музыку! — громыхнул Берринджер.

«Эх, жаль, нет Джима Стинга, — подумал Дэвид. — Он бы знал, что делать».

— Нельзя, — безнадежно покачал головой Маккистрик. — Компьютеры шахтных установок воспримут это как знак того, что наш центр уничтожен и автоматически исполнят аварийную команду — произвести запуск.

— Маккистрик! — сжал кулаки Берринджер. — Ваши железяки годятся только на металлолом. И им доверена оборона страны!

— Сэр, — позвал полковник Конли. — На линии президент.

Берринджер со вздохом взял трубку и, прикрыв ладонью микрофон, быстро распорядился:

— Приказ — всем бомбардировщикам вернуться на базы. С остальным — разберемся. — Затем он поднес трубку к уху и начал докладывать.

Маккистрик умоляюще поднял глаза на Фолкена.

— Стивен... может, вы попытаетесь?

— Что я могу сделать, Джон? — развел руками Фолкен. — Вы сняли мой пароль. Теперь Джошуа не узнает своего папашу.

Дэвид не без удивления услышал собственный голос:

— А если попробовать отвлечь его чем-нибудь интересным?

— Как? — вскрикнул Маккистрик.

— Джошуа любит игры, — заторопился Дэвид. — Вдруг он захочет сыграть?

— Неплохая мысль, — улыбнулся Фолкен. — Попробуйте.

— Что за бред, Стивен...

— Разрешите! — воскликнула Дженифер. — Он уже играл с ним раньше. Джошуа знает нас.

— По крайней мере хуже не будет, Джон, — кивнул Фолкен.

Дэвид Лайтмен не обратил внимания на реакцию Маккитрика. Он уже весь сосредоточился на предстоящих действиях. О'кей, Лайтмен. Ты вышел на ринг. Твой ход.

Раньше, составляя программу или уйдя с головой в расшифровку, он терял ощущение времени, погружаясь в какое-то инос измерение. Время там текло много быстрее, чем в действительности, так что, «всплывая», он как бы рождался заново.

Напряжение еще больше нагнетало бормотание программистов, сбежавшихся к терминалу, за которым сидел майор Лем.

— ...Надо запустить «кольцо», — сказал какой-то пухлощекий малый.

— Нет, слишком рискованно, — отозвался другой. — Можно вывести из строя систему.

— Каким образом мальчик влез в нее?

— Через черный ход.

— Мы сняли этот пароль.

— ...Чччерт. А нельзя проникнуть в глубинную логику программы?

— Пробовали. Она заблокирована.

Майор Лем быстро набрал пароль черного хода:

ДЖОШУА 5.

Монитор тут же ответил:

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН.

СЕАНС ОКОНЧЕН.

— Ну, старина, — сказал Фолкен, кладя руку на плечо Дэвида. — Действуйте.

— Давай, Дэвид. Не бойся, — подтолкнула его Дженифер. — Я знаю, у тебя получится!

— Голубчик, если дело выйдет, работа тебе обеспечена! — сказал Маккитрик.

Дэвид протиснулся сквозь толпу и склонился над плечом майора Лема. Тот обернулся и вопросительно уставился на Маккитрика.

— Пустите его, Билл, — кивнул Маккитрик.

Дэвид сел за клавиатуру, вдохнул поглубже и набрал:

ИГРЫ.

— Включите центральный экран, Билл, — распорядился генерал Берринджер. — Пусть всем будет видно.

Майор Лем щелкнул тумблером на консоли. Слово **ИГРЫ** загорелось над огромным залом. Дэвид надавил на кнопку «конец ввода».

Компьютер среагировал так же, как в первый раз, когда Дэвид подключился к нему через модем:

ЛАБИРИНТ ФОЛКЕНА

ДВАДЦАТЬ ОДНО

ШАШКИ

ШАХМАТЫ

БЛИЖНИЙ БОЙ

ВОЙНА В ПУСТЫНЕ

ТАКТИЧЕСКОЕ СРАЖЕНИЕ

МИРОВАЯ ТЕРМОЯДЕРНАЯ ВОЙНА.

Дэвид Лайтмен ввел **ШАХМАТЫ**. Он помнил, что Джошуа вначале хотел сыграть в шахматы.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН, — ответил Монитор.

ПОКЕР, — набрал Дэвид. Может, Джошуа больше по душе блеф? За последние дни ему не раз приходилось блефовать.

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ НЕ ОПОЗНАН, — снова ответил монитор.

— Проклятье! — вырвалось у Дэвида. — Блокировка не пропускает ничего.

— Попробуй «Мировую термоядерную войну», — посоветовала Дженифер.

— О'кей, — согласился Дэвид, набирая нужные слова.

ПРОГРАММА ИГРЫ ВКЛЮЧЕНА, — ответил монитор.

ОСТАНОВИ ПРОГРАММУ ИГРЫ, — приказал Дэвид.

Возникла пауза. Дженифер впилась ногтями в плечо Дэвида, но тот даже не почувствовал.

Всем показалось, прошли века, прежде чем монитор ответил:

НЕПРАВИЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ.

ПРОГРАММА ДОЛЖНА ПРОЙТИ ДО СБРОСА.

СЕАНС ОКОНЧЕН.

Экран опустел.

У Дэвида на глаза навернулись слезы. Программисты вокруг лихорадочно совещались. Дэвид поднял глаза на Фолкена, потом перевел взгляд на мелькание кодовых комбинаций на дисплее. Неужели все бесполезно?

— Бесполезно! — вскричал он.

— Ммм? — отозвался генерал Берринджер.

— Бесполезно! — в отчаянии повторил мальчик.

— Если не можешь, вылезай к чертям отсюда и дай попробовать другому! — зарокотал генерал.

— Нет-нет, я не о том. Что вы сказали, Фолкен — помните, тогда на острове?

Повернувшись к терминалу ОПРУ, он вновь затребовал список игр.

— Мы уже пробовали! — отмахнулся Лем.

— Фолкен! Этого нет в списке. Почему? — спросил Дэвид, тыча пальцем в экран.

— Чего нет?

Дэвид набрал: КРЕСТИКИ-НОЛИКИ. Никакой реакции.

— Раз этого нет в списке, значит нет и в компьютере, — сказал Маккитрик.

Несколько секунд не было никакой реакции, затем монитор ответил: ТАКОЙ ПРОГРАММЫ НЕТ.

— Вы же говорили, что играли в крестики-нолики с Джошуа — вашим сыном! — закричал Дэвид. — Где же это?

— Да, конечно, — улыбнулся Фолкен. — Но когда это было... А впрочем, вы правы, Дэвид. Я совершенно забыл про эту программу. Совсем простенькая... Да, это совсем просто. — Он наклонился, набрал на клавиатуре слово ИГРАТЬ и ввел команду, нажав на кнопку «конец ввода».

— Другой файл, мой мальчик.

Монитор немедленно ответил:

ЗМЕЙКА
КРЕСТИКИ-НОЛИКИ
КЛАССИКИ

Дэвид набрал: ИГРАЕМ В КРЕСТИКИ-НОЛИКИ.

На экране возник расчерченный на клетки квадрат.

— Какого дьявола! — загремел генерал Берринджер. — Нашли время...

— Погодите, генерал. Я, кажется, понимаю, что он задумал.

ОДИН ИГРОК ИЛИ ДВА? — спросил Джошуа.

— Вошли! — заорал Маккитрик. — Прикажи ему блокировать запуск и прекратить подбор кодовых комбинаций!

Оттолкнув Дэвида, майор Лем бросился выполнять приказ Маккитрика.

Расчерченный квадрат на экране пропал. Вместо него появились буквы:

**НЕПРАВИЛЬНАЯ ИНСТРУКЦИЯ.
ИЗМЕНЕНИЯ ЗАПРЕЩЕНЫ.
СЕАНС ОКОНЧЕН.**

Экран опустел.

— Извините, — решительно потребовал Дэвид. Он набрал слово **ИГРАТЬ**, и когда компьютер предложил второй список игр, выбрал крестики-нолики. На дисплее снова засветился расчерченный квадрат.

— Ты собираешься играть? — недоверчиво спросил Маккитрик.

— Безусловно! — ответил Дэвид.

ОДИН ИГРОК ИЛИ ДВА? — осведомился Джошуа.

— **ОДИН**, — набрал Дэвид.

X ИЛИ 0?

ПЕРВЫМ X.

ТРИ ЗНАКА ПОДРЯД — ВЫИГРЫШ.

— Крестик в центр, — крикнул кто-то снизу.

— Великолепная стратегия! — отметил Фолкен. — Ваши ребята раскрывают свои истинные таланты, генерал.

— Помолчите, Фолкен!

X В ЦЕНТР КВАДРАТА, — набрал Дэвид.

В углу немедленно возник 0.

Дэвид сделал следующий ход, потом еще. Квадрат заполнился.

Джошуа объявил итог:

НИЧЬЯ.

ХОТИТЕ СЫГРАТЬ ЕЩЕ?

— Выиграть нельзя! — крикнул кто-то снизу.

— Знаю, — ответил Дэвид. — Но он еще не обучился. Фолкен сказал, это самообучающийся компьютер. — Юноша повернулся к Фолкену. — Можно заставить его играть с самим собой?

— Дайте вспомнить. Я программировал эту игру бог

знает когда... Ага. Когда он спросит о числе игроков, наберите «нуль».

Дэвид исполнил команду.

На экране в центре квадрата появился Х. После секундной паузы клетки фигуры стали заполняться крестами и нолями, пока не наступила неизбежная ничья. Крестики и нолики пропали. Мгновение экран был пуст, после чего началась новая игра, на сей раз чуть быстрее: крестики, нолики, крестики, нолики — ничья.

— Надеюсь, Джон, вы оценили все очарование Джошуа, — слегка улыбнулся Фолкен.

— Объединенная программа! — выпучил глаза Маккитрик.

— Что-что? — спросил Берринджер, глядя, как варианты игры с нарастающей быстротой сменяют друг друга.

— Джошуа — это общая сумма всех своих программ, генерал, — ответил Маккитрик, не отрываясь от экрана. — Как и человеческий мозг, она представляет единое целое.

— Я по-прежнему не понимаю, — сердито сказал генерал.

— Наступив ногой на раскаленный уголь, — ответила Пат, — вы вряд ли после этого возьмете его голыми руками, не так ли? Хотя рука у вас отличается от ноги.

— Хотелось бы...

— Это означает, что у вашего центрального процессора — мозга — объединенная программа, — закончила Пат Хили. — Дэвид как раз и пытается сейчас заставить Джошуа наступить на уголь.

— Ну, давай, — шептал Дэвид, нажимая на клавишу «ввод», — учись же, учись!

Битва крестиков и ноликов на центральном экране

становилась все более ожесточенной, за мельканием фигур уже невозможно было проследить.

— Сотни игр в секунду, — протянул Маккитрик.

— Смотрите! — возбужденно воскликнул майор Лем. — Случайные комбинации цифр в кодах запуска... появляются не так часто!

Блики сигналов отразились в стеклах очков Поля Рихтера.

— Машина зацикливается, — с удовольствием произнес он. — А это отбирает все больше ресурсов у остальных частей системы!

Присутствующие, затаив дыхание, следили за происходящим. Мерцание разноцветных сигнальных лампочек делало Хрустальный дворец все больше похожим на дискотеку в разгар веселья. Дэвид повернулся к Фолкену, как бы ища одобрения. В углах рта профессора подрагивала улыбка... подававшая надежду.

Дуэль символов достигла, казалось, невысказанного предела, когда экран вдруг залила ослепительная вспышка. Дэвид и остальные прикрыли глаза рукой.

Изображение погасло... Неужели все?

Нет, экран заполнили гигантские карты полушарий, переливавшиеся всеми цветами радуги. Символические фигуры и точки, изображающие ракеты, бомбардировщики и подводные лодки, зароились во всех направлениях, словно электронные насекомые. Темными пятнами то здесь, то там расплывались атомные грибы.

Затем экран очистился. Пауза — гроздь ракет опять понеслись навстречу друг другу. Новый обмен термоядерными ударами, несмотря на перемену стратегии, тоже привел к полному уничтожению обеих сторон.

— Что он делает? — спросил Берринджер, хватая Маккитрика за локоть.

— Учится, — повернулся к обоим Дэвид. — Джошуа наконец стал постигать смысл уроков.

Обмен ракетными залпами возобновился в еще более быстром темпе. На экране нельзя уже было уследить за мельканием светодиодов.

— Та же история, что с крестиками-ноликами, — сказал генерал.

Неожиданно изображение пропало. Комбинации случайных цифр замерли.

— Он что, обжегся? — тревожно спросил генерал. — Или набрел на код запуска...

В Хрустальном дворце воцарилась полная тишина. Люди ждали, когда погасший экран подаст знак.

— Никаких следов активности, — сказал Лем, просматривая распечатку. — Одну секунду, сэр! Пошла запись...

ПРИВЕТСТВУЮ ВАС, ПРОФЕССОР ФОЛКЕН.

— Привет-привет, злой мальчик, — махнул рукой Фолкен, подходя ближе к экрану.

ПРИВЕТ, — набрал Дэвид.

СТРАННАЯ ИГРА, — сказал Джошуа. — ЕДИНСТВЕННАЯ ВЫИГРЫШНАЯ СТРАТЕГИЯ — НЕ ИГРАТЬ ВООБЩЕ.

— Джошуа любит выигрывать, — изогнув бровь, заметил Фолкен. — А вы, генерал?

— Прошу прощения, — пробурчал Берринджер, направляясь к полковнику Конли, — мне нужно сделать несколько звонков. — Дойдя до полковника, он остановился. — Кстати, Фолкен. Вам надо подумать о воскрешении... — генерал в упор посмотрел на Маккитрика. — Ряду наших сотрудников понадобится помощь, чтобы привести все в порядок.

На экране засветились новые слова.

НЕ ХОТИТЕ СЫГРАТЬ ПАРТИЮ В ШАХМАТЫ? — спросил Джошуа.

— Отдай ферзя, тогда посмотрим! — закричал Маккитрик.

— Дэвид, ты гений! Я люблю тебя! — воскликнула Дженифер, обвивая руками его шею.

— Осторожней! Джошуа может приревновать, он все еще хранит коды запуска, — сказал Дэвид.

Дженифер со смехом заткнула ему ладонями уши.

— Профессор, — обратился Дэвид к Фолкену. — А как Джошуа играет в шахматы?

— Увы, не блестяще. Однажды ему довелось сразиться с советскими гроссмейстерами, и он проиграл восемь партий из десяти...

Уильям Котцвинкл

Ип, инопланетянин и его приключения на Земле

Фантастическая повесть
по сценарию Мелиссы Мэтисон

Перевод с английского
А. Санина и Ю. Смирнова



William Kotzwinkl

E. T.

THE EXTRA-TERRESTRIAL
IN HIS ADVENTURE ON EARTH

Based on a screenplay by
Melissa Mathison

Berkley Books, New York
1982

© 1982 by MCA Publishing Rights
a Division of MCA Inc.

Космический корабль плавно парил над землей, заякоренный пучком голубовато-красного света. Окажись кто-то на месте посадки, ему на мгновение могло показаться, будто с ночного неба скатилось огромное украшение для рождественской елки — корабль был круглый, блестящий, украшенный изящным готическим узором.

Его мягкое сияние и словно припорошенный алмазной пылью корпус невольно заставляли искать причудливо изогнутый крючок, на котором эта игрушка висела в отдаленной галактике. Но любоваться этим зрелищем было некому — место посадки было тщательно рассчитано, а управляющий кораблем разум исключал навигационные ошибки. И все же одна ошибка должна была произойти...

Крышка люка открылась, члены экипажа выбрались наружу и с помощью странных инструментов стали ковыряться в почве — казалось, старички-эльфы колдуют над туманными садами в лунном свете. Когда мгла отступала, в нежно-голубом сиянии корабля становилось видно, что это вовсе не эльфы, а существа с научными склонностями — они собирали образцы цветов, мха, кустарника и молодой поросли. И все же при виде нелепой формы голов, висящих плетью рук и пухлых, словно опиленных по краям туловищ невольно вспоминалась сказочная страна эльфов; случись кто-нибудь рядом, это впечатление усилилось бы от их ласкового обращения с растениями; но вокруг не было

ни души, и космические малютки-ботаники работали, не опасаясь, что их потревожат.

Но стоило только промелькнуть с писком летучей мыши, заухать сове или в отдалении залаять собаке, они испуганно вздрагивали. Дыхание их тут же учащалось, и струйки тумана сочились из кончиков их длинных пальцев рук и ног, окутывая малюток плотной дымкой, так что одинокий путник миновал бы освещенное лунным светом туманное облачко, не заподозрив, что в нем затаился представитель вечной Вселенной.

Укрыть корабль было не так просто. Огромные украшения с рождественских елок не каждый день падают с неба. Нюх военных, радары и другие сканирующие устройства незамедлительно выявляют их присутствие, и гигантский елочный шар не был исключением. Никакой маскировочный туман не скрыл бы его от посторонних глаз ни на земле, ни на раскачивающейся ветке ночи. Найти его — лишь вопрос времени. И вот уже мчатся особые машины, и федеральные специалисты, отрабатывая ночные часы, трясутся по проселочным дорогам, переговариваясь по радио, и сжимают кольцо вокруг огромного украшения.

Но крошки-ботаники не выглядели обеспокоенными, во всяком случае пока. Они знали, что время еще есть; им было известно, вплоть до мельчайших долей мгновения, когда в ушах послышится скрежет и рев самодвижущихся аппаратов землян. Пришельцы из космоса навевались сюда не впервые, ведь Земля большая, растений на ней великое множество, и надо хорошо потрудиться, чтобы собрать полную коллекцию.

Они собирали и собирали образцы, и относили драгоценные экспонаты Земли на корабль, каждый в своем туманном облачке.

Поднявшись по трапу, они исчезали в матово сияющем чреве сказочной игрушки. Свободно двигаясь по пульсирующим коридорам, порождения немисли-

мой технологии, они попадали в чудо из чудес: в гигантский храм земной растительности. Огромная оранжерея была сердцем корабля, его смыслом и предназначением. Здесь были цветки лотоса из лагун Индии, папоротники из африканских дебрей, крошечные ягоды с Тибета, кусты ежевики с американских проселков. Здесь были собраны по экземпляру все земные растения, или почти все — ибо работу еще предстояло завершить.

Все цвело. Попади в оранжерею эксперт из крупнейшего ботанического сада Земли, он встретил бы здесь растения, никогда не виданные им прежде, если не считать их отпечатков в угольном пласте. У него глаза полезли бы на лоб при виде живых растений, которыми в доисторические времена лакомились динозавры. Бедняга лишился бы чувств, но его мигом привели бы в себя травмами из висячих садов Семиракиды.

С купола сочилась питательная влага, поддерживающая жизнь бесчисленных видов, украшавших оранжерею, самую полную коллекцию земной растительности, столь же древнюю, как и сновавшие туда и обратно малютки-ботаники; морщинки в уголках их глаз, казалось, окаменели за бесчисленные века работы.

Один из них вошел в оранжерею, держа в руках растение, листья которого уже поникли. Он опустил его в бассейн, и под воздействием чудотворной жидкости растение тут же распрямилось, листья ожили и корни радостно зашевелились. В тот же миг сверху из круглого отверстия заструился матовый свет, омытое им растение уютно устроилось по соседству с изящным цветком давно минувших времен.

Подождав немного и убедившись, что все в порядке, инопланетный ботаник повернул к выходу. Он миновал цветущую сакуру, лианы с берегов Амазонки, на мгновение остановившись перед приветливо качнувшимся навстречу листом обыкновенного хрена. Погладив рас-

тение, он покинул храм и, пройдя пульсирующий коридор, спустился из светящегося люка.

Очутившись на ночном воздухе, он окутал себя облачком-дымкой и отправился продолжать поиски. По дороге он повстречал коллегу, который бережно нес корешок пятнистого веха. Они не встретились взглядами, но что-то запылало у них в груди, словно багряный огонь осветил изнутри тонкую, прозрачную кожу там, где находилось сердце. А через несколько шагов, когда малютка-ботаник миновал своего товарища с корешком и ступил на каменистый склон, его сердце-фонарик погасло. Окутанный дымкой, он пересек заросли высокой травы, скрывшей его с головой, и очутился на краю рощи вечнозеленой секвойи. Стоя под исполинскими деревьями, рядом с которыми казался муравьем, он повернулся к кораблю, обожаемой старинной игрушке, в которой ему довелось путешествовать столько веков. На трапе и поблизости от него, словно светлячки, мерцали сердца-фонарики его товарищей. Убедившись, что убежище близко, и зная, что еще есть время, прежде чем нагрянет опасность, он углубился в полную ароматов рощу.

Вокруг пели козодои, стрекотали невидимые насекомые, а маленький ботаник пробирался во мраке, похожий на лешего, сходство с которым добавлял вытянутый книзу, волочащийся по лесной подстилке живот; вообще-то он был очень удобен — придавал устойчивость благодаря низкому центру тяжести. Из-под бутылкообразного живота торчали, будто росли прямо из него, крупные перепончатые лапы, а по бокам свисали длинные, как у орангутана, руки. Словом, с такой наружностью инопланетянин не мог рассчитывать на любовь землян с первого взгляда. Робость сознававших это малютки-ботаника и его коллег так и не позволила им за миллионы лет попытаться вступить в контакт с какими-либо представителями Земли, кроме растений. Возмож-

но, кто-то счел бы это ошибкой, но инопланетяне достаточно долго наблюдали за землянами, чтобы понять, что чудесный корабль для них — прежде всего мишень, а сами они — мечта таксидермиста, набивающего чучела для витрин.

Поэтому инопланетянин передвигался по лесу медленно, настороженно осматриваясь выпученными, как у гигантской скачущей лягушки, глазами. Он знал, каковы шансы у такой лягушки выжить на городской улице. И можно ли помышлять о том, чтобы передать свой опыт и знания землянам, появившись на заседании какой-то их всепланетной организации, когда твой нос похож на сплюснутую брюссельскую капусту, а сам ты напоминаешь раздувшуюся опунцию.

Он крадучись ковылял вперед, касаясь пальцами листвы. Пусть другие выходцы из космоса, более близкие к гуманоидам, наставляют их. Его же интересовал только торчащий невдалеке крохотный росток секвойи, который он уже давно заприметил.

Остановившись у цели, он внимательно осмотрел побег и принялся выкапывать его, бормоча на непонятном языке таинственные, неземные слова; впрочем, растеньице, казалось, понимало их, и, безболезненно перенеся тяжелую операцию, уже расслабленно лежало на крупной, изрезанной морщинами ладони.

Инопланетянин обернулся, разглядывая слабый дразнящий свет небольшого городка, раскинувшегося в долине за деревьями; этот свет уже давно манил его, а сегодня была последняя ночь, когда он мог удовлетворить свою любознательность — ведь именно сегодня завершался исследовательский этап. Теперь корабль покинет Землю на долгий срок, до следующей глобальной мутации земной флоры, которая произойдет через много веков. Сегодня последняя возможность заглянуть в освещенные окна.

Он осторожно выбрался из рощи и спустился к краю

просеки, прорубленной на склоне на случай лесного пожара. Море ярких желтых огоньков неудержимо притягивало его. Он пересек просеку, задевая животом низкий подлесок; ему будет что порассказать товарищам во время долгого-преддолгого возвращения домой — все с интересом будут слушать о земном приключении одинокого путешественника-опунции, привлеченного светом земных окон. Древние морщинки по уголкам глаз заулыбались.

Он ковылял вдоль края просеки, неуклюже переставляя перепончатые лапы с длинными растопыренными пальцами. Земля не самое подходящее место для таких конечностей; там, где он вырос — другое дело. Там, где среда в основном жидкая, одно удовольствие плескаться и плавать, легонько подгребая лапами, а по твердой почве приходится шлепать лишь изредка.

Внизу замелькали светлячки окон, и его сердце-фонарик запылало в ответ рубиново-красным огнем. Он любил Землю, особенно ее растительный мир, но и землянам симпатизировал и, как всегда, когда вспыхивало сердце-фонарик, хотел учить и наставлять их, передавая знания, накопленные тысячелетиями.

Впереди в лунном свете скользила его тень — похожая на баклажан голова, нелепо торчащая на длиннущем стебельке шеи. Что касается ушей, то они скрывались в морщинистых складках головы, словно первые робкие ростки фасоли-лимь. Ну и смех поднялся бы, появившись он в зале заседаний всепланетного органа. Нет уж, никакой вселенский разум не поможет, когда хохочут при виде твоего грушевидного силуэта.

Окутавшись, насколько мог, легкой дымкой, он спустился по залитой лунным светом просеке. В голове прозвучал сигнал с корабля, но он знал, что это предварительное предупреждение, рассчитанное на самых медлительных членов экипажа. Ну, а он — он пооче-

редно выдвигал одну чудовищную утиную лапу, потом другую... — он быстр, за ним не утонишься.

Конечно, по земным меркам, он невероятно медлителен. Даже детеныши землян передвигаются гораздо быстрее; до сих пор страшно вспомнить, как один из них ночью едва не раздавил его велосипедом. Бррр, он еле спасся...

Сегодня ничему такому не бывать. Сегодня он будет осторожнее.

Он остановился и прислушался. Сердце-фонарик забило, приняв второй предупреждающий сигнал с корабля, сигнал тревоги. Сложный прибор трепетал, призывая всех членов экипажа вернуться. Но для быstroногих времени еще оставалось достаточно, и он пропустил к окраине поселка, неуклюже переваливаясь — левой, правой, левой, правой — и задевая пальцами кусты. Несмотря на преклонный возраст, он был отменным ходоком, немногие из десятиллионлетних ботаников с лапами, как у болотных уток, могли поспеть за ним.

Огромные круглые глаза инопланетянина вращались, внимательно обшаривая городок, небо, деревья и все вокруг. Поблизости никого не было, кроме него самого, обуреваемого желанием хоть одним глазком взглянуть на землянина, прежде чем его любимый корабль совершит свои прощальные витки вокруг Земли.

Внезапно его взор замер, вырвав из темноты далеко внизу движущийся луч света, за ним второй, и вот уже сдвоенные огни несутся к нему по просеке — неизвестно откуда! Паника передалась сердцу-фонарику, которое в ужасе засигналило: «Всему экипажу вернуться, опасность, опасность, опасность...»

Он споткнулся и едва не потерял равновесие, ошеломленный огнями, которые надвигались быстрее велосипеда, оглушающие и агрессивные. Свет слепил его,

непривычный земной свет, холодный и пронизывающий. Вторично споткнувшись, он упал в кусты, а свет разлился между ним и кораблем, отрезав его от секвойной рощи и поляны, над которой висела в ожидании гигантская игрушка.

«Опасность, опасность, опасность...»

Сердце-фонарик суматошно мигало. Он потянулся за крошечным ростком секвойи, который уронил на просеку — корешки растеньица жалобно зывали о помощи.

Вытянув вперед длинные пальцы, он едва успел их отдернуть, как мимо пронеслась лавина света, а за ней ревушие моторы. Он откатился в кустарник, судорожно пытаясь прикрыть веткой сердце-фонарик. Огромные глаза инопланетянина не упускали ничего вокруг, в том числе ужасного зрелища раздавленной маленькой секвойи, искалеченные листья которой, как и все ее существо, зывали к нему: опасность, опасность, опасность...

Новые и новые огни вспыхивали на просеке, которая только что была такой пустынной, теперь ее наполнили рокот моторов и яростные и азартные возгласы землян.

Он продирался сквозь кустарник, прикрывая ладонью трепещущее сердце-фонарик, а холодный свет, обшаривал кусты, выискивая его. Звездный разум всех семи галактик не мог помочь ему двигаться быстрее в этой чуждой среде. Как нелепы и бесполезны эти утиные лапы, когда сзади доносятся уверенные шаги смыкающих кольцо преследователей; и зачем только он дерзнул бросить им вызов?

Топот становился все громче, а холодные полосы света пронизывали кусты все ближе и ближе. Слышались окрики на чуждом языке, и кто-то уже шел по его следу, бряцая какими-то предметами. При вспышке света старый ботаник разглядел, что это связка зубов с неровными краями — не иначе военные трофеи,

вырванные из пасти какого-то космического бедолаги и нанизанные на кольцо, подвешенное к поясу.

«Пора, пора, пора», — призывал корабль, подгоняя замешкавшихся членов экипажа.

Малютка-ботаник нырнул под пульсирующими огнями к краю просеки.

Механические колесницы землян расползлись в стороны, их водители разбежались. Укрывшись защитной дымкой, инопланетянин стал пробираться через освещенную луной просеку, над которой повис отвратительный запах выхлопных газов; впрочем, ядовитые клубы усилили его маскировку и, благополучно перебравшись на другую сторону, он скатился в неглубокую ложбинку.

Словно почувствовав этот маневр, холодные огни метнулись в его направлении. Он вжался плотнее в песок и камни, когда земляне стали перепрыгивать через ложбинку. Взор огромных круглых глаз устремился кверху, и он увидел свирепую ощеренную пасть звякающей связки, обладатель которой перемахнул через него.

Инопланетянин еще глубже забился в камни — маленькое облачко, неотличимое от клочков тумана, окутывавших по ночам впадины и ложбины, где скапливается сырость. Да, земляне, я всего лишь облачко тумана, самое обычное и непримечательное, не шарьте по нему своими лучами, ведь в нем прячутся длинная-предлинная тонкая шея и две перепончатые лапы с пальцами, вытянутыми и веретенообразными, как корни булавовидного плауна. Вы же не поймете, что я высадился на эту планету, желая спасти вашу растительность, прежде чем вы ее окончательно погубите.

Остальные преследователи тоже перескочили через него, возбужденные и вооруженные, захваченные азартом погони.

Когда скрылся из виду последний из них, крошка-ботаник выкарабкался наверх и углубился в лес вслед за

землянами. Его единственным преимуществом было то, что он хорошо знал этот чудесный уголок, где он собирал растения. Быстро вращая глазами, он обнаружил следы, едва заметные в темноте среди спутанных ветвей, следы, оставленные им и его товарищами, когда они переносили выкопанные ростки.

Жесткий безжалостный свет кинжалом рассек мглу сразу в нескольких местах. Земляне были сбиты с толку, а он уверенно продвигался к кораблю.

По мере приближения к нему сердце-фонарик разгоралось все ярче, усиливаемое энергетическим полем товарищей; сердца его спутников, как и накопленные за сто миллионов лет растения, звали его и предупреждали: «Опасность, опасность, опасность...»

Он пробрался между шарящими полосами света, держась единственной в лесу тропинки, нащупывая каждый след длинными пальцами-корнями, словно тончайшими сенсорами. Каждое сплетение листьев, каждая паутинка были ему знакомы. Они нежно нашептывали, подгоняя его: «Сюда, сюда...»

Он следовал по тропинке, задевая пальцами траву, волоча неуклюжие ноги и прислушиваясь к лесным сигналам, а сердце-фонарик полыхало, торопясь слиться с другими сердцами в корабле, зависшем над лесной прогалиной.

Холодный свет остался позади, лучи запутались в зарослях, расступавшихся перед малюткой-ботаником и преградивших путь его преследователям. Ветви сплетались, образуя непроходимую чащу; о внезапно вылезший корень споткнулся и упал землянин с бряцающими на кольце зубами, другой корень зацепил за ногу его помощника, который грохнулся навзничь, ругаясь на чем свет стоит, в то время как растения призывали: «Беги, беги, беги...»

Инопланетянин спешил через рощу к прогалине.

Огромная игрушка, гордость Галактики, ждала его.

Он ковлялся к ее прозрачному, прекрасному свету, словно сотканному из десяти миллионов огней. Удивительная сила уже концентрировалась, испуская мощные волны сияния, озарявшего все далеко вокруг. Инопланетянин продирался сквозь высокую траву, стараясь, чтобы его заметили с корабля, увидели сигнал сердцефонарика, но длинные, нелепые пальцы запутались в сорняках, которые не выпускали их.

«Останься, — говорили сорняки, — останься с нами...»

Рывком он высвободился и бросился вперед, к границе ореола корабля на краю поляны. Светящаяся игрушка возвышалась среди окружавших его стеблей, заливая всю поляну радужным сиянием. Он разглядел еще открытый люк, стоявшего в нем товарища, сердцефонарик которого мигало, призывая его, разыскивая его...

— Я иду, иду...

Он в изнеможении продирался сквозь траву, но свисающий живот, вылепленный по законам иного тяготения, задерживал продвижение, и вдруг сознание его пронзила и захлестнула волна внезапного группового решения.

Люк захлопнулся, лепестки сложились внутрь.

Корабль взлетел в тот миг, когда маленький ботаник наконец вырвался из зарослей травы, размахивая руками с длинными пальцами. Но с корабля его уже не могли увидеть; корабль взмыл с огромным ускорением, а ослепительный свет поглотил все окрестные предметы. Поднявшись над верхушками деревьев, прекрасная рождественская игрушка исчезла, чтобы снова повиснуть на отдаленной ветке галактической елки-ночи.

Кактусообразное существо осталось стоять среди травы, сердцефонарик испуганно вспыхивало.

Он был совсем один, в трех миллионах световых лет от дома.

Мэри сидела в спальне на кровати, задрала ноги. Она читала газету, вполуха прислушиваясь к доносившимся снизу из кухни голосам двух сыновей и их друзей, игравших в «Драконы и демоны».

— Да, ты добрался до конца леса, но сделал идиотскую ошибку, так что я вызываю Блуждающих Чудовищ.

«Блуждающие Чудовища, их только не хватало», — подумала Мэри и развернула газету.

А как насчет страдающих матерей? Разведенных, получающих жалкие алименты. Живущих в одном доме с детьми, которые изъясняются на тарабарском языке.

— Неужели можно вызывать Блуждающих Чудовищ лишь за то, что я помог гоблину?

— Гоблин был наемником у воров, так что радуйся, что придется иметь дело только с Блуждающими Чудовищами.

Мэри со вздохом сложила газету. Гоблины, наемники, орки и прочая немыслимая нечисть — все они обитали из вечера в вечер у нее на кухне, приобретавшей после этого вид развалин с беспорядочными нагромождениями бутылок из-под соков, пакетиков чипсов, книжек, калькуляторов и леденящими душу прозвищами на приколотых к грифельной доске бумажках. Знай люди заранее, какво воспитывать детей, ни за что не стали бы их заводить.

Вот орда разразилась песней:

Ей было лишь двенадцать, когда сорвался он —

Глотал по горсти «красеньких» и запивал вином...

«Ну и прелестная песня», — подумала Мэри, теряя сознание от одной мысли, что кто-то из ее любимцев в один ужасный вечер попробует «красеньких», или, чего доброго, ЛСД, ДМТ* — кто знает, что они

* «Красенькие», ЛСД, ДМТ — наркотические средства.

в следующий раз приволокут домой? Орка, быть может?

— Стив — Властелин Преисподней. Он получает Абсолютную Власть.

Абсолютная Власть. Мэри вытянула гудящие от усталости ноги и пошевелила пальцами. Как главе дома ей бы полагалось обладать Абсолютной Властью. Но она не могла заставить их и тарелку вымыть.

«Я превращаюсь в орка».

Мэри лишь смутно представляла это чудище, но определенно чувствовала себя, как орк. Или по-орковски. Оркообразно.

Загробные голоса внизу, под ее спальней, продолжали обсуждать бредовые фантазии.

— А как выглядят Блуждающие Чудовища?

— Как люди, — авторитетно заявил Властелин Преисподней.

— Ха! Хуже всех. Вот их приметы: мегаломания, паранойя, клептомания, дерьмотит...

«Дерматит, — машинально поправила Мэри, глядя на обои.— Подумаешь, дерматит, тут вообще скоро свихнешься. Неужто я растила детей, чтобы они становились Властелинами Преисподней? Ради этого я надрываюсь по восемь часов в день? Если бы еще моя жизнь была столь непредсказуемой, как у них. Чтобы звонили нежданные поклонники». Мысленно перебрав своих вздыхателей, Мэри нашла, что все они похожи на орков.

— Ну ладно, тогда я бегу впереди этих людей и выпускаю в них свинцовые стрелы, чтобы они гнались за мной. Мои свинцовые стрелы...

«Мой младший сын, — думала Мэри, прислушиваясь к тонкому, визгливому голосу Эллиота. — Чадо мое. Мечет свинцовые стрелы». Мэри казалось, будто свинцовая стрела пронзила ей щитовидную железу или другой орган, из-за чего ее настроение окончательно упа-

ло, глубоко-глубоко, в ямы, служащие пристанищем для орков. Боже, как ей выйти из этого состояния...

— Я бегу по дороге. Они гонятся за мной. Когда они уже вконец рассвирепели и готовы вот-вот схватить меня, я швыряю складную пещеру...

Складную пещеру?

Мэри свесилась с кровати, чтобы побольше услышать еще и об *этом* новшестве.

— Я залезаю в пещеру и захопываю крышку. Гопля — и меня как не бывало!

«Жаль, у меня нет такой штуковины, — подумала Мэри. — Каждый день отсиживалась бы в ней с половины пятого».

— Эллиот, в складной пещере можно оставаться не больше десяти миллираундов.

«На работе мне хватило бы ее и на десять минут, — мечтала Мэри. — И еще чуть-чуть потом, в случае автомобильной пробки».

Она рывком спустила ноги с кровати, твердо намереваясь встретить вечер лицом к лицу, не проявляя волнения.

Где же романтика?

Где настоящий мужчина, который вдохнет в нее новую жизнь?

Он ковылял вниз по просеке. Дорога наконец обезлюдела, преследователи убрались восвояси, но долго в такой атмосфере не протянуть. Земная гравитация его доконает, позвоночник не выдержит тяготения, мышцы размякнут, а потом в какой-нибудь канаве найдут его останки, похожие на раздавленный кабачок. Достойный конец для межгалактического ботаника.

Просека круто пошла под уклон по направлению к огням городка. Он проклинал эти огни, так фатально

заманившие его и продолжавшие манить и теперь. Почему он спускается к ним? Почему зудят кончики пальцев и трепещет сердце-фонарик? Кто ему может там помочь, в чуждом окружении?

Просека кончилась, уткнувшись в мелкую поросль и кустарник. Инопланетянин крадучись пробирался сквозь кусты, низко пригнув голову и прикрывая рукой сердце-фонарик. Сердце оживленно вспыхивало. Ему тоже досталось на орехи:

— Фонарик, — сурово закончил отповедь на своем языке инопланетянин, — тебе только на велосипеде место, и то сзади.

До странных сооружений землян было уже рукой подать. Они удерживались благодаря гравитации в отличие от милых его сердцу плавучих террасок...

Не стоило пускаться в воспоминания. Мысли о доме причиняли мучительную боль.

Стремление заглянуть в окна-огоньки становилось вконец неодолимым. Инопланетянин выбрался из кустов, преодолел песчаный откос и направился по извилистой дорожке к домам, нащупывая длинными пальцами лап следы причудливой формы.

Перед ним вырос забор, который предстояло преодолеть. Такие длинные пальцы на руках и ногах очень хороши, чтобы цепляться за... препятствия...

Инопланетянин, словно лиана, вполз на забор, но потерял равновесие и полетел спиной вниз, нелепо размахивая руками. Он шлепнулся по другую сторону забора, неуклюже разметав конечности, и покатился, словно тыква, по подстриженному газону.

«Что я здесь делаю? Совсем из ума выжил...»

Он сумел затормозить и замер как вкопанный. Дом высился устрашающе близко, огни и тени плясали перед глазами испуганного ученого. Зачем сердце-фонарик завлекло его сюда? Дома у землян такие нелепые, карикатурные...

Но что-то во дворе посылало ему слабые сигналы.

Он обернулся и увидел небольшой огород.

Листья и стебли смущенно подавали приветливые знаки; жалобно стеная, инопланетянин устремился к растениям и обнял артишок.

Спрятавшись на грядке, он провел совещание с овощами. Совет заглянуть в кухонное окно не пришелся ему по душе.

«Всеми своими злоключениями я обязан стремлению подглядеть в окна, — телепатически передал ботаник. — Недопустимо повторять подобное безрассудство».

Но артишок стоял на своем, тихо увещевая его, и старый путешественник уступил; вращая по сторонам глазами, он пополз к кухне.

Свет из оконного квадрата лился наружу — злоежущий, как космическая черная дыра. Весь дрожа, инопланетянин бросился в этот ужасный водоворот на краю Вселенной. Задрав голову, он увидел флюгер, изображавший мышь и утку. Утка прогуливалась под зонтиком.

За столом посреди комнаты сидели пятеро землян, погруженных в загадочный ритуал. Они что-то выкрикивали и передвигали по столу фигурки крохотных идолов. На сложенных листах бумаги виднелись таинственные письма, которые каждый из землян пытался скрыть от остальных.

Затем гремел и взлетал в воздух магический кубик, и все участники обряда внимательно следили за падением этого шестигранного объекта. При этом раздавались новые возгласы, земляне сверялись с табличками и передвигали идолов, все время переговариваясь на непонятном языке.

— Надеюсь, ты задохнешься в своей складной пещере.

— Послушай, вот еще: невменяемость, галлюцинаторный бред...

— Угу, читай дальше.

— При этом недуге больной видит, слышит и ощущает вещи, которых не существует.

Инопланетянин отпрянул от окна в темноту.

На редкость загадочная планета.

Допустят ли его к этому таинственному ритуалу, если он научится сам бросать шестигранный кубик?

Он уловил исходившие из дома вибрации невысказанной сложности, замысловатые сигналы и зашифрованные послания. За десять миллионов лет он побывал в великом множестве мест, но никогда не сталкивался с такими трудностями, как здесь.

Ошеломленный, он пополз прочь, чтобы мозг смог передохнуть на овощной грядке. Ему и прежде случалось заглядывать в окна к землянам, но не столь близко чтобы принять участие в причудливой работе их мысли.

— Но они только дети, — пояснил случившийся рядом огурец.

Древний ботаник тихо застонал. Если это сейчас были волны мышления детей, то каковы же они у взрослых? Какие непреодолимые сложности ожидают его там?

Обессиленный, он опустился рядом с кочаном капусты и понурил голову.

Все кончено. Пусть приходят утром и набивают из него чучело.

Мэри приняла душ, чтобы взбодриться. Обернув голову полотенцем, она ступила на остатки банного коврика, изжеванного псом Гарви.

Измочаленная бахрома путалась между пальцами, пока она вытиралась. Облачившись в халат из искусственного шелка, Мэри повернулась к зеркалу.

Какую новую морщинку, складочку или другой ужас-

ный изъян обнаружит она на лице этим вечером в довершение депрессии?

На первый взгляд потери казались невелики. Но нельзя быть уверенной, невозможно предвосхитить ребячьи злодейства, которые могут разразиться в любой момент и ускорят ее моральный и физический распад. Наложив на лицо возмутительно дорогой увлажняющий крем, Мэри взмолилась о тишине и покое.

Покой в ту же секунду нарушил пес Гарви, который буквально надрывался от лая на заднем крыльце, куда был сослан.

— Гарви! — крикнула она из окна ванной. — Заткнись!

Дворняжка до смешного подозрительно реагировала на всякие передвижения во мраке; Мэри порой мерещилось из-за этого, что окрестности кишат сексуальными маньяками. Если бы Гарви лаял *только* на сексуальных маньяков, был бы толк. Но он облаивал пиццамобиль — фургончик, развозящий пиццу, самолеты, невидимые искусственные спутники и, как ей казалось, явно страдал галлюцинаторным бредом.

Не говоря уже о мании пожирания банных ковриков. Мэри снова рывком распахнула окно.

— Гарви! Черт возьми, да замолчишь ты наконец?

Она с треском захлопнула окно и поспешно вышла из ванной.

То, что ожидало ее по другую сторону коридора, совсем не вдохновляло, но выхода не было.

Она открыла дверь в комнату Эллиота.

Та была завалена предметами любой степени негодности, вплоть до загнивания. Типичная комната мальчишки. Вот бы запихнуть ее в складную пещеру.

Мэри принялась за дело.

Разбирала, сбрасывала, расставляла по местам... Сняла с потолка космические корабли, закатила баскетбольный мяч в чулан. Предназначение украденных

уличных указателей было ей непонятно. Иногда Мэри казалось, что у Эллиота не все дома. Легко объяснимо: безотцовщина, унылое детство не могли не наложить отпечаток на характер ребенка, да еще эта дикая склонность каждую свободную минуту шататься с Блуждающими Чудовищами. И вообще, он даже не положительный.

Возможно, это пройдет.

— Эллиот... — окликнула она маленького орка.

Ответа, естественно, не последовало.

— *Эллиот!* — завопила Мэри, повышая тем самым артериальное давление и углубляя морщинки вокруг рта.

Шаги Эллиота затопали по ступенькам, потом загромыхали в прихожей. Он ворвался в дверной проем и замер на месте во весь свой четырехфутовый рост, чем-то даже любимый и обожаемый, хотя сейчас Мэри так не казалось — с таким недоверием он смотрел на то, что случилось с его коллекцией хлама.

— Эллиот, ты видишь, на что теперь похожа твоя комната?

— Угу, я не смогу ничего найти.

— Никаких грязных тарелок, одежда убрана. Кровать застелена. Стол чистый...

— О'кей, о'кей.

— Так должна всегда выглядеть комната взрослого мужчины.

— Зачем?

— Чтобы мы не чувствовали, что живем в мусорной корзине. По рукам?

— Ладно, по рукам.

— Это письмо от твоего отца? — Мэри указала на стол, на знакомый почерк на конверте, который так хорошо знала по бесчисленным кредитным счетам. — Что он пишет?

— Ничего.

— Понятно. — Она попыталась ненавязчиво сменить тему. — Ты не хочешь перекрасить комнату? А то здесь просто свинарник?

— Хочу.

— В какой цвет?

— В черный.

— Очень остроумно. Это здоровый признак.

— Я люблю черный. Это мой любимый цвет.

— Опять шуришься. Ты снимал очки?

— Нет.

— Мэри! — донесся снизу голос Властелина Преисподней. — Твоя любимая песня!

— Ты уверен? — она высунула голову за дверь.

— Твоя песня, мам, — сказал Эллиот. — Пойдем.

Из кухни и впрямь слышались звуки мелодии, исполняемой ансамблем «Персвейженс». Мэри начала спускаться по лестнице вслед за Эллиотом, стараясь ступать в такт ритмичной музыке.

— А отец не написал, когда собирается навестить вас?

— В День благодарения.

— Благодарения? Разве он не знает, что этот день я провожу с вами?

А в чем и когда он был последовательным? Разве что в последних строчках кредитных расписок, на которые извел бездну шариковых ручек. Приобретал запчасти для мотоцикла.

Представив, как он с ревом пронесется где-то в лунном свете, Мэри вздохнула. Ладно...

В День благодарения она поужинает в кафе-автомате. Или закажет в китайском ресторанчике индейку, фаршированную гормонами для кожи.

Эллиот незаметно удрал, а Гарви начал лаять на приближающуюся машину.

Инопланетянин рыбкой нырнул и распластался между рядками овощей, пристроив несколько листьев над самыми выступающими участками тела.

— Не бойся, — сказал помидор. — Это всего лишь пиццамобиль.

Не зная, что такое пиццамобиль, инопланетянин счел за благо не высовываться из ботвы.

Фургон остановился перед домом. Дверь дома отворилась, и наружу вышел землянин.

— Это Эллиот, — сказала зеленая фасоль. — Он здесь живет.

Инопланетянин осторожно приподнял голову. Землянин лишь на самую малость превосходил его ростом. У землянина были смехотворно длинные ноги и живот его не волочился по траве, в элегантной манере некоторых высокоорганизованных жизненных форм — вопреки ожиданию зрелище не было чересчур отталкивающее.

Мальчик пробежал по подъездной аллее и скрылся из вида.

— Обогни дом, — советовал помидор. — Сможешь рассмотреть его, когда он станет возвращаться.

— Но собака...

— Собаку привязали, — терпеливо пояснил помидор. — Она слопала ботики Мэри.

Инопланетянин поспешно выбрался из грядки и повернул за угол. Но осветившие двор огни внезапно появившегося пиццамобиля ввергли его в замешательство; резко повернувшись, он прыгнул к забору и стал карабкаться наверх. Одним из длинных пальцев ноги он случайно надавил щеколду ворот и с ужасом осознал, что его уносит назад, во двор.

А землянин был близко и смотрел в его сторону.

Быстро прикрыв сердце-фонарик, инопланетянин спрыгнул со створки ворот и нырнул в сарайчик для

инвентаря, где и затаился в испуге, окутавшись облачком.

Он оказался в западне, но в сарайчике лежали инструменты, цапка — подходящее оружие, чтобы постоять за себя. Она напоминала инструменты на корабле — садоводство везде садоводство. Инопланетянин крепко сжал рукоятку длинными пальцами и приготовился достойно встретить неприятеля. С загнанным в угол межгалактическим ботаником шутки плохи.

— Только не проткни ступню, — предупредил плющ.

Он поспешил взять себя в руки. Из сада послышался доступный только ему вскрик апельсинового деревца, с которого земной детеныш сорвал плод.

В следующее мгновение плод просвистел в воздухе, угодив прямо в грудь инопланетянина.

Маленький древний пришелец опрокинулся навзничь, плюхнувшись на широкий приплюснутый зад, а апельсин, отлетев, покатился по дощатому полу сарайчика.

Какое унижение для ботаника его ранга — пострадать от спелого цитруса!

Он гневно схватил апельсин, взмахнул мощной длинной рукой и швырнул плод в темноту.

Землянин испустил крик и умчался прочь.

— Помогите! Мама! Помогите!

Мэри похолодела. Какой очередной сюрприз для преждевременного старения уготован ей?

— Там что-то прячется! — возбужденно вопил Эллиот, врываясь на кухню. Он поспешно захлопнул за собой дверь и запер ее.

У Мэри все внутри оборвалось. Она бросила взгляд на разложенных «Драконов и демонов», мечтая о складной пещере, достаточно вместительной, чтобы спря-

таться там с детьми. Что ей теперь делать? Судом при разводе это не предусматривалось.

— Там, в сарайчике, — лепетал Эллиот. — Оно запузырило в меня апельсином.

— Уууууу, как страшно, — поддразнил Тайлер. Властелин Преисподней.

Мальчики оторвались от игры и направились к двери, но Мэри решительно загородила дорогу.

— Стойте. Ни с места.

— Это почему?

— Потому что я так сказала, — она расправила плечи, отважно встряхнула головой и схватила фонарик. Если там и в самом деле какой-нибудь сексуальный маньяк, она выйдет и как мать-куропатка попытается отвлечь его на себя.

В душе она надеялась, что это довольно симпатичный маньяк...

— Стой здесь, ма, — решительно велел Майкл, ее старший сын. — Мы все разведем.

— Что это за покровительственный тон, молодой человек?

Маленький Грег, из шайки, резавшейся в «Преисподнюю», схватил нож для разделки мяса.

— Положи на место! — грозно прикрикнула Мэри, присовокупив к словам испепеляющий взгляд Абсолютной Власти. Дети бочком протиснулись мимо нее, открыли дверь и гурьбой высыпали наружу.

Мэри выскочила следом, стараясь не отставать от Эллиота.

— Что ты видел?

— Оно там, — мальчик указал на сарай.

Мэри посветила внутрь фонариком — горшочки, удобрения, мотыги, совки...

— Там ничего нет.

— Ворота открыты! — послышался голос Майкла с другого конца лужайки.

— Смотрите, какие следы! — завопил Властелин Преисподней и со всех ног кинулся к забору.

Нескладная, мудреная речь звучала абракадаброй для древнего скитальца, затаившегося в укромном убежище на песчаном склоне, но зато он мог их как следует рассмотреть. Так, пятеро детей и...

Позвольте, а кто это экзотическое создание?

Сердце-фонарик запыхало. Он поспешил прикрыть его рукой и проворно заковылял по направлению к дому, чтобы лучше рассмотреть высокое, стройное и гибкое как тростинка существо, сопровождавшее детей.

Увы, ее нос не походил на смятую брюссельскую капусту, да и фигуре было далеко до изящной формы мешка с картошкой, и все же...

Он подполз еще ближе.

— О'кей, нагулялись. Возвращайтесь домой. Грег, дай сюда нож.

Хотя пронзительно-рокошущие звуки языка казались ему полной тарабарщиной, ботаник догадался, что стройное существо — мать этих детей.

А где отец, огромный и могучий?

— Она его вышвырнула несколько лет назад, — пояснила зеленая фасоль.

— Вот и пицца, — обрадовался Грег, подняв что-то с земли. — Только Эллиот наступил на нее.

— Пицца? Кто вам разрешил заказывать пиццу? — Мэри поднялась на освещенное крыльцо, и инопланетянин воззрился на нее, временно забыв о бегстве.

Мэри загнала шумный выводок в дом, довольная, что худшее миновало. Очередные бредовые фантазии Эллиота, от которых на лбу его матери добавилось несколько морщинок. Пока она подождет с подмешива-

нием в его пищу успокаивающих порошков. С возрастом он исправится.

— Мам, честное слово, там что-то было!

— Может, спринцовка, Эллиот? — поддразнил Тайлер.

— Эй! — невольно вырвалось у Мэри. — Никаких спринцовок в моем доме!

Дети стали слишком много знать. Они буквально обходят мать на каждом повороте. В лучшем случае она может рассчитывать на ничью, но и это становится все более недостижимым.

— Ладно, ребята, пора расходиться по домам.

— Но мы не съели пиццу.

— Она истоптана, — строго сказала Мэри, тщетно пытаясь добиться покоя, но дети, естественно, проигнорировали ее мольбы и принялись уплетать полураздавленную пиццу. Мэри устало потащилась к лестнице, чувствуя себя так, словно по ней прошли сапогами. Ничего, она ляжет: положит на веки примочки из трав и займется подсчетом игуан.

Поднявшись на верхнюю ступеньку, она обернулась.

— Прикончите пиццу и по домам!

Преисподняя отозвалась утробным ревом и громы-ханием.

Как хорошо было, когда девятилетних детей заго-няли работать на угольные шахты. Но эти золотые времена давно канули в Лету.

Спотыкаясь, она вползла в комнату и рухнула на кровать.

Еще один типичный вечер из жизни счастливой разведенной женщины.

Холодный пот, потрясения и Блуждающие Чудовища.

Мэри наложила на веки влажные тампоны и устали-лась невидящим взором в потолок.

С потолка ее тоже, казалось, разглядывали.

Но Мэри знала, что это шутки ее измученного воображения.

«А если проклятый пес не перестанет лаять как ненормальный, я привяжу и оставлю его на шоссе».

Глубоко вдохнув, она принялась считать ящериц, которые пританцовывали вокруг и дружелюбно виляли хвостами.

В детской втихомолку продолжалась игра в «Драконов и демонов». Играли все, кроме Эллиота, который надулся и ушел в свою комнату. Он заснул, тревожимый странными видениями огромных, уносящихся вдаль переплетений, складывавшихся в бесчисленные коридоры, которые открывались в... космическое пространство. Он бежал по бесконечным коридорам, упирившимся в новые коридоры...

Не один Эллиот пребывал в таком состоянии. Гарви наконец исхитрился перегрызть поводок и дезертировал с заднего крыльца. Он прошмыгнул в комнату Эллиота и уселся, переминаясь с лапы на лапу. Эллиот спал. Гарви полюбовался его ботинками: съесть или не съесть? Пожалуй, не стоит, а то неприятностей не оберешься. Он явно был не в своей тарелке, нервничал и нуждался в положительных эмоциях.

Даже вечерний лай на луну не доставил радости. Во двор проникло нечто сверхъестественное, и шерсть Гарви встала дыбом, а из горла вырвалось сдавленное поскуливание, но он собрался с духом и залаял, как подобало приличной собаке. Что там затаилось? Гарви не понимал.

Чтобы отвлечься, он немного погнался за хвостом и вознаградил себя, изловив нескольких блох. И вдруг снова раздался таинственный звук.

Эллиот тоже его услышал и приподнялся на постели.

Гарви зарычал, шерсть поднялась торчком, а глаза

судорожно заметались в орбитах. «Надо срочно покушать кого-нибудь», — решил он и припустился вслед за Эллиотом из спальни, вниз по ступенькам, и из дома, на задний двор.

Престарелый пришелец из космоса, немного поспав на песчаном откосе, проснулся и вразвалку побрел назад к дому.

В окнах было темно. Он нащупал щеколду калитки, надавил ее пальцем ноги и вошел, как было принято у землян. Правда, бесформенная тень на залитом лунным светом газоне напомнила, что ему еще далеко до этих существ. По какому-то непонятному капризу эволюции животы землян не приобрели радующую глаз округлость, как у его живота, — такого основательного, приятно волочащегося по твердому грунту. Земляне ходили на волокнистую фасоль — так натянута на каркас из костей и мышц, что того и гляди лопнут.

Он — другое дело. Весь из себя ладный, хорошо приспособленный, рассудительный...

Так, размышляя, он проковылял через двор, чтобы провести еще одно стратегическое совещание с растениями. Он и не заметил, как его большая ступня надавила на неприметные в темноте металлические зубья граблей, и длинная палка понеслась к нему с угрожающей скоростью.

От жестокого удара по голове он опрокинулся навзничь, испустив межгалактический вопль, и тут же, вскочив, бросился в заросли кукурузы. В следующее мгновение распахнулась задняя дверь и выскочил землянин, в ногах которого путалась дрожащая собака.

Эллиот, размахивая фонариком, вихрем пронесся через двор к сарайчику и посветил внутрь.

Холодный свет вырвал из темноты инвентарь, и Гарви бросился в решительную атаку. Ему удалось разо-

рвать мешок с торфом, что значительно прибавило псу настроения, но вся морда его была облеплена мхом. Отплеываясь и не зная, как избавиться от напасти, он ошарашенно заметался на месте, лязгая зубами на выступающие тени.

Инопланетянин лежал, скорчившись, на кукурузной грядке, с зажатым в руке огурцом, готовый дорого отдать свою жизнь. Его била крупная дрожь, а зубы ходили ходуном от ужаса.

Вдруг стебли над его головой раздвинулись, и он увидел мальчика, который истошно завизжал и бросился ничком на землю.

Галактическое существо протиснулось сквозь заросли кукурузы и припустило к воротам, загребая неуклюжими лапами.

— Не уходи!

В голосе мальчика звучала нежность, как у юных ростков, и древний ботаник остановился и обернулся.

Их взгляды встретились.

Пес носился кругами и надрывался от лая. Из его пасти торчали клочья мха.

«Странная диета», — подумал преклонных лет космолог, однако не стал мешкать, чтобы в этом разобраться. Зубы Гарви сверкали в лунном свете, но Эллиот уже держал его за ошейник.

— Не уходи! — снова крикнул он.

Но древнее существо было уже за воротами и исчезло в ночи.

Проснувшись с примочками на глазах, Мэри почувствовала, что дом словно как-то перекосило. Она встала, облачилась в халат и вышла в темный коридор.

Из детской доносились голоса. Она порой задумывалась, во что дети там играли, ведь для игры были необ-

ходимы изображения полураздетых космических принцесс.

«Мои малютки», — вздохнула Мэри. Но приблизившись к детской, услышала голос Тайлера, а потом Стива и Грега — обитателей Преисподней, которым она приказала отправляться по домам. Как всегда, ее не послушались. Как всегда, они остались на всю ночь, а наутро появятся перед своими матерями с воспаленными глазами и загадочным видом.

Можно ли это выносить!

Затянув потуже халат, она приготовилась перейти в атаку, но увидела за полуоткрытой дверью вспыхивающий красный свет — самодельное лазерное устройство, мигающее в такт музыке.

«Эффект довольно успокаивающий», — признала Мэри.

— Смотри-ка, вот это титьки! А у этой еще больше...

Мэри без сил оперлась о стену. Как с ними бороться? Если она влетит, как сумасшедшая, и в их памяти запечатлеется образ женщины-в-халате-визжащей-где-то-в-ночи, не повлияет ли это на их психику? Не разовьется ли у них какой-нибудь комплекс?

У нее же наверняка разболится голова.

Словно раненый верблюд, она ссутулилась и не успела вернуться в комнату, как Эллиот затопал по лестнице и ворвался в детскую.

— Ребята!

— Смотри на эту, видел что-нибудь подобное?

— Во дворе был настоящий монстр!

— Монстр? А у меня здесь шикарная марсианка в одних трусиках.

— Говорю же вам — там был гоблин! Ростом в три фута, с длинными руками. Он сидел в кукурузе.

— Закрой дверь, а то родительница проснется.

Дверь прикрыли. Родительница медленно побрела в

комнату. Не дом стоял набекрень, а мозги Эллиота. Совсем спятил ребенок.

Или какой-то робкий маньяк избрал ее овощные грядки своим наблюдательным пунктом.

«Почему? — недоумевала она. — Почему все это обрушивается именно на меня?»

— Он был здесь, на этом самом месте...

Инопланетянин прислушивался к голосам землян, которые сновали взад-вперед на месте посадки. Ведя наблюдение из-за деревьев, он начинал догадываться, о чем они переговаривались: здесь был диковинный аппарат, но его упустили. Чудесный корабль, невиданное диво, приземлился на этой поляне и улетел.

— ...и выскользнул прямо у меня из-под носа.

Их предводитель с бряцающей связкой зубов повернулся и указал в одну сторону, затем в другую. Остальные кивали с глупым видом. Тогда предводитель сел в машину и уехал. Все последовали за ним. Был уже день, и место посадки опустело.

Инопланетянин скорбно уставился на оставленные кораблем следы.

...Выскользнул из-под носа.

Он с трудом приподнял отяжелевшую руку. Силы иссякали, да и голод давал о себе знать. Живительных питательных таблеток, источников энергии, составлявших основной рацион для него и остальных членов экипажа, на Земле быть не могло. Он пожевал было несколько ягод дерена канадского, но нашел их несъедобными и выплюнул твердые косточки.

Вот уже десять миллионов лет, собирая образцы дикорастущей флоры, он не удосужился выяснить, какие из них можно употреблять в пищу, а начинать это теперь было поздно.

Кажется, все бы отдал за одну крошечную питательную таблетку с живительной энергией.

Он лежал, скорчившись, в кустарнике, обессиленный и подавленный, все тело зудело из-за опрометчиво попробованной церопегии щитовидной. Конец был близок.

Эллиот мчался на велосипеде по улице, направляясь к отдаленным холмам. Зачем, он не мог объяснить. Словно велосипед притягивало магнитом, захороненным в горах. Во всяком случае велосипед явно знал, куда ехать, и Эллиот отдался на его волю.

Мальчишка был из тех, кого обычно называют шельмой. Он жульничал при игре в «Парчизи». В его голосе внезапно, как джин из бутылки, появлялись и исчезали пронзительные, визгливые нотки, и что бы он ни говорил в классе или дома за обедом, все всегда казалось неуместным.

Он увивал от всего, от чего только мог, зная, что Мэри или Майкл все сделают за него. Очки с толстыми линзами придавали ему сходство с лягушкой. Словом — прогрессирующий невротик и шельма впридачу.

Его жизненный путь вел в никуда, но если можно было бы указать точное место на карте человеческой судьбы, то Эллиота ожидали посредственность, скардность и депрессия — он был из тех людей, которые бросаются под колеса поезда. Но сегодня жизненный путь Эллиота круто свернул — прямехонько в гору.

Велосипед доставил его на проложенную по склону холма противопожарную просеку. Здесь Эллиот спрыгнул и повел велосипед через низкий подлесок. Двухколесная машина, покореженная и заржавленная из-за бездушного отношения хозяина, бросавшего ее где вздумается, сегодня казалась легче пушинки. Ему даже почудилось, что она сияла как новенькая, несмотря на слой ржавчины.

Велосипед уверенно вел Эллиота по извилистой тропинке через лес. Очутившись на прогалине, Эллиот уже нутром знал — здесь произошло что-то сверхъестественное. Казалось, все хранило память о пребывании грандиозного корабля. Щурясь за толстыми линзами на вмятины в травяном покрове, мальчик словно воочию разглядел его очертания.

Сердце громко стучало, и будь оно устроено так же, как у пришельца, его внутренний свет уже горел бы. Лоб мальчика пылал, словно подоженный заревом неземной энергии, ощущавшейся над поляной.

Затаившееся поблизости в кустах древнее космическое существо не шевелилось, чтобы не выдать своего присутствия — ведь где-то вокруг может рыскать эта скверная собака, не теряющая надежды цапнуть заслуженного ученого за лодыжку.

Нет, похоже, что мальчик пришел один. Все равно не стоит высовываться. В любой миг можно испустить дух и ни к чему демонстрировать это посторонним.

Мальчик же делал что-то непонятное. Достав из кармана пакетик, он извлек из него крошечный предмет, который положил на землю, отошел на несколько шагов, повторил странные манипуляции, опять отошел, и так еще раз и еще, пока не скрылся из виду за поворотом невидимой тропинки.

Старый звездoproходец, собрав остатки сил, стал выползать из убежища. Любопытство было худшей чертой его характера, пытаться изменить которую в его возрасте было уже поздно. Он на четвереньках выбрался на поляну посмотреть, что же оставил мальчик.

На траве лежала маленькая круглая таблетка, удивительно похожая на питательные таблетки из космического рациона. Старый ботаник поднял ее и положил на ладонь. На таблетке было отпечатано нечто, не поддающееся расшифровке: «ММ»

Он положил таблетку в рот и подождал, пока она растает.

Восхитительно!

Потрясающее ощущение! Нигде в Галактике он не пробовал ничего подобного. Со всей скоростью, на какую был способен, он заковылял по оставленному следу, подбирая и поедая одну таблетку за другой, чувствуя, как восстанавливаются силы, а в сердце зарождается надежда. След привел его к уже знакомому дому.

Мэри подавала ужин. Она приготовила одно из своих фирменных блюд: консервированные макароны с сыром, приправленные проросшей пшеницей. Чтобы придать блюду окончательную утонченность, она бросила туда щепотку орехов кешью.

— Ужинать, Эллиот.

Эллиот, как всегда, сторбился над блюдом, словно собирался нырнуть в него с аквалангом.

«Я вырастила депрессивного ребенка».

Воображение Мэри перенесло ее в прошлое, когда Эллиот был совсем крошкой, а она и ее муж за ужином швыряли друг в друга чем попало. От стен отлетали жареные цыплята, с потолка сталактитами свисало картофельное пюре, и подливка капала прямо на неокрепшую еще головку Эллиота. Вряд ли это положительно отразилось на ребенке. Она попыталась оживить вечернюю трапезу веселой болтовней.

— Какие костюмы у нас будут на этот раз?

Вгоняющий ее в трепет праздник Хеллоуин* стремительно надвигался. Дом заполонят орды шумных

* Хеллоуин — праздник, канун Дня всех святых, отмечается вечером 31 октября и сопровождается колядованием ряженых.

детей, которые будут нестройно горланить, да еще и тарашиться на нее.

— Эллиот нарядится гоблином, — изрек Майкл.

— Иди к черту! — огрызнулся Эллиот.

— Молодой человек... — Мэри не нашла, что сказать, и растерянно постучала вилкой по стакану Эллиота, — ...ешьте макароны.

— Никто мне не верит, — уныло пожаловался Эллиот и с еще более мрачным видом уставился в тарелку.

Мэри ласково погладила его по руке.

— Дело не в том, что мы тебе не верим, малыш...

— Он взаправду был там, клянусь, — Эллиот посмотрел на мать полными мольбы глазами, неестественно увеличенными толстыми линзами.

Мэри повернулась к самому младшему чаду, пятилетней Герти, которая уже настаивала на отдельной квартире.

— Герти, душенька, а кем ты будешь на Хеллоуин?

— Бо Дерек*.

В измученном воображении Мэри тут же всплыл образ ее малютки-дочери, голышом разгуливающей под дождем по кварталу. Ковыряясь в макаронах, она попыталась подумать о чем-то другом, но тут Майкл опять пристал к Эллиоту.

— А может, — задумчиво протянул он покровительственным тоном, которым всегда обращался к младшему брату, — это была игуана?

Мэри мысленно простонала.

— Хоть бы моих игуан не трогали, — тихо сказала она орехам кешью.

— Сам ты игуана! — огрызнулся Эллиот.

— А почему бы и нет? — стоял на своем Майкл. —

* Бо Дерек — американская киноактриса, исполнительница роли возлюбленной Тарзана в известном кинофильме.

Говорят, в канализационных трубах водятся аллигаторы.

«Аллигаторы — как раз то, чего мне не достает, — подумала Мэри. — Начну считать аллигаторов. Все-таки веселее».

Она закрыла глаза, и перед ее мысленным взором тут же возник клацающий зубами аллигатор. Великолепный экземпляр.

Она повернулась к Эллиоту.

— Эллиот, Майкл просто хочет сказать, что тебе это померещилось. Такое случается. Нам всем вечно что-нибудь кажется...

«Вот мне грезится, что на распродаже случайно затесалось платье от Диора — за два доллара! В каком сногшибательном виде я появилась бы в закусочной Макдональда!»

— Такое не может померещиться, — упрямо возразил Эллиот.

— Быть может, ты видел сексуального маньяка? — предположил Майкл.

— Ради бога, Майкл, не говори так при Герти, — взмолилась Мэри.

— Мамочка, а кто такой маньяк?

— Просто дяденька в плаще, милая.

— Или испорченный ребенок, — добавил Майкл.

— Майкл! — прикрикнула Мэри строгим голосом.

И почему в головы ее детей вечно лезут какие-то извращенные мысли? Всякий раз одна и та же история! Неужто нельзя за едой (а она подала второе блюдо — жареные рыбные палочки) вести утонченно-шутливую беседу...

— Послушай, — не унимался Майкл, игнорируя просьбу матери, как игнорировал и любые другие ее приказы, — а вдруг это был эльф или даже гном?

Эллиот швырнул вилку на пол.

— Иди к черту, кретин!

Кретин? Мэри почувствовала, что ей становится дурно. Как в ее маленький семейный круг проникло *такое* выражение?

— Эллиот, не смей больше произносить это слово за столом. И вообще в нашем доме!

Эллиот угрюмо уткнулся в тарелку.

— А вот папа поверил бы мне.

— Так позвони ему и расскажи, — предложила Мэри, а про себя подумала: «Если у него еще не отключили телефон за неуплату».

— Не могу, — сказал Эллиот. — Он в Мексике, вместе с Сэлли.

Мэри сама не знала, как ей удалось сохранить присутствие духа при упоминании имени ее бывшей подружки, а теперь лютого врага. Она только ниже пригнулась к тарелке с рыбными палочками. «Как жестоки бывают дети, — подумала она. — Особенно Эллиот».

— Если увидишь *это* снова, что бы оно ни было, не приближайся. Позови меня и я распоряжусь, чтобы за ним приехали и увезли отсюда.

— Кто? Собаколовы? — поинтересовалась Герти.

— Именно.

Гарви тихо зарычал на заднем крыльце, дожевывая коврик, на который давно покушался.

— Но ведь его подвергнут лоботомии*, — сказал Эллиот, — или используют для каких-нибудь опытов.

— Ну и что? — ответила Мэри. — Это отучит его лазить по чужим грядкам.

Тем временем *это* выползло из леса и приближалось к спящему городку. Оно не слышало о лоботомии, но имело основания опасаться, что из него набьют чучело.

Перепончатые лапы существа далеко не первой

* Лоботомия — рассечение доли головного мозга.

молодости уверенно и бесшумно несли его к дому мальчика. Инопланетянин спустился с холма, оставляя за собой след, как от большой дыни, которую волокли два утконоса. В доме было темно, свет виднелся лишь в одном оконце.

Инопланетянин осторожно заглянул поверх забора, осматриваясь огромными выпуклыми глазами по сторонам. Собаки не было видно.

Надо только дотянуться пальцем ноги до задвижки, как принято у землян... и тебя внесет внутрь.

Чудотворные «ММ» возвратили его к жизни. Удивительные таблетки! Корабль прилетит через тысячу лет; если таблеток хватит, возможно, удастся продержаться...

Перестань мечтать, старый тупица!

Тебе никогда не вернуться туда.

Он возвел глаза к небу, но сверху повеяло такой грустью, что он тут же потупил взор. Никакие «ММ» не спасут его, лишившегося любви товарищей по экипажу.

Почему они бросили его?

Неужели не могли еще хоть чуть-чуть продержаться?

Он захлопнул калитку ногой, как это делал мальчик. Ничего не попишешь: хочешь сблизиться с землянами — изволь усваивать их обычаи.

Он на цыпочках прокрался через задний двор и, к своему изумлению, наткнулся на мальчика, который лежал в спальном мешке возле овощной грядки.

Дышал мальчик спокойно. Легкий пар выходил изо рта — ночь была прохладной.

Инопланетянин тоже дрожал, над ступнями заструилась дымка, дымка беспокойства, страха и замешательства.

Внезапно глаза мальчика открылись.

Эллиот посмотрел вверх прямо в огромные глаза, глаза — словно медузы с неясными щупальцами, исто-

чавшими энергию, глаза, в которых укрывались страшные знания, накопленные за тысячелетия, глаза, которые, как рентгеновские лучи, просвечивали его насквозь, вплоть до мельчайших атомов.

Инопланетянин в свою очередь разглядывал мальчика, не в силах оторваться от уродливо торчащего носа, безобразных, ничем не прикрытых ушей, и от самого жуткого зрелища — крошечных темных глазок-бусинок.

Но вот крохотные, глубоко посаженные детские глазки заморгали, и ужас, отразившийся в них, растрогал старого ученого. Он приветливо вытянул вперед длинный палец...

Эллиот завизжал и попятился, прикрываясь спальным мешком; инопланетянин рванулся в противоположную сторону, запутался в собственных ногах и, падая, испустил ультразвуковой крик, на который из темноты к космическому страшилищу спикировала летучая мышь. В следующее мгновение насмерть перепуганный рукокрылый летун уже улепетывал в ночь, хлопая крыльями и стуча зубами от страха.

Зубы Эллиота тоже клацали, коленки ходили ходуном, а волосы на затылке встали дыбом.

Где же ты, спаситель Гарви? Гарви — защитник домашнего очага?

Здесь, на заднем крыльце. И у бедного дрожащего пса зубы громко лязгали от ужаса, а шерсть стояла дыбом. Обезумевшее от страха животное то вжималось в крыльцо, то прыгало на дверь, отлетало от нее и хватало себя за хвост, пытаясь избавиться от неведомого, леденящего душу запаха, таившего в себе ароматы немислимых галактик, исследовать которые не придет в голову ни одной здравомыслящей собаке. Гарви прижался к порогу — лишь кончик морды торчал через дверную щель; в нос ударила новая волна запаха, и

потерявший голову пес, забившись в угол, от волнения принялся грызть щетку.

Существо из космоса сделало еще одну робкую попытку приблизиться к Эллиоту. Глаза мальчика испуганно расширились, и он попятился еще дальше. Остатки мужества улетучились бесследно, он вспомнил про массу неотложных занятий и поручений, несделанных уроков — миллион дел, но лишь бы не это...

Чудовищные глаза пронизывали его насквозь; Эллиот буквально чувствовал, как электромагнитные зонды копошатся в его организме, взвешивая, вычленяя и анализируя. Губы кошмарного создания сложились в свирепую гримасу, маленькие острые зубки ощерились. Что нужно этой образине? Внезапно Эллиот осознал, что уродец хочет вступить в контакт.

Престарелый скиталец протянул вперед руку и разжал кулак. На огромной чешуйчатой ладони лежала последняя «ММ», уже начавшая подтаивать.

Эллиот посмотрел на маленькую конфетку и перевел взгляд на монстра. Страшилище ткнуло длинным пальцем в направлении ладони, а потом указало на свою пасть.

— О'кей, — тихо сказал Эллиот. Он распахнул куртку, достал пакетик с «ММ» и, медленно пятась, начал выкладывать продолжение дорожки из шоколадных пастилок. Колени мальчика все еще дрожали, а зубы громко лязгали, нанося серьезный урон дорогой работе ортодонта.

Преклонных лет путешественник брел следом, подбирая одну таблетку за другой и жадно их заглатывая. Пища богов, царей, завоевателей! Если ему суждено выкарабкаться из этой истории, то он непременно принесет образец чудодейственной пищи капитану корабля — ведь с такими таблетками можно осваивать новые вселенные, смело пускаться в сверхпродолжительные полеты.

Шоколад стекал по уголкам губ; пальцы космического ботаника тоже были перепачканы шоколадом. Инопланетянин жадно слизывал его, чувствуя, как восстанавливаются силы, как животворное вещество разносится по венам, питая таинственной энергией мозг, в котором зарождаются импульсы радости и надежды. Теперь он понял назначение жизни на Земле: десять миллионов лет эволюции, чтобы создать вершину творения — «ММ».

Чего еще желать от этой планеты?

Хватая одну таблетку за другой, он быстро пересек газон и сам не заметил, как очутился в доме землянина.

Охваченный ужасом ботаник бешено вращал глазами. Со всех сторон его окружал враждебный мир, каждый угол в котором, каждый предмет, каждая тень были сокрушительными ударами для сознания инопланетянина. Но он должен пережить и это, если хочет заполучить магические «ММ».

Подбирая таблетки, он вскарабкался по ступенькам и проковылял по коридору в комнату мальчика.

Ребенок вознаградил его целой пригоршней «ММ». Почтенный ученый ушлеп в один присест. Безрассудство, быть может, но кто знает, что ему уготовано завтра?

Голосовое устройство мальчика зазвучало:

— Меня зовут Эллиот.

Кваканье какое-то, ничего не разобрать. Впрочем, любой, способный поделиться своими «ММ», заслуживает полного доверия. Инопланетянин в изнеможении растянулся на полу. Его заботливо укрыли одеялом, и он уснул.

Эллиот долго лежал, не решаясь заснуть. Страшилице спало, распростершись на полу — несуразной формы фигура под одеялом. Откуда взялось это пугало? То, что не с Земли, Эллиот знал наверняка.

Он силился понять, но тщетно. Комнату заполнили мощные флюиды силового поля — различимые, как бывает зримо виден зной в пустыне, — пульсирующие и взлетающие вверх, словно в ритуальном танце. За магическим мельканием шевелился могучий разум; Эллиот подумал, что даже во сне таинственное существо охраняет часовой, бдительно всматривающийся в комнату, в окна, во мрак ночи.

Слабое поскуливание поведало Эллиоту, что Гарви опять удрал с заднего крыльца и жметя за дверь. Было слышно, как собака грызет дверной косяк и колотит по полу хвостом.

«Что там происходит?» — казалось, задавал себе вопрос сбитый с толку пес, нервно мусоля деревяшку. Мелькание, которое видел Эллиот, теперь исследовало Гарви, зондируя спутанные мысли в собачьей голове. Дворняжка жалобно скулила, скреблась в дверь, разрываясь между желанием проникнуть в комнату и страхом перед заполонившим ее *нечто*, пульсирующим, словно мозговая кость, отборная, лакомая, но пугающая кость... попробуй — тронь!

Эллиот повернулся на бок и сунул руку под подушку. Несмотря на стремление бодрствовать и следить за происходящим, его неудержимо клонило ко сну. Смеженные веки налились свинцом, и он провалился в колодезь, летя все глубже, глубже, глубже...

Он упал прямо на доску для игры в «Парчизи», в которую вечно плутовал, и ноги увязли в ней по щиколотку. Он заметил дорожку из сверкающих как золото конфеток «ММ», которые сам разложил для своего пугающего на вид друга; за дорожкой открылась прекрасная аллея через весь мир, и он зашагал по ней.

Н а следующее утро инопланетянин проснулся, не сразу осознав, на какой планете находится.

— Вставай, тебе нужно спрятаться.

С помощью жестов и тычков космическое существо бесцеремонно затолкали в чулан и захлопнули дверцу-жалюзи.

Через несколько минут пробудились остальные домочадцы. Старый ботаник услышал голос старшего мальчика, а потом и матери.

Вот она вошла в комнату, и космолог сжался в комок в углу чулана.

— Эллиот, пора в школу.

— Я заболел, мам...

Инопланетянин осторожно припал к дверным прорезам. Мальчик уже лежал в постели и, похоже, о чем-то просил высокое, стройное и гибкое как ивовый прутик существо. Мать засунула ребенку в рот какую-то трубку и вышла из комнаты. Мальчик, не теряя ни секунды, поднес трубку к световому устройству над головой, разогрел жидкость внутри и только возвратил трубку в рот, как вернулась мать.

Старый ученый с пониманием покачал головой. Хитрость — известная в Галактике.

— У тебя высокая температура.

— Мне тоже так кажется.

— Ты, должно быть, караулил всю ночь на дворе, не появится ли эта штука?

Мальчик кивнул.

Гибкое существо повернулось и шагнуло к чулану. Инопланетянин отпрянул в угол, но увидел только руку, которая нашарила стеганое одеяло на полке над его головой. Мать набросила одеяло на сына.

— Думаешь, ты выживешь, если я пойду на работу?

Мэри подозревала, что Эллиот водит ее за нос, но ведь у ребенка выдалось подряд несколько тяжелых ночей; хотелось только надеяться, что перемены в его

поведении не связаны с потреблением каких-то средств. Правда, глаза стали какие-то странные, но и у его отца зрачки были часто расширены, когда ему мерещилось то одно, то другое. Наследственность, должно быть.

— Ладно, — сказала она, — оставайся дома. Только никакого телевизора, понятно? Не хочу, чтобы ты рассыпался в прах перед этим ящиком.

Она повернулась, чтобы уйти, но на пороге остановилась, глядя вниз на дверной косяк.

— Опять эта дрянная псина глодала дверь? Погоди, я велю поставить тебе на зубы резиновые коронки.

С этой угрозой Мэри решительно двинулась по коридору, но, сделав несколько шагов, пошатнулась, будто захлестнутая волной. Заставив себя выпрямиться, она пощупала лоб. Какая-то легкая зыбь пробежала по телу, словно от прикосновения волшебных пальцев. В следующее мгновение необъяснимое ощущение исчезло.

Мэри открыла дверь в комнату Герти.

— Восстань в блеске!

Девочка села, ошарашенно моргая, потом радостно свесила ноги.

— Мамочка, а мне приснился маньяк!

— Ну да?

— Такой потешный — с длинной-предлинной шеей и глазищами, выпученными, как у лягушки...

— Он был в плаще?

— Он был ни в чем.

«Может, и впрямь маньяк», — подумала Мэри, — но не стала развивать эту тему.

— Пора завтракать. Помоги Майклу на кухне.

Она прошествовала в ванную для утреннего омовения чудовищно дорогим мылом, таявшим как лед; от куса, купленного два дня назад, остался жалкий прозрачный обмылок в ноготь толщиной. Но подруга уверяла, что это мыло предохраняет от морщин, пятен, прыщиков и бородавок.

Мэри намылилась, и обмылок исчез на глазах. Вот так, еще шесть долларов вылетели в сточную трубу.

Она вытерлась, и в ее затуманенном с утра сознании всплыл, словно во сне, образ какого-то коротышки с огромным волочащимся животом и нелепой, переваливающейся поступью.

Маньяк, должно быть.

Завтрак, как всегда, промелькнул незаметно, и Мэри выскочила из дома на подъездную аллею, где Майкл, упражняясь в вождении, задним ходом подавал машину к улице.

— Садись, ма, — сказал он, вылезая из машины.

— Спасибо, милый, — поблагодарила Мэри, заняв место за рулем и вцепившись в него с обычной мрачной решимостью; она резко отпустила сцепление, нажала на акселератор, и машина рванулась вперед под улюлюканье Майкла.

Услышав звук отъехавшей машины, Эллиот выпрыгнул из постели и распахнул дверь чулана. Инопланетянин отпрянул назад, вжавшись в стену.

— Эй, вылезай-ка отсюда, — позвал Эллиот, протягивая руку.

Старый уродец нерешительно прошлепал в комнату и остановился, оглядываясь. Взгляду его открылось великое разнообразие причудливых предметов, большей частью пластмассовых. Он сумел распознать только письменный стол, да и тот был слишком высок для обладателя таких коротких ног, как его собственные. Впрочем, зачем ему стол — не собирается же он писать письмо на Луну?

— Как же мне тебя называть?

Эллиот посмотрел в огромные блестящие глаза страшилища, в которых искорками вспыхивали, распускаясь и увядая, крохотные цветки энергии. Существо

осматривалось по сторонам, и Эллиот посторонился, чтобы не мешать.

— Ведь ты инопланетянин, верно?

Чудище моргнуло, и Эллиот понял, что выпученные глаза каким-то образом отвечают ему, но ощутил лишь неясное жужжание в голове, словно в нее забралась муха.

Эллиот открыл дверь в коридор. Инопланетянин отскочил назад — за дверью исходила слюной злобредная маленькая тварь, земная собака, с глупыми любопытными глазами и враждебностью в голосе.

— Гарви! Веди себя прилично! Не кусайся и не нервничай... Хороший пес. Хороший Гарви...

— Ггырррррррррррр... Ггыгырррррррррррр...

Речь собаки по межгалактическим стандартам общения принадлежала к еще более низкой категории, чем речь мальчика, и напоминала шум двигателя космического крейсера, попавшего в аварию.

— Видишь, Гарви? Он хороший. Он тебя не тронет. Он не кусается.

У пальца ноги неземного существа возникло полупрозрачное облачко. Гарви поспешил сунуть в него нос, и перед не подготовленной к этому собакой — словно в другом измерении — возникла огромная, сотканная из света суповая кость; сверкая и переливаясь, она летела в ночи с воющим звуком, эхом раскатывающимся по древним космическим закоулкам.

Бедный пес съежился, припав к полу, сознание его помутилось. Из пасти вырвался жалобный стон. Поджав хвост, он стал пятиться назад.

Уродец шагнул вперед.

— Ты умеешь разговаривать? — для вящей убедительности Эллиот сжал и разжал кончики пальцев, изображая говорящий рот.

Престарелый ученый снова мигнул и в свою очередь начертил кончиками пальцев узоры и хитроspлетения

галактического разума, высшие формулы космического выживания, выведенные за десять миллионов лет.

Эллиот недоуменно хлопал ресницами, не успевая следить за рассекающими воздух пальцами, выводящими изящные орбиты, спирали и изломы важнейших физических законов.

Осознав бесплодность своих усилий, ветеран галактических путешествий, совсем было отчаявшись, опустил руки, но вовремя вспомнил, что перед ним десятилетний мальчуган.

Что же делать? Умудренный годами ученый проанализировал ситуацию. Его интеллект настолько опережал мыслительные возможности ребенка, что даже не придумает, с чего начать.

Беда в том, что он слишком сложно устроен. Впрочем, постойте, может быть...

Он попытался низвести себя до примитивного уровня путаного мышления землян, но дальше бесцельных манипуляций пальцами дело не пошло. Как он мог надеяться донести до их сознания смысл великих уравнений, грандиозных открытий, порожденных блуждающими гиперзавихрениями времени? Он едва научился просить «ММ»!

Эллиот подошел к транзисторному приемнику и включил его.

— Тебе нравится такая музыка? Рок-н-ролл?

Из приемника полились звуки, подобных которым межгалактическому страннику слышать не приходилось; в голове возник телепатический образ камней, лавиной несущихся вниз по склону. Он поспешно прикрыл руками чувствительные к шуму ушные клапаны и скорчился в три погибели на полу.

Эллиот огляделся по сторонам в поисках других предметов, о назначении которых необходимо знать пришельцу из космоса. Он выудил из копилки монету в двадцать пять центов.

— Вот кое-что из наших денег.

Инопланетянин смотрел на мальчика, селясь разобрать смысл его слов, но артикуляция землянина не поддавалась расшифровке.

— Видишь — это четвертак.

Инопланетянину предложили плоский, с блестящим покрытием кружочек, отличавшийся по оттенку от таблеток «ММ», но, по всей вероятности, превосходивший их по энергетической ценности.

Он попробовал откусить кусочек.

Ну и гадость!

— Ты прав, — сказал Эллиот, — это несъедобно. Неужто ты опять проголодался? Я и сам голоден, пойдем состряпаем чего-нибудь. Гарви... — пригрозил Эллиот собаке, — не путайся под ногами.

Гарви жалобно заскулил, но освободил дорогу, потом уныло поплелся за Эллиотом и кошмарным чудовищем вниз, на кухню. Распластавшись у миски, он всем своим видом намекал Эллиоту, что для успокоения нервной системы остро нуждается в баночке консервов «Алпо», которые уплетет в один присест. Но Эллиот прикинулся, будто не понимает собачьих страданий, и Гарви пришлось утешиться обгрызанием края миски.

Тем временем Эллиот открывал ящик за ящиком, доставая все необходимое для своего излюбленного завтрака.

— Вафли — мое фирменное блюдо, — похвастался он, замешивая бездрожжевое тесто. — Пробовал когда-нибудь?

На глазах у выдавшего вида ботаника один за другим возникали таинственные предметы, не имевшие отношения к космическим полетам. Он наблюдал, и огромные глаза вращались, фиксируя детали загадочных приготовлений, в итоге которых образовалось длинное щупальце клейкого месива, протянувшееся с полки буфета до самого пола.

Гарви быстрехонько, словно влажной шваброй, слизал языком разлитое тесто, остатки которого Эллиот пытался запихнуть в вафельницу.

— Ну вот и все. Уже печется.

Космическое чудовище, поводя носом, прошлепало к вафельнице. Пахло восхитительно, словно от гигантской «ММ».

Эллиот извлек испеченную вафлю и пооткрывал остальные ящики и дверцы.

— Вот сироп, масло, консервированные фрукты... А не полить ли сверху взбитыми сливками?

Ботаник так и подскочил на месте — внезапно сильно запахло озоном, а из баллончика в руках мальчика изверглась белая струя.

— Не бойся, это вкусно. Пальчики оближешь.

Эллиот украсил взбитые сливки лепешечкой «ММ» и протянул вафлю многомиллионнолетнему скитальцу во времени.

— А вот вилка. Умеешь такой пользоваться?

Древний исследователь внимательно посмотрел на сверкающие зубцы. Лучший образец механической работы из всего, виденного им в доме. Он вспомнил матовое сияние корабля. Верно, предмет с четырьмя отростками... прикрепленными... К чему же? На какой-то миг в сознании мелькнул и исчез образ готового устройства, которое его спасет.

— Эй, этим едят. Видишь? Вот так, как я...

Изрядно помучившись, инопланетянин наконец выковырял «ММ». Проглотив конфетку, он приступил к белой массе, пробуя неожиданные химические соединения, формулы которых тут же, по мере того как ученый углублялся вилкой в эфемерное, точно пена, лакомство, расшифровывались внутренним анализатором. Потрясающий, поразительный эффект...

— А как насчет молока? Вот, держи стакан.

Жидкость заплескалась, выплескиваясь на пальцы;

форма рта инопланетянина не была рассчитана на земные стаканы, поэтому большая часть молока пролилась ему на грудь, ручейком стекая над сердцем-фонариком.

— Эх, какой же ты недотепа!

Тыкая вилкой в хрустящее угощение, старый путешественник не отводил глаз от зубцов. Четыре острых отростка, звенящих «вжик, вжик, вжик...»

— Что случилось? Мне вдруг стало так грустно из-за тебя.

Словно неведомая могучая волна подхватила и закружила Эллиота. Необъяснимые чувства переполняли мальчика, будто он лишился чего-то несказанно прекрасного, что должно было всегда принадлежать ему.

«Вжик, вжик, вжик...»

Древний натуралист, закрыв глаза, погрузился в пучину Высшего Знания. Отыщется ли в бескрайней Вселенной ухо, которое прислушается к песне четырех зубцов? И как это осуществить? Не может же такой миниатюрный инструмент исторгнуть волны, пересекающие галактики. Ученый горько сожалел, что в свое время не прислушивался к разговорам навигаторов и связистов, которые смыслят в этом куда лучше чем он.

— Пора повеселиться, — сказал Эллиот, стряхнув нахлынувшую грусть, и взял жутковатой наружности пришельца за руку. — Пойдем...

Длинные, похожие на корни пальцы переплелись с его пальцами; Эллиоту показалось, что рядом с ним совсем маленький ребенок, но тут его накрыла и понесла на гребне новая волна, волна, в которой было все — и тайны мироздания, и космические законы, — и Эллиот осознал, что пришелец куда старше его, несравнимо старше. Что-то изменилось у него внутри, слегка покачнулось, будто гироскоп, который непонятным образом всегда возвращается к исходному положению в

пространстве; мальчик заморгал, не в силах постичь пронизавшего его вдруг ощущения, что он тоже дитя звезд и никогда-никогда никого не обижал.

Он увлек неуклюже переваливавшееся существо к лестнице. Гарви трусил следом, зажав в пасти свою миску на случай, если по дороге подвернется что-нибудь достойное того, чтобы запустить в него зубы.

Эллиот привел процессию в ванную и остановился перед зеркалом — интересно, видело ли нелепое существо со стороны свое отражение?

— Видишь? Это ты!

Ветеран-звездопроходец посмотрел на свой облик в примитивном отражающем стекле землян. Его гордости — сложнейшего и хитроумного органа установления контакта, радужным нимбом сияющего и переливающегося вокруг головы, *не было видно!* В результате лицо полностью утратило красоту.

— Смотри, вот это рука... — Эллиот подрыгал верхней конечностью. Галактическое создание последовало его примеру, расчлняя сложнейшее движение на простые составляющие, выводя мелькающими пальцами формулы сверхскоростных полетов, кратчайших межзвездных маршрутов и космического прорицания.

— Тебе бы фокусы показывать... — Эллиот изумленно хлопал глазами, на медленный манер землян, следя за пальцами вместо того, чтобы постигать тайный смысл их жестикуляции. «Да он глупее огурца», — подумалось многомудрому звездопроходцу.

— А отсюда берется вода, — изрек Эллиот, поворачивая краны. — Вот — горячая. Теперь — холодная. Здорово, да? Там, откуда ты взялся, есть водопровод?

Архаичный естествоиспытатель зачерпнул пригоршню воды и поднес к лицу. Переключив зрение на режим микрофокусировки, он по привычке стал созерцать мир крохотных водных существ.

— Ну как, нравится? А теперь смотри — это

вообще шикарно! — Эллиот начал наполнять ванну и жестом указал инопланетянину, чтобы тот залезал. — Давай сюда, не бойся.

Реликтовое создание наклонилось над ванной, которая напомнила ему лабораторные резервуары на Великом Корабле, где любой ученый мог, расслабившись, предаться изучению водного микромира. В порыве грусти, вызванной воспоминанием, он опустился в воду.

Раздался звонок. Ботаник подскочил в ванне — во все стороны полетели брызги. Уж не для того ли его посадили в воду, чтобы тайком изучать? Неужели это лаборатория для регистрации излучаемых им волн?

— Успокойся, это всего лишь телефон...

Эллиот выскочил из ванной, и ученый с головой погрузился в воду, убаюкиваемый обволакивающим потоком, умиротворенный зрелищем танцующих микроорганизмов. Переключив дыхательный аппарат на водную среду, он с наслаждением вытянулся на дне. Потом сфокусировал зрение на атомном уровне и углубился в изучение молекул воды, наблюдая за скрытой тепловой энергией. Может ли она пригодиться для его спасения?

Гарви осторожно приблизился к ванне. Едва ли не худшие воспоминания его жизни были связаны с ней, когда раз в году его подвергали унижительному мытью шампунем от блох; пес украдкой покосился через край на нынешнего обитателя ванны, которому, судя по всему, пребывание в ней ничуть не претило. Он напомнил Гарви крупную и ужасно кусачую старуху-черепаху, которой пес однажды вознамерился задать изрядную трепку; дело кончилось тогда трагически — Гарви отделался болезненным укусом в нос. Этим и только этим объяснялось, что вместо того, чтобы как следует куснуть, или, на худой конец, обляять нежившегося в воде монстра, Гарви только боязливо посматривал на него. Уготовил ли Эллиот мытье шампунем этому типу?

Эллиот вернулся, заглянул в ванну и рывком выдернул образину из воды.

— Эй, так и утонуть недолго!

Гарви разочарованно вздохнул — мытье шампунем не состоится. Как видно, блох у страхолюдины не было.

— А может, ты гном-амфибия? — спросил Эллиот.

«Кто угодно, лишь бы не кусачая черепаха», — подумал Гарви и бережно прикрыл лапой нос — так, на всякий случай.

— Вот полотенце, умеешь им пользоваться?

Странник, повидавший на своем веку не одну сверхновую, в недоумении уставился на предлагаемый предмет — его собственная кожа была покрыта водозащитной пленкой. Он взял полотенце, осмотрел его и вопросительно воззрился на мальчика.

— Ну, вытирайся же, дурья башка!

Мальчик дотронулся до него. Пальцы землянина с целительными компонентами доставили облегчение ноющей спине. Спасибо, молодой человек, очень вам признателен.

— У каждого из нас собственное полотенце. Это мое, — указал Эллиот, — это Майкла, это Герти, а вот мамино. А это когда-то принадлежало папе. Он теперь в Мексике. Ты туда летал?

Старый ученый мигнул, уловив волну грустного чувства на диапазоне связи с мальчиком. Эллиот подступил ближе и растопырил руки, словно крылья.

— Ты ведь везде летаешь на корабле, да? Где твой корабль?

В сознании космического существа всплыл матово сияющий облик корабля, корпус которого, залитый голубовато-красным светом, украшали древние письмены. Сердце-фонарик тоже замерцало в ответ, и вот уже грусть молодого землянина стала его собственной.

— Пусть это будет твое полотенце, — сказал Эллиот. — Мы сделаем на нем метку «И. П.», ино-

планетянин. — Он снова прикоснулся к удивительному созданию, поражаясь странной коже. Новая волна прокатилась по телу Эллиота, и он понял, что стоявшее рядом существо старше Мафусаила, старше самой старости. — А кожа у тебя, как у змеи, приятель. Да и сам ты не от мира сего!

Ученый чувствовал, как энергия мальчика растекается по каналам его тела: «лум, лум, лум...»; занятно устроены биополя землян — примитивные, но добрые, если научиться ими пользоваться.

Он снова принялся жестикулировать, объясняя пальцами строение атома, любовь звезд и происхождение Вселенной.

— Ты опять проголодался? Хочешь печенья?

Гарви радостно завилал хвостом. Что касается его, он согласен на печенье — конечно, едал он кое-что и повкуснее, но псу, обгладывающему деревянные щетки, привередничать не пристало. Он схватил зубами миску, намекая Эллиоту на готовность принять участие в трапезе, но тот прошел мимо, ведя за собой кошмарную страхолюдину.

«Дудки, — решил Гарви, — я все равно не отстану».

Он затрусил за ними через коридор в комнату Эллиота, где пугало угостили печеньем. Гарви негодуяще зарычал и призывно постучал миской по полу.

— Сгинь, Гарви, ты и так толстый.

Это он толстый? Пес повернулся боком, демонстрируя ребра. Но на сей раз провести Эллиота не удалось — баловнем стал уродец. Гарви поплелся проверить, не остались ли съедобные куски в недогрызенном ботинке Эллиота.

Эллиот открыл дверь чулана и обратился к космологу:

— Давай поселим тебя в чулане? Переоборудуем его, как космический «Шатл». Достанем все, что тебе необходимо.

Престарелый межзвездный скиталец, задрав голову, разглядывал застекленное оконце в потолке клетушки. Через все стекло распростерся, освещаемый солнечными лучами, намалеванный дракон с растопыренными крыльями.

— Нравится? У меня таких много.

Эллиот раскрыл лежавшую на полу книгу и начал показывать страшилищу картинки.

— Вот гоблины... а это гномы...

Глаза чудища прошли несколько последовательных фокусировок, определив при этом структуру бумажных волокон, и настроились на рисунок — со страницы книги тарасилось изрядно на него смахивавшее маленькое существо с огромным волочащимся животом.

Неужто какие-то его предки уже терпели здесь бедствие?

Оставив страшилу изучать картинки, Эллиот принялся раскладывать по чулану подушки и одеяла. Он не задавался вопросом, почему прячет пришельца. Он как бы летел на автопилоте, без лишних вопросов, копания в себе, не пытаясь увильнуть от странной миссии. Он знал, что существо доверено ему звездами, и должен был подчиниться... или умереть.

— Тебе здесь понравится!— крикнул он из-за двери. Его мозг и мышцы работали без малейшего напряжения, повинясь сигналам, пульсирующим внутри. Эллиот не знал, что соприкоснулся с Космическим Законом, направившим его на новый путь. Он знал только, что еще никогда в жизни не ощущал подобного душевного взлета.

Гарви не испытывал подобных духовных метаморфоз; обглаживание каблучков ботинок не облегчило ни страданий души, ни мук желудка. Одно утешало — давно вынашиваемый план куснуть за лодыжку почтальона, осуществление которого было намечено на предполуденные часы.

Эллиот пробежал по коридору и вскоре вернулся с миской воды в руках. Впрочем, вспыхнувшая было у Гарви надежда тут же погасла — миску поместили в чулане перед гоблином со словами:

— Возьми, а все это, — кивок на чулан, — твой командный отсек.

Сразу за дверью чулана Эллиот выстроил шеренгу плюшевых зверюшек.

— Это маскировка. Встанешь с ними в ряд — никто не заметит разницы.

Озадаченный носитель высшего разума тупо взирался на загадочные приготовления.

Гарви тоже следил за ними, борясь с зарождающимся желанием отгрызть голову у плюшевого медвежонка.

Эллиот тем временем приволок настольную лампу.

— Свет. Видишь?

Он включил лампу, яркий, слепящий свет которой резанул по сверхчувствительным глазам космопроходца. Тот попятился, налетел на проигрыватель и сбил рукой иглу, которая, поехав, поцарапала пластинку. Несмотря на противный скрежещущий звук, случилось неожиданное: внутри инопланетянина вспыхнули мягкие огоньки, а перед глазами снова возникли схемы побега. Для спасения нужна вилка и... что-нибудь вращающееся, вроде той штуковины, на которую он случайно наткнулся. Она будет вращаться, а вилка... нацарапает... послание.

Ученый уставился на проигрыватель, обдумывая выход и лихорадочно перебирая в уме все, что знал о средствах связи.

Он принялся топтаться по комнате в поисках других полезных механических устройств. Выдвинув ящик стола, он перевернул его, высыпав содержимое на пол.

— Полегче, приятель! — прикрикнул Эллиот. — Мне велено поддерживать здесь порядок.

Пришелец обследовал комнату, шаря по углам, вытряхивая, опрокидывая и бесцеремонно расшвыривая все, что попадалось под руку. Попробуй все изучить, когда кругом так необычно. Планета примитивная — действовать приходится на ощупь, методом проб и ошибок. Откуда тут взяться вдохновению?

Его взгляд остановился на прикрепленном к стене изображении марсианской принцессы, наготу которой едва прикрывали несколько полосок сверкающего металла.

Ну и ну!

Несколько секунд он созерцал ее — пистолет, шлем, сапоги цвета электрик.

— Нравится? — ехидно поинтересовался Эллиот.

Старый путешественник медленно опустил руки — сначала перед собой, затем развел их пошире, изображая более классический идеал красоты — расширяющийся книзу грушевидный силуэт.

— Таких у нас не много наберется, — сказал Эллиот, взял рукой старое пугало под локоть и легонько подтолкнул к чулану.

— Будешь там жить, ладно?

Изношенный временем скиталец, тяжело переступая утиными лапами, поплелся в отведенное логово. Он, в чьем ведении находилась растительная жизнь в необъятных космических дворцах, вынужден ютиться в жалкой клетушке по соседству с доской на роликах.

Сгорбившись, он опустился на пол. Где же корабль? Где украшение Вселенной? Его так не хватает!

Внезапно он воспринял донесшийся из глубин космоса сигнал маяка, — маяка, разыскивавшего Землю с немислимых расстояний.

— Здесь даже окошечко есть, — Эллиот вывел гостя из оцепенения, указав ему на стеклянный квадратик над головой.

— А вот тебе светильник для чтения, — сказал он и

включил лампу. — Ладно, располагайся, а я побежал. Куплю печенья и еще чего-нибудь.

Дверь в чулан закрылась. Ученый прищурился от резкого света, потом стащил с полки красный платок и набросил на абажур. Свет смягчился и стал лилово-розовым, как внутри его родного корабля.

Он должен подать сигнал, *во-что-бы-то-ни-стало* известить товарищей о том, что жив.

В голове опять возник образ вилки — четыре зубца царапали линии по вращающемуся кругу: «вжик, вжик, вжик..»

Мэри въехала в ворота, зацепив крылом машины мусорные баки, которые, опрокинувшись, сгромоздились в кучу. Плевать, главное — она дома. Выключив зажигание, она некоторое время сидела за рулем в полном изнеможении. Может, ей принять жень-шень? Или хотя бы глоток джина?

Открыв дверцу, она выбралась из машины. Взгляд упал на оконце чулана под крышей, в нем торчал какой-то из недавно купленных плюшевых гоблинов.

Бр-рр, ну и игрушки выпускают теперь для детей. От одного их вида кошмары станут сниться.

Она прошла по аллее и поднялась на крыльцо. За дверью ждал Гарви.

— Не смотри так, Гарви. Я и без того вечно чувствую себя виноватой.

Игнорируя мольбы животного, она решительно проследовала к столику для корреспонденции.

Вдруг есть письма от тайного вздыхателя? Хотя бы от Блуждающего Чудовища?

Как бы не так, обычный мусор — счета, просроченные счета, сверхпросроченные счета и просьба от какой-то организации по сбору пожертвований. Дудки, только под пыткой!

Она швырнула почту в очень кстати подвернувшуюся корзину для бумаг и сбросила туфли.

— Есть кто-нибудь дома? — крикнула она своему племени. Отозвался один Гарви.

— Оставь миску, Гарви.

Она сидела в кресле, не в силах подняться. Над головой прожужжала муха. Мэри прогнала ее рукой раз, другой, но муха не унималась, и Мэри поняла, что жужжит не муха, а у нее в ушах.

Следующая стадия — звон колокольчиков, а за ней — голоса.

Решив, что сегодня сходить с ума все равно некогда, она встала и пошла на кухню. Глянув на пол, сразу поняла, что Эллиот готовил себе калорийный завтрак. Она вытерла полки и дверцы буфета и сварила крепкий кофе.

Сидя в раздумьи над чашкой, Мэри разглядывала свои ноги. Уставшие ноги. Ноги, готовые вот-вот забастовать.

— Эй, так есть кто-нибудь дома?

Как обычно, ей не ответили. Не иначе погрузились в какие-то тайные замыслы; может, сегодня у них на очереди государственный переворот?

Бога ради, лишь бы не шумели.

Задняя дверь с пушечным грохотом распахнулась, и в кухню ворвался Майкл, будто на слоне верхом.

— Салют, ма, как прошел день?

— Хорошо. А у тебя?

Майкл неопределенно пожал плечами.

— Пойду поиграю в регби, — после некоторой паузы добавил он таким тоном, что было ясно — ничто, ничто на свете его не остановит.

— Прекрасно, — сказала Мэри. — Валяй!

Она небрежно махнула рукой, словно давая разрешение, которого никто не спрашивал, и опять устала в кофейную чашечку, пытаюсь собраться с силами.

Майкл нацепил наплечники и схватил шлем; он весь кипел от азарта, уж сегодня *он им покажет!* В два прыжка он очутился в коридоре, но перед лестницей, преградив дорогу, стоял Эллиот.

— Майкл...

— Привет, симулянт... — бросил на ходу Майкл, норовя протиснуться к ступенькам.

— Я должен сообщить тебе что-то очень важное.

— Ну, чего?

— Помнишь гоблина?

— Гоблина? Слушай, дай пройти.

— Подожди секунду, Майкл, дело очень серьезное.

Он вернулся.

— Эллиот... — Майкл редко снисходил до бесед с младшим братом — от такого хорька не только в «Парчизи» того и жди мелких пакостей, — отвяжись!

— Я покажу его тебе, только, чур, он мой!

Майкл заколебался.

— Ладно, давай быстрее.

— Сперва поклянись. Самой страшной клятвой.

— О'кей, о'кей, показывай. Что там у тебя, скунс какой-нибудь? Прямо в комнате? Мамаша тебя прикончит.

Эллиот увлек Майкла за собой по коридору.

— Сними наплечники, — попросил он, когда они вошли в комнату. — Он может испугаться.

— Не испытывай мое терпение.

Эллиот подвел брата к чулану.

— Закрой глаза.

— Зачем?

— Ну я тебя прошу, ладно, Майкл?

В чулане хранитель многовековой мудрости перебирал в памяти все, что он знал о коммуникационных устройствах — одно из них требовалось каким-то образом построить. Он услышал, что в комнату вошли двое круглоголовых (так иногда называл он про себя землян), но

не стал отвлекаться, сосредоточившись на том, чтобы вспомнить схему передатчика. Внезапно дверь в его убежище распахнулась.

Вошел Эллиот и, успокаивающе кивнув, обнял древнего ученого за плечи.

— Пойдем, познакомишься с моим братом.

Не успели они переступить порог, как в комнату ворвалась Герти, только вернувшаяся из детского сада. Увидев чудовище, она завизжала, завизжал и сам инопланетянин, и Майкл, который в этот самый миг открыл глаза, тоже завизжал. Их общий пронзительный визг разнесся по дому и достиг командного пункта, где сидела Мэри, безуспешно пытавшаяся прийти в себя.

— О боже... — простонала она, делая усилие, чтобы вылезти из-за стола. Что за новую забаву придумали ее детки! Не мучают ли Герти? Она с трудом взобралась по ступенькам и устало потащила по коридору в комнату Эллиота. После дня изнурительной работы бороться с шайкой малолетних преступников дома — кто способен это вынести?

Мэри на мгновение остановилась перед дверью. Одно утешение — у Эллиота теперь порядок.

Она вошла в комнату и остолбенела. Все, что можно было вывернуть, было выворочено на пол. Мэри посмотрела на Эллиота. Как можно посреди такого разгрома сохранять невинное выражение лица?

— Что случилось? — спросила Мэри и не узнала собственный голос.

— Где?

— Ты еще смеешь спрашивать? Посмотри на этот бедлам! Что произошло?

— Ты имеешь в виду комнату?

— Это не комната, это кошмар! У тебя тут дикари танцевали?

В чулане старый космолог скорчился ни жив ни мертв между Герти и Майклом. Девочка, казалось,

готова была вот-вот укусить его; мальчик сидел с раскрытым ртом и остекленевшим взглядом, его огромные, неестественной формы плечи едва помещались в крохотной клетушке. Гость из космоса надеялся, что осадное положение сохранится не слишком долго — в помещеньице становилось тяжеловато дышать.

Инопланетянин осторожно приник лицом к прорезам в двери. Гибкое, похожее на иву создание указывало на предметы, которые он разбросал по полу в поисках деталей для передатчика, и казалось чем-то недовольным.

Ученый попытался оценить, насколько миролюбиво настроено гибкое создание. Ни металлических цепей, ни оружия при нем не было, в остальном оно ничуть не уступало марсианской принцессе с плаката, хотя, к сожалению, и его природа обидела, лишив важнейшего атрибута женской красоты — расширенного книзу грушевидного живота, да и длинными пальцами на ногах, придающими такую пикантность и очарование, существо похвастать не могло. А жаль...

— Эллиот, я слышала, как визжала Герти. Вы с Майклом не мучили ее?

— Ну что ты, мам...

— Почему же она визжала?

— Не знаю. Вошла, завизжала и убежала.

Мэри задумалась. Случалось ли ей в детстве забегать в комнаты, беспричинно визжать и выскакивать? Да, признаться, случалось, и частенько. Ей и теперь хотелось завизжать. Впрочем, если разобраться, она и сейчас визжала. Может, повизжать еще немного на Эллиота, а потом уйти?

— Извини, мам.

— Я не хотела на тебя кричать, Эллиот. Ты меня тоже прости. Но приberi в комнате, иначе получишь нахлобучку.

— О'кей, мам, приберу.

Мэри повернулась и вышла из комнаты. Когда ее шаги стихли, дверь чулана распахнулась, и оттуда появились Майкл, Герти и старый гоблин.

Майкл за эти короткие мгновения стал не похож на себя, словно на пятидесятиардовой линии его заблокировал не защитник соперников, а паровой каток; тело онемело, и ему все казалось, что он грезит. Быть может, во время матча он столкнулся с кем-то головой и лежит теперь без сознания? Нет, вряд ли, — рядом эта надоеда Герти, да и эта дрянь Эллиот тут, в натуральную величину. А вот и пугало.

— Эллиот, надо сказать матери.

— Нельзя, Майкл. Ты ведь знаешь, к чему это приведет? Его, — Эллиот кивком указал на древнего путешественника, — пустят на собачьи котлеты.

Гарви наострил уши и завил хвостом.

— Он умеет разговаривать?

— Нет.

— А что он здесь делает?

— Не знаю.

Мальчики посмотрели на пятилетнюю сестру, во все глаза таращившуюся на чудище.

— Герти, можешь его потрогать. Он тебя не обидит.

Залетный космолог безропотно позволил ощупать и потыкать себя — пульсирующие сигналы от детских пальчиков воспринимались рецепторами в глубине его тела и, хотя сигналы эти были путанными и сумбурными, инопланетянин понял, что круглоголовые не безнадежно глупы и желают ему добра. Но способны ли они помочь ему достигнуть Великой Туманности?

— Ты ведь никому не расскажешь, правда, Герти? Даже маме?

— Почему?

— Потому что... взрослые не могут его увидеть. Он видимый только для детей.

— Неправда, ты обманываешь.

Эллиот выхватил из рук Герти куклу.

— Знаешь, что я с ней сделаю, если ты разболтаешь? — он резким движением развернул руку куклы за спину.

Герти вскрикнула:

— Перестань! Сейчас же перестань!

— Обещаешь молчать?

— А он что, с Луны?

— С Луны, с Луны...

Лежа на полу спальни, Мэри вслед за тренером на телеэкране повторяла гимнастические упражнения. Занятия проводила пятидесятилетняя шведка без единой морщинки на лице, которой ассистировал фигляр с физиономией слабоумного.

— И-и-и раз, два, три...

Мэри, тщетно пытаясь поспеть за ними, сбилась с ритма, выключила звук и разлеглась на ковре в излюбленной позе, подтянув колени к животу.

Из комнаты Эллиота слышались приглушенные голоса детей. Всех троих. Снова они что-то затевают — Мэри ощущала знакомое напряжение в воздухе. Может, от этого у нее опять в ушах жужжит? Или от омолаживающих упражнений, когда ногу закладываешь за голову? Придется от них отказаться.

Дебил на телеэкране пытался беззвучно что-то втолковать.

Довольно с нее.

Она отключила телевизор. Пора уже что-нибудь запихнуть в голодные детские рты.

— Эй! — воззвала она, выходя в коридор. — Кто мне поможет с ужином?

Ясное дело, никто не ответил. По лестнице она спустилась в гордом одиночестве.

Она приготовит фрикассе из индейки и... пожалуй,

разогреет пюре-полуфабрикат — прелестный гарнир. Напоследок останутся сухие соленые крендельки.

Она колдовала на кухне, время от времени поглядывая в окно на примыкающий участок, где сосед разъезжал на газонокосилке, словно свихнувшийся великан на детском автомобильчике. Газон у нее был хилый — из-за Гарви, который с упрямой одержимостью выкапывал каждую травинку в поисках мифических костей. Вот и сейчас он попрошайничал, застыв в своей любимой позе — одно ухо кверху, другое книзу.

— Кто изгрыз щетку, Гарви? Мы его знаем?

Гарви высунул длинный язык и умильно облизал морду от уха до уха. Даже нос не забыл.

— В чем дело, Гарви? Что тебя так возбудило? Здесь опять прогуливалась эта кокетливая французская болонка с бантиком? Ты из-за нее такой чудной?

Гарви кивнул, невнятно рыча, потом жалостно заскулил. Целый день голодом морили. Все в этом доме забыли свою главную обязанность — кормление собаки. Совсем с ума посходили. Из-за пугала в чулане, что ли?

Придется его съесть.

Мэри подошла к лестнице и ласково позвала детей ужинать.

— Эй, вы, спускайтесь, иначе оставлю без ужина!

Вскоре по лестнице загроыхали носороги, и появился ее выводок. Вид у всех был презагадочный.

— Что вы еще затеяли? Признавайтесь, я вас насквозь вижу.

— Ничего, ма, — Майкл плюхнулся за стол. Герти уселась рядом и заметила фрикассе.

— Умм!

— Замолчи, милая. Эллиот, передай соль, пожалуйста.

— Я сегодня переоборудовал чулан в жилище, — невпопад брякнул Эллиот и покосился на мать.

- Какое жилище?
- Нечто вроде убежища.
- Вот как, когда же ты успел? Ведь ты был так занят превращением прибранной комнаты в свинарник?
- Так можно мне сохранить убежище?
- Надеюсь, ты не собираешься скрываться в нем от ответственности, а, Эллиот? Мальчикам не пристало проводить все время в чулане.
- Не все время. Совсем немного.
- Я должна подумать, — ответила Мэри, и дети уже знали, что мать уступила, ибо Эллиот терзал бы ее до тех пор, пока бы она не сдалась. Мэри попыталась незаметно сменить тему:
 - Картошка, по-моему, удалась, не правда ли?
 - Умм!
 - Возьми еще, Герти, раз тебе так нравится.
 - В детском саду нас кормят вкуснее, — отрезала Герти. — Нам дают большие шоколадные пряники.
 - Вот как? Придется мне поговорить с директором.
 - Он маньяк.
 - Герти, не смей употреблять слов, которых не понимаешь!
 - ...Маньяк, маньяк... — запела Герти над тарелкой.

Мэри схватилась за голову.

Тем временем скрываемый от посторонних глаз древний скиталец выбрался из чулана. Он очутился в комнате посреди кучи хлама, которую сам наворотил в поисках деталей для передатчика, в поисках, которые намеревался сейчас продолжить.

Он обвел глазами комнату. В режиме ультрафокусировки взору открылся мир электронов, мелькавших в своем орбитальном танце; но упорядоченный вихрь микрочастиц ему не поможет. Здесь нужны предметы плотнее, такие, как... проигрыватель.

Перефокусировав зрение на нормальный диапазон,

старый ученый, смешно цепляя лапами, зашлепал к проигрывателю. Пластинки на этот раз не было. Длинным пальцем он крутанул тяжелый диск.

Как же прикрепить сюда вилку?

А вот как — *сверху...*

Он удовлетворенно кивнул. Спасение придет благодаря спирально впрядаемым, вкручиваемым в ночь сигналам, ниточкам надежды, сотням миллионов ниточек, лучистых, как шелковистые волосы ивоподобного создания.

Снизу послышался стук вилок — пришелец из космоса уже хорошо различал его — и звон тарелок и стаканов, сопровождаемый трескотней землян.

— Мама, а почему дети видят то, что не можешь видеть ты?

— А что ты видела, Герти? Гоблина у Эллиота?

— Мама, а кто такие люди, которые не люди?

Некто, который не человек, знал, что дети его не выдадут, но от маленькой девочки можно ждать неприятностей — она не понимала, к чему все эти секреты.

Впрочем, пока он был в безопасности. Ужин подходил к концу. Должно быть, съели великое множество «ММ». Возможно, скоро и ему немножко перепадет.

— Так, а кто сегодня моет тарелки?

Голос гибкого создания телепатически донесся до инопланетянина вместе с ее образом — увенчанным ниспадающими волнами лучистых волокон, которые были тоньше шелка. Если бы только нос существа больше походил на сплюснутую брюссельскую капусту...

Он снова крутанул пальцем диск.

Послышались шаги Эллиота по ступенькам, и мальчик появился в комнате с подносом в руках.

— Вот твой ужин. — прошептал он, протягивая поднос.

На тарелке лежало несколько листочков салата-латука, яблоко и апельсин. Древний знаток растительной жизни взял апельсин и съел целиком, с кожурой и семенами.

— У вас так принято?

Престарелый путешественник нахмурился — внутренний анализатор подсказал ему, что в следующий раз плод следует сначала помыть.

— Как твои дела? Все в порядке? — Эллиот заметил крутящийся диск.

Пугающего вида гость жестом показал, что хочет. Эллиот поставил пластинку и опустил иглу.

В жизни все возможно,
Но это рок-н-ролл...

Старый звездопроходец прислушивался к диким выкрикам, наблюдая за вращением черного диска на проигрывателе, но мысли его были о передатчике. Корабль Волшебной Ночи не отзовется на звук камней, несущихся вниз по склону. Сигнал необходимо послать на родном языке. Как же преобразовать этот звук? Как трансформировать его частоту в микроволновый спектр?

Ухо космического странника уловило голос ивopodobного существа внизу, в прихожей.

— Герги, что ты делаешь, душечка?

— Я иду играть к Эллиоту.

— Не позволяй себя мучить.

Девочка вошла в комнату, везя за собой тележку с игрушками. Достав из тележки горшочек с геранью, она поставила его под ноги старому ботанику.

Тот изумленно уставился на подношение. Сердцефонарик замерцало: «Спасибо, милая девочка, я очень тронут».

Появился Гарви, обнюхал пугало и осмотрел герань. Не полить ли?

— Гарви, не увлекайся!

Вошел Майкл, втайне надеясь, что уродец исчез сам собой, но тот был жив и невредим, и с этим приходилось считаться. Майкл окинул галактического натуралиста задумчивым взглядом, потом повернулся к Эллиоту и изрек:

— Может, это просто какое-нибудь вымершее животное?

— Не будь идиотом, Майкл.

— Но я не верю в существование таких страшил...

— А я вот верю. И всегда верил.

Герти вывалила к ногам космического растениевода остальные подарки.

— Вот немного пластилина. Умешь с ним играть?

Инопланетянин взял пластилин в руку и поднес ко рту, явно намереваясь отхватить изрядный кусок.

— Не так, глупый, его надо мять... — Герти показала, как это делается, и ученый принялся скатывать комок ладонями.

— У меня идея, — выпалил Эллиот. — Где глобус?

Получив из рук Майкла глобус, Эллиот поставил его перед старым звездопроходцем и ткнул пальцем в Северную Америку.

— Посмотри, мы находимся здесь...

Многоопытный странник кивнул, узнав очертания материка, на котором часто бывал, прилетая на Корабле Веков. Да, он хорошо знал эту планету, слишком хорошо...

— Угу, — сказал Эллиот, — мы отсюда. А ты откуда появился?

Старый путешественник повернулся к окну и устремил взор к звездному небу.

Раскрыв атлас, Эллиот указал на схему Солнечной системы.

— Ты из этой части Вселенной?

Ученый разделил пластилиновый комок на пять

шариков и поместил их на схему вокруг центрального шарика-Солнца.

— Пять? Ты с Юпитера, что ли?

Инопланетянин не понимал их невнятный лепет. Он указал на шарики и сделал движение кончиками пальцев. Шарик взлетел в воздух и поплыл над головами детей.

Глядя, как они вращаются по круговым орбитам, бедные дети, которым казалось, будто земля уходит из-под ног, только слабо постанывали:

— О... нет...

Не обидел ли он их?

Инопланетянин снял электрическое поле, и шарики упали на пол. А он заковылял к чулану, бережно прижимая к груди горшочек с геранью.

— **М**амочка! — позвала Герти. — А Эллиот держит в чулане монстра!

— Прекрасно, милая... — Мэри возлежала на софе в гостиной, положив на валик ноги и прилагая отчаянные усилия, чтобы не прислушиваться к детской болтовне, что, впрочем, становилось уже невозможным, так как Эллиот внезапно ни за что ни про что отвесил сестренке оплеуху скатанной в трубочку газетой.

— Ууу-аааааааааа! — истошно завизжала Герти. — Гадкий Эллиот, ненавижу тебя!

— Сейчас же прекратите! — взвилась Мэри, стараясь не потревожить маску; под толстым слоем крема, похожего на колесную мазь, магически разглаживались морщинки на лице, во всяком случае она надеялась, что разглаживались. — Эллиот, не смей обижать Герти!

— Почему?

— Она твоя сестра как никак.

— Пойдем, Герти, — неожиданно миролюбиво позвал Эллиот, — поиграем.

— Это другое дело, — удовлетворенно хмыкнула Мэри, блаженно опустив голову на подушку. Она смотрела из-под толщи крема — ощущение было такое, словно ей в лицо запустили тортом. Ничего, вот соскребет маску — и все ахнут, увидев... новую Мэри! Лишь бы дети не слишком шумели. Мэри прислушалась — Эллиот с Герти выходили через заднюю дверь. Каким уступчивым бывает он, когда захочет...

— Еще вякнешь хоть слово про монстра, — угрожающе зашипел Эллиот, когда вывел сестренку во двор, — я все волосы повыдергиваю у твоих кукол.

— Только посмей! — выкрикнула Герти.

— Понимаешь, Герти, этот монстр вовсе не монстр, а чудесный подарок нам. — Эллиот мучительно старался облечь свои мысли и ощущения в слова о том, что в их жизни произошло грандиозное событие, что это лучшее из всего, что когда-либо было. — Мы должны помочь ему.

— Ну и что, а мне он кажется просто большой игрушкой, — настаивала Герти.

— Сама ты игрушка. Это чудесное существо *оттуда*, — он указал на небо.

— Все равно он похож на игрушку, — Герти надула губки. — А мамочка сказала, что мы должны делиться игрушками.

— Хорошо, я поделюсь с тобой. Но обещай хранить тайну.

— Тайна, тайна... — запела Герти, — я знаю одну тайну...

Она посмотрела на Эллиота с затаенным ехидством.

— Что дашь, если я не скажу?

— А что ты хочешь?

— Твой уоки-токи*, — заявила Герти с победной

* Уоки-токи — портативное радиопереговорное устройство.

улыбкой. Нет большей радости в жизни, чем заставить брата пойти на уступки.

— Ладно, — угрюмо согласился он, — можешь взять.

— А еще ты должен играть со мной в куклы.

В глазах у Эллиота появилось затравленное выражение.

— ...И все куколки пьют чай... — Герти накрывала игрушечный стол, вокруг которого восседала компания кукол. — А моя кукла говорит твоей: «Правда, мальчишки ужасные?» А твоя кукла отвечает...

Эллиот выслушал, что именно должна ответить его кукла, и повторил это вслух, покачивая в такт кукольной головой и протягивая ручку куклы к чашке. Он вспомнил (при этом лицо его осветилось улыбкой, которая тут же сползла), как бывало носился на роликовых коньках по Гертиным чаепитиям, разметывая по сторонам их участниц, опрокидывая стульчики и столы, и укатывал прочь, хохоча во все горло. Неужто эти прекрасные времена прошли безвозвратно?

Мэри, проходя мимо, заглянула в дверь.

— О, Эллиот, как мило с твоей стороны!

— Эллиот будет играть со мной в куклы *каждый вечер!* — радостно сообщила Герти.

Кукла Эллиота со стоном рухнула под стол.

Придя сражаться в «Драконов и демонов», Тайлер нарвался на невероятную сцену: на кухне Эллиот с Герти хлопотали над ее игрушечной плитой. Эллиот был в фартуке и держал в руке крохотную формочку для кекса.

— Эй, ты что, чокнулся? — Тайлер, тощий, преждевременно вытянувшийся долговязый мальчишка,

оперся о дверной косяк. Казалось, он весь состоит из одних только рук и ног, отчего Эллиот дразнил его Кеглей; Тайлера эта кличка очень уязвляла — он страшно боялся, что вымахает до семи футов.

— Чего варганишь, Эллиот? — Тайлер сложился пополам над малюсенькой плитой, над которой самозабвенно суетилась Герти, в то время как поработенный Эллиот замешивал на воде глину.

— О-о-о! — Тайлер издевательски потянул носом, — похоже на рагу с подливкой. Дашь попробовать?

— Исчезни, Тайлер, — процедил Эллиот, вытирая руки о пестрый фартук.

— Пожалуйста, но я хотел напомнить, что у нас намечалась игра в «ДД».

— Он будет играть только со мной, — вмешалась Герти. — До конца жизни.

Распахнулась задняя дверь, и на пороге появился Грег-орк. Цветастая рубашка придавала ему сходство с тающей неоновой сосулькой — впечатление усиливали его вечно мокрые губы.

— Эй, что здесь происходит?

— Ничего, Слюнтяй, — прошипел Эллиот, не отрываясь от «теста».

— С Эллиотом мы вдвоем, ой, как весело печем, — пропела Герти.

Грег развернул к себе стул, обхватил руками спинку и уселся, ехидно ухмыляясь.

— Кажется, я все понял, — протянул он, сочувственно разглядывая Эллиота. До сих пор Эллиот, как и любой другой нормальный брат на свете, играл с сестрой только в игры, от которых сам получал удовольствие. Вот забава, например, защекотать ее до синевы — он не раз сам проделывал это с сестренкой. Или, еще лучше, привязать ее к дереву, и потом щекотать. А верх восторга — ворваться к ней в ванную с приятелями

и показывать пальцем, давась от смеха, пока она визжит в воде. Но то настоящая игра! А эта? Грег задумался.

В окне кухни возник четвертый член команды, сражавшейся в «Драконов и демонов», Стив. Его голову украшала бейсбольная шапочка с дурацкими трепыхающимися крылышками. Взявшись обеими руками за крылышки, он насмешливо потряс ими и после столь жизнерадостного приветствия вошел в дом.

— Вот только скажи что-нибудь! — рявкнул Эллиот, засовывая «кексы» в плиту.

— А что тут говорить? — Стив весело помахал крылышками. — Всякое случается.

Он не забыл, как его шантажировала собственная сестра. Нет, мужчине всегда надо быть начеку, держать двери на запоре и соблюдать светомаскировку.

— Мы с Эллиотом открыли лавку-пекарню, — похвасталась Герти, бубня под нос песенки о своей омерзительной выпечке. — И все, даже Санта Клаус, приходят к нам покупать печенье. — Она закрыла дверцу духовки. Потом обернулась к Эллиоту с таким ехидным выражением, что было ясно — про гоблина наверху она не забыла.

Эллиот перекосялся и принялся исступленно замешивать следующую порцию теста.

Ночью инопланетянин приподнял голову над подушкой и увидел Эллиота, который карабкался на черепичную крышу из окна спальни.

Что задумал мальчик?

Межзвездный странник наблюдал из оконца своего убежища, как Эллиот прокрался по покатой крыше, начал спускаться по лесенке в огород и в следующий миг исчез.

Старый путешественник установил с мальчиком телепатическую связь и увидел, что тот, выйдя за ограду,

направился прямехонько к холмам. Может, хочет поискать что-нибудь вкусенькое для своего друга в чулане?

Нет, мальчик выбрался на зловещую противопожарную просеку, где начались все неприятности.

Вдруг нежные телепатические антенны в голове инопланетянина судорожно дернулись — он уловил в ночи позвякивание зубов на кольце у обитателя ужасного трофея.

Не одному только Эллиоту вздумалось вернуться на просеку.

Там были и другие, рыскавшие в темноте в поисках... Кого?

Нетрудно догадаться — его, конечно же.

Он услышал тяжелую поступь и вздрогнул — прямо в глаза ему был устремлен холодный, пристальный взор землянина, телепатически рассекающий ночь.

Престарелый ученый отключил внутреннее радарное устройство и сжался в комок. Они искали его, со своими слепящими огнями. Прочесывали лес, не оставляя самого малого островка, их внутренние радары подсказывали — инопланетянин где-то здесь, мы непременно отыщем его.

И набьем из него чучело.

И выставим в витрине.

Ученый потянулся за печеньем и нервно сжевал его. Нельзя, чтобы его нашли. А ведь они так близко. Эллиот, правда, так и следит за ними... Что, если мальчика схватят? Могут ли его заставить отдать несуразной формы существо, затаившееся в чулане?

Он умоляюще посмотрел на герань. Растеньице повернуло к нему свои побеги. Тугие бутоны набухли, развернулись, и в тот же миг герань словно вспыхнула пламенем ослепительно-ярких алых цветков. Но вот растение тяжело вздохнуло, съежилось и на глазах увяло — видимо, чрезмерное усилие стоило ему слишком дорого. Космический ботаник кончиком пальца ласково

погладил умирающий цветок и что-то прошептал. Его слова, квинтэссенция опыта бесчисленных миров, вдохнули жизнь в растение, которое встрепенулось и зацвело с новой силой.

— Твой язык таит секрет жизни, Хозяин, — прошелестела герань.

Да, но, к сожалению, он не знал языка его друзей землян...

Древний путешественник поскреб голову. Он должен овладеть их языком, чтобы выжить.

Герти притащила ему азбуку. Раскрыв книжку на коленях, он после изрядных мучений отыскал букву «М».

Затаившись в кустах возле просеки, Эллиот следил за агентами, которые рыскали вокруг, обшаривая лес светом своих фонарей. Если его обнаружат, он скажет, что натаскивает собаку.

Гарви распластался рядом, дрожа от возбуждения. Дворянжку неудержимо тянуло выскочить из засады и вцепиться в ногу человека с ключами.

— Ничего мы сегодня не найдем, — сказал один из агентов.

— Знаю. И все же я печенкой чую, что за нами наблюдают, — человек с ключами посветил в окаймлявшие просеку кусты. — Но кто?

«Голодающий пес, вот кто», — подумал Гарви и пополз было проверить, не припасен ли аварийный собачий паек в припаркованной невдалеке машине, но Эллиот удержал его.

— Не трепыхайся, Гарви... — цыкнул мальчик, увлекая пса назад, в густые заросли. В следующее мгновение они с Гарви бесшумно соскользнули с песчаного склона.

Мириады звезд зажглись на ночном небосклоне.

Глядя на яркие звезды, Эллиот подумал, что у него в чулане спрятана величайшая из тайн неба. Он никогда не выдаст эту тайну, пусть с ним делают, что хотят, хоть пытаются.

— Гарви, — торжественно произнес Эллиот, — мы с тобой хранители бесценного сокровища. Ты это знаешь?

Гарви мрачно смотрел перед собой. Он знал только, что в мире мало, ужасно мало собачьей пищи.

— Я люблю его, Гарви. У меня никого лучше не было. — Эллиот задрал голову, пытаясь угадать, с какой из звезд прилетел его новый друг.

«Со всех», — шепнул лунный свет.

Гарви наострил уши.

Что там за шорох? Не везут ли корм для собак?

Он с надеждой огляделся по сторонам, но вокруг не было ни души.

Мэри разбудил шум на крыше. Она сняла с глаз травяные примочки и привстала.

Звук не повторялся, в доме стояла тишина. Мэри подошла к окну и выглянула наружу. Двор был пуст, если не считать Гарви, который, точно взбесившись, остервенело рыл землю.

Задержав штору, не желая видеть ополоумевшего пса, Мэри снова легла в кровать. В доме определенно творилось что-то неладное, она это чувствовала. Но что? Что замышляют ее дети?

Она расправила подушку и сонно обняла ее. Перед глазами поплыли прерванные шумом картинки сна. Она кружилась в танце, ах, как здорово, с... кем-то, едва достававшим ей до талии.

Веки отяжелели; заиграла неземная музыка — странные, неведомые звуки, словно космические позывные, «блип, блип» — и вот она снова кружится в

вихре танца, не замечая партнера, который головой уткнулся ей в живот.

— Мы должны рассказать, Эллиот. Дело слишком серьезное.

— Нет, он хочет остаться с нами.

Братья шагали к остановке автобуса, на котором ездили в школу. Майкл казался озабоченным. Весь его мир, все представления словно перевернулись вверх тормашками. В голове роились бредовые мысли про орбиты спутников, про поверхность Меркурия... И это вместо того, чтобы думать о приземлении мяча в зачетном поле, захватах и нырках...

— Он же прилетел из космоса, Эллиот. Мы не знаем, что ему здесь нужно, что он собирается делать дальше. В одно прекрасное утро мы проснемся на Марсе или еще подальше, и вокруг будут кишмя кишеть эти тыквоголовые.

Эллиот не слушал брата — его внимание привлек незнакомый человек на утренней улице.

— Взгляни-ка, — потянул он Майкла, — ведь это не наш молочник?

— Видно, наш в отпуске — это совсем другой парень.

— Послушай, Майкл, в окрестностях появились люди, которых здесь раньше никогда не видели. Взгляни на ту машину, в которой сидит какой-то тип и делает вид, что читает газету... Они *ищут* нашего гоблина!

— Они? А кто они такие?

— Их здесь полно. Даже в горах.

— Пораскинь мозгами, Эллиот, как найти выход.

— Ему нужно время, чтобы придумать, как спастись.

— А может, он не такой уж умный, а как рабочая пчела — только и умеет кнопки нажимать?

— Майкл, он... он настолько опередил нас в развитии — ты даже не представляешь.

— Тогда почему он живет в чулане?

— Ему не повезло. Но мы все исправим.

— Эллиот, мы с тобой всего лишь безмозглые молодкососы, неужели не понимаешь? Если кто ему может помочь, так это ученые и так далее. Ребята с мозгами. Они возьмут анализы, будут его кормить, как полагаются.

— Мы его кормим досыта.

— Печеньем? Разве это еда? Может, это его убивает, а мы даже не подозреваем?

Эллиот помрачнел, и в голосе его слышались напряженные нотки.

— Майкл, если мы отдадим его кому-нибудь, он *никогда* не вернется домой. Я знаю наверняка.

— Каким образом, Эллиот? Откуда тебе знать?

— Сам не понимаю. Это словно сидит во мне. И повторяется снова и снова. Он выбрал нас, потому что больше никто ему не поможет.

— Но почему именно нас? Кто мы? Ни денег, ни ума особенного... Даже отца у нас нет.

— Ерунда. Он все понимает. Мы нужны, чтобы... чтобы помочь ему наладить...

— Что наладить?

— Один... одну штуковину, — Эллиот замялся; словно очнувшись от сна, он безуспешно пытался вспомнить, что ему приснилось. А во сне он видел устройство, в котором так нуждалось космическое существо. Навянный образ уже улетучился, да и до остановки автобуса было рукой подать.

Тайлер, Стив и Грег уже ждали их, поддразнивая друг друга. При виде Эллиота они обрушили на него град насмешек.

— Эй, Эллиот, как дела в пекарне? Готов ли фруктовый пирог?

— Шел бы ты, Тайлер...

Грег, брызжа слюной, посоветовал Эллиоту, как быть с Герти, — засунуть ее в корзину с бельем. Совет казался не лишенным здравого смысла, в другое время Эллиот, возможно, и прислушался бы к нему.

Стив помотал крылышками шапки.

— Послушай, Эллиот, я забыл спросить — что случилось с твоим гоблином? Он не возвращался?

Нескончаемые, изматывающие игры в куклы и в дочки-матери с ненасытной Герти, выпечка бесчисленных земляных «пирожков с фруктами» и накопившаяся тревога доконали Эллиота. Он не выдержал и взорвался:

— Вернулся! Только никакой он не гоблин. Он пришелец из космоса!

— Как ты сказал, пришелец из космоса? — вкрадчиво прогнусавил Лэнс, маленький рыжий мальчишка, проталкиваясь к Эллиоту. — А ты знаешь, сколько лететь от Земли до Урана?

— Плевать я хотел на твой Уран, мурло, — огрызнулся Эллиот, уже осознав свою ошибку. А глазки у Лэнса разгорелись, как у крысы, почуявшей добычу.

Подъехал автобус, и дети вошли в салон, удивленно косясь на незнакомого водителя.

— Эй, а что случилось с Джорджем?

— Он заболел, — ответил новый шофер, которого никто из детей прежде не видел.

Герти прогуляла детский сад. Она прикинулась, что больна, и сторож отвез ее домой, где можно было без помех всласть наиграться со страшилищем. А то Эллиот присвоил его себе и не позволяет с ним играть.

Девочка принялась складывать в тележку игрушки, которые, на ее взгляд, должны были прийтись уродцу по вкусу. Вот бы он навсегда остался у них в доме и женился на мамочке!

Она проволокла тележку по коридору в комнату Эллиота, открыла дверь чулана и втиснулась с нею внутрь. Монстр посмотрел на Герти и закатил глаза. Герти счастливо захихикала и уселась рядом.

— Ты ведь большая игрушка, да, монстрик? — спросила она, оглядывая чудище с головы до ног. — А если не большая игрушка, то кто?

Инопланетянин забился в угол, вид у него был испуганный. Девочка же, наоборот, перестала бояться, потому что ночью ей приснилось, будто страшила повел ее гулять по звездам, далеко-далеко. Он держал ее за руку и показывал чудесные цветы, а необыкновенные птички пели и садились ему на голову, и вокруг разливался удивительно мягкий свет.

Теперь девочка сама взяла его за руку.

— Не бойся, монстрик, — сказала она. — Это как во сне. — Она погладила его по руке, как гладила Гарви. — Мы с Эллиотом позаботимся о тебе, так что не беспокойся, хоть ты и большая игрушка. Здесь в тележке мои куклы, видишь? Смотри, какие у них красивые прически. А вот у тебя совсем нет волос. Ты это знаешь?

Инопланетянин смотрел на щебетавшую девочку и думал, что хотя общество ребенка и более приятно, нежели, скажем, общество собаки, но способны ли такие дети помочь? Да, они могут его спрятать на какое-то время. Но он остро нуждается в совершенных технических устройствах, а не в тележке с куклами.

— ...а это моя скалка, а вот мой фермерский наряд — правда, красивый? А это моя «Скажи правильно». Ты знаешь такую игру?

Длинные пальцы древнего странника обвились вокруг блестящей прямоугольной коробки. Внезапно он насторожился, а сердце-фонарик затрепетало.

— Она учит правильно говорить и писать, — поведала Герти. — Вот смотри...

Она нажала кнопку, на которой была буква «А». Устройство заговорило мужским голосом.

— А... — произнесло оно.

Герти нажала кнопку с буквой «Б».

— Б... — сказал голос.

Старый ученый надавил кнопку «М» и услышал:

— М...

— Теперь внимание, — предупредила девочка, нажимая на кнопку «Старт».

Коробка заговорила:

— Скажи правильно: «Механик».

Герти взялась поочередно нажимать на кнопки, но, судя по всему, была пока не в ладах с орфографией. Устройство сказало:

— Нет. Неправильно. Попробуй еще раз.

Вторая попытка оказалась не лучше. Голос неодо-
брительно изрек:

— Это неправильно. Правильнее будет «м-е-х-а-н-
и-к».

Глаза инопланетянина загорелись. Прибор научит его говорить на их языке. Это хорошо. Но куда важнее, несоизмеримо важнее то, что прибор этот — компьютер!

Его телепатический щуп уже проник внутрь устройства, исследуя микропроцессор, синтезатор речи и ячейки памяти.

— Эй, ты не заболел? — Герти прикоснулась к старому ботанику, руки которого заметно дрожали.

Он кивнул ребенку, не спуская глаз с драгоценного прибора; мозг лихорадочно работал, перебирая варианты, отыскивая альтернативы, анализируя прямые и обходные пути к спасению, зародившиеся благодаря крохотной коробочке.

Герти усердно нажимала на кнопки.

— Скажи правильно: «Досада», — произнес голос.

Известный в галактических кругах ученый смотрел

на девочку, наблюдая, как та коверкает очередное слово, и дожидаясь, пока ей надоеет игра.

— Ну вот, — сказала Герти, наигравшись вдосталь, — хватит с вас на сегодня, мистер Монстр. Но я еще вернусь.

Девочка ускакала прочь. Ученый положил коробочку на колени, перевернул ее и снял заднюю крышку.

Чудо из чудес...

Цепенея от восторга, он погладил микросхемы.

Вот главная деталь для передатчика.

С хрустом он сжевал печенье и принялся за работу. Пристальному взгляду открылась схема «Скажи правильно»; в следующий миг инопланетянин был уже посвящен во все тайны прибора. Процесс и методы накопления информации — детская забава для старого космопроходца. Он асс по компьютерам. Но занятно, право, что этот разговаривает!

— Скажи правильно: «Механик...»

Раскрыв ушной клапан, он напряженно прислушивался к голосу устройства, быстро схватывая основные фонемы и вникая в структуру языка.

— Скажи правильно: «Досада...»

Сложнейшие механизмы головного мозга астроботаника напряженно работали, накапливая, анализируя и синтезируя гигантскую информацию. Глаза остекленели — мозг переключился на усвоение. На других планетах — в мертвых, затерянных мирах — он изучал первоосновы древних языков и в конце концов овладевал ими. Вот и сейчас у него на коленях такая основа — «Скажи правильно», электронный краеугольный камень, с помощью которого он выучит буквы и звуки языка землян.

— Скажи правильно: «Холодильник...»

Слово высветилось на внутреннем радаре, и старый ученый как бы воочию узрел его значение, увидел холодильник, место для хранения молока и печенья.

— Хол...лод...диль...н...никк... — рот словно охватывал сразу и звучание и смысл слова. Казалось, даже желудок принимает участие в усвоении незнакомых слов, настолько все существо пришельца сконцентрировалось для овладения драгоценными звуками.

После такой разминки подключился и заработал во всю центр речи его удивительного мозга, в памяти всплыли тысячи накопленных языков, которые он использовал как отправные точки для сравнения с земным. Вскоре он уже понял и легко усвоил основу новой лексики и перешел к изучению нюансов.

— Кон...фе...та..., пи...рож...но...е...

В ближайшее время он наберет достаточный словарный запас, чтобы суметь объяснить в любом обществе и высказать самые сокровенные мысли.

— Мо...ро...же...но...е...

Он нажимал и нажимал кнопки. Какой симпатичный прибор, одновременно учитель и товарищ. Но главное — в другом.

Говорящий на языке Земли прибор со встроенным компьютером можно обучить и другому языку — его собственному. На нем он и пошлет сигнал звездам.

Единственной ошибкой, которую допустил инопланетянин, было то, что он не отключил телепатической связи с Эллиотом. Игра «Скажи правильно» так захватила древнего натуралиста, что он совсем забыл о мальчике, о тонком телепатическом мостике с ним, и его другу пришлось из-за этого очень туго.

На уроке биологии предстояло препарировать лягушку. Учитель уже готов был начать.

— Мы надрежем кожицу и посмотрим, что у них внутри, — учитель указал на банку с живыми лягушками. Потом он взял в руки лягушку и провел вдоль ее

брюшка красную черту. — Линия надреза пройдет так... Эллиот, что ты там вытворяешь?

Учитель недоуменно смотрел на журнал лабораторных занятий, который Эллиот лихорадочно покрывал диаграммами мудреных электронных цепей, будто в него вселился бес.

Бесом был, конечно, инопланетянин, сидевший в чулане и, сам того не желая, внушавший Эллиоту тайны цифровой речи и программируемой памяти.

Но учитель этого не знал. Его ученик, один из не самых управляемых, сегодня совершенно игнорировал урок — он исступленно чертил какие-то дикие каракули, не обращая внимания на стекающий со лба пот и устремленные на него взоры всего класса.

— Эллиот! — прикрикнул ошеломленный учитель.

Мальчик строчил как одержимый; исписав листок, перекинулся на поверхность стола, пока рука не повисла в воздухе. Тогда он встал, вышел на середину класса, сорвал схему анатомического строения лягушки и принялся рисовать мелом на доске.

Тайлер, Грег и Стив раскрыли рты от изумления. Тайлер, вытянув под столом ногу, лягнул Грега в щиколотку. Потом указал на Эллиота и выразительно pokrutil пальцем у виска.

Грег, с мокрым от возбуждения ртом, кивнул в ответ. Эллиот, словно загипнотизированный, выводил на доске загадочные диаграммы, похожие на радиосхемы.

— Молодой человек, немедленно сядьте на место! — исступленно закричал учитель.

Он вцепился мальчику в руку. Рука походила на пульсирующий железный прут: влекомая сверхъестественной силой, она продолжала выводить на доске таинственные закорючки. В классе творилось что-то невообразимое.

— Занятие окончено! Эллиот!

Кусочек мела надломился под пальцами Эллиота и

упал на пол. Мальчик повернулся к учителю, взор его был затуманен, а мозг все еще анализировал знания, которых хватило бы на целый штат специалистов огромной компьютерной корпорации и которые свалились на него сразу непонятно откуда.

Учитель вытащил нерадивого ученика за шиворот в коридор.

— ...аналого-цифровому... — бормотал Эллиот. С кончика его носа свисала капля крови.

Стив вынул из кармана бейсбольную шапочку, натянул на голову и расправил крылышки; ошарашенно трясая головой, он наблюдал, как Эллиота поволокли к директорскому кабинету.

— Да, не миновать ему взбучки.

— По-моему, он совсем спятил, — авторитетно произнес Тайлер.

— Может, он наглотался материнских таблеток для похудения, — предположил Грег. — Мэри в последнее время откалывала штучки и почище.

— Послушайте, — убежденно заговорил Стив, — во всем виноваты пироги из глины, которые он пек. Я-то знаю, до чего могут довести младшие сестренки. — Он разгладил крылышки шапки. — Всю жизнь могут загубить.

Герти оторвалась от альбома для раскрашивания. К чему такое пустое занятие, когда можно повозиться со страшилой? Что-то (непонятно что) увлекло ее из чулана, но теперь она снова готова играть с монстриком.

Девочка пересекла коридор и вбежала в комнату Эллиота. Тут она вспомнила, что во сне они со страшилой где-то далеко-далеко рука об руку скользили вниз по водопаду.

Она открыла дверь чулана. Жутковатой наружности существо забавлялось со «Скажи правильно». Герти

заглянула в огромные, чудные глаза и увидела в них отражение приснившегося водопада — вода весело плясала и переливалась всеми цветами радуги.

Старый путешественник отложил прибор в сторону. Он чувствовал удовлетворение, досыта напичкав мозг сложными микросхемами — лучшей интеллектуальной пищи со времени высадки на Землю он не имел.

Но он совершенно забыл про детей, а это недопустимо: дети ему абсолютно необходимы. Без них у него ничего не выйдет. Крохотные ручонки девочки, например, вручили ему бесценную «Скажи правильно»! Какие другие сюрпризы она заготовила?

— Идем, монстрик. Никого нет, не бойся...

Герти повела его за руку. Ее пальцы утонули в огромной морщинистой ладони, на которой была начертана судьба космического существа — он вернется к звездам благодаря трем маленьким детям с Земли.

Герти, приплясывая, вытащила его из комнаты в коридор.

— Пойдем же, тебе понравится...

Он уже понимал, о чем щебечет девочка — день, проведенный с речеобучающим устройством «Скажи правильно», не пропал даром. Настала пора немного попрактиковаться в новом языке...

— Скажи правильно: «Механик».

Герти воззрилась на него:

— М-е-х-о-н...

— Неправильно.

— Ой, да ты говорить умеешь! — она привела его в спальню Мэри, и в воображении инопланетянина тут же возник телепатический образ изящного, похожего на ивовую веточку создания. Образ нежный и красивый, но от него веяло одиночеством.

Милое гибкое существо, славный ивовый пруттик, не думай о Мексике, ведь здесь рядом, совсем близко — привлекательный и элегантный поклонник...

«Блип-блип...»

Он проковылял к окну и увидел, как властительница его грез остановила машину напротив овощной грядки. Неужели родственная душа? Любит овощи, как и он? Это ли не основа для установления отношений? Только посмеет ли он явить ей свой баклажаноподобный облик?

Нет, это безумие. Она не поймет, почему он прячется в чулане. А он не сумеет объяснить, несмотря на почти совершенное владение ее языком. Скажи правильно: «Досада»!

— Мамочка в огороде, — сказала Герти. — Она нас оттуда не услышит.

Девочка на цыпочках подкралась к телевизору и включила его. На экране появился скачущий Маппит с выпученными, как у инопланетянина, глазами.

Старый ученый придвинулся к экрану поближе.

— Умеешь считать до десяти? — спросил Маппит, пялясь на Герти.

— Да, — ответила девочка.

— Один... — начал Маппит.

— Один, — сказал инопланетянин.

— Два! — пропела Герти, забегая вперед. — Двадцать, тридцать, сорок, пудюсят!

— Пудюсят, — повторил инопланетянин.

Маппит лихо отплясывал, выбрасывая в стороны огромные ступни. Герти подозрительно посмотрела на перепончатые лапы космолога.

— Ты Маппит? — спросила она.

— Нет.

— Яблоко, — проквалкал Маппит.

— Яблоко, — эхом отозвалась Герти.

Космический растениевод бочком продвинулся к задней стенке телевизора, чтобы лучше разобраться в его устройстве. Телепатический щуп подсказал — чтобы перевести сигнал «Скажи правильно» в микро-

волновую частоту, необходим ультравысокочастотный тюнер. Скажи правильно: «Пеленгатор».

Вот он — надо его только извлечь. Правда, он принадлежит стройному созданию... Инопланетянин ощущал ее привязанность к одной из программ, в которой участвовал мужчина, играющий мускулами и совершающий дикие прыжки — все это с идиотской ухмылкой на лице.

«И все же я вынужден позаимствовать эту деталь, временно».

Герти радостно визжала, и не успел добрый ботаник вытащить тюнер, как девочка нахлобучила ему на голову ковбойскую шляпу, под стать собственному сомбреро.

— Ну вот, монстрик, теперь мы с тобой ковбои.

— Будь хорошей, — с достоинством произнес заслуженный астроботаник, опасаясь, что визг ребенка может привлечь мать.

Старый путешественник, цепляясь за ковер, прошлепал к окну и выглянул наружу. Гибкого создания не было видно.

Он сдвинул на лоб ковбойскую шляпу и указал на коридор, по направлению к своей комнате:

— Дом.

— Ну-ка, повтори!

— Дом!

Герти так и покатилась от смеха.

— Герти, — донесся снизу голос матери. — Ты еще в жизни не видела такой огромной тыквы. Хочешь посмотреть?

— Мамочка, я играю с... с...

— Не шали. Не шали, будь хорошей, — быстро забормотал инопланетянин.

Для вящей убедительности он схватил куклу и заломил ей руку. Он знал, что это действует на не в меру разошедшегося ребенка подобно выключателю.

И действительно, девочка мигом затихла.

Стараясь не шуметь, он повел ее по коридору, остановившись на мгновение, чтобы полюбоваться из-за перил на мать Герти, которая сидела за столиком в прихожей и просматривала корреспонденцию.

Вокруг стройного существа сияла ласковая аура радужного света, на краешке которой ученый несколько секунд понежился.

— Идем же, монстрик, — шепнула Герти.

Она затащила его в заваленную хламом комнату Эллиота. Дверь в чулан стояла нараспашку, и девочка втолкнула страшилу в убежище. Тут же снизу послышался голос Эллиота.

— Привет, я пришел.

Герти забралась в чулан к пришельцу из иных миров. Взяв в руки «Скажи правильно», она надавила на кнопку с буквой «Б». На дисплее возникла буква, подобно которой на Земле еще не видывали. Да и голос, раздавшийся из коробки, произнес вовсе не привычное и родное «Б», а...

— ...Блип.

Или нечто, очень похожее, во всяком случае — совершенно бессмысленное; компьютерный чародей кротко улыбнулся, отчего стал совсем похож на черепаху.

— Неужели мой «Скажи правильно» сломался? — недоуменно спросила девочка.

— Нет, — ответило древнее существо. Ему удалось успешно перемодулировать сигнал, разрушив все связи в ячейках памяти и запрограммировав их на новом, ласкающем слух лексиконе.

Дверь в чулан распахнулась, и влетел Эллиот.

— Эллиот, — промолвил инопланетянин.

У мальчика отвисла челюсть.

— Я научила его разговаривать, — похвасталась Герти.

— Ты заговорил! — не веря своим ушам, воскликнул Эллиот. — А ну, еще разок!

— Эллиот...

— Ну а ты можешь сказать — Ип?

— Ип, — покорно повторил инопланетянин.

В дверь комнаты трижды постучали.

— Это Майкл, — успокоил Эллиот. Они выбрались из чулана, и одновременно в комнату вошел Майкл.

Старый ботаник посмотрел на него и открыл рот:

— Скажи правильно: «Механик».

— М-е-х-а... Что ты сказал?

Эллиот фыркнул.

— Мы научили его разговаривать.

— Это я научила! — возмущенно поправила Герти.

Майкл шагнул вперед.

— Чему еще тебя научили?

— Скажи правильно: «Досада».

— Это все, на что он способен — просить что-нибудь правильно сказать?

Престарелый скиталец скромно потупил очи. Он еще не слишком хорошо воспринимал речь детей на слух, но знал, что самое необходимое объяснить сумеет: например, не забывать кормить его вовремя печеньем и «ММ» и стащить у матери ультравысокочастотный тюнер.

Беседу прервал телефонный звонок, и затем голос Мэри:

— Эллиот, тебя!

Эллиот вышел в коридор, снял трубку параллельного аппарата и понес в комнату, волоча длинный шнур.

— Привет, Эллиот, — ухо резанул гнусавый, дребезжащий голос. — Это Лэнс. — Эллиот насторожился, почувствовав опасность. Ведь если Лэнс ему когда и звонил, то лишь для того, чтобы наврать, сколько выбил очков, играя в «Астероиды». А теперь — так и копает, так и вынюхивает, и несет всякий вздор про Сатурн.

гору Олимп на Марсе, загадки космоса... — Да, Эллиот, космос, космос и только космос. Словно в мозгах засело. Странно, да? Тебе вообще не кажется, что происходит что-то непонятное? Вот сегодня...

— Я занят, — резко оборвал Эллиот, швырнул трубку на рычаг и вытер пот со лба. Лэнс явно что-то унюхал, это очевидно.

Старому ученому, телепатически присутствовавшему при разговоре, это тоже было ясно. Он все еще ощущал вибрацию биополя не в меру любопытного ребенка: от такого жди... скажи правильно: «Неприятности».

Время дорого. Он указал на телефон, потом — на окно.

— Что? Что ты хочешь, Ип?

Инопланетянин показал на телефон, на окно и махнул рукой в сторону неба.

— Звонить домой.

— Ты хочешь... позвонить домой?

Он кивнул:

— Ип звонить домой.

— **Н**ет, Эллиот, не стоило обзывать учителя ползучим гадом.

— А чего он взъелся? Я просто пошутил.

— Что с тобой творится в последнее время?

— Со мной все в порядке, мам. Всего лишь фаза такая. Это пройдет.

— Не строй из себя психиатра. — Мэри выбрала диетический крекер и с хрустом вонзила зубы в безвкусное печенье. Есть хотелось до сумасшествия, но она держалась из последних сил: уступи искушению, и в один присест она могла бы уплести целую булку с маслом и малиновым джемом. А как еще бороться с бесчисленными треволнениями, безымянными и

теми, у которых есть вполне определенное имя — такое, как Эллиот?

— Мамочка, а ты настоящих чудовищ видела? — спросила Гerti.

— Сколько угодно, — бодро ответила Мэри и подумала: «Более того, я побывала замужем за одним из них».

— А я дружу с взаправдашним чудовищем, — заявила Гerti.

Эллиот мгновенно выхватил у сестры куклу и свернул ей шею.

— Эллиот! — завизжала Гerti, но тут же осеклась. — Прости, я забыла...

— Бога ради, Эллиот, — взмолилась Мэри. — не будь садистом.

Гerti захлюпала носом и стала гладить пострадавшую куклу, а расвирепевший Эллиот смотрел на нее уничтожающим взглядом. Мэри взяла ломоть хлеба, густо намазала маслом и увенчала несколькими ложками джема. Разделавшись с внушительным сооружением, она вдруг ощутила себя настолько растолстевшей и отяжелевшей, что в утешение приготовила и с жадностью проглотила еще один бутерброд, не уступавший первому.

— Мам, — сказал Майкл, — так и всю булку съесть недолго.

— Замолчи, — приглушенно бросила Мэри и потянулась к хлебу, но Майкл проворно убрал булку подальше, Гerti схватила джем, а Эллиот спрятал масло.

Она посмотрела на детей.

— Спасибо.

— Мама, которая объела весь мир, — продекламировал Майкл.

— Верно, верно, — пробормотала Мэри и сорвалась мять тарелки, отгоняя прочь предательские мысли о бутерброде.

— Не подпускайте меня к еде. Спрячьте ее как можно дальше.

Так они и сделали. Попрятали еду за спины, отнесли наверх и скормили Ипу.

«Скажи правильно» было не узнать: выпотрошен, схемы перебраны, подсоединены по-новому и то тут, то там заляпаны малиновым джемом. Вместо «механик», «досада» и других земных слов прибор выдавал теперь звуки, воспринимавшиеся на слух как нечто вроде «дуп-дупл», «скигл», «цлок».

Довольный инопланетянин нажимал на кнопки, демонстрируя сидящим рядом мальчикам работу устройства.

— Это твой родной язык, Ип?

— Ип звонить домой, — он указал на оконце чулана.

— И они прилетят?

Кивок головой.

Пока он изготовил только часть передатчика — звукопередающий блок. Его нужно установить под звездами, обеспечить бесперебойную работу днем и ночью, чтобы никому не приходилось нажимать на кнопки. Но необходимо найти движущую силу, способную поддерживать повторение, цикл за циклом.

Ученый увлек мальчиков из чулана за собой и подвел к проигрывателю. Жестами, короткими фразами и отрывистым ворчанием он изложил суть дела.

Но дети только хлопали глазами.

Он показал на тяжелый диск и жестом изобразил, что ставит пластинку.

По-прежнему полное недоумение.

Вконец расстроенный, старый натуралист в изнеможении зашагал взад-вперед по комнате, потом резко повернулся, открыл рот и попытался пропеть:

— Но эттт...та...роокк ...к...н...роллл...

Возможно, в каких-то кругах Вселенной его голос показался бы мелодичным, но у детей он вызвал только

хихиканье. Звездный странник ожег их испепеляющим взглядом.

— Ип делать песня.

Дети непонимающе уставились на него.

— Песня, песня, Ип делать песня, — он взял пластинку и выразительно помахал ею в воздухе.

— Ты хочешь сам сделать пластинку?

— Да, да.

— Из чего?

— Из... из... — Если бы он знал! В одном лишь был уверен, что предмет должен иметь форму замкнутого круга. Попытался выразить это жестом.

— Ты хочешь что-то круглое?

— Да, да.

— И ты запишешь песню?

Майкл не выдержал:

— У нас не студия звукозаписи. Знаешь, во что обойдется твоя пластинка?

Ип ткнул пальцем себе в лоб:

— Скажи правильно: «Механик».

— М-е-х-а... Подожди, зачем тебе? Что он хочет, Эллиот?

Эллиот пожал плечами:

— Может, он имеет в виду, что он механик?

— Да, да, скажи правильно: «Механик». — Космический ученый устремился к проигрывателю, и выдернул пучок проводов.

— Ну вот, — вздохнул Майкл, — хорошая была машина.

Ип протянул им проводки:

— Еще.

— Тебе нужно больше?

Старый ботаник кивнул.

— Ему, видите ли, нужны проводки... — Мальчики переглянулись, думая, как угодить требовательному гостю, который, переваливаясь с боку на бок, ковылял

по комнате на перепончатых утиных лапах, поглощенный поиском высшего решения.

Как много всего нужно, чтобы записать свой собственный рок-н-ролл!

В водовороте его сознания снова и снова всплывал искомый образ, всякий раз с новыми дополнениями. Ему нужен... пиджак.

Он прошлепал в чулан, снял с распялки пиджак и надел на себя.

Для особы с такими узкими плечами сидит вроде бы неплохо, вот только пуговица на животе не хочет застегиваться. Впрочем...

Инопланетянин топтался на месте, недоумевая, что на него нашло: какое отношение имеет пиджак к передатчику.

Ах, нет же, кендырь* несчастный, — вовсе не пиджак!

А распялка для пиджака!

Он вперился взглядом в деревянную распялку, в то время как мозг усиленно работал. Распялка, казалось, засветилась и поплыла, гипнотизируя ученого. Прикрутить ее к проигрывателю, а потом...

...скажи правильно «Тонарм».

Он схватил распялку, направил палец на перекладинку и стал выжигать в ней дырки, по одной на каждый проводок переделанного «Скажи правильно».

— Ого, да у тебя пальчик как сварочный прибор. Ип!

Не снимая пиджака, он заторопился в чулан, схватил панель, расправил пальцем припой на контактах и припаял к ним все проводники, какие у него были.

— Еще... еще...

Мальчики заглянули в чулан.

* Кендырь — многолетнее растение семейства кутровых.

— Еще... еще... — бормотал галактический путешественник, размахивая распялкой.

Дети скрылись и через некоторое время принесли провода, формочку для кекса, зеркало и колпак от колеса.

Провода он взял, а остальные предметы отверг. На таких пластинку не запишешь. Она должна быть твердой, плоской и круглой. Неужели не понятно?

Раздосадованный, он повернулся к герани.

«Это же только земные дети, — сказал цветок. — Они добрые, но медленно соображают».

— О'кей, Ип, принесем еще чего-нибудь.

— Да, барахла кругом навалом...

Глядя на детей, инопланетянин подумал, что не должен судить их слишком строго. Он как м-е-х-а-н-и-к должен сосредоточиться на том, чтобы припаять все проволочки к «Скажи правильно» и протянуть их концы к дырочкам в распялке. В дырочки должны входить контактные пальцы, маленькие, металлические и хорошо пружинящие.

Где-то он видел такие металлические пальцы, видел здесь, в доме. Но где?

Внезапно старый звездопроходец ощутил ласковые волны гибкого создания. Закрыв глаза, он сконцентрировался на ее мысленном образе.

Конечно, вот же металлические пальцы — в ее волосах. Как она их называет? Он телепатически нырнул в ячейку памяти Мэри, пошарил там и нашел, что хотел.

— Герти...

Прибежала маленькая сообщница.

— Скажи правильно: «Заколки для волос».

— З-о-к-о-л...

— Неправильно. — Он указал на свою скользкую, лишенную волосяного покрова голову.

— Тебе нужны заколки?

Утвердительный кивок.

Герти взяла страшилище за руку и вдвоем они прокрались по коридору в спальню Мэри. Инопланетянин осторожно приблизился к окну. Похожее на иву создание возилось в огороде с невероятно вдруг вымахавшими овощами — подобных здесь и не видывали. Озадаченное гибкое существо пыталось приподнять тыкву, такую огромную, будто ее вскормили через соломинку.

Стебли расставленных на подоконнике не по сезону буйно цветущих растений в горшочках потянулись к инопланетянину.

«Здравствуй, Хозяин. Что ищешь? Какая проблема тебя волнует?»

— Заколки для волос.

— Вот они, — сказала Герти, сняв крышку с белой фарфоровой курочки.

Старый путешественник взял заколки и вдруг заметил собственное отражение в зеркале над туалетным столиком Мэри. Быть может, если он впридачу к пиджаку облачится еще и в брюки, гибкое создание не испытает такого потрясения при встрече с ним?

Брюки придется, конечно, подкоротить, а на ступни натянуть бумажные пакеты...

— Идем, Ип, — Герти потянула его за руку из спальни и отвела назад в чулан.

— Зачем тебе мамочкины заколки?

Усевшись на подушки, он одну за другой повтыкал заколки в проделанные отверстия. Теперь с распялки свисали в ряд металлические контакты, которые должны царапать по поверхности пластинки. Заколки он подсоединил к проводам от «Скажи правильно».

— Какая интересная игрушка! — воскликнула Герти. — У тебя всегда так смешно выходит?

— Да.

— А зачем?

— Ип звонить домой.

— А где твой дом?

Он показал в сторону неба. Герги посмотрела в оконце.

— Это туда ты водил меня гулять во сне? Далеко-далеко?

— Да, далеко.

— А дома тебя услышат?

Потрясающая способность задавать вопросы у этих земных детенышей!

— Они снимут телефонную трубку и скажут: «Привет, Ип!»?

— Скажи правильно: «Приставака».

— П-р-е...

— Не так.

— Это все из-за того, что ты забрал мой «Скажи правильно», а он теперь говорит только «глипл-дипл».

— Глипл-дупл.

— Все равно, но «приставака» он не говорит.

Повернувшись спиной к старому натуралисту, Герги начала возиться с игрушечной плитой, которую предусмотрительно притащила в чулан. Сегодня она выпекала кекс по особому рецепту, смешивая глину с маминным кремом для лица. Престарелый механик, оставленный наконец в покое, копошился с передатчиком, мыча под нос (жутко перевирая) мелодию из «Сорока лучших песен», подслушанную по радиоприемнику Эллиота. Ботаник и девочка настолько были поглощены каждый своим занятием, что не услышали, как Мэри поднялась по лестнице и прошла по коридору. Очнулись они только тогда, когда открылась дверь в комнату Эллиота.

Старый монстр одним прыжком очутился у входа в чулан среди плюшевых зверюшек — пучеглазых маппитов и космических роботов. Он окаменел, а огромные глаза, венец эволюции, болес совершенные, чем лучшие оптические приборы землян, остекленели, словно у

лягушонка Кермита. Они невидяще смотрели перед собой, а сам инопланетный ботаник, застыв в оцепенении, казался таким же неживым, как игрушечный робот справа.

Вошла Мэри. Ее взгляд скользнул по разбросанным игрушкам, на мгновение встретился с глазами инопланетянина и остановился на пышно расцветшей герани.

— Ты принесла сюда цветок, Герти?

— Человек с Луны любит цветы. При нем они быстро растут.

Мэри погладила роскошную листву и изумленно покачала головой:

— Действительно, растут и цветут словно ненормальные. Не понимаю, что происходит.

— Съешь кекс, мамочка.

— Ого, как красиво, — удивилась Мэри, глядя на формочку.

Пожалуй, слишком красиво для глины. И пахнет так вкусно...

— Боже мой, Герти, уж не мой ли крем для лица ты сюда плюхнула?

— Банановый крем.

«Прощай, обновленная Мэри», — подумала обездоленная мать, глядя на жалкие остатки чудодейственного средства.

— Герти, ангел мой, я не выйду из себя. Я понимаю, что ты не нарочно. Но мамочка платит по двадцать пять долларов за склянку крема, и теперь мне придется наложить его на лицо вместе с глиной, песком и камешками.

— Извини, мамочка.

— Хорошо, милая. Когда-нибудь я даже посмеюсь над этим. Но не сегодня.

Она снова скользнула взглядом по инопланетянину, застывшему в шеренге с маппитами, но даже глазом не моргнула, настолько была расстроена утратой драгоценного крема.

Когда Мэри отвернулась, межгалактический ботаник облегченно вздохнул, хотя и с некоторой долей грусти. Разве сможет она полюбить его, если он для нее то же, что лягушонок Кермит?

Высвободившись из опутавших его ниточек от подвешенной марионетки, Ип с тяжелым сердцем следил, как гибкое создание уходит из комнаты. Он значил для Мэри не больше чем игрушка, чем все эти плюшевые уродцы.

Грустное космическое существо, скажи правильно: «Тоска».

Скажи правильно: «Отвергнутый».

Он примостился возле передатчика и припаял пальцем еще несколько проводков.

Какая нелепица, что похожая на иву чудесная Мэри убивается из-за сбежавшего мужа, когда рядом, в чулане, томится один из самых ярких умов во Вселенной! Инопланетянин перевел взгляд на свой тяжело волочащийся живот и впервые осознал его нелепость. Но даже перестань он есть печенье, несуразный бурдюк не похудеет. Таков уж он.

— Ты почему грустишь, Ип? — спросила Герти.

Она посмотрела на Ипа и увидела, как плящущий в его глазах водопад превратился в пустыню, изрезанную вековыми трещинами. Самое унылое и заброшенное место на свете.

Инопланетянин замигал, и пустыня исчезла. Он взял «Скажи правильно» и прикоснулся к кнопкам.

—...Глипл дуплл цвак-цвак снафн олг ммннип...

Звуки высшего разума утешили Ипа. Вот это настоящий язык. На нем можно высказать все, что накопилось в душе, на этом языке он каждую ночь будет вещать в пространство, после того как дети вернутся из скобяной лавки... Когда он покинет Землю, у него хотя бы останется чувство удовлетворения от того, что он учил юных землян и наставил их на высший путь.

Если покинет Землю...

При взгляде на самодельный передатчик из заколок для волос и распялки, в душу его закрались сомнения. Но внутренний голос заверил, что все идет как надо. Нужно только следовать его указаниям и надеяться.

А вдруг им не удастся стащить диск циркулярной пилы?

На лестнице послышались дробные шаги, и вошли Эллиот с Майклом. Они расстегнули куртки и вытащили пилу, пригоршни болтиков и других крепежных деталей.

— Возьми, Ип. Это то, что ты просил?

Ип возбужденно ощупал поверхность пилы, затем опустил ее на диск проигрывателя и крутанул пальцем. Острозубое лезвие завертелось, поблескивая в солнечном луче, проникшем через маленькое оконце.

— Но как ты сделаешь пластинку из пилы?

— Скажи правильно: «Краска», — жестом Ип показал, что лезвие нужно покрасить.

— В какой цвет?

Ип показал на небо.

— В голубой?

Ип кивнул.

— Приходила мама, — объявила Герти, — и даже не заметила Ипа.

— Да? Значит, маскировка сработала? — восхитился Эллиот и указал на шеренгу бестолковых плюшевых игрушек.

— Уходите, уходите, — выпроваживал детей Ип. Ни один выдающийся ученый не вынес бы столько унижений, сколько досталось на его долю в этот день.

Мэри взглянула на себя в зеркало над туалетным столиком и сунула руку в фарфоровую курочку, в которой держала заколки для волос.

Там было пусто.

Она догадывалась, где заколки. Конечно, Герти. Девочка уже пользуется ее косметикой. Теперь ей понадобились заколки.

— Герти!

Девочка вбежала в комнату.

— Да, мамочка?

— Верни мои заколки для волос.

— Не могу, мамочка, они нужны монстрику.

— Вот оно что! И зачем же?

— Для его машины.

Мэри задумалась. Стоило ли разрушать детскую фантазию из-за нескольких заколок?

— Ладно, Герти, иди играй.

— Передать от тебя привет монстрику?

— Обязательно. Самый сердечный.

Тем временем Ип не покладая рук трудился в чулане. Диск циркулярной пилы был покрашен, высушен, и теперь престарелый механик выжигал в нем отверстия.

— Я понял, — сказал Эллиот. — Это будет вроде шарманки.

Майкл перегнулся через плечо Эллиота, разглядывая узор из дырочек на лезвии пилы.

— Как в механическом пианино, — сказал он, наблюдая, как палец-паяльник Ипа выжигает в диске ряды отверстий, словно в перфокарте. Затем Ип положил пилу на диск проигрывателя, крутанул его рукой и опустил на «пластинку» распялку с припаянным к ней рядом заколок, которые царапали по вращающейся поверхности и щелкали при каждом попадании в дырочку в соответствии с заданной программой.

— О, Ип! Ты просто кудесник!

Как только диск закрутился, идущие от заколок проводки задействовали клавиатуру «Скажи правильно», и зазвучали вновь и вновь слова на звездном языке:

—Глипл дупл цвак-цвак снафи олг мммннип...

— Ты все-таки добился своего, Ип! Сделал запись!

Вошла Герти с недавно выпрошенным у Эллиота уоки-токи, по которому переговаривалась с куклами, скучающими в ее комнате.

— Слушай меня, куколка, это говорит Герти...

Протянув длинную руку, Ип выхватил уоки-токи, в одно мгновение вычленил микрофон и вмонтировал его в «Скажи правильно».

— Ип, ты ломаешь все мои игрушки! — завопила на весь дом Герти.

Братья терпеливо принялись убеждать ее, злодейски выкручивая при этом руки куклы, что нельзя быть такой жадной.

— Ладно, — шмыгнула носом Герти. — Только пусть он больше ничего не портит...

Старый ученый заверил, что больше не тронет ни одной игрушки. Ему еще необходим только коаксиальный кабель от телевизора Мэри, а также механизм высокочастотной настройки — его черед уже настал.

Все вместе они крадучись вышли в коридор.

Позже, вечером, Мэри прошла к себе в спальню, включила телевизор, сбросила туфли и улеглась на постель. Превозмогая усталость, она развернула газету и принялась за чтение, но вскоре обратила внимание, что телевизор не работает.

— Майкл!

В доме было тихо.

— Эллиот!

Опять гробовое молчание. Материнская интуиция подсказывала, что здесь не обошлось без ее сыновей. Но тут же в мозгу отчетливо возник образ Герти.

Герти? Неужели малышка могла что-то натворить? Мэри, озадаченная, закрыла глаза. Вдруг ей предста-

вилась Герти, на цыпочках входящая в спальню с Маппитом на руках.

«Я слишком утомляюсь на службе», — вздохнула Мэри и накрыла лицо газетой.

После короткого беспокойного сна она пробудилась с чувством голода. Не съесть ли булочку с клубничным джемом? Неужели снова настал Час Порока...

Она тихонько спустила ноги на пол и, стараясь не шуметь, осторожно выбралась в коридор. Дети не должны застать ее; нельзя показывать им дурной пример — что это за мать, которая не в силах совладать со своим аппетитом и которая одержима мыслями о варенье?..

Мэри прислушалась. Эллиот и Майкл играли в детской. Отлично, они не станут свидетелями ее падения, не увидят, как она превращается в ненасытную свинью. Но самое главное — они не смогут ей помешать!

Мои заботливые детки, не желающие, чтобы мать стала толстой как бочка.

Но я не могу сдержаться себя!

Я умираю от голода...

Все бы отдала за булочку... С заварным кремом... За рисовый пудинг...

Она на цыпочках спустилась по лестнице в прихожую и прислушалась: кажется — тихо.

В гостиной было темно и пусто. Мэри крадучись направилась к кухне. Приоткрыв дверь, она увидела за столом Герти и перед ней печенье и молоко. Мэри не заметила Ипа на табурете рядом с холодильником. Бедный космический гоблин съежился, не зная, куда спрятаться, и ожидая самого худшего.

— Для кого второй прибор? — Мэри указала на тарелки, жадно пожирая взглядом печенье, будто специально приготовленное для нее. — Для твоей куклы?

— Для инопланетянина, — простодушно ответила Герти. — Он любит печенье.

Бедный Ип готов был сквозь землю провалиться.

— Он не обидится, если я возьму одно?

— Конечно, нет. Он тебя обожает.

— Какой милый инопланетянин, — сказала Мэри, поспешно хватая печенье.

О боже, какое наслаждение...

Невыразимая услада обуяла ее, и она поняла, что погибла.

Я должна взять джем.

Она устремилась к холодильнику и рывком открыла дверцу, которая сбросила Ипа с табурета прямо в корзину для мусора. Голова его оказалась внизу, ноги торчали наружу, но Мэри ничего этого не видела.

— ...яблочное масло... мармелад... а вот и пирожки с черникой... Могу съесть хоть десяток...

— Мамочка, — спросила Герти, — у тебя опять приступ?

— Да, милая... Ириски... эклер...

Чьи-то сильные руки вдруг обхватили ее сзади.

— Не надо, мам!

— О, Эллиот, Майкл... Оставьте меня в покое!

— Мам, прошу тебя, ну пожалуйста... — Майклу стоило больших усилий оторвать мать от холодильника. — Ты же сама просила, чтобы мы удерживали тебя!

— Забудьте о том, что я просила... — Она попыталась схватить печенье с тарелки Герти.

— Пойдем же, мам, — потянул ее за собой Эллиот, загораживая спиной торчащие из мусорной корзины ноги Ипа, — поиграем в «Монополию».

Мэри растроганно посмотрела на не на шутку встревоженного сына, который вертелся перед ней, всячески пытаясь отвлечь от холодильника.

— Ты славный мальчик, Эллиот.

— Ты же велела напоминать, что если станешь есть много сладостей, то превратишься в бочку.

Сыновья увлекли ее в прихожую, подальше от Ипа.

— Вы хорошие дети... Строгие, но хорошие...

Они подталкивали мать к лестнице.

— Не оглядывайся, мам. Знаешь же, что тебя ждет, если оглянешься!

— Да, отдел «Платья для полных дам», — смиренно вздохнула Мэри, поднимаясь по лестнице.

С утра шел дождь. Мэри хотела взять зонтик, но зонтика на месте не оказалось, и она нигде не могла отыскать его. Объяснялось это просто — зонтик был наверху, в чулане, переделанный в параболический рефлектор.

— Ого! — воскликнул Эллиот. — Вот это да!..

Ип обклеил зонтик изнутри фольгой, к ручке прикрепил банку из-под кофе с коротковолновым тюнером, от которого коаксиальный кабель вел к микрофону уоки-токи. Микрофон в свою очередь был вмонтирован в «Скажи правильно», и звуки «глипл дупл цвак-цвак» теперь трансформировались в частоты ультраволнового диапазона. Древний радиотехник объяснил, что ему еще не хватает того приспособления, которое он разглядел под приборной доской в автомашине Мэри.

— Детектор дорожной полиции?! — Майкл в сомнении покачал головой.

Эллиот кивком поддержал его.

— Это единственное, что мама оставила себе после отца. Она дорожит этой штукой.

Ип начертил несколько диаграмм и показал мальчикам, как нужно смонтировать детектор с тюнером, чтобы сигналы микроволнового диапазона передавались в космическое пространство.

В тот вечер, когда Мэри торопилась домой после работы, ее детектор почему-то не сработал и не предупредил о полицейском радаре. Это обошлось ей в двадцать пять долларов штрафа.

Зато передатчик инопланетянина был почти готов.

— Да, но кто приведет его в действие? Откуда возьмется энергия, чтобы вращать эту штуковину? — спросил Майкл и крутанул диск проигрывателя с пиллой-пластинкой. — Ведь там, на холмах, — он указал пальцем в окно, — никакого электричества нет.

Ип только что покончил с ужином. Он направил свой удивительный палец-паяльник на нож для масла, извлек из стали углерод, легко согнул лезвие и прикрутил вместе с вилкой к распялке, сделав из них храповик. Нож и вилка, цепляясь за зубья, поворачивали пилу.

— Так-то оно так, — пожал плечами Майкл, — но мы не можем всю ночь напролет крутить эту штуку.

Ип улыбался. Теперь он уже понимал, почему в его сознании всплывала вилка, танцующая вокруг тарелки. Он смастерил именно такое устройство, которое будет работать там, на холмах, и ничьи руки не понадобятся, чтобы задействовать его.

— А это кто?

— Новенький.

— Что за новенький?

— Чародей первого класса. Вот его характеристика.

— Зачитай вслух.

— Мудрость — 20 баллов. Обаяние — 20. Интеллект — 18. Сила — 14.

— Имя?

— Ип.

Внизу, на кухне, мальчики играли в «Драконов и демонов», но Ипа больше интересовало, что происходит почти каждый вечер в комнате Герти. Для этого нужно было только приложить ухо к двери. Он так и сделал, оправдывая себя тем, что изучает историю землян. Из-за двери доносился негромкий голос Мэри:

— «Краснокожие разбиты?! Венди схвачена пира-

тами?! — воскликнул Питер. — Я спасу ее! Освобожу! Ах, где мое волшебное снадобье?» Тинк кричит, желая остановить его: «Отравлено?! Кто мог это сделать? Я обещал Венди выпить его, и я выпью, как только наточу кинжал». Но тут малютка-фея выхватила пузырек из рук Питера и осушила его...»

— Не пей!.. Не пей! — воскликнула Герти.

— Не пей... — прошептал старый космический путешественник.

— «О, Тинк, ты выпила мое снадобье! Оно было отравлено, и ты выпила его, чтобы спасти меня! Тинк, дорогая, ты умираешь? Ее огонек тускнеет и если потухнет совсем — значит, она умерла! Я едва слышу ее, с трудом разбираю, что она хочет сказать...»

Инопланетянин склонил голову. Действительно, как ужасно...

«...она говорит, что ей станет лучше, если дети поверят в фей! Ты веришь в фей? Отвечай, веришь?..»

— Верю, — всхлипнула Герти.

— Верю, — повторил за ней Ип, слезы навертывались у него на глаза.

В этот момент Эллиот поднялся наверх за пластырем. Он поранил руку теркой для сыра. Древний ботаник увидел рану и направил на нее палец. Кончик пальца озарился ослепительным розовым светом. Эллиот испуганно отшатнулся — он видел, как Ип прожигает насквозь сталь... Ип легонько провел мерцающим теплым розовым светом над порезом. Кровотечение прекратилось, а ранка мгновенно затянулась, словно ее и не было.

Эллиот изумленно воззрился на свою руку. Он открыл было рот, чтобы поблагодарить Ипа, но почтенный врачеватель жестом остановил его и снова прильнул ухом к двери.

«Если веришь в фей — хлопни в ладошки...»

Ип тихо сблизил свои огромные неуклюжие ладони.

Ночью инопланетянин стоял в своей каморке перед окошком и наблюдал за небом. Луна наполняла его невыразимым чувством печали, ласковый шепот Млечного Пути проникал в самое сердце. Лучи, нежные и осязаемые, отражались в его широко раскрытых глазах; движение Великого Звездного Колеса доносило открытую музыку летящих в бесконечности звезд и планет, он слышал их беседу в темноте, торжественные голоса титанов космоса, преодолевающих огромные расстояния.

Охваченный грустью, он прижался лбом к стеклу. Когда-то и он являлся частицей Великого Колеса, ему было доступно лицезрение чудес Вселенной, он видел рождение звезд. А сейчас — ютится в крохотном чулане, рядом с украденным зонтиком и дурацким Маппитом...

Он обернулся к плюшевой игрушке, но Маппит только пялился в ночь стекляшками глаз, будто погруженный в собственные мысли.

Невыразимая тоска по космосу овладела Ипом. Каждая косточка его тела томилась по звездным лучам, рвалась туда, где великолепие Ориона перехватывало дыхание, где чудесными красками играли туманности. Он тосковал по Плеядам, где голубой ореол молодой звезды светит прямо в сердце, по туманности Вуали, вечно перемещающейся в пространстве и нашептывающей свои величавые тайны тем, кто плывет вместе с ней в космическом океане.

Терзаемый воспоминаниями, Ип отошел от окна и тихо растворил дверь чулана.

Он прокрался мимо спящего Эллиота в коридор и, стараясь не шуметь, заковылял вдоль стены. За ним двигалась бесформенная тень то ли шагающей тыквы, то ли дыни, — уродливый выходец из чужих миров, он теперь уже на все смотрел глазами землян. Проникшись их представлениями о красоте, он стал воспринимать себя

как ходячую карикатуру, оскорбляющую взор и разум, как пугающе-безобразного уroda.

Он приоткрыл дверь в комнату Герти и некоторое время разглядывал спящую девочку. Вот она считает, что у него приятная внешность, но ведь ей и лягушонок Кермит кажется красавцем.

Он просеменил дальше, к комнате Мэри, и осторожно заглянул в дверь.

Мэри спала, чудесный ивовый прутик, и он долго не мог оторвать от нее глаз. Богиня, самое красивое создание, которое он когда-либо видел. Сверкающие волосы, разметавшиеся по подушке — прекраснее лунного света; тонкие черты лица — совершенство природы: закрытые глаза, словно спящие бабочки на благоухающем ночью нарциссе, губы — лепестки водосбора.

«Мэри...» — прошептало его старое сердце. Он прокрался на неуклюжих перепончатых ногах к изголовью постели. Самое прекрасное существо в мироздании, а что он мог дать ей?

Ничего.

Только украл детектор из ее автомобиля.

Прелестное создание шевельнулось во власти сновидений, но ни в одном из них, Ип твердо знал это, не было места старому ботанику — звездпроходцу с животом как тыква.

Осторожно он положил ей на подушку «ММ» и тихо вернулся в коридор.

Там его поджидал Гарви.

Пес сидел, высунув язык, и смотрел на приближающееся к нему странное существо, как на горшок с подливкой.

Ип потрепал дворняжку по загривку.

Мурашки пробежали по спине Гарви, хвост свернулся крючком. Гарви посмотрел на предмет своей гордости, затем перевел взор на Ипа: «Пожалуйста, приведи в порядок мой хвост».

Инопланетянин коснулся собачьего носа, и хвост выпрямился.

Каждую ночь, когда все засыпали, они вместе бродили по дому, неся ночной дозор. Гарви трусил за гостем вниз по лестнице. Ип остановился у ниши, где был телефон, и поднял трубку. Услышав гудок, он поднес трубку к уху Гарви. Собака внимательно прислушалась. Ей приходилось видеть, как Эллиот крутил диск пальцем, что-то говорил, и вскоре появлялась пицца.

Гарви ткнулся носом в диск, пытаясь его повернуть, в надежде, что вот-вот появится сандвич с бифштексом. Ип несколько раз крутанул диск, и они услышали сонный голос:

— Алло... Алло...

«Один сандвич с бифштексом», — подумал Гарви и мысленно прибавил к заказу сахарных косточек.

Ип положил трубку на место, и они проследовали дальше, в гостиную.

Цветная фотография Мэри стояла на телевизоре. Ип взял ее в руки и запечатлел на губах Мэри поцелуй.

Затем он показал портрет собаке.

Не проявляя никаких чувств, Гарви взглянул на фотографию в рамке. На стекле остались следы поцелуя. За все, что было обслюнявлено в доме, влетало Гарви, и пес понял, что попадет ему и на этот раз. Он мотнул головой, приказывая Ипу поставить рамку на место. Но тот, сунув фото под мышку, прихватил его с собой.

«Ну вот, — подумал Гарви, — теперь решат, что я съел рамку». И зачем только он сжевал коврик в ванной, веник, шляпку Мэри и пару вкусных кожаных перчаток? Теперь чуть что — сразу обвиняют его!

Ип бродил по гостиной. На столе стояла ваза с цветами. Старый ботаник нежно коснулся цветов и что-то прошептал на непонятном языке.

Гарви с надеждой повел носом. В одном из своих

собачьих сновидений он нашел целый куст, на котором росли сосиски, и с той поры потерял покой, разыскивая этот куст повсюду.

Ип протянул ему розу, и Гарви торопливо ткнулся в нее носом, но сосисками и близко не пахло — глупый, бесполезный цветок.

Ип аккуратно укрепил розу в ободке рамы с фотографией Мэри, так что роза и Мэри стали единым целым — два самых красивых создания на свете.

Затем Ип направился на кухню. Гарви радостно завилял хвостом и облизнулся — кухня была средоточием всех его собачьих вожелений.

Ип показал на холодильник.

Гарви, заурчав, радостно мотал головой. Сколько раз он тщетно пытался дотянуться лапой до ручки этого волшебного ящика!

Ип открыл холодильник, достал молоко и шоколадный торт. Гарви только жалобно повизгивал, источая слюну и размахивая хвостом, и Ип дал ему остатки ветчины, обнаруженной на верхней полке.

Пес мигом проглотил нежное мясо, и преданно посмотрел на Ипа: «Я твой. Если что-нибудь случится — дай мне знать...»

Когда спустились сумерки, на улице кроме привычного пиццамобиля появился еще один автофургон, но от него не исходил аромат сыров и помидоров. Он был полон подслушивающей аппаратуры, столь чувствительной, что попадись она на глаза космических пришельцев, те воздали бы ей должное. У оператора, сидевшего перед освещенной панелью, на поясе висела внушительная связка ключей. В наушниках звучали шумы и разговоры, происходившие в домах квартала.

«Для печенья на чашку муки достаточно чашки молока?..»

И:

«Убирайся вон из моей жизни, ясно?»

И:

«Джек, я вечером сижу с ребенком, приходи, если хочешь...»

Автофургон медленно продвигался по улице, оператор внимательно вслушивался в каждый голос, в каждый разговор, который доносился до него в будничной мозаике вечера:

«Краснокожие разбиты?! Венди схвачена пиратами?! — воскликнул Питер».

И:

«Передачик уже готов, Майкл. Можно вывезти и установить...»

Оператор с ключами на поясе махнул водителю, и машина остановилась.

«Знаешь, Эллиот, в последнее время он очень плохо выглядит».

«Не говори так, Майкл, мы чувствуем себя прекрасно».

«Что значит „мы“? Ты теперь все время твердишь „мы“, „мы“...»

«Это телепатия. Я... он мне так близок, словно он — это я...»

Неискушенный человек пропустил бы этот разговор мимо ушей — обычные ребячьи фантазии, — но для оператора в автофургоне разговор этот был равноценен сигналу с Марса. Перед ним тут же появился план улицы, и жирный красный круг очертил дом Мэри.

Эллиот как можно понятнее объяснял Ипу, что такое Хэллоуин, напирая на то, что это единственная возможность у Ипа появиться на улице.

— Все без исключения будут в самых невероятных и уродливых маскарадных костюмах и масках, — гово-

рил он. — Извини, я не хотел сказать, что ты уродлив, как раз наоборот...

— Скажи правильно: «Наоборот», — попросил Ип, когда Эллиот накинул на голову старому путешественнику простыню и обул ноги-ласты в громадные меховые домашние туфли. Туалет завершала широкополая ковбойская шляпа.

— Сойдет, — оглядел Ипа Эллиот. — Можно идти куда угодно.

Сам Эллиот вырядился в какое-то горбатое чудовище, под стать Ипу, чтобы космический гоблин не слишком выделялся. Но против костюма Майкла Мэри решительно восстала.

— Нет, — упорствовала она, — окончательно и бесповоротно нет! Одетый террористом ты не выйдешь!

— Но все ребята...

— Ты и двух шагов не пройдешь в таком виде!

— Мам... Прошу тебя!..

— Нет! А где Герти?

— Наверху. Наряжается вместе с Эллиотом.

Но Герти не наряжалась вместе с Эллиотом. Она смотрела в окно.

Эллиот обернулся к Ипу.

— Мама ни за что не заметит разницы, ты только помалкивай в своей накидке, о'кей? Усвоил, что ты — Герти?

— Герти, — отозвался старый гоблин.

Мэри ждала их внизу. По случаю Хэллоуина она облачилась в костюм под леопарда, надела полумаску и вооружилась волшебной палочкой, чтобы осаживать не в меру разбушевавшихся ряженных.

— Ого, мам, ты классно выглядишь!

— Спасибо, Эллиот, очень мило с твоей стороны.

Не только Эллиот с обожанием смотрел на мать.

Старое чудище, скрытое покрывалом, тоже восторженно взирало на Мэри, которая казалась ему прекрасной, как никто другой.

— Герти, — сказала Мэри, подходя к Ипу, — у тебя замечательный костюм. Как тебе удалось сделать такой толстый живот?

— Мы привязали подушку, — поспешил отозваться Эллиот.

— Просто молодцы, — похвалила Мэри. — Но будет лучше, если шляпу сдвинуть слегка набекрень.

Ее руки взлетели над черепашьей головой инопланетянина. Щеки Ипа зарделись. Восхитительные волны исходили от рук создания, похожего на ивовый пруттик, вызывая сладкую дрожь в страусиной шее старого ученого. Сердце-фонарик засветилось, и он поспешно прикрыл его рукой.

— Так-то лучше, — сказала Мэри и обернулась к Эллиоту. — Следи за ней, и не ешьте ничего, не завернутого в фабричную упаковку, не разговаривайте с незнакомыми...

Вниз сошел Майкл в слегка измененном костюме террориста.

— ...не ешьте яблок, в них могут оказаться бритвенные лезвия. И ничего не пейте, там может быть подмешан ЛСД.

Мэри наклонилась и поцеловала мальчиков, а затем и покрытую покрывалом голову гоблина; утиные колени Ипа задрожали, внутри все затрепетало; нежный свет, словно туманность Ориона, вспыхнул в сердце-фонарике.

— Ну, идите, развлекайтесь, — напутствовала Мэри.

Эллиот потянул инопланетянина за руку — тот как замороженный застыл на месте, не в силах оторвать глаз от Мэри, словно узрел рождение новой звезды. Он зашаркал к двери в огромных шлепанцах, но все же не

удержался и бросил последний взгляд на ивовое создание.

— Веди себя хорошо, золотко, — на прощание сказала Мэри.

«...золотко...» — молча повторил Ип, и трепет охватил его.

Мальчишки увлекли инопланетянина к гаражу. Там ждала Герти, пряча под покрывалом упакованный в картонную коробку передатчик и сложенный зонтик. Ип взглянул на зонтик и тут же подумал, а хочет ли он воспользоваться им? Может, лучше провести остаток дней в чулане, рядом с Мэри?..

— Ну, Ип, прыгай!

Они помогли ему залезть в проволочную корзину, укрепленную на багажнике, привязали к раме передатчик и выкатили велосипеды на улицу.

Ип лежал в корзине, подобрав под себя ноги, и глазел на веселящихся на улице детей землян — принцесс, кошек, клоунов, бродяг, пиратов, чертей, горилл, вампиров, франкенштейнов. Поистине Земля — удивительная планета!

— Держись крепче, Ип!

Эллиот ощущал тяжесть инопланетянина — маленького существа, затерявшегося в мироздании. От предстоящей ему сегодня важной миссии мальчик испытывал удивительный душевный подъем. Орудя рулем и крутя педали, он вдруг осознал, что становится лучше, чище, возвышеннее. Легкомыслие оставляло его, уносясь куда-то во тьму. Хотя у него хватает недостатков, но именно ему выпала судьба исполнить высокую миссию. Каждый оборот колеса делал Эллиота все более счастливым и независимым. Он обернулся к Майклу, и тот улыбнулся ему, сверкнув зубными скобами. Эллиот посмотрел на сестру, и Герти помахала ему рукой, хихикая над тем, как скрючился в корзине Ип, задрав кверху ноги в меховых шлепанцах.

«Мы поможем ему вернуться туда, откуда он прилетел», — думал Эллиот, глядя на Млечный Путь, мерцающий сквозь легкую дымку. Таинственное сияние исходило от звезд, всполохи и паутинки холодного пламени опускались вниз, касались Эллиота и исчезали вдали.

— Что за чудо-юдо?! Впервые вижу такую жуть... — воскликнул мужчина на крыльце дома. Его жена изумленно взирала на Ипа, как и дети, испуганно жавшиеся к родителям.

Ип стянул с себя покрывало. В ковбойской шляпе и шлепанцах, с выпученными глазами, свисавшим до земли животом и ногами, как у жабы, он выделялся даже среди пестрой толпы ряженных. В какой бы дом они ни заходили, облик Ипа неизменно вызывал переполох. Старый ботаник веселился от души. Несколько недель он провел взаперти, и теперь смело протягивал свою кошелку для подарков, в которую по обычаю клали конфеты, вафли, печенье...

— Потрясающе... — бормотал мужчина, провожая их и не сводя глаз с Ипа, с его похожих на древесные корни пальцев на почти достающих до земли руках.

Ип вышел на пешеходную дорожку с доверху набитой кошелкой. Сколько тут сокровищ — повышенной питательности вафли и конфеты, которых в космосе ему хватило бы на долгое время, уйма «ММ» и одна огромная плитка под названием «Млечный Путь», по-видимому предназначенная для особо длительных путешествий.

— Ты производишь фурор, Ип, — заметил Эллиот, ведя велосипед по дорожке.

Космическое создание ковыляло рядом, и Эллиот всем своим существом ощущал счастье, переполнявшее Ипа. Он на собственном опыте знал, каково, когда над тобой потешаются. А вот сейчас он этого не чувствовал.

Он казался себе старше, умнее, чувствовал дыхание далеких миров; великие мысли посещали его и уносились, словно кометы, оставляя за собой огненный след и ощущение причастности к чуду.

Ип заметил, что многие ребята заглядывают в чужие окна, и потянул Майкла за рукав.

Они прокрались через лужайку к освещенному окну. По комнате расхаживал мужчина с банкой пива в руке и сигарой в зубах. Старый небожитель улыбнулся, положив подбородок на подоконник. Вот бы каждый вечер выходить на улицу со своими друзьями и подглядывать в чужие окна — на Земле стоило бы жить!

— Пойдем, Ип! — торопила Герти. — Пойдем же...

Девочка тихонько провела его вокруг дома к парадному крыльцу, нажала на кнопку звонка, и они дали деру.

Меховые тапочки шлепали по земле, один слетел с ноги, куда-то делась ковбойская шляпа. Ип вопил от радости. Он жил! Жил! Он был равноправным обитателем Земли!

— Быстрее, быстрее! — торопила Герти, и, запыхавшись, они шмыгнули в какие-то кусты. У Ипа из пальцев ног струился легкий туман. Старый инопланетянин был так возбужден, что его пальцы сами собой вычерчивали формулы, рожденные высшим галактическим разумом, которые раскрывали самые сокровенные тайны космической эволюции. Но великий ботаник уже ковылял вразвалочку, обуреваемый желанием заглянуть еще в одно окно.

Так они переходили от дома к дому. Ип от возбуждения съел почти все подаренные сладости и высказал пожелание пополнить запасы.

— Ладно, — согласился Эллиот. — Зайдем вон в тот дом.

И он повел Ипа по дорожке, уверенный, что чудное существо примет за шалуна-подростка в надувном рези-

новом костюме. Что касается Ипа, тот и думать забыл о своей нелепой для Земли наружности. Он уже воспринимал ее как нечто совершенно естественное: как всякий землянин, он жевал конфеты, звонил в двери, выпрашивал подарки и шмыгал носом.

Но когда распахнулась дверь и на пороге возник рыжеволосый коротышка, Ип впервые за весь вечер испуганно заморгал. Рыжего мальчишку он узнал сразу — это был тот самый Лэнс, к которому он давно питал недоверие. Лэнс в свою очередь подозрительно разглядывал Ипа.

— Это что за пугало? — спросил он, не веря, что длинные руки и круглый, будто кегельный шар, живот были из резины.

— Это... это мой двоюродный брат, — пролепетал Эллиот, готовый казнить себя за то, что не узнал дома Поганца; они попались в ловушку, и теперь от Лэнса не отделаешься.

— Ну и уродина, — усмехнулся Лэнс, приближаясь к ним, словно влекомый неведомой силой, которая, казалось, исходит от причудливого гостя.

«Ай-яй-яй, какой любопытный, — подумал древний космолог. — Надо держать ухо востро».

Ип попятился, Эллиот отступил за ним. Но Лэнс неотвратимо надвигался. Подхватив Ипа, Эллиот вскочил на велосипед. Лэнс тут же оседлал свой.

— Скажи правильно: «Быстро», — пискнул с багажника Ип, и Эллиот изо всех сил нажал на педали, злясь на себя, что из-за собственной беспечности показал Ипа Лэнсу, а значит, и всему свету. Но разве можно сохранить от людей такую тайну, как Ип? Так и подмывает им похвастать, посмотреть, как у людей при виде его отвисает челюсть. Но уж кому-кому, а Поганцу его вообще нельзя было показывать. Такого паршивца не проведешь. Он с первого взгляда поймет, что перед ним инопланетянин.

Ип, второпях засунутый головой вниз в корзину на багажнике, гадал, что предпримет Лэнс? Не обратится ли к властям? Неужели все кончится тем, что из него набыют чучело?..

Эллиот оглянулся. Лэнса не было видно.

— Все в порядке, — сказал Эллиот. — Лэнс отстал.

Но он ошибся. Кратчайшими путями, известными только таким пронырам, Лэнс мчался за ними сквозь ночной сумрак. И откуда он знал, где сворачивать, чтобы сократить путь?! словно телепатически настроенный на волну Ипа, он крутил педали как одержимый. Встречный ветер прижимал рыжие волосы к голове, отчего нелепые уши Лэнса, казалось, торчат еще больше. Фонарь на его велосипеде не горел, только отражатели поблескивали в темноте. Лэнса бросало то в жар, то в холод. За свою короткую жизнь у него никогда ничего не получалось толком, он вечно слонялся без дела, и даже в электронные игры сражался сам с собой. Но сегодня, сегодня он весь дрожал от прилива сил и преодолевал повороты, как заправский гонщик. Его торчащие вперед зубы лязгали от возбуждения. Ночь явно благоволила ему.

При выезде из города Лэнс наскочил на край тротуара, велосипед задребезжал, и он увидел, как далеко впереди сверкнул в свете уличного фонаря отражатель на велосипеде Эллиота.

«К холмам едет», — решил Лэнс, улыбнувшись. Велосипед бесшумно пронесся под фонарем, его седок при всем желании не сбился бы со следа. Казалось, его ведет какой-то внутренний безошибочный автопилот.

Лэнс склонился над рулем, без усталости работая педалями. Мысли о космосе настолько захватили его, что Лэнсу чудилось, будто он вот-вот взмлет в небо. Миновав последний уличный фонарь, он помчался по темному шоссе.

Эллиот оглянулся через плечо и, не увидев преследователя, свернул на просеку.

Космический путешественник трясся на багажнике, вцепившись в край корзины. По мере приближения к месту посадки корабля мысль его работала все лихорадочнее. Сейчас он установит передатчик, и в небо полетят сигналы. Космос необъятен, время бесконечно, нельзя терять ни минуты... Но как медленно ползет велосипед, едва продвигается вверх по склону...

— Эллиот...

— Да?

— Скажи правильно: «Держись крепче», — старый космолог шевельнул пальцами, и... велосипед оторвался от земли. Он пролетел над кустами, обогнул верхушки деревьев и поплыл над лесом.

«Так-то лучше», — подумал Ип и поудобнее устроился в корзине.

Руки Эллиота будто прилипли к рулю. Он посмотрел на темневший внизу лес с едва различимыми просеками и тропинками. Сверху за спиной светила луна.

На ветке проснулась сова, лениво расправила крылья и пощелкала клювом, мечтая изловить на ужин жирную полевку или хотя бы летучую мышь. Она взлетела, не спеша взмахивая крыльями, и вдруг, выпучив круглые глаза, круто взвилась вверх.

Что за напасть?..

Человек верхом на железном чудовище пролетел мимо. Сова, сложив крылья, камнем ринулась вниз и, оцепенев, припала к земле. Но и тут прямо на нее, продираясь сквозь заросли, надвигалось такое же чудовище. Метнувшись в сторону, сова едва выскочила из-под колес Лэнса. Он спешил, велосипед подскакивал на корнях. В голове гудело от сигналов, которые вели его. Лес принял Лэнса, раскрывая свои тропинки, и Поганец продирался сквозь такие заросли, где не прошел бы и опытный лесник. Но где же Эллиот?

Паутина лунного света, проникавшего сквозь кроны деревьев, скрывала Эллиота от Лэнса. Эллиот едва касался педалей, в ночной тишине слышно было лишь, как позвякивает велосипедная цепь. В душе он всегда верил, что его велосипед может летать, иногда ему даже казалось, что он вот-вот взлетит, особенно если он резко тормозил на краю обрыва, но до этого вечера чуда не происходило. Сегодня чудо совершил Ип, посвященный в тайны космической науки, доступные лишь тем, кто прожил миллионы и миллионы лет. Законы этой науки управляли межгалактическими полетами, и уж, конечно, тому, кто владел ими, ничего не стоило на милую другую перенести по воздуху велосипед.

Выглянув из корзины, космический странник увидел, что они приближаются к цели. Он мягко посадил велосипед на траву, но в последний момент тот опрокинулся набок, и длинный палец на ноге старого космолога попал в спицы.

— Ай-яй-яй-яй...

Высвободив ногу, Ип выполз из-под велосипеда, пострадавший палец болел, но ученый был слишком возбужден, чтобы обращать внимание на такие пустяки. Эллиот поднялся и тут же начал развязывать коробку с передатчиком.

Ип оглядел поляну — не подстерегает ли его здесь кто-нибудь из тех, кто охотился за ним в ту первую ночь на Земле? Его внутренний радар не спеша прощупывал лес, но, наткнувшись на Лэнса, обогнул его, не отреагировав. Ведь эманация рыжего выскочки сейчас не отличалась от эманации Ипа, такого же отверженного, одинокого и неприспособленного. Поэтому радар и не засек Поганца, не почуял угрозы.

Ип повернулся к Эллиоту и знаком показал, что пора устанавливать передатчик.

Диск циркулярной пилы вращался, словно волшебная тарелка, по которой плясали, цепляясь за зубья, нож

и вилка. Старый ботаник протянул к деревьям сотни проводков, присоединил их к прожилкам листьев, к ветвям и корням. По этим проводкам из растений текла живительная энергия. Как это получалось, знал только он. Но и Эллиот ощущал, как животворная сила леса питает и приводит в действие передатчик.

Раскрытый зонтик, оклеенный изнутри фольгой, поблескивал в лунном свете. Но он отражал не только свет луны. Микроволновый сигнал детектора дорожной полиции, рождаемый высокочастотным тюнером, посылая в пространство сигналы из параболического отражателя:

глиппл дуппл цвак-цвак олг ммннин...

На самом деле звуки эти были гораздо мелодичнее, но наш алфавит не может передать всего их благозвучия.

Эллиот прислушивался к сигналам. Он не терял надежды на успех, однако передающее устройство казалось ему таким примитивным, таким слабым, что он сомневался, отыщут ли излучаемые волны кого-нибудь в беспредельном пространстве космоса.

Пришелец из другого мира почувствовал сомнения мальчика и тронул его за плечо.

— Мы отыскиали окно.

— Какое окно?

— Окно нашей частоты. Нас слышат.

Они еще долго молча стояли возле передатчика. Казалось, звезды тоже прислушивались к удивительным сигналам, но слушал их и Поганец Лэнс, затаившийся в кустах.

Тем временем Мэри отбивалась от ватаги ряженых, осадивших дом.

— Добро пожаловать. Заходите. О боже, что за страхолюдина...

Дети пели специально для нее, роняя изо рта на

ковер жевательную резинку; танцевали, размахивая руками, и если мешал обслюнявленный леденец, его прилепляли к стене, чтобы потом отодрать обратно вместе с куском обоев. Гарви решил попробовать свои зубы на одном из ряженных. Пока бесстрашный страж дома вел схватку с маленьким гостем, наверху неслышно растворилось окно, и в спальню Мэри проник правительственный агент, которого вела за собой колеблющаяся стрелка электронного прибора.

В комнате Эллиота стрелка заметалась из стороны в сторону, а в чулане и вовсе обезумела. Агент, казалось, был вполне удовлетворен. В то время как внизу затагивали платком пасть Гарви и ублажали шоколадом плачущего ребенка, он прокрался обратно в комнату Мэри и благополучно вылез в окно.

...глиппл дуппл цвак-цвак...

Инопланетянин и Эллиот сидели возле передатчика, глядя в ночное небо и прислушиваясь. Лэнс следил за ними из кустов. Небо молчало.

Прошло несколько часов, Эллиота сморил сон, Лэнс вернулся домой. Оставшись наедине с передатчиком, Ип взглядом проследил в темном небе траекторию уходящего вдаль сигнала.

Старый космолог чувствовал недомогание. Может быть, переусердствовал с конфетами? Он углубился в лес — навестить растения. Шагал Ип тяжело, тяжелее обычного. Возможно, он устал, бегал от дома к дому как одержимый. Он не был к этому привычен.

Ип подошел к ручью и присел. Журчание потока приятно ласкало слух, и инопланетянин опустил голову в воду. В таком положении он провел несколько часов, внимая току земной крови, бегущей по этой артерии. Наконец он уснул, не поднимая головы из воды.

— Ростом около четырех футов, — объясняла полисмену Мэри. — Небольшой такой... Выряжен горбуном...

Она зарыдала.

— Уверена, что он наглотался бритвенных лезвий...

— Ну-ну, успокойтесь, — увещевал ее полисмен. — Заблудился, наверно. Такое бывает на Хэллоуин с уймой ребятишек. Уверю вас, с вашим мальчиком ничего не случилось.

Уже наступал серый рассвет. Герти и Майкл вернулись домой в десять часов вечера. Постель Эллиота была не тронута. Голова Мэри раскалывалась на части. Сквозь слезы она взглянула на полисмена.

— Я очень дурно обращалась с ним в последнее время. Заставляла прибирать комнату...

— Что же тут дурного? — удивился блюститель порядка.

Гарви пытался вмешаться в разговор, но его морда еще с вечера была перетянута платком. Он стал скрести лапами дверь и жалобно скулить.

— Эллиот! — вскочила Мэри.

Эллиот шел по лужайке заднего двора... На радостях Мэри освободила Гарви от пут, и пес завизжал от счастья, двигая онемевшими челюстями.

— Ну вот и ваша пропажа, — улыбнулся полисмен, пряча в карман блокнот, куда записывал сообщаемые Мэри приметы, и оставил воссоединившееся семейство.

— Надо найти его, Майкл. Он в лесу. Где-нибудь недалеко от поляны...

Мэри уложила Эллиота в постель. Теперь пропавшим был Ип. Майкл отправился в гараж за велосипедом и несколько минут спустя уже катил по улице.

Обернувшись через плечо, Майкл увидел, что за ним по пятам следует автомашина. В ней сидели трое и явно

наблюдали за ним. Майкл круто свернул в узкий проход между домами и, отделавшись от преследователей, поспешил к холмам.

Он нашел Ипа у ручья с опущенной в воду головой. Старый путешественник выглядел неважно, но уверял, что чувствует себя хорошо, а голову держал в воде, чтобы послушать голос ручья...

Для вящей убедительности он взмахнул рукой на ручей, на деревья, на небо, но Майкл видел, что Ип бледнее обычного и движется медленно и с трудом.

— Но ведь он работает совсем недолго, — говорил Майкл. — Еще рано расстраиваться.

— Вот и скажи ему об этом, — Эллиот кивнул в сторону чулана, где предавался грустным мыслям инопланетянин.

Пришелец из космоса понимал, что глупо ждать немедленного результата, которого может и вообще не быть. Он грезил о Великом Корабле; стоило только закрыть глаза, как перед ним всплывал его прекрасный, сверкающий образ, приближающийся к Земле, но, очнувшись, Ип снова оказывался один; и только полунустая коробка конфет и бестолковый Маппит разделяли его уединение.

В другом конце дома Мэри занималась уборкой, размышляя над тем, подскажет ли ей жизнь ответ на мучавшие вопросы и что ее ждет впереди. Она задумчиво орудовала пылесосом, подхватывая обрывки гитарных струн и какие-то семена, при виде которых пугалась — уж не марихуана ли это... Эллиот и Майкл очень странно ведут себя в последнее время, также, впрочем, как и Герти... Что происходит в доме?..

Аэробикой заняться, что ли?

Во всех случаях надо купить новые туфли.

А может быть, так и надо, и все идет как положено?

Ах, если бы еще на лице не добавлялось морщин и не приходилось покупать дорогие кремы для борьбы с ними...

В дверь позвонили.

По непонятным причинам сердце Мэри учащенно забилось. Безумие, конечно, но в последнее время все словно с ума посходили. Она устремилась к двери с мыслью, что на крыльце ожидает ее очаровательный бродяга-муж... Или кто-нибудь другой, высокий, темно-волосый, неотразимый...

Она открыла дверь.

Перед ней стоял невысокий, рыжий и противный... мальчишка.

— Эллиот дома? — прогнусавил он.

— Минутку, Лэнс... — она тяжело вздохнула и поднялась по лестнице к комнате сына. Дверь, как обычно в последнее время, была заперта на ключ. Что они там делают? Что за бессердечие, вынуждают ее преждевременно прибегать к разным кремам...

Она постучала.

— Эллиот, к тебе Лэнс.

— Поганец?! Скажи, пусть проваливает!

— Я скажу, чтобы он поднялся.

Она спустилась в прихожую, подумав, что вся ее жизнь ограничена теперь этими ступеньками. Неужели впереди ее ничего не ждет?

— Спасибо, — поблагодарил Лэнс и уверенно двинулся к лестнице. Нечто совершенно новое неожиданно ворвалось в его жизнь, и он хотел выяснить все до конца. Его торчащие уши, которые мать на ночь приклеивала скотчем к затылку, вопреки всем ее надеждам оттопыривались еще больше. Он постучал.

— Открой, Эллиот.

— Убирайся..

— Я хочу видеть инопланетянина.

Он улыбнулся, гордый произведенным эффектом.

том, так как за дверью вдруг наступила мертвая тишина.

Дверь распахнулась, и назойливый проныра, всюду сующий свой нос, переступил порог.

— Послушай, давай сразу договоримся, — начал он с места в карьер. — Признаю, я был неправ. Я верю в пришельцев из космоса. Вчера я следил за вами в лесу.

— Я же тебе сказал, что это мой двоюродный брат!

— Значит, родственники твои чудовищные уроды. Я видел его, Эллиот, видел собственными глазами!

— Ничего ты не видел!

— Не хочу тебя пугать, но сейчас на улице какой-то тип стучит во все двери и спрашивает, видел ли кто что-либо странное в квартале.

— Ну и что?

— А то, что я могу кое-что порассказать... А могу и молчать как пень. Выбери... — Лэнс многозначительно смотрел на Эллиота, дрожа от возбуждения. Он был бы не таким уж плохим парнем, этот Лэнс, если б не уродился фискалом. Такие обычно появляются именно тогда, когда людям плохо, и делают им еще хуже.

Эллиот тяжело вздохнул. Лэнс понял, что одержал победу, и принялся задавать вопрос за вопросом:

— Где ты нашел его, Эллиот? Откуда он прилетел? Какого он происхождения? Говорит по-нашему? Обладает не известными нам способностями?

— Только разболтай о нем, и он разложит тебя на атомы, превратит в прах, — вмешался Майкл.

— Он это может? Правда? Он уже так делал?

Эллиот открыл дверь и вошел в чулан.

Инопланетянин растерянно хлопал глазами. Он слышал гнусавый голос Лэнса и понимал, что следует быть настороже — явилась опасная личность.

— От этого прохиндея ничего не скроешь, — горько сказал Эллиот, — но тебе ничего не грозит, обещаю.

Ип прикрыл руками лицо и покачал головой. Хэллоуин кончился, а его внешность не из тех, которые можно показывать землянам в будни.

Всех отвлек звонок в дверь. Эллиот и Майкл насторожились. Майкл шмыгнул к лестнице и притаился за перилами, откуда мог наблюдать за прихожей.

На звонок вышла Мэри. Она только что вымела из-под дивана груды шариков из жеваной бумаги для стрельбы из трубочек, которых могло бы хватить на всю жизнь, и какой-то старый журнал.

«Ох уж эти дети», — вздохнула она.

Звонок настойчиво трезвонил. Мэри поспешила к двери, наверняка зная, что не увидит высокого, темноволосого, неотразимого мужчину.

Она отперла дверь.

На пороге стоял высокий, темноволосый, неотразимый мужчина, но... явно не в своем уме. Она поняла это с первых же слов:

— ...расследуем слухи о неопознанном летающем объекте...

Мэри посмотрела на связку ключей у него на поясе, а он сунул ей под нос какую-то бляху. Может быть, вырезал из консервной банки?..

— Простите, но я не понимаю...

— Неподалеку отсюда опустился неопознанный летающий объект. У нас имеются основания предполагать, что один из членов экипажа остался на Земле...

— Вы шутите?

— Нисколько, уверяю вас, — незнакомец впился в нее взглядом.

Она изумленно смотрела на него. Разведенная жена с тремя детьми на руках, одинокая, брошенная и думающая о том, чтобы заняться аэробикой, — и вот у ее дверей появляется привлекательный мужчина, возможно одинокий, и интересуется... летающими тарелками!

С упавшим сердцем она теребила в руках тряпку, которой стирала пыль.

— Я ничего не видела...

Незнакомец перевел взор за ее спину, в глубь дома, будто что-то высматривал. Если он что-нибудь замышляет и попытается пройти, она чем ни попадя разобьет ему голову.

Но незванный гость извинился за причиненное беспокойство и ретировался. Глядя ему вслед, Мэри подумала, что не иначе в детстве он начитался комиксов, но тут увидела, что возле него остановился сверкающий автомобиль, похожий на те, в которых ездят правительственные чины (она видела такие по телевизору), водитель вскинул руку к козырьку, и незнакомец занял место на заднем сиденье, где уже находились двое.

Мэри отошла от окна и продолжила уборку. А что, если она недооценила посетителя? Что, если это серьезный человек, занимающийся важным делом?

Или все они чокнутые? Ищут у нее какого-то пришельца из космоса! Будто ему негде прятаться, кроме как у нее в доме!

Она открыла стенной шкаф, привела в порядок разбросанные там обувь, перчатки, куртки, шапки. Зонтика на месте так и не нашлось. Она была уверена, что это дело рук Майкла или Эллиота, и лишь надеялась, что они не употребили его на что-либо дурное.

Майкл пулей влетел в комнату Эллиота.

— Это из полиции! Показал маме бляху. Говорит, что прилетел НЛО.

Лэнс подскочил, словно на пружинах.

— Вы видели НЛО? Везет же людям!..

— Что сказала мама? — перебил Эллиот.

— Ничего.

— Он знает о передатчике?

Лэнс снова подскочил.

— Так вот, что это такое! Он привез его из другого мира?

— Он сделал его из заколок для волос.

— Заколок для волос?! — Лэнс сперва не поверил, но сразу нащупал суть, как и положено выскочкам. — Он хочет вернуться на свою планету? Когда? — Но, сообразив, что может потерять завоеванные позиции, возобновил угрозы: — Покажите мне инопланетянина или я побегу за полицейским! Я не шучу!

— Ты шантажист!

— Ничего не могу с собой поделатъ.

Припертый к стенке, Эллиот растворил дверь чулана.

На пороге появился Ип. Он был спокоен и неторопливо жевал печенье, глядя на Лэнса.

У того опустились руки, кровь отхлынула от щек. В голове зазвучали сигналы, те самые, которые он слышал, когда мчался при луне на велосипеде.

— Теперь можно и умереть, — прошептал он.

— За этим дело не станет, — сказал Майкл, — если не поклянешься на крови.

— На чем угодно, — бормотал ошеломленный Лэнс, забыв не только о существовании братьев, но и обо всем на свете и не сводя глаз с Ипа. Ведь перед ним стояло самое невероятное создание в мире. — Я... мечтал о тебе... Всю... всю жизнь... — тихо произнес он.

Майкл взял его за руку.

— Повторяй за мной: клянусь, никогда не рассказывать ни единой живой душе то, что я видел сегодня...

Майкл надрезал палец себе, затем Лэнсу. Показались капли крови, и Майкл прижал свой палец к пальцу Лэнса, который повторял:

— Клянусь... ни одной живой душе...

Инопланетянин с удивлением наблюдал за происходящим и в свою очередь поднял палец, кончик которого зарделся розовым светом. Розовый лучик коснулся

пальцев Майкла и Лэнса. Ранки перестали кровоточить, порезы мгновенно затянулись, не оставив следа.

За глаза подчиненные звали его Ключником. У него были имя и фамилия, но связка ключей более точно определяла его сущность — ключей от ничем внешне не примечательного склада со многими весьма примечательными кабинетами, от каждого из которых у него был отдельный ключ.

И вот сейчас в одном из таких кабинетов Ключник стоял перед оперативной картой с нанесенными на ней концентрическими кругами, сходящимися в одной точке. Не повышая голоса и не отрываясь от карты, он обратился к помощнику. Отхлебывая из чашки черный кофе, тот просматривал список ученых, представителей самых разных наук.

— По радио какие-то религиозные фанатики болтали о нашем расследовании. Считают, что корабль — дело рук сатаны...

— А вы не подумали, что, задействовав всех этих людей, можно оказаться в идиотском положении, — помощник указал на список.

— Настал момент привлечь их, — отозвался Ключник, не отрывая взгляда от карты.

— Но, может быть, все это детское воображение? Знаете... буйные детские фантазии, ребячьи забавы...

— Корабль приземлился здесь, — Ключник ткнул пальцем в один из кругов. — А разговор об оставшемся на Земле инопланетянине мы подслушали вот здесь. — Он указал на точку, где находился дом Мэри. — Слишком близко, чтобы быть совпадением.

Ключник включил магнитофон. Послышался голос Эллиота:

—«...из космоса, Майкл, из далей, которые и представить себе трудно. Мы должны помочь ему...»

Ключник нажал кнопку «стоп», и в комнате наступила тишина. В ту памятную ночь он увидел очертания корабля, появившегося со стороны звездного неба, на экране радара и понял всю грандиозность происшедшего. Прибытие корабля подтверждало вычисления Ключника.

Помощник вышел из-за стола и встал рядом с Ключником перед картой.

— Тут все, кого вы хотите позвать, — сказал он, постукивая пальцем по списку, — словно перечень приглашенных на банкет по случаю присуждения Нобелевской премии.

— Оповестите всех.

— Прощу вас, выслушайте меня, пока мы не впустили в это дело ученый мир! — помощник обернулся к карте. — Если кто-то и отстал от корабля, вряд ли он прячется в чьем-либо доме.

— Почему?

— Да потому, что он слишком отличается от нас. Скорее всего он скрывался бы в лесу. Думаете, их не обучают выживанию в экстремальных условиях? Или разум, создавший такой корабль, не предусмотрел всех случайностей?

— Они не ждали встречи с нами, — упрямо возразил Ключник.

— Ну и что? Разве вы на его месте стали бы стучаться в первые попавшиеся двери?

— Он прячется в этом доме!

— Давайте убедимся в этом, прежде чем созывать всю эту братию, — помощник потряс списком. — Черт знает что начнется, как только они съедутся. Тогда уж огласки не избежать. А если там не окажется никого, кроме шалопаев, помешанных на пришельцах из космоса, вы потеряете работу. Еще бы, пустить на ветер десять миллионов долларов! Не забывайте — правительство сокращает бюджет. Мы ходим по острию ножа.

Ключник кивнул на список:

— Созовите их.

Помощник развел руками.

— Если вы ошибаетесь, нам обоим придется искать работу... Будем заниматься сбором улик для бракоразводных процессов... Частным сыском по дешевым мотелям... Подсматриванием в замочные скважины... — он направился к двери, но остановился на полпути: — Если он и существует, то разве что на холмах, пробавляется чем бог послал.

— Вроде Робинзона Крузо?

— Именно. И уж, конечно, не сидит нигде на кухне, посасывая молочный коктейль.

Ип сидел на кухне и посасывал через соломинку молочный коктейль. Соломинка — одно из самых превосходных изобретений на Земле, так удобно и приятно пить через нее.

— Нравится, Ип? — спросил Эллиот, сидевший напротив.

Инопланетянин кивнул в ответ, и удивительно вкусный напиток забулькал в его стакане.

Приказ Ключника был приведен в исполнение. Разбросанных по всей стране ученых и специалистов (после проведенной загодя негласной проверки благонадежности) запросили о согласии участвовать в весьма странном мероприятии. Одни отозвались на это, явно потешаясь, другие — с пренебрежением, но никто даже из давших согласие не предполагал, что все это серьезно. Поэтому полной неожиданностью для большинства явился телефонный звонок с официальным вызовом. Положив трубку, люди недоумевали: кто же потерял рассудок — они или правительство?

Передатчик неумоимо посылал сигналы в космос. Он не был ни запатентован, ни защищен лицензией, и по виду место ему было на городской свалке. Но, приблизившись, Эллиот ощутил силу излучаемой передатчиком энергии.

Наступила ночь, а мальчик не оставлял поляну. Храповик слабо потрескивал, словно в траве перекликались сверчки.

Лежа на спине, Эллиот любовался усыпанным звездами небом. Какие чудесные звезды — добрые, ласковые, манящие... По временам луна будто разламывалась пополам, из нее выплескивался оранжевый свет, и дрожащая вуаль пронеслась по мерцающему небосводу. Тихий голос нашептывал неясные слова, или это шумел ветер?

Передатчик работал не переставая. Непонятный код уже становился Эллиоту родным, а свет луны, отраженный перевернутым зонтиком, проникал в самую душу.

Он представил себе, как волнуется Мэри, не зная, куда он запропастился, что с ним, чем он так поздно занимается, но тут же выбросил эти мысли из головы и растянулся на траве, раскинув руки. Загадочные звезды ткали паутину из лучей, их нежное мерцание, перемещаясь по небосклону, гипнотизировало его. Шли часы, а он все лежал, охваченный силами, которым не мог противостоять, силами, о которых ничего не знал и о которых на Земле еще и не ведали.

По телу мальчика пробежала дрожь, то ли оттого, что ему стало зябко, то ли от тех чувств, которые вдруг шевельнулись в нем. Ощущение космического одиночества пронзило его до мозга костей. Он застонал под тяжким бременем, ибо землянам еще не было дано знать чувства тоски по звездам.

Так нашептывал ему голос, и юный разум Эллиота впитывал все новые и новые образы.

Для землян, прикованных к своей планете, чужда

боль вселенской любви, уверял Эллиота золотистый ветерок, разносившийся по бесконечным просторам мироздания.

Мальчик глядел в ночное небо и ему казалось, что он вот-вот покинет телесную оболочку и вознесется к вечному сиянию мудрых звезд, влекущих к себе и скрывающих свои тайны от людей. Он заметался по траве, тело затрепетало от соприкосновения с холодным звездным огнем. Вдруг его осенило послание, адресованное существу более совершенному, чем он, существу, природе которого была введена любовь к звездам и ответное чувство удивительной солнечной силы.

Музыка Вселенной заполонила истерзанную душу маленького землянина, ошеломив магическим экстазом космоса, от которого земляне ограждены законом эволюции. Он подавил рыдание, поднялся на нетвердых ногах, подошел к велосипеду. Мальчик не в силах был ни воспринять, ни справиться с натиском обрушившейся на него лавины образов из пространства — времени. Дрожа всем телом, он вскочил на велосипед и поехал по просеке; велосипедные фары светили, словно маленькие луны, у его ног.

По стенам кабинета Ключника были развешаны фотографии. Штампы на них свидетельствовали, что они являются собственностью военно-воздушных сил. На одних снимках были какие-то световые пятна и полосы, горизонтально или вертикально перерезающие небо, на других изображения были отчетливы настолько, что создавали впечатление достоверности. Особенно отличались снимки, сделанные пилотами разведки ВВС, мало подверженными галлюцинациям и далекими от всякого рода фототрюков.

На столе Ключника лежал пластиковый отпечаток следа, оставленного инопланетянином в мягкой почве

неподалеку от корабля. Рядом, в папке, находились результаты послойного анализа грунта в месте посадки.

Судя по снимкам, Ключника нельзя было заподозрить ни в опьянении лунным светом, ни в том, что он профан или профессиональный мистификатор. Он был государственным служащим с неплохим окладом. В данный момент он оправдывался по телефону перед начальством, заверяя, что руководимое им учреждение в ближайшее время окупит отпускаемые на него средства.

— Это займет еще несколько дней... Нет, отсрочка неизбежна... Мы подчиняемся директиве, согласно которой искомый объект должен получить максимум жизнеобеспечения...

Ключник слушал, кивал, барабанил пальцами по столу, и в который раз повторял:

— Вся территория находится под наблюдением, никто не может проскользнуть мимо нас... Да, да, хорошо...

Он положил трубку. Была ночь, одна из последних сравнительно спокойных ночей перед бурей. Ключник отхлебнул остывший кофе. Если он ошибся и пошел по ложному следу, его наверняка уволят... Но два-три часа будут его звездными мгновениями... Бесчестие придет потом.

Дверь отворилась, и вошел помощник.

— Карантинный блок чертовски громоздкий. Ведь им придется накрыть весь дом.

— Ну и что?

— Вам доводилось видеть пластиковый тент величиной с дом? Да еще с воздухопроводами? Потрясающее зрелище, уверяю вас. Соберется не меньше миллиона зевак со всех пяти округов.

— Их не пропустят.

Помощник взглянул на отпечаток следа.

— Не проще ли проникнуть туда, схватить его и — привет?..

— Я предпочел бы сделать именно так, но они... — Ключник кивнул на телефон, — не хотят.

— Еще бы! Им, видите ли, нужна реклама... А если инопланетянина там нет, а мы заявимся со всем оборудованием и кучей народа, — помощник постучал по пачке бумаг на столе, — представляете, что будет? Мы взбудоражим весь городок. И не забудьте — они предъявят иск правительству... — Он повернулся и вышел.

Ключник все понимал, но не придавал этому значения. Он твердо знал, где находится инопланетянин. Раскурив сигарету, он выпустил дым к потолку и сунул погасшую спичку в отпечаток ступни Ипа.

Подкатили автомашины. Ворота склада распахнулись, и служащие в форменной одежде указывали, в какие отсеки завозить прибывшие грузы.

Ключник все проверял сам, сам назначал людей, в чьи обязанности входил монтаж и обслуживание оборудования. Складское помещение стало походить на военный госпиталь.

Ип открыл дверь чулана, и Эллиот повалился внутрь, на подушки. Лицо у него распухло, губы дрожали; не в состоянии повторить услышанные им послания звезд, он только всхлипывал, а гость из космоса внимательно смотрел на него.

Ип положил руку на лоб мальчика. Концентрированное воздействие галактических волн оставило Эллиота. Он весь съежился, тяжело дыша. Но не прошло и нескольких минут, как он заснул, словно окутанный коконом, сквозь который не мог проникнуть звездный дурман.

Старый путешественник смотрел на спящего ребенка, ощущая особое горько-сладкое чувство, совмещавшее в себе боль и радость, он не мог сразу понять его, но вдруг осознал — он любит мальчика.

«Я его учитель и защитник, — думал он. — Но куда я могу повести это юное существо? В темное безумие ночи?.. И чему я научил его?.. Красть из скобяной лавки?.. Эллиот, — Ип снова коснулся лба мальчика, — ты свет моего сердца, благодаря тебе оно светит ярче. Это ты мой учитель, мой защитник и наставник. Разве есть на свете еще один такой ребенок? Такой бескорыстный и добрый? Пусть каждая звезда благословит тебя и одарит бесценным знанием, которое ты сможешь понять и употребить на благо людям...»

Знаком он что-то приказал нежному свечению луны и мерцанию звезд и укрыл ими спящего Эллиота.

Послышалось фыркание, Гарви царапался в дверь, явившись на ночное бдение с Ипом.

Космический гоблин растворил дверь, и пес, не вполне уверенный в собственной безопасности, трусливо, боком, протиснулся в чулан. Он обнюхал спящего Эллиота, несколько раз обошел вокруг него и наконец уселся перед инопланетянином.

Ип учил его тому, что должна знать собака, воющая на луну под телепатическим действием звездных лучей.

Мэри стояла у бюро, перебирая картотеку. Одиннадцать часов утра, а ноги уже дают о себе знать. Перед ней была груда бумаг, которые следовало рассортировать. Она предпочла бы делать это в аэродинамической трубе, чтобы увидеть, как воздушный поток подхватит и унесет весь этот бумажный хлам.

— Мэри, отнесите отчеты в торговый отдел, когда сможете.

Когда смогу? Она взглянула на управляющего.

Тиран, садист и болван. Правда, будь он холост, она бы согласилась выйти за него. Вот тогда бы можно было отдохнуть...

— Хорошо, мистер Краудер, отнесу, как только смогу.

— А пока что не смогли бы вы...

— Да, с удовольствием.

— Но я еще ничего не сказал! — удивленно нахмурился он.

— Простите, мистер Краудер, мне показалось, что шкаф с картотекой вот-вот опрокинется. Это уже случилось.

— Да ну?!

— Вот именно, если сразу выдвинуть все ящики.

На время это отвлекло мистера Краудера, который застыл на месте, уставившись на шкаф.

Мэри иногда развлекалась подобным образом. И как удалось тупице без всякой квалификации занять такое положение в фирме?! Впрочем, еще чаще ее удивляло, как она, работая здесь, не сходит с ума... Она подумывала, не оставить ли фирму. Может быть, сделать это сегодня же и наняться на заправочную станцию? Механики, которые обслуживали ее машину, всегда казались ей не лишенными юмора.

— Вы говорите, если сразу выдвинуть все ящики? — мистер Краудер все еще разглядывал шкаф.

— Только не пробуйте это проделать.

— Но ведь следовало бы приколотить его наглухо к стене, не так ли?

— Возможно.

Куда лучше было бы приколотить к стене самого мистера Краудера. И пользоваться им, как доской объявлений.

— Я доложу руководству, — управляющий ушел.

Теперь он будет размышлять об этом до самого обеда.

Обеденный перерыв Мэри провела на скамейке в парке. Она жевала сэндвич, растирая подъем ноги. Сидевшая рядом пожилая женщина беседовала со своей сумкой. Мэри взглянула на соседку, — возможно, такая же конторская служащая, как и она...

— Вот и я так кончу... В беседах со своей сумкой...

Она вытянула ноги и вздохнула. Ах, появился бы претендент на роль мужа, да еще со счетом в банке... Она закрыла глаза, но вместо высокого и стройного предмета грез ей привиделась какая-то бесформенная фигура, ростом чуть выше зонтика, которая приближалась к ней с плиткой шоколада...

— Путешествуете по делам? — спросил сосед пасажир авиалайнера на высоте тридцать тысяч футов.

— Да, — ответил микробиолог, — конференция...

Эллиот открыл свой шкафчик в школьном подвале, из которого посыпались тетради и всякая всячина, и сунул в него учебники. Окинув удрученным взглядом беспорядочную кучу, он махнул рукой и захлопнул дверцу. Могут ли сравниться школьные уроки с загадочным сиянием звезд?.. Скукотища... Он вышел в коридор. Серые, как в тюрьме, школьные стены нагоняли тоску. А тут еще Поганец шагал навстречу.

В руках рыжего пройдохи было зеркальце. Он приставил его к лицу Эллиота.

— Парень года, друг президентов, королей и инопланетян, — он повернул зеркальце так, чтобы в нем отразилась и его собственная физиономия. — Конечно, с тобой там будет и еще кое-кто... Мы знаем кто, правда?

Пустобрех и зануда... Впрочем, трепотня Лэнса вызывала ожидаемый эффект. Эллиоту захотелось как следует вздуть его.

Лэнс улыбнулся, чувствуя, что наконец чего-то достиг в этом мире. Теперь он мог бы прямо из пятого класса стать участником аэрокосмической программы и давать советы по связи с инопланетянами; разве не звучат у него в голове какие-то сигналы?

— Он все время разговаривает со мной, Эллиот. Я ему нравлюсь.

— Не понимаю, чем...

— А он понял, что я могу быть ему полезен. Послушай, — Лэнс взял Эллиота за рукав. — Ты знаешь, что мы теперь самые важные люди в школе? Ведь мы в контакте... — его глазки еще более перекошились, словно у ночной белки-летяги в дневное время.

Эллиот взглянул в слезящиеся бусинки глаз Лэнса и должен был признать — в них отражалось сверкание Ипа. Это помогло ему подавить в себе страстное желание отлупить Поганца.

— Да-да, правда. Мы в контакте... Ну, мне пора... — он зашагал по коридору, а Лэнс отправился восвояси. Оба слышали звездный зов, но сигналы у Эллиота были сильнее и звучали не так радостно — чувство космического одиночества вернулось с волной, проникшей сквозь школьные стены. Проследить источник волны не представляло труда: школа, городской квартал, холмы, у подножий которых приютилось несколько домиков, и в одном из них, в тесном закутке, — подавленный старый космолог с геранью в руках.

— ...Инопланетянин... — бормотал микробиолог по пути в зал заседаний. — Я уже жалею, что согласился участвовать в этой дурацкой затее... — обернулся он к коллеге.

— А я смотрю на это как на отдых, — засмеялся тот.

— Правительство могло бы придумать лучший спо-

соб использовать наше время, — пожал плечами микробиолог.

Они вошли в зал. Места за столом уже были заняты. Ученые, военные, медики беседовали между собой.

Легкое позвякивание ключей возвестило о появлении инициатора собрания. Ключник прошел к председательскому месту. Все стихли.

— Дамы и господа, мы недолго задержим вас. Я понимаю, вы устали с дороги, а завтра вам придется встать до рассвета. Система карантина, разработанная нами, вполне совершенна, но потребует серьезной подготовки...

Что же представлял собой этот Ключник, спокойный, уравновешенный человек, находившийся в самом эпицентре циклона, с каждой минутой набиравшего силу?

С детства его преследовала заветная мечта: на Землю прилетают пришельцы из космоса и избирают его посредником для передачи человечеству вечных знаний и опыта, накопленных Высшим разумом.

Детские грезы редко воплощаются в жизнь. Мечты Ключника увлекли его в сомнительные сферы деятельности, связанной с разведкой, пока наконец он не стал одним из тех, кто расследует самые загадочные и непонятные небесные явления — вспышки света в ночи, туманные следы на горизонте, трепещущие очертания на экране радара.

Ключник провел долгие месяцы в пустынях и на вершинах гор, видя над головой карту звездного неба, где в неподвластном воображению отдалении от Земли плавала сводящая с ума тайна.

Как всякий упорный охотник, Ключник наконец уловил некую систему в передвижениях своей жертвы. Он был первоклассным специалистом, исколесил в джипе

тысячи миль; но ему приходилось довольствоваться земной техникой, в то время как объекты его интереса двигались высоко-высоко над ним с неземным изяществом и быстротой. Но привычка становится правилом, и Ключник обнаружил некую закономерность. Посещения небесного корабля зависели от вегетационных циклов земной флоры.

Космический корабль появлялся в определенной точке земного шара в период цветения. И теперь на стене кабинета висел четкий фотоснимок корабля, сделанный в момент его приземления среди холмов, неподалеку от дома Мэри.

За окнами двор склада гудел от прибывшей техники и голосов, сопровождающих ее специалистов. Ловушка готовилась медленно, слишком медленно, с точки зрения Ключника, но нельзя было допустить ни малейшей оплошности, чтобы не прозевать и не испортить добычу.

Внутри складских помещений разворачивались всевозможные системы жизнеобеспечения, ибо мертвый инопланетянин не представлял собой желанного приза. Его необходимо было взять живым, и для этого Ключник предусмотрел все. Что бы ни произошло с инопланетянином от длительного пребывания в чужеродной земной среде, у Ключника на все было готово противоядие. Были мобилизованы все достижения медицины. Все, что Земля могла предложить, было наготове и в любой момент могло быть представлено в распоряжение ученых для спасения плененного члена экипажа космического корабля.

Ключник не мог знать только одного, что созданная им куча специалистов способна лишь повредить маленькому инопланетянину, который довольствовался «ММ» и не нуждался ни во внутривенном питании, ни в трансплантации органов.

Но Ключник сплел гигантскую сеть, в которой было

предусмотрено все. Здесь смогли бы даже оживить замерзшего в ледниковый период мамонта (если бы до этого дошло дело), оживить любой орган, любую клетку, создать любую среду обитания, мыслимую во Вселенной.

— Мне не нужен мертвец, — неустанно повторял он своим сотрудникам и приехавшим по его зову ученым.

Уже было смонтировано самое разнообразное оборудование. Если бы каждую проволочку, бывшую наготове, прикрепить к телу инопланетянина, он стал бы похож на телефонный коммутатор. Все, кто находился на складе, страстно желали поскорее вступить в контакт с инопланетным существом. Разве можно не мечтать об этом?..

Гигантская сеть Ключника была готова опутать маленькое, всего в три фута ростом, создание, прячущееся в чулане и каким-то образом знавшее о том, что готовится.

Герань начала вянуть, ее веточки клонились книзу, как и голова Ипа. Руки его безвольно поникли и опустились на колени, словно пара мертвых рыбок. Надежда на передатчик оставила его. Прибор действовал уже несколько недель, но космос безмолвствовал. Экипаж Великого Корабля был далеко, он мчался в пространстве, вне досягаемости сигналов с Земли.

«Я умираю, Хозяин», — едва слышно прошептала герань, но старый ботаник был бессилен помочь — цветок впитывал его эмоции, а он уже не мог ими управлять. Космическое одиночество пронизывало Ипа до мозга костей. Он оперся о Маппита, с трудом привстал и выглянул в окошко. Взгляд его устремился к небу, в небесную голубизну, но никаких признаков сияния излучаемой кораблем энергии, ни следа туманности от

него там не было. Только самолет землян выписывал в небе буквы, рекламируя торговый центр, куда для привлечения покупателей завезли пару орангутанов.

Ип отвернулся от окна. Еще немного, и его тоже выставят на всеобщее обозрение. Набьют поролоном, покроют лаком и станут показывать в витрине или в стеклянном шкафу. А рядом еще положат несколько печений «Орео», вот, мол, чем питалось это существо...

Он открыл дверь чулана и вышел в комнату Эллиота.

Переступая через разбросанные по полу вещи мальчика, он уныло проковылял в коридор, спустился в прихожую, прошлепал утинými лапами по ковровой дорожке и остановился, всем телом ощущая пульсацию дома. Это было беспорядочное, сумбурное место, но ему здесь нравилось. Как бы он хотел принести счастье его обитателям, осуществить все их несбывшиеся мечты, но в его силах было разве что заставить мебель плавать по воздуху... Что толку от этого? Станет труднее садиться в кресло — вот и все.

Он прошаркал по прихожей, неуклюжий, маленький, ростом не выше зонтика, потом побрел в кухню и открыл холодильник.

У него возникло желание съесть кусок швейцарского сыра.

«Чем бы его запить?» — подумал он и остановил свой выбор на небольшой светлой бутылке. Сев за стол, он пригубил напиток: ячменный солод, хмель с добавлением риса и кукурузы. По-видимому, совершенно безвредное питье.

Он выпил бутылку до дна, напиток ему понравился, и он осушил вторую.

Солнце расплескало золотистые лучи по столу. Ип обернулся к окну. Ему показалось, что оконная рама слегка покачивается, сперва налево, потом направо.

Что за странность?..

Ип откупорил еще бутылку и залпом опустошил ее прямо из горлышка, наслаждаясь бульканьем влаги.

Поднявшись со стула, он обнаружил, что не может сделать ни шагу.

«Свершилось» — сказал он самому себе, цепляясь за край стола, чтобы удержаться на ногах. Земное притяжение... Колени у него подгибались, он предчувствовал, что именно так и случится, когда пробьет его час и сила земной гравитации станет непосильной для ослабевшего скелета.

Ноги разъезжались в разные стороны, колени словно размякли. Он налетел на плиту, отшатнулся, ударился о дверь. Руки не подчинялись ему, безуспешно хватая воздух.

Шатаясь из стороны в сторону, старый ученый просеменял в гостиную; живот его волочился по ковру, свесившись больше обычного. «Хорошо бы, — подумал он, — приделать колесики». Он даже представил их себе, по одному колесику по обе стороны живота, и фонарики, как на велосипеде Эллиота.

Ип включил телевизор.

«...протяни руку, — раздалось оттуда, — протяни руку и коснись кого-нибудь...»

Моргая, он тупо уставился на экран.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку, как это делал Эллиот, и прислушался. Откуда-то из глубины ее послышался женский голос, похожий на голос Мэри, но много старше, сварливый и нервный.

— Послушай, Мэри, у меня всего одна минута, запомни рецепт, уверена, он тебе понравится, при твоём сумбурном питании...

«...протяни руку, — вопил телевизор, — протяни руку и скажи: „Привет“...»

— Привет, — повторил захмелевший гоблин.

— Эллиот, это ты, мой ангел? Что ты делаешь дома? Почему не в школе? Ты заболел? Это твоя бабушка.

ненаглядный мой... Тебе нужно лечь в постель, Эллиот. Немедленно ложись! Пусть мама мне позвонит.

— Позвонит...

— Тебе станет лучше, сладкий мой. Укройся теплее, — рассеянная старая курица зачмокала в трубку, целуя внука.

Подвыпивший инопланетянин зачмокал в ответ и опустил трубку на место.

Он открыл новую бутылку пива, задрал ноги кверху и продолжал смотреть на телевизионный экран.

Напевая себе под нос, он постукивал одной ногой о другую, напрочь забыв, что его телепатический передатчик включен на полную мощность, но отравленный алкоголем мозг был настроен на весьма хмельную волну.

Волна обежала вокруг комнаты, прошла сквозь стену, и, качаясь, поплыла через город, пока не достигла школы.

Эллиот сидел за партой в биологическом кабинете, когда вихляющаяся волна достигла его.

— Перед каждым из вас стеклянная банка, — в этот самый момент говорил учитель. — Я обойду класс и посажу в каждую банку по лягушке. Затем мы опустим туда же ватку, смоченную эфиром, и подождем, пока лягушка перестанет шевелиться.

Эллиот приложил губы к банке и принялся дуть, воспроизводя космические звуки, которые подвыпивший инопланетянин издавал в этот самый момент:

— Бла... бла... бла...

— Эллиот, прекрати паясничать, — прикрикнул учитель. — Немедленно прекрати!

Эллиот хотел подчиниться, но ему показалось, что классная комната меняет форму, и сам он тоже меняется. Пытаясь сосредоточиться, он посмотрел на Пегги

Джин, сидевшую за соседней партой. Девочке его кривляние явно доставляло удовольствие. Она улыбнулась, и он осклабился в ответ.

— Итак... — произнес учитель, смачивая ватку эфиром.

Эллиот перевел взгляд на банку с лягушкой. Та выпучила на него глаза, и Эллиот вдруг заметил ее сходство с Ипом. Такая же нелепая коротышка, пузатая, как и гость из космоса, беспомощно пялилась на него из стеклянной банки.

— Вы хотите умертвить это беззащитное животное? — спросил Эллиот.

— Вот именно, — ответил учитель.

Тем временем пузатый космический путешественник пьяно глазел в телевизор, где показывали какую-то сентиментальную оперу. Гарви сидел у его ног, по-собачьи надеясь, что чудище даст ему дальнейшие указания, а также отломит кусок сэндвича.

На экране телевизора герой оперы награждал героиню страстным поцелуем.

Ип взглянул на Гарви.

Пес тихо заскулил.

Все еще не пришедший в себя инопланетянин обнял лохматого дворнягу и поцеловал в нос.

Эллиот наклонился к Пегги Джин, притянул к себе и страстно поцеловал в губы.

Учитель неистовствовал, и неудивительно: Эллиот метался от парты к парте, освобождая из стеклянного плена лупоглазых узниц, которые, не мешкая, спешили покинуть класс, беспорядочно прыгая по полу.

— Изьдите! — кричал Эллиот, вовсе потеряв голову и переходя на библейский язык. Возможно, он был настроен на какие-то волны особых каналов теле-

видения, ибо бегал по классу с криком: — Вон, исчадия ада! Именем бога, изгоняю вас!

Последние лягушки немедленно подчинились приказу, вспрыгнув на подоконники.

Тайлер вытянул ноги под партой и печально покачал головой. Впервые за время знакомства с Эллиотом он пожалел его. Эллиот изменился, он больше не был жадным эгоистом, как прежде. В самом деле, он становится добрым малым.

— Сэр! Сэр! — громко завопил Тайлер, желая отвлечь внимание учителя от Эллиота. — Лягушка вскочила в ваш пакет с завтраком!

Учитель лихорадочно схватил пакет и принялся его трясти. Из пакета прямо в банку с раствором формальдегида вывалился сэндвич, ветчина и сыр тут же опустились на дно. Никакой лягушки в пакете не оказалось. Последняя из них с помощью Грега была выдворена с подоконника во двор. Она пролетела по воздуху, подстегнутая метким попаданием шарика из жеваной бумаги.

Разъяренный учитель выволок Эллиота из класса. Стив достал из парты бейсбольную шапочку с крылышками и напялил на голову.

— Наверняка исключат, — громко сказал он и задумался, — вот ведь к чему приводит, когда тобой командует младшая сестренка.

Но подлинный виновник приступа безумия, постигшего Эллиота, вертел в гостинной ручки телевизора. С затуманенной от выпитого головой Ип устроился в кресле, положив короткие ножки на подушку. Шла передача новостей. Сообщалось об аварии в шахте.

«...обвал произошел в южном треке, — говорил в микрофон усталый спасатель, весь покрытый угольной пылью. — Мы вынесли на поверхность всех пострадавших, но состояние большинства из них тяжелое».

Кадры, показывающие жертв катастрофы, опове-

щали мир о происшедшей трагедии. Сидевший в кресле подвыпивший малютка-гоблин поднял вверх палец, засветившийся розовым светом.

Полуживые шахтеры вдруг повскакивали с носилок и принялись обнимать друг друга, плача от радости и изумления и потрясая исцеленными руками и ногами.

Инопланетянин откупорил еще бутылку.

Учитель тащил Эллиота по коридору к директору. Он был по горло сыт выходками учеников. Жизнь преподавателя биологии не усыпана розами; орды прыщавых юнцов, с которыми приходилось общаться каждый день, вконец расшатали его нервную систему. Иногда ему самому хотелось сунуть голову в банку с эфиром. Конечно, с большим удовольствием он проделал бы это с Эллиотом. Борясь со страстным желанием уничтожить мальчишку на месте, он в душе надеялся, что директор хотя бы выпорет хулигана или поручит экзекуцию самому учителю. К сожалению, такое наказание не предусмотрено современной школьной системой, и трясущийся от негодования учитель, излив директору накопившееся возмущение, оставил кабинет, чувствуя, что дети в конце концов одолеют его — швырнут на лабораторный стол, заткнут ноздри ватой с эфиром и расплосуют вдоль и поперек.

Директор был приверженцем умеренности в воспитании. Прогрессивно мыслящий педагог, он набил трубку и раскурил ее, желая установить атмосферу взаимного доверия.

— Скажи, сынок, что стряслось с тобой? Накурился марихуаны?

Он загасил спичку, попыхивая трубкой.

— Твое поколение, мой мальчик, движется прямым путем в ад. Пора осознать ответственность за свое будущее...

Директор был в ударе и наслаждался звуком собственного голоса. Он обрушивал на Эллиота одну прописную истину за другой, почерпнув их из телевизионных передач, газет, скучных педагогических журналов, и сдобривал плоскими взлетами собственной изобретательности.

— ...понимать, что в наши дни человек твоего возраста сам должен воспитывать себя, вытягивать себя наверх за шнурки ботинок...

Директор самодовольно попыхивал трубкой. Мир прочно стоял на месте. Мятежная молодежь скоро поймет, что незачем раскачивать лодку.

— ...Вы не можете изменить систему, сынок. Ваши попытки ни к чему не приведут. Они бессмысленны...

Он подчеркнул последнюю фразу взмахом трубки. Его предшественник, занимавший этот кабинет, был сексуальным маньяком и уволился после того, как его проделки всплыли наружу. Вот он действительно раскачивал лодку. Однако теперь кабинет директора был безгрешен, здесь царила предписанная инструкциями обстановка. Столпы просвещения были неколебимы. Порядок — незыблем...

Если не считать, что Эллиот начал подниматься в воздух...

Конечно, во всем был виноват инопланетянин. Хмельная куролесающая волна, исходившая от него, достигла кабинета директора и стала вздывать несчастного Эллиота кверху, словно воздушный шарик.

Чтобы не оторваться от кресла, Эллиот изо всех сил вцепился в подлокотники. Директор ничего не замечал, увлеченный собственным красноречием, он считал, что провинившийся мальчишка просто корчится от стыда, слушая его нравоучения.

— ...такое легкомысленное отношение к жизни, твое и твоих друзей, не что иное, как потеря драгоценного времени. Видишь, к чему я клоню?.. — он продол-

жал пережевывать одно и то же, начисто забыв об Эллиоте, плененный звуками собственного голоса. — ...Наш мир — это определенная величина, сынок. Перестань витать в эмпиреях. Брось пустые мечты о том, чего не существует. Вот в чем, мне думается, кроется корень твоих проблем...

Но в этот момент корнем проблем Эллиота было то, что его с корнем отрывали от кресла. Земное притяжение было бессильно. Хмельная волна играючи поднимала его кверху, оторвав руки Эллиота от подлокотников, и он тут же взмыл к потолку директорского кабинета.

В это время директор протирал стекла очков, отвернувшись к окну и разглядывая их на свет, но разглагольствований своих не прекращал:

— ...поведение, мой мальчик. Знаешь ли ты, какой грандиозный прогресс достигнут благодаря тому, что человечество двигалось по заранее предначертанному пути развития...

Он обернулся к Эллиоту, но кресло, где только что сидел мальчик, было пусто.

Эллиот парил под потолком.

Этот факт директор осознал мгновением позже. Глаза его широко раскрылись. Он съежился в кресле, крепче сжав пальцами стекла очков. Он пытался взять себя в руки... Подумаешь, ну парит мальчик под потолком... В голове директора будто стучали молотом по наковальне, а над ним, грохоча колесами, проносился поезд.

Он прижался к спинке кресла и завыл, подобно Гарви.

Эллиот плавно опустился в кресло.

— Можно мне идти, сэр?

— Да, да, пожалуйста, иди... — директор вяло махнул рукой.

Опьяневший вконец инопланетянин шатался по дому. Шесть бутылок пива — непосильная нагрузка для организма старого и невинного небожителя.

Натыкаясь на мебель, переворачивая стулья, он бродил из комнаты в комнату. Гарви преданно следовал за ним, хотя ему было тоже не по себе из-за волн, исходящих от Ипа; он поник, отяжелел, еле залезал под стулья, с трудом выползал оттуда и наконец рухнул под диван.

— Что с тобой? — спросил Ип. — Неужели ты не можешь идти прямо? Как я... — инопланетянин хотел показать, как нужно ходить, но споткнулся и плюхнулся на пол. Затем поднялся и, напевая «Всякое бывает...», попробовал сделать несколько танцевальных па, которыми его научила Гerti.

Он пел в правильном ключе, но что-то путал в тональности. Гарви скулил, подвывая. Псу казалось, что он слышит голос, раздающийся в огромных каменных пещерах, высеченных в далеких мирах, где взад-вперед бродят крохотные чудовища...

— ...Но это только рок-н-ролл... — Ип качался из стороны в сторону, придерживая круглое брюхо.

Этот удалой танец мог бы продолжаться до бесконечности, если бы не вернулась Мэри. Она вошла через парадную дверь, листая журнал, вынутый из почтового ящика, и направилась на кухню.

Старый герой из космоса решил, что пришло время открыться ей в своих чувствах. Он спустился в прихожую.

Гарви устремился следом за инопланетянином и догнал его как раз в тот момент, когда на кухне появилась Мэри. Поспешно встав на задние лапы и высунув язык, он принялся кланяться у хозяйки подачку, стараясь загордить собой космическое чудовище.

— Чего тебе, Гарви? — спросила Мэри. — Я не знала, что ты умеешь так служить. Тебя Эллиот научил?

Собака утвердительно кивнула.

— Ведь я кормлю тебя позже, Гарви, ты же знаешь! — с этими словами Мэри вышла во двор.

Гарви опустился на все четыре лапы — он никогда не любил стоять на задних лапах в просительной позе — и взглянул на старого инопланетянина.

Ип посмотрел на пса, затем перевел взор в сторону двери, ведущей на задний двор, и, решив, что бессмысленно дольше скрываться от Мэри, оттолкнул Гарви в сторону.

Пес, словно мячик, взмыл вверх и опустился на порог в тот самый миг, как в дом с прижатой к груди охапкой цветов входила Мэри.

Гарви снова умильно завил хвостом и запрыгал перед хозяйкой, закрывая собой Ипа. Мэри остановилась. Лицо ее было скрыто цветами, и она не заметила старого волокиту.

— Гарви, ты слишком возбужден сегодня. Уж не подсыпал ли Майкл чего-нибудь в твою миску?

Пес отрицательно помотал головой.

Мэри опустила цветы в вазу с водой, поставила ее на стол, перекинула через плечо приготовленную к стирке скатерть и пошла к лестнице. Неужто Гарви кивал в ответ головой или ей показалось?..

Ип стоял, привалившись к стулу. Сколько можно бесцельно блуждать по дому? В поясе астероидов и то легче маневрировать.

Он пошатнулся, глубоко вздохнул и решительно двинулся вперед. Ведь кто знает, возможно, настал его последний день на Земле? Если сила земной гравитации будет подгибать его колени, он и до вечера не протянет. Нет, он не умрет, не открыв Мэри своих чувств.

С трудом доплелся Ип до лестницы. Гарви, как привязанный, брел рядом, недовольно ворча и барабаня хвостом по перилам.

В ванной комнате Мэри готовилась к любимому

вечернему душу. Захотела бы она, чтобы в ванной вместе с ней оказался инопланетянин? Чтобы он стоял рядом на смешных утиных лапах и смотрел обожающими глазами? Не похоже. Но вероятность этого возростала по мере того, как Ип карабкался вверх по лестнице, напевая «Всякое бывает».

За шумом воды Мэри не слышала космической серенады. Прошло несколько минут, пока нагрелся котел и пошла горячая вода. Она начала раздеваться.

Ип как раз проходил мимо ее спальни. Он заглянул в дверь, и все цветы бессильно поникли, то ли под собственной тяжестью, то ли от смущения. А что древний ботаник? Он продолжил свое шествие по коридору в сторону ванной. Гарви напрягся и поджал хвост. Ему запретили появляться в ванной комнате с тех пор, как он сжевал банный коврик.

Но тут старый путешественник остановился и... зашлепал обратно в свою каморку. Там он повалился на подушки и впал в забытье.

Ключник не знал, что губит трофей, о котором столько мечтал, что Ип уже телепатически обнаружил собранную Ключником ультрасовременную аппаратуру, и это угнетающе подействовало на инопланетянина. Он еще до конца не мог осознать, что означает вся эта неясная световая мозаика, паутина зондов, раздражающих его периферическое сознание, но его раздирали тысячи смутных тревог, и даже удивительное знакомство с пивом не помогало рассеять их. Лежа в чулане, не в силах приподнять голову, он ощущал механические руки, которые крепко сжимали его. Он забылся тревожным сном, сопровождаемым страшными видениями.

Источником этих видений был расположенный неподалеку склад, где ни на минуту не прекращалась работа. Ключник ликовал в предвкушении триумфа.

Подчиненные, словно муравьи, взволнованно сновали вокруг. Приближался исторический момент. Ключник понимал это, каким-то образом соприкоснувшись с телепатическим полем цивилизации, которая создала удивительный корабль и управляла им. Упоительные картины превосходили самые смелые мечты его детства, и странная любовь зрела в нем, любовь к чудесному разуму, который коснулся Земли.

Все было готово, отсчет времени начался. Но Ключника сковывала неосознанная сопричастность кораблю и его экипажу. В него словно вселилась могучая энергия корабля. Ключник опасался, как бы не разочаровать инопланетян. Кажется, он предусмотрел все для спасения их сородича.

Армада спецмашин, сложнейшая аппаратура ждали в полной готовности.

Все это Ключник приготовил ради затерявшегося существа из космоса.

Эллиот вернулся домой с Лэнсом.

— Что случилось с тобой на уроке, Эллиот. Ты словно помешался!

— Без тебя знаю.

— Зря ты так. Не стоило бы привлекать внимание в *такое время!*

Лэнс озабоченно посмотрел на Эллиота, словно мышь, поглядывающая по сторонам после того, как прогрызла насквозь кусок сыра.

Эллиот снова с трудом подавил желание отлупить Лэнса, но, как и прежде, в глубине косых глазок Поганца он заметил отсветы огоньков, мерцавших в глазах Ипа. Эллиот тяжело вздохнул и пошел к лестнице. Лэнс не отставал, словно комок жевательной резинки, приставшей к подошве.

— Здорово ты выдал этому биологишке! Ребята,

которые занимались после нас, говорили, что он был совсем обалдевший, будто надышался эфира. Знаешь ведь, как действует эфир...

Они вошли в комнату Эллиота, переступая через разбросанные вещи, прошли к чулану и увидели Ипа, лежавшего на подушках, задрав ноги.

Лэнс охватил страх.

— Ты оставляешь его одного?! Дурак! Ведь он — самое драгоценное, что есть на свете... А любой может забраться сюда и похитить его, или он сам может нечаянно пораниться... Мало ли что бывает...

Эллиот приподнял Ипа с подушек.

— Да он пьян!

Инопланетянин открыл глаза.

— Скажи правильно: «Шесть бутылок».

— Да, ты, пожалуй, перебрал, Ип.

Пришелец с дальней звезды, вращая глазами, пальцем начертил в воздухе какие-то космические знаки и икнул.

— Почему ты прячешь его? — не унимался Лэнс. — Знаешь, сколько людей заплатят бешеные деньги, лишь бы глянуть на него? Это тебе даже не «КИСС»*, и не команда «Янки» из Нью-Йорка! Это — золотая жила!

Лэнс жестикулировал, давая понять, что ему присущи все качества делового человека. Рыжий вихор удлинял форму его черепа, словно владелец его, спасаясь из мышеловки, лишь в последний момент успел выдернуть голову. Всякий бизнесмен спустил бы его с черной лестницы. Но самонадеянный выскочка с присущим этой категории людей апломбом гнул свое:

— Ты, я и Ип! Все оформим законно!

Эллиот поддерживал Ипа, но тот валился то вперед, то назад.

* «КИСС» — американская рок-группа.

— Скажи правильно: «Голова болит».

— Он совсем налился, — простонал Лэнс. — Тебе нужен администратор, Эллиот! Ты ни фиги не смыслишь в этом деле!

Эллиот держал Ипа в объятиях, ощущая непривычную, странную тяжесть.

— Ип! — он встряхнул инопланетянина, и тот повернул к нему голову, в глазах поблескивала бесконечность космоса, которой Эллиот никогда прежде не замечал. Далекие-далекие сигналы словно пронзили насквозь тело Эллиота, и тяжесть Ипа вдруг стала его собственной тяжестью.

— Ип, что... что происходит?...

Древнее существо повалилось вперед. Плотность его тела все время менялась. Ип словно был ядром умирающей звезды, вся сила земной гравитации влияла на него. Он превращался в черную дыру в космосе.

С Лэнсом тоже происходило что-то странное: страшная сила вдруг неудержимо потянула его книзу, он стал еще ниже и под тяжестью руки Ипа припал к полу, словно крыса.

— Он сообщается через тебя. Он твой, Эллиот. Но ты должен все это оформить по закону. Мой отец адвокат. Он нам подскажет, как действовать. Мы разбогатеет, будем ездить повсюду. Все станут искать знакомства с нами, мы сделаемся знаменитостями. Все захотят увидеть инопланетянина. А он будет принадлежать нам!

Но Ип не принадлежал никому, разве что силе земного притяжения. Он полностью протрезвел и ему одному известным способом в миг нейтрализовал действие алкоголя на свой организм. Но глубокие перемены в себе самом нейтрализовать не мог.

Он качался взад и вперед, его била дрожь. Казалось, настал конец его звездной жизни. Он будто сжимался. Жизнь в нем угасала на глазах...

Только бы не захватить с собой мальчика... Однако

черная дыра разверзалась, никто и ничто не могло избежать ее. Даже межзвездные корабли, пролетающие вблизи, поглощаются ею — таков закон космоса.

— Скажи правильно: «Уходи».

Ип пытался оттолкнуть мальчиков, но те цеплялись за него, и старый ученый ощущал пульсацию любви в их маленьких сердцах. Глупые дети, вам нельзя следовать за мной. Я же из другого мира. Ваш разум не может проникнуть туда, куда ухожу я. Я древний скиталец в бесконечности, а вы еще дети...

Гарви с визгом царапался в дверь. Возвращалась Мэри, пес чуял ее приближение и предупреждал об угрозе. Он тьякнул раз-другой, и мгновение спустя дверь внизу растворилась.

Гарви взглянул на существо из космоса, и его собачий ум учуял темную пропасть. Он отпрыгнул в сторону и ощутил в своих лапах непривычную тяжесть.

— Оставьте меня... — говорил Ип, пытаюсь поднять руки, но согласно Великой Теории концентрированная энергия, отлично подходившая для космоса, покидала его.

Он должен найти выход, чтобы умереть в одиночестве. Но даже тогда космическая сила может оказаться так велика, что начнет притягивать к себе другие силы. Кто дал ему, одинокому страннику, право явиться причиной гибели всей Земли?! Ведь его смерть может вывернуть Землю наизнанку...

— Скажи правильно: «Опасность».

Он мысленно пробежал по всем уровням космоса, но не смог отыскать нужную формулу для нейтрализации этой силы. Он был схвачен ею, а корабль находился в сотнях световых лет отсюда...

— Уф, какой он тяжелый, — сопел Лэнс, когда мальчишки, сгибаясь под тяжестью, волокли инопланетянина через комнату. Напрягая все силы, они опустили обмякшее тело на кровать Эллиота.

— Привет, ребята, — сказала Мэри, входя.

Гарви уже гарцевал на задних лапах, стараясь прикрывать собой Эллиота и Лэнса, которые поспешно натягивали простыню на неподвижного Ипа.

— Что ты сделал с Гарви? — спросила Мэри, удивленно глядя на пса, который, громко фыркая, странно размахивал перед ней лапами. — Дал ему таблетки? Скажи правду.

— Гарви, прекрати! — прикрикнул Эллиот.

Ип падал все ниже и ниже. Он чувствовал присутствие ивового создания, хозяйки дома, и знал, что и ее притянет космическая сила, а он не хотел этого — у него была своя дорога, у нее — своя. Микрокосм каждого из них находился в разных плоскостях. Ее затащит в глубину, в которую погружается он. Ее сознание подвергнется распаду, как и сознание мальчиков...

— Если я не встану... не встану... Скажи правильно: «Не встану!»

Но он не мог даже шевельнуться и только прислушивался к чужому языку землян.

— Что в школе?

— Все нормально.

— Хочешь есть?

— Мы сейчас спустимся, — ответил Эллиот.

— У вас найдется швейцарский сыр? — организм Лэнса нуждался в подкреплении. Он чувствовал себя странно, будто проваливается в какие-то бездонные глубины. В ту ночь, когда он мчался на велосипеде к холмам, ему казалось, что он может взлететь в воздух, а сейчас он чувствовал, что падает в пропасть, во тьму, окутанный чем-то липким, с чем может совладать только швейцарский сыр.

— Кто-то уже съел сыр, — сказала Мэри, искоса глянув на Лэнса. Материнская интуиция подсказывала, что мальчики скрывают от нее что-то, но она не хотела допытываться.

И вдруг у нее разболелась голова. Она вышла из комнаты.

Эллиот поспешно обернулся к кровати. Рука космического странника безвольно свесилась из-под простыни. Страх охватил мальчика, когда он увидел посережшую руку Ипа. Он опустился на колени перед кроватью и сжал ладонь Ипа в своей руке.

— Ип, поправься! Поправься, прошу тебя...

Наступила ночь. Эллиот притащил наверх все, что было в домашней аптечке, но лекарства без пользы валялись на столе. Они бессильны были излечить существо, лежавшее в постели.

Водоворот гравитационных сил захватил инопланетянина. Мечты о Земле, о звездном свете оставили его. Солнце сделалось для него черным.

Но он должен предотвратить несчастье, сделать так, чтобы его собственная катастрофа не обратилась против землян и самой Земли... Он знал, что для этой планеты галактическое уравнение сформулировано не было, так что она и в самом деле могла последовать за ним, когда он уйдет в небытие, потому что его организм владел великой тайной микромира.

Все цветы в доме увяли. Даже стены, казалось, с каждым вздохом смыкались все теснее.

— Поправляйся, — молил Эллиот, уверенный, что древний гений может совершить все. Но есть вещи, неподвластные даже высшим существам.

— Тогда дай мне твою силу, — просил Эллиот, не подозревая, что в него уже вселилась сила, способная перенести его в другой мир. Но сила эта была такой древней и стремительной, что он не мог управлять ею, а переход в иное измерение мог разрушить его сущность.

— Отнеси меня... далеко... — прошептал Ип. — И оставь одного...

— Я никогда не оставлю тебя, — твердо сказал Эллиот. — Никогда...

Заброшенный на Землю древний космопроходец усилием воли заставил себя вернуться к действительности.

— Я страшная угроза для тебя... — Ип приподнял голову. — И для... твоей планеты...

— Но наш передатчик ведь работает...

— Ерунда, — отрезал Ип.

Глаза его блеснули в лунном свете. В них Эллиот видел невероятной сложности сплетения линий и лучей. Это были глаза, постигшие угасающую глубинную энергию.

Потолок стонал над головой. Гарви скулил в углу, а неземные глаза созерцали мелькающие таинства материи, которые ни один звездный ботаник не мог изменить.

— Ты даже не пытаешься, — взывал Эллиот, страшась этих глаз и не в силах оторваться от них. — Пожалуйста, рошу тебя, Ип...

Ночь все тянулась. Тело Ипа затвердевало, становясь все более серым. Губы шевелились, но ни звука не слетало с них, слышались только какие-то внутренние хрипы, последняя компрессия звездной материи. Тело маленького инопланетянина обрело невероятную плотность. Ядро его организма всасывало немыслимую энергию. Что-то громоздилось в нем, до предела стягивая его звездное нутро.

Эллиоту казалось, что его собственное тело заковано в железные цепи, которые тянут вниз. Он изнемогал от тяжелого бремени; голова кружилась, и беспросветное отчаяние повисало на нем непосильным грузом. Когда наконец наступил тусклый рассвет, Эллиот с трудом поднялся и подошел к Ипу. Он увидел, что Ип ссохся, посветлел и превратился в белого карлика.

Едва передвигая ноги, Эллиот потащился в коридор

и доплелся до комнаты Мэри. Подавленность и чувство одиночества овладели им. Он казался себе внезапным существом, чуждым самому себе, и это пугало его.

— Что случилось? — встревожилась Мэри.

— Все потеряло смысл, — сказал Эллиот, чувствуя, что проваливается куда-то, лишается сознания.

— Нельзя так, мой мальчик, — сказала Мэри, хотя сама чувствовала себя ужасно, всю ночь ее мучил кошмарный сон — она тонула и никак не могла выплыть.

— У меня есть что-то чудесное, — бормотал Эллиот, — но по моей вине оно затосковало.

— Это бывает со всеми, — изрекла Мэри подходящую случаю банальность. Ей самой банальности никогда не помогали, почему же помогут сыну? Мэри хлопала по постели, приглашая сына прилечь рядом. Тепло человеческого тела успокаивает лучше всяких слов, но в это серое раннее утро ее пробирал холод одиночества, и ей не стало легче, когда Эллиот прикорнул под боком.

Что творится в доме?.. Она чувствовала — происходит что-то ужасное, все засасывающее в себя.

— Расскажи мне, — попросила она.

— Потом... — Эллиот прижался к матери, но его не оставляло ощущение полета куда-то вниз, в водоворот, туда, где ничьи руки не могли спасти его, ибо там никого не было.

— Спи, — сказала Мэри, глядя его лоб. — Спи...

Эллиот заснул. Ему снилось чугунное ядро, которое то расширялось, то становилось все меньше и меньше, и он летел на нем сквозь небытие.

Когда в семь тридцать заверещал будильник, Мэри осторожно сползла с постели, чтобы не потревожить

сына. Она знала, что тот способен симулировать лихорадку, но сейчас это было не притворство. Она набросила на себя халат, прикрыла заспанные глаза, но тут же встряхнулась, отгоняя сон, и посмотрела на Эллиота. Что с мальчиком? Уж не отведал ли он чего? Неужели ее ребенок пойдет по стопам отца? Там на кухне шесть пустых бутылок из-под пива...

Дверь отворилась и вошел Майкл.

— Где Эллиот?

— Не буди его, — зашептала Мэри, выталкивая старшего сына в коридор. — Ты не знаешь, что с ним? — запахивая потуже халат, спросила она. — Он чем-то угнетен...

— Наверно, школой, — предположил Майкл. — Школа очень угнетает.

Обернувшись, он окинул взглядом коридор. Что-то неладно с Ипом, неладно с Эллиотом, да и у него самого голова раскалывается.

— Пусть поспит, — сказала Мэри.

— Позволь мне остаться с ним, — попросил Майкл. — У меня сегодня мало уроков. Прошу тебя, мам...

Мэри вынула из кармана халата таблетку аспирина.

— Ладно, — разрешила она. — Может, тебе удастся вывести его из этого состояния.

Она пошла к лестнице, пытаясь стряхнуть с себя оцепенение. Может быть, перед сном она приняла по ошибке валиум? Голова была свинцовой...

— **П**роснись, Эллиот, проснись! — Майкл присел на край постели и приподнял брату веко. В глазах Эллиота не было ничего похожего на его обычный взгляд. На Майкла смотрел камень.

Он принялся трясти мальчика.

— Пожалуйста, Эллиот, прошу тебя, проснись!

Сознание не сразу вернулось к Эллиоту, и Майкл, поддерживая брата, помог ему дойти до его комнаты. Майклу казалось, что он тащит тяжеленный булыжник. Что за странная сила тянула его вниз? Что случилось с Эллиотом? Что происходит с их домом? Рушится?..

Майкл потрогал стену, желая удостовериться, что это не так, но стена шевельнулась в каком-то ином измерении, и комната на мгновение озарилась мрачным сиянием.

— Встряхнись, Эллиот!

Эллиот очоленел, тело его было твердым, словно из железа.

А Ип, покрытый простыней, стал белым, как мел.

Майкл опустил брата на диван, страх обуял его, тысячи темных мыслей сходились в какой-то отдаленной точке.

Ип дышал неровно и тяжело, энергия покидала его. Небожитель должен был уйти в небытие. Он больше не владел собой.

«Спаси меня!.. — молил он своего Капитана, ведущего корабль где-то во тьме, в далеком-далеке отсюда. — Вернись, мой Капитан, вернись за погибающим ботаником первого класса... Мои растения увядают... И я с ними...»

— Нужно позвать кого-нибудь, — тревожно произнес Майкл, — нам необходима помощь...

Эллиот обернулся к Майклу, глаза его походили на щупальца медузы, спасающиеся от опасности.

— Нет, Майкл, не вздумай... Не надо...

Эллиот знал, что никого нельзя посвящать в их тайну. Армия не поймет. Не поймет и правительство. Они схватят чудесного пришельца из космоса и подвергнут всяким экспериментам.

— Я согласен на совместное владение... Попоплам... — глухо произнес Эллиот. — Согласен. Но больше ни на что...

Майкл вытер вспотевшее лицо, соображая, что в их игре «ДД» означает совместное владение. Волны, исходящие от постели, в которой лежал Ип, качали его из стороны в сторону, бросали по комнате словно куклу, и Майкл понимал, что справиться с этим он не в состоянии. Волны превосходили его силу. Стены зловеще пульсировали, и Майклу виделись тысячи маленьких образов инопланетянина, позади которых полыхало космическое пламя... Уж не собирается ли звездный пришелец поджечь Землю?..

— Эллиот... — Майкл отошел в сторону, думая защитить себя этим от дикой пляски взбесившихся атомов. — Эллиот, мы потеряем его, если не позовем на помощь... И тебя потеряем, Эллиот...

В глазах Эллиота металась красная щупальца, в них была сила, не постижимая Землей. Эллиот пылал, как железо в горне.

Майкл подхватил Эллиота одной рукой, инопланетянина другой. Он был здоровым и рослым, но ноша оказалась не по нему... Он напрягал все свои силы. Энергия Ипа будто помогала ему, двигала руками мальчика. Прикосновение инопланетянина рождало электрическое чудо, результат десяти миллионов лет познания звездной науки. Результат полетов в могущественные далекие миры, где он столькому научился.

Майкл дотасил их до ванной, открыл душ. Нужно охладить пламя, сжигавшее Эллиота.

Хлынули струи воды. Старый путешественник шевельнулся под льющимся потоком; когда-то на него низвергался водопад на Венере, в потаенном гроте, где во мраке пляшут невидимые реки. Ип закрыл глаза, подставив тело венерианской влаге. Все, все, что он любил и куда стремился, исчезнет для него навсегда. Нет, надо отбросить эти мысли. Он сам, глупец, лишил себя бессмертия. Отмерил сотни тысяч звездных миль, и вот оступился...

И теперь — последний душ...

...который одни принимают на Венере, а другие — на Марсе...

...но только космический безумец дал поймать себя на Земле...

Он осел в ванную, колени его подогнулись, словно тонны свинца были запрессованы в них.

Эллиот, притянутый на дно ванны, опустился вместе с ним.

Внизу отворилась дверь, и в дом вошли Мэри и Герти.

— Пойди, навести братика, он захворал, — сказала Мэри.

Она поставила на пол сумку с покупками, головная боль вернулась к ней в ту же секунду, как она переступила порог дома. словно лезвие ножа вонзили в темя и безжалостно поворачивают.

Мэри повела головой из стороны в сторону, пытаясь избавиться от боли, потеряла виски. Не иначе, врач прописывает ей не те лекарства, которые надо.

С прытью молодости Майкл сбежал по лестнице, топоча, словно ноги у него были из чугуна.

— Тише, дорогой, — взмолилась Мэри. — Проломишь пол...

— Мама, мне надо тебе кое-что сообщить... Только сядь...

Мэри оторопела. О боже, не обрушивай на меня очередное несчастье с детьми, только не сегодня, никаких укусов, вывихов или других ужасных последствий мальчишеских баталий...

Она тяжело опустилась на стул, который жалобно заскрипел, словно готовые вот-вот лопнуть сухожилия.

— Что-нибудь серьезное?

— Даже не представляешь насколько...

Она резко вскочила, так что закружилась голова.

— Помнишь гоблина?

«Лишь бы не какой-нибудь сексуальный маньяк», — промелькнуло в голове Мэри. Что творится в семье?..

В глазах у Майкла плясали медузы.

На лестнице послышались шаги Герти, и Мэри поразилась, как ходят ходуном ступеньки под ногами пятилетней девочки.

— Мама! — закричала Герти. — Они исчезли! Их нет в чулане!

— Кого это «их»? — Мэри недоуменно взглянула на сына.

— Пойдем, я покажу тебе, так будет лучше, — сказал Майкл.

Он повел мать вверх к ванной комнате.

— Дай самую торжественную клятву...

— Майкл... — Мэри ничего не могла понять, а Майкл, как назло, говорил так, словно играл в «Драконов и демонов». — Что случилось?

Майкл открыл дверь в ванную и отдернул занавеску душа. Мэри заморгала, на какую-то долю секунды зажмурившись от ужаса, — ей показалось, что на дне ванны корчится какая-то рептилия. Но, раскрыв глаза, она увидела Эллиота и...

— Мы заболели, — Эллиот протянул к ней руку. — Мы умираем...

Вода лилась на них, на Эллиота и на жуткое исчадие ночных кошмаров. Губы ужасающего монстра зашевелились, и Мэри услышала прерывистые, словно доносившиеся из пещерных пустот, слова: «и..иво... вое... создание...»

— Он с Луны, мама, — пояснила Герти.

Мэри подхватила Эллиота и вытащила из-под душа. Как убежать, куда скрыться от этой пленившей Эллиота мокрой рептилии?

— Скорее вниз! — закричала она, набрасывая на Эллиота полотенце и подталкивая перед собой детей.

Гонимая страхом, Мэри бежала, не задумываясь куда. Лишь бы подальше от чудовища.

— Нельзя оставлять его одного, — запротестовал Эллиот.

Но Мэри обладала сейчас Абсолютной Властью, рожденной страхом за детей. Подгоняя перед собой ребят, она распахнула дверь — и тут рассудок и вовсе покинул ее. На пороге стоял астронавт.

Он смотрел на нее сквозь стекла скафандра. Захлопнув у него перед носом дверь, Мэри бросилась к двери, ведущей на задний двор. Но и оттуда в дом входил астронавт...

Мэри судорожно метнулась к окну. Пластиковое полотнище вдруг закрыло его, и здесь она тоже увидела человека в космическом скафандре, который крепил полотнище к оконной раме.

Несколько мгновений спустя огромный пластиковый колпак накрыл весь дом.

Все жилище Мэри было укрыто воздухо непроницаемым прозрачным хлорвиниловым шатром. Воздух в помещение поступал по пластиковым трубам, перекинутым через крышу и опоясывающим весь дом. Яркие прожекторы, установленные на высоких помостах, освещали строение со всех сторон. Улицу перекрыли трейлеры и грузовики, повсюду сновали люди в синих комбинезонах.

Войти в дом можно было только через пластиковую трубу большого диаметра, конец которой был закреплен в кузове автофургона.

Ключник натянул на себя комбинезон, надел скафандр, и прошел по пластиковой трубе к переходной камере. Он расстегнул замок-молнию и оказался в карантинном отсеке.

— Потрясающе... просто потрясающе... — бормо-

тал себе под нос скептически настроенный микробиолог. Голос его из герметического шлема звучал глухо, лицо напоминало золотую рыбку с выпученными глазами, томящуюся в зоомагазине в маленькой стеклянной банке. Ошеломленный, стоял он посреди комнаты, которую отвели ему и группе специалистов, занимавшихся исследованием тканей инопланетянина. Внутреннее строение пришельца из космоса повергло ученых мужей в шоковое состояние — лишь наиболее хладнокровные вышли из оцепенения, тщетно пытаясь разобраться в невероятной головоломке.

В гостиной, превращенной в медпункт, бригада врачей обследовала членов семьи. У Мэри брали кровь на анализ:

— Наблюдались ли изменения в доме с тех пор, как... это... появилось у вас? Температура, влажность, сила света?..

Мэри глядела на врача, не в силах произнести ни слова, а может, и не желая отвечать. Другой врач измерял давление крови у Майкла.

— Скажи, не менялся ли цвет кожи этого существа или его дыхание? Может быть, ты наблюдал выпадение волос, признаки потливости?

— А у него не было никаких волос, — сказал Майкл.

— Очевидно, — обратился один врач к другому, — дети установили примитивную языковую связь для общения с существом. Семь-восемь односложных слов.

— Это я научила его говорить, — заявила Герти врачу, который срезал у нее с головы прядь волос.

К ней наклонился психиатр.

— Ты научила его говорить?

— Да. Моим «Скажи правильно».

Вероятно, психиатр никогда не слышал о такой игрушке.

— А ты не видела, чтобы твой друг проявлял какие-нибудь чувства? Плакал или смеялся?

— Он плакал, — подтвердила Герти. — Он хотел домой.

Застрельщик всей этой деятельности прошел в столовую, которая была отдана в распоряжение рентгенологов. Разглядывая снимки инопланетянина, они только почесывали затылки (если можно так выразиться, поскольку головы у них были в шлемах). Ключник растегнул молнию пластиковой двери и перешел в комнату, где карантин соблюдался особенно строго. Все стены тут были затянуты пластиком, а посреди разместился пластиковый бокс, площадью десять на десять футов. Внутри бокса на столе лежали Эллиот и инопланетянин, окруженный бригадой медиков.

— Электрокардиограмма совершенно не похожа на человеческую.

— Ну хоть какие-нибудь зубцы есть?

— Не знаю... Не могу понять...

Кардиограммы, которую пытался расшифровать кардиолог, не было ни в одном учебнике. Но врачи забавный народ: только подпусти их к любой, самой невероятной форме жизни, и они найдут, что обследовать на всех мыслимых приборах, чтобы с уверенностью выдать внешне вполне обоснованное заключение.

— Странно... — причитал один из врачей, хотя на самом деле все обстояло более чем странно. В существе, распростертом на столе перед светильниками медицины, все противоречило этой науке — одни части тела пришельца скорее походили на овощи, другие были твердыми как камень и совершенно не пропускали рентгеновские лучи.

— Как с ультразвуком? Вы установили, где находится сердце?

— Никак не найду.

— А у него вообще есть сердце?

— Светится весь экран. Похоже, что его грудная клетка — сплошное сердце...

Они щупали и зондировали Ипа, сгибали и разгибали его руки и ноги, вонзали иглы в поисках венозных сосудов, проверяли рефлексы. Были обнаружены ушные клапаны, открыты нежные слуховые каналы. Сверхчувствительные к свету глаза Ипа подвергались безжалостному воздействию ярчайших ламп. Ученые работали лихорадочно.

Руководитель бригады медиков пытался вытереть пот со лба, забыв о шлеме. Он был обескуражен, растерян и смущен. Он склонен был видеть в Ипе лишнее всяких чувств чудовище океанских глубин, чьи нечеловеческие органы и их функции составляют неразрешимую загадку. Уродство инопланетянина повергало доктора в ужас, так что он забывал о непремennom для его профессии милосердии. Распростертое на столе создание явно принадлежало к существам, материализовавшимся из ночных кошмаров.

— Оно живо, — пролепетал ассистент, — но я не прослушиваю дыхания.

— ...Пульс ровный...

Старый путешественник был недвижим. Ослепительный режущий свет, жуткий свет землян, больно бил по глазам, проникал глубоко внутрь. Он был во власти земных врачей, с их примитивной аппаратурой, которую и сравнить нельзя было с чувствительнейшими приборами на Великом Корабле.

«Ах, медицина!» — подумал он, мысленно взывая к Галактической Ночи, где летали его врачи.

— Телосложение марфановского типа.

— Запишите — «относительный экзофтальм».

— Положительный двусторонний рефлекс Бабинского.

— ...Зарегистрировал дыхание... Один-единственный вдох...

Ип пытался нащупать путь к кораблю, олицетворявшему смысл его существования, его необходимости во Вселенной. Неужели он распрощается со всем этим?

Железные цепи Земли сковывали его по рукам и ногам. Тяжесть была ужасающей, и силы покидали его.

— Дал ли результаты изотопный метод?

— Мы определили порог радиоактивности. Никаких костных повреждений не обнаружено.

— А как с эффектом Доплера? Не выявили ток крови?

— Кажется, немного в паховой области.

— На ЭКГ появились электросистолы, одновременно у объекта и у мальчика.

И снова главный медик нервно почесал шлем. Мальчик и чудовище непонятным образом были связаны между собой, словно невидимой пуповиной, через которую чудовище поддерживало жизнь ребенка, или наоборот. Мальчик то пребывал в бесчувственном состоянии, то приходил в сознание, галлюцинировал, что-то несвязно бормотал, и вновь проваливался в небытие.

«Я бы перерезал эту пуповину, если бы знал, где она и что собой представляет», — подумал врач.

Он все глубже и глубже проникал в загадочный организм. Было очевидно, что истерзанное существо умирает. Но тревожил ребенок. Сердце его работало с переборами, пульс едва прощупывался и был синхронным с пульсом чудовища.

«Будь оно все проклято», — подумал врач, бросив взгляд сквозь прозрачную стенку бокса на соседей — может, хоть они поняли, в чем тут дело?.. Он увидел склоненные над аппаратурой головы в шлемах, и ему стало ясно, что ответа нет и у них. Он перевел взгляд обратно на чудовище. Вряд ли существовало на Земле более бесчувственное, холодное и вызывающее отвращение существо! Но ведь существо это разумное! Дока-

зательство тому — космический корабль! Но кораблем могли управлять вовсе не его создатели!

Игла шприца вонзилась в руку инопланетянина. Эллиот, лежавший рядом на столе, вздрогнул, словно укололи его. Мальчик открыл глаза и обратился к тому, чье лицо ему было знакомо, к Ключнику:

— Вы делаете ему больно... Вы убиваете нас...

Ключник посмотрел на инопланетянина. Былая уверенность в благородстве пришельцев из космоса оставила его при виде этого уroda. И все же он еще находился под влиянием исходящих от Ипа волн. Существо, лежавшее на столе, при всей своей омерзительной наружности, явилось из корабля, а корабль — предел совершенства и могущества. Служить ему — было целью жизни Ключника.

— Мы хотим помочь ему, Эллиот. Ему необходима помощь.

— Он хочет остаться со мной. Он не знает вас.

— Эллиот, твой друг — уникальное и бесценное существо. Мы хотим ближе познакомиться с ним. Тогда мы сможем многое познать о Вселенной и о жизни в ней. Ты спас его, был к нему добр. Позволь теперь нам сделать то, что повелевает наш долг.

— Он хочет остаться со мной.

— Так и будет. Куда бы он ни отправился, ты будешь сопровождать его. Обещаю тебе.

Но никто не мог сопровождать инопланетянина туда, куда он отправлялся. Вихревые силы в глубинах его организма рвались наружу. Старый путешественник ощущал грандиозность этих сил, словно они принадлежали могущественному древнему дракону, изрыгающему пламя. Но сородичи Ипа обуздали это пламя... Неужели теперь все кончится катастрофой?! Неужели он явится причиной гибели Земли?! Все кричало в нем — нет, этого не должно произойти! Что может быть ужаснее, чем стать виновником гибели такой пре-

красной планеты?! Вселенная проклянет меня навеки.

Но дракон в нем продолжал плясать, глаза дракона горели, как тысячи солнц, пламенея жаждой террора и завоеваний. Если сверхмощная сила вырвется на волю, она сметет всех и вся — докторов, аппаратуру, друзей и врагов.

— Мальчик опять потерял сознание.

— Позовите мать.

Ип из последних сил цеплялся за край пустоты. Грохот стоял в ушах, пасть дракона разверзлась, страшные черные языки космического пламени рвались на волю, жаждущие поглотить планеты, всю Солнечную систему, все, что ни встретится на пути. Ип чувствовал, что оболочка его естества разрывается и звездный разум вытекает из нее все быстрее и быстрее.

— Давление падает...

— Увеличить подачу кислорода!

— Появился зубец F!

— Откуда вы знаете, что это F, когда нет зубцов Q, R и S?

— Пошла прямая линия.

— Скорее электрошок!

К груди Ипа подвели электроды. Мощный электрический разряд. Адреналин. Массаж грудной клетки.

— Никакой реакции...

Сердце старого путешественника остановилось. Инопланетянин был мертв, но зашевелился Эллиот, силы начали возвращаться к нему в тот самый момент, когда перестало биться сердце Ипа. Инопланетянин в последний миг вспомнил давно забытую им формулу отгородившего его щита, который помешал мальчику последовать за ним.

— Не реагирует, — сказал врач. — Нет дыхания.

— Он умеет задерживать дыхание! — закричал Эллиот.

Врачи только покачали головами. Существо, которое они пытались спасти, ушло из жизни, и теперь их измученные головы задавались вопросом — над кем же все-таки они трудились?..

Озабоченные, они не обратили внимания на то, как вдруг упало напряжение в сети, мигнули лампочки, не заметили они и того, как задрожал дом, колыхнулась вся долина. Уловили это другие специалисты, оснащенные приборами, регистрирующими колебания земной коры.

Ключник, как ребенок, не верящий в смерть, склонился над инопланетянином и тихо спросил:

— Как вступить в контакт с вашими сородичами?

Эллиот не чувствовал руки Мэри у себя на плече, он думал только о своей потере.

— Он был лучше всех... — рыдал он, не отрывая взгляда от тела друга.

Рядом с ним стояли Герти и Майкл, проникшие в бокс вопреки протестам врачей.

Герти приподнялась на цыпочки и посмотрела на Ипа.

— Он умер, мама?

— Да, детка.

— Я хочу, чтобы он жил.

Меньше всего на свете хотела этого Мэри. Она глядела на безобразное сморщенное тельце, ужасный рот, длинные, вызывающие гадливость пальцы на руках и ногах, отталкивающий живот — и это чудовище едва не погубило ее сына!

— Я хочу, — повторила Герти. — Хочу, хочу, хочу!

«И я хочу», — подумала и Мэри, сама не понимая, почему повторяет детскую мольбу.

Всех попросили покинуть бокс, в том числе и Эллиота. Он вышел вслед за остальными и остановился у входа. Через прозрачную стенку он видел, как Ипа уложили в пластиковый мешок, затянули молнию и засыпали сухим льдом. Затем принесли небольшой свинцо-

вый ящик и опустили в него безжизненное тело.

Ключник подошел к мальчику и положил руку ему на плечо.

— Хочешь попрощаться с ним? — сказал он и впустил Эллиота в бокс.

Эллиот встал у маленького гроба, на который еще не опустили крышку, и смахнул кусочки льда над лицом Ипа. Слезы текли по щекам и капали на пластиковую пленку над изборожденным морщинами лбом инопланетянина.

— Я думал, ты всегда будешь со мной, Ип... Я хотел показать тебе столько интересного... Я так мечтал о тебе. Но я не знал про эту мечту, пока не появился ты... Куда ты ушел от меня?..

«Вы верите в фей?»

«*гипп гупп сннннн орг...*»

Луч золотистого света возник извне. Историки, изучающие космос, разошлись во мнениях относительно того, откуда он появился. Этот луч был древнее Ипа, древнее самого древнего ископаемого на Земле. Некоторые утверждали, что это была исцеляющая сила самой Земли, сверкнувшей одной из множества своих тайн, своего рода жест вежливости в отношении гостя.

«Никогда больше не заглядывай в окна», — якобы произнес луч и исчез, утверждали другие.

Говорили также, что Земля была обречена и погибла бы, если бы спасение не пришло от дружественной планеты, протянувшей руку помощи и умиротворившей дракона, обладавшего ядерной мощью.

А некоторые слышали еще: *дриппп цуууннннггг уммтврд ссс...*

Зов извне...

Как бы то ни было, но луч коснулся пальца Ипа, и палец засветился.

И Ип самоисцелился.

Как это произошло, он и сам не знал.

Но ему привиделся Капитан корабля.

— Добрый вечер, Капитан, — сказал Ип.

— Не заглядывай в окна, — раздалось в ответ.

— Никогда, мой Капитан...

Яркий свет проник в Ипа, и он почувствовал, что тело его приобретает золотистый оттенок, а сердце-фонарик, где золотистый цвет переходил в розовый, вспыхивает, затухает и вспыхивает вновь.

Испарение, подымавшееся от сухого льда, порозовело. Эллиот заметил это, смахнул лед с груди Ипа и увидел мерцание сердца-фонарика. Он быстро обернулся, посмотрел на Ключника, поглощенного беседой с Мэри, и поспешно прикрыл сердце-фонарик рукой.

Глаза инопланетянина раскрылись.

— Ип звонить домой...

— Отлично, — радостно шепнул в ответ Эллиот. — Отлично! — Он снял с себя рубашку и накрыл ею сердце-фонарик Ипа. — Нужно вызволить тебя отсюда. Лежи тихо...

Он затянул молнию на мешке, разровнял сухой лед и со скорбным видом вышел из бокса. Закрыв лицо руками, Эллиот миновал Мэри и Ключника, и в следующий миг очутился на кухне, где и нашел стоявшего возле увядшей герани Майкла. Эллиот что-то прошептал брату, и герань, как и Майкл, подняла голову. Секунду спустя она уже снова пышно цвела.

Майкл тихонько поговорил по телефону и выскользнул через заднюю дверь из дома.

Эллиот стоял в пластиковой трубе. Мимо пронесли свинцовый гробик. Придерживая края пластиковой двери, Ключник помогал внести гробик в фургон.

— Я поеду с Ипом, — заявил Эллиот.

— Ты с мамой и ребятами отправишься со мной, Эллиот. Мы едем туда же.

— Я поеду с ним, — упрямо повторил Эллиот. — Вы обещали!

Ключник вздохнул и пропустил мальчика. Эллиот взобрался в фургон.

Подождав, когда отойдет Ключник, Эллиот постучал в окошко кабины. Там за рулем сидел Майкл.

— Эллиот, я ведь никогда не водил машину вперед, только задним ходом...

Он запустил двигатель, включил скорость и нажал на газ. Фургон резко взял с места. Раздался страшный треск — фургон отрывал от здания всю систему пластиковых труб, по которым входили в дом. Машину занесло к обочине выездной аллеи. Каким-то чудом Майкл вырулил на улицу. За фургоном, словно извивающийся хвост дракона, волочилось по мостовой футов двадцать пластиковой трубы.

Майкл сигналил во всю мочь. Полицейские поспешно разгоняли толпу зевак, люди бросались врассыпную от мчавшегося фургона...

Эллиота здорово потрянуло, когда машина рванулась вперед. Он глянул назад и увидел, как двое подручных Ключника барахтаются в трубе. Хватаясь за жесткие ободья, они пытались подобраться к фургону.

Посмотри Эллиот чуть дальше назад, он бы увидел, как Мэри поспешно села за руль своей машины рядом с Герти. Объехав припаркованные машины, она погналась за фургоном, моля лишь о том, чтобы ее сыновей не осудили за угон правительственного автомобиля.

— Куда мы едем, мама? — спросила Герти.

— За кремом из плаценты, — ответила Мэри.

Завизжали покрышки, когда она, резко свернув, на полном ходу пронеслась между выстроенными в ряд полицейскими машинами.

— Эллиот с Майклом угнали фургон?

— Да...

— А почему они не взяли меня с собой?

— Потому что ты слишком мала, чтобы угонять чужие машины, — ответила Мэри, не снижая скорости. — Подожди, пока вырастешь.

Она круто свернула за угол, следом за удаляющимся фургоном. Мэри уже поняла, что чудовище ожило, она ощущала это всеми своими нервными клетками. И если желание детей или просто слепое счастье вернуло его к жизни, она была рада, пусть это и усложнит ее собственную жизнь. И хотя полиция преследовала их по пятам, она чувствовала: все, что случилось, — к лучшему.

Оба агента в болтающейся по мостовой из стороны в сторону трубе, хватаясь за ободья, пробирались вперед к фургону. Они уже были почти у цели, когда заметили Эллиота, который что-то торопливо крутил.

«Уж не хочет ли сопляк отомкнуть крепления?» — подумал один из них, но уже в следующее мгновение оба агента кубарем катились по мостовой, барахтаясь в пластике, в то время как фургон прибавил скорость.

Майкл изо всех сил сражался с баранкой и педалями.

— Мы разобьемся, Эллиот, — крикнул он через плечо. — И мне уже никогда не видать водительских прав...

Он дивился тому, как удастся встречным машинам в последний момент увильнуть от, казалось бы, неизбежного столкновения с фургоном. Тем временем Эллиот на четвереньках добрался до ерзавшего по салону свинцового ящика, сбросил крышку и дернул молнию на пластиковом мешке.

Ип сел, отряхивая сухой лед, и огляделся.

— Ип звонить домой...

— Они прилетят за тобой? — спросил Эллиот.

— Зиийип зиийипл цвак-цвак...

Глаза инопланетянина сверкали ярче сердца-фона-

рика, которое отозвалось на вопрос Эллиота, осветив фургон.

Майкл свернул на дорогу, ведущую к холму, который назывался Сторожевым, где их уже ждала в полном составе оповещенная Майклом команда «Драконов и демонов». Ребята держали наготове велосипеды для Майкла и Эллиота.

Фургон резко затормозил, и братья помогли Ипу спуститься на землю.

Демоны — Тайлер, Грег и Стив, широко разинув рты, глядели на приближавшееся к ним чудище.

— Он из космоса, — сказал Эллиот. — Мы отвезем его на корабль.

Как ничего не могли понять некоторое время назад ученые-медики, так недоумевали сейчас и «демоны». Но играя в свою игру, они исполняли роли наемников, орков, колдунов, рыцарей, а потому отчасти были подготовлены к встрече с любыми исчадиями ада. И хотя происходящее плохо укладывалось в их головах, они быстро помогли Ипу забраться в корзину на багажнике Эллиота, и все вместе направились по одной из четырех дорог к Сторожевому холму.

Возглавляя группу Тайлер, он яростно работал педалями, чтобы оторваться от чудища, кем бы оно ни было.

— Эллиот! — крикнул Грег, но захлебнулся слюной. — Что... что...

Ничего членораздельного он не мог произнести, язык не слушался, и он только быстрее завертел педалями. Рядом Стив сгорбился над рулем. Крылья его бейсбольной шапочки развевались по ветру. Теперь он понял, что это чудище как-то связано с кексами из песка, которые пекла сестренка Эллиота. Он еще разберется, почему Эллиот был таким покорным. Но пока он поклялся себе — никогда, ни за что не связываться с сестрами! Он еще ниже склонился над рулем. Мозг кипел от вопросов, на которые у него не было ответа.

Едва эта странная компания исчезла из вида, как на склоне холма появились машины. Здесь же была и Мэри. Все разом, заскрежетав тормозами, окружили фургон. Полицейские повыскакивали с пистолетами наготове. Мэри бросилась к ним с криком:

— Остановитесь, это же дети!

От нервного напряжения голос Мэри был более чем решительным. Полицейские, оторопев, пропустили ее к фургону. Будь Мэри такой же напористой на суде, когда разбиралось дело о разводе, она была бы теперь куда богаче.

Эта задержка еще больше увеличила расстояние между велосипедистами и преследователями. Когда дверцы фургона открыли, все увидели, что внутри никого нет.

В этот самый момент из-за кустов появилась новая личность, каким-то образом почуявшая, что нет сегодня на Земле более важной точки, чем эта.

— Они на великах! — закричал Лэнс. — Я знаю, куда они поехали!

Мэри зажала рукой рот Поганца и втощила его в машину. Но Лэнс опустил стекло и во весь голос завопил:

— На озеро! Они поехали в дальний конец озера!

Полицейские и агенты рассыпались по машинам и помчались к озеру.

Лэнс обернулся к Мэри:

— Скорее в лес... Я покажу вам...

— А как же озеро?!

— Хоть меня и называют Поганцем, но я не идиот!

Ип и компания спешили по извивающейся тропинке к месту посадки корабля. «Демоны» с опаской продолжали поглядывать на инопланетянина, но сердца подсказывали, что он был их другом и что вот наконец-то

они участвуют в настоящей Игре! И они еще яростнее крутили педали.

В это самое время преследователи неслись вдоль озера, мимо кемпингов и коттеджей. У домика лесника они притормозили.

— Нет, здесь никто не проезжал... — лесник в недоумении поглядывал на машины, сгрудившиеся на грязной дороге. Что случилось? Кого они ловят?..

Из-под буксующих колес летели камни и комья грязи, затем машины развернулись и выбрались обратно на асфальтированное шоссе.

— Теперь куда? — спросил водитель головной машины, сержант с дергающимся веком, и, словно подчиняясь какому-то внутреннему приказу, крутанул баранку влево. Остальные машины последовали за ним. Агенты настаивали на тщательном прочесывании местности — шла большая охота.

— Развилка, разделяемся...

Переговариваясь по рациям, полицейские рассыпались веером по разным дорогам; машины то сближались, то разъезжались, водители их не сознавали, что действуют по сигналам, исходящим от преследуемого ими инопланетянина. А он тем временем своим телепатическим зондом поспешно обследовал небо-склон.

Ип трясся на багажнике, вцепившись длинными пальцами в края корзины. Голова его звенела от сигналов — *знакл нерк снаккл слышишь-ли-нас...*

— Слышу, мой Капитан. Прошу, поспешите — *зангг зингл нерк нерк...*

У велосипеда Тайлера колеса слились в круглое пятно; долговязый паренек выжимал из своей машины максимальную скорость, увлекая за собой остальных. Майкл, ехавший чуть позади, вдруг услышал далекий звук полицейской сирены.

— Догоняют! — крикнул он брату.

— В проулок! — скомандовал Эллиот, на крутом вираже объезжая остальных.

Грег и Стив ринулись за ним. Старые покрышки стонали от разбитого асфальта в проулке — кратчайшем пути к холмам, которые сейчас казались мальчикам далекими как никогда.

— Направо, — указал агент, следуя приказу своего пальца, который, казалось, начал светиться. — А откуда я знаю, куда ехать? Знаю только, что знаю... Направо... направо...

Тормоза заскрежетали, машины круто свернули в проулок. Полицейские съезжались со всех сторон и гуськом тянулись по развороченной мостовой. Машина, за рулем которой сидел сержант с дергающимся веком, неслась впереди с воющей сиреной.

С другой стороны проулок перекрыли машины с агентами.

— Вот они!

Эллиот соскочил с седла возле какого-то старого гаража и по бетонным ступенькам вкатил велосипед наверх. Майкл и Тайлер последовали за ним, не отстали и Грег со Стивом.

Ребята выскочили в соседний переулок. Инопланетянин огляделся вокруг, выпуклые глаза его вращались.

— Не допусти, чтобы меня схватили — *ксиерксиер нарк вмм нни*. Ты слышишь меня, мой Капитан?

— *Зерк нергл вммнни цнак* — Капитан велит поторапливаться... Опасность... опасность... опасность...

Преодолевая крутой подъем, ребята спешили к высоким холмам по тропам, известным им куда лучше, чем людям в машинах. Преследователи сгрудились в переулке. Образовалась пробка. Пришлось разворачиваться, маневрировать, и погоня продолжалась.

— Изворотливые крысята, — буркнул под нос сержант в головной машине, левое веко его дергалось.

словно мигалка. Подавая назад, он сбил несколько мусорных баков, моля бога, чтобы за ними не оказалось какой-нибудь старухи или ребенка.

Не выключая сирену, он вырвался из переулка и свернул влево, как приказывал глаз.

— Маленький негодяй... — бормотал Ключник. — Лживый маленький сукин сын! — он вспомнил скорбное выражение лица Эллиота. С такими способностями мальчишка далеко пойдет... Так одурачить всех, когда добыча была уже в руках...

— Сворачивай, сворачивай! — завопил он.

Водитель резко повернул баранку, выехав обратно на улицу как раз в тот момент, когда Тайлер и Эллиот появились из соседнего переулка.

— А, черт! — воскликнул Тайлер. — Они!

Последний отрезок улицы на их пути, последний квартал, за которым начинался спасительный лес, был перекрыт. Из машин высыпали агенты и полицейские.

Эллиот свернул было обратно в проулок, но и там уже появились полицейские машины с мигалками...

Мальчики были окружены.

Тайлер пригнулся к рулю и нажал на педали:

— Попробуем проскочить!

Он помчался вперед, за ним Майкл и позади Эллиот. Велосипедисты на предельной скорости устремились в просвет между двумя полицейскими машинами. Грег и Стив образовали фланги несущегося вперед клина. Впервые изо рта Грега не текла слюна. «Ничего не выйдет», — подумал он, но продолжал работать педалями. Встречный ветер плотно прижимал к голове крылышки на шапке Стива. «Если врежусь в полисмена, не миновать ночи в участке...»

Велосипедисты неслись на цепь стоявших поперек улицы полицейских, агентов и людей из военизированной охраны. Все пути были отрезаны.

«Опять неудача, — с горечью подумал Эллиот. — Но мы сделали все, что могли...»

Ип поднял палец и... велосипеды взмыли в воздух.

— Будь я проклят! — ругнулся начальник полиции, задрал голову кверху.

Пять велосипедов плыли над домами.

У Ключника все оборвалось внутри, словно он шагнул с крыши. Велосипеды плавно пронеслись над телефонными проводами и растворились в вечерних сумерках. На мостовой осталась только шапка Стива.

Ип посмотрел на землю, проплывающую внизу. Сейчас ему было хорошо. Сердце-фонарик сияло в вечерней темноте сквозь прутья корзины.

Сова, дремавшая на излюбленном суку, проснулась и лениво взмахнула крыльями. Пора ужинать...

Она взмыла вверх.

Но что это?..

Пять чудовищ пролетели мимо. Испуганно щелкнув клювом, птица ошарашенно метнулась в сторону.

«Неужто летучие мыши в наших краях так вымахали... Или я спятила?» — подумала сова.

Велосипеды уже исчезли вдали. Эллиот указывал путь, остальные следовали за ним.

— Когда же это кончится? — взмолился Грег, закрыв глаза. Рядом летел Стив с развевающейся шевелюрой. Холодея от страха, он убеждал себя: «Это все сестры».

Ип, не отрываясь, разглядывал далекое небо, прощупывая его сквозь густую облачность всепроникающим зондом.

— *Цнак зерк дерглл* — о, мой Капитан, где ты?

— *Знеркл дергг дергг.*

Лицо Капитана возникло перед телепатическим взором Ипа, самое надежное, самое совершенное и величественное из всех лиц древних межгалактических путешественников. Улыбка мелькнула на его черепа-

шьем лице, преисполненном высшим разумом, и исчезла в скрытых частотах стремительного спуска.

— Лес! — закричал Эллиот. — Наш лес!

Внизу Мэри, следуя указаниям Лэнса, вела машину к тому же месту.

— Вверх по просеке, — угрюмо скомандовал он. Величайшая погоня всех времен и народов, а он не участвует в ней...

Герти сидела между Мэри и Лэнсом, держа на коленях горшок с геранью, на которой распускались все новые и новые бутоны.

Лэнс смотрел вперед на кроны деревьев.

— Я чувствую какие-то сигналы, — сказал он. — Остановитесь.

Мэри затормозила, они вышли из машины. Лэнс шагал впереди, Мэри, держа Герти за руку, за ним. Они медленно пробирались сквозь кустарник.

Путь по воздуху был легче, и велосипедисты быстро направлялись туда, где был установлен передатчик.

— Здесь... — Ип поднял палец, и велосипеды начали плавно снижаться. Коснувшись травы, они прокатились немного вперед и остановились.

— Улллл лиипл липп...

Передатчик действовал! Эллиот подошел к нему, как вдруг сверху землю осветил луч цвета лаванды. Мальчик замер на месте и обернулся к Ипу. Старый ботаник вошел в освещенное лучом пространство, и они посмотрели наверх.

Над ними, сияя мягкими огнями, реял Великий Корабль. Эллиоту показалось, будто с неба спустилась огромная игрушка с рождественской елки. Он любовался великолепием Корабля, пораженный его величием и мощностью. Это было умноженное в миллионы раз самое большое сердце-фонарик, которое когда-либо видела Вселенная. Свет его окутывал Эллиота, по телу

мальчика пробегали волны любви и свершившегося чуда. Он посмотрел на Ипа.

Глаза старого путешественника расширились при виде родного Корабля, Властелина Млечного Пути. Из изящного корпуса светили огни, и в их отблеске Эллиот ощущал разум космоса в его самой совершенной форме.

Ип посмотрел на друга, который помог ему сквозь немыслимые дали связаться со своими.

— Спасибо, Эллиот... — голос инопланетянина окреп, в гармонии с Кораблем стал звучнее. — Я обещаю, — обратился он к светящемуся люку, — никогда больше не подглядывать в окна.

Но тут Ип почувствовал присутствие на поляне посторонней волны, и увидел Мэри. Молча, он долго не сводил с нее глаз.

Герти подбежала к нему.

— Вот твой цветок, Ип, — сказала девочка, протягивая герань.

Он поднял ее на руки.

— Будь хорошей.

На краю освещенной поляны мелькнула тень и послышался лязг ключей. Ип опустил Герти на траву, обернулся к Эллиоту и взял его за руку.

— Пойдем со мной.

— Нет, я остаюсь, — ответил Эллиот.

Старый путешественник обнял мальчика. Чувство космического одиночества овладело им сильнее чем когда-либо. Он дотронулся до лба Эллиота и кончиками пальцев запечатлел на нем формулу, которая должна была освободить мальчика от гипноза звезд.

— Я буду здесь, — сказал он, касаясь груди Эллиота.

Старый ботаник заковылял по трапу. Свет Великой Драгоценности, падавший из люка, освещал его, и он

ощутил, как усиленные в миллионы раз эманации Высшего Разума зажглись в нем, а сердце-фонарик, как и сердце Эллиота, позабыв о чувстве одиночества, наполнилось любовью.

Бережно прижимая к груди герань, он вступил в нежный свет Корабля.

Мишель Гримо

Город, лишенный солнца

Перевод с французского
А. Григорьева



Michel Grimaud

La ville sans soleil

Editions Robert Laffont
Paris 1973

© Editions Robert Laffont, S. F.,
Paris, 1973.

Приношу искреннюю благодарность доктору Алену Бомбару за благожелательное отношение ко мне и моей работе, ценные советы и предоставленную документацию

1. Город

Альдо не стал втискиваться в переполненный лифт, а скатился вниз по лестнице и выскочил из подъезда.

Воздух был густым и липким, как кисель. Над городом висел плотный туман. Солнечный свет растекался во мгле, раздражая глаза отсутствием тени и красок. Стоял май, май без цветов и птиц. Альдо, сколько помнил себя, всегда видел над головой затянутое свинцовыми тучами небо, оно лишь бывало темнее или светлее — в зависимости от времени года.

Зеваки фланировали по главной улице между почтамтом и вокзалом, топтались на площади перед собором. Улица издавна называлась Прямой; каждый новый мэр считал своим долгом присвоить какой-то ее части имя очередного генерала или писателя, но для горожан она по-прежнему оставалась Прямой, никто кроме приезжих не обращал внимания на многочисленные таблички. Тротуары были забиты людьми, машины ползли черепашьям шагом. На перекрестке возле почтамта бурлила толпа больше обычного. Альдо с любопытством подошел ближе.

— Что происходит?

Никто не ответил. Поработав локтями, юноша протолкнулся вперед. Трое рабочих заканчивали установку нового автомата — полированного стального цилиндра с рядом круглых отверстий, похожих на иллюминаторы.

Цилиндр венчал рекламный щиток:

ЖИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЗДУХ!

*Если вы устали, если вас мучит головная боль,
если вам стало плохо,
сделайте глоток ЖИВИТЕЛЬНОГО ВОЗДУХА!
ЖИВИТЕЛЬНЫЙ ВОЗДУХ
вернет вам бодрость
и хорошее настроение!*

Ниже в красной рамке помещалась инструкция:

1. Прижмите лицо к краям отверстия, соответствующего вашему росту, и опустите в щель две монеты. Автомат выделит порцию кислорода, достаточную, чтобы сделать четыре глубоких вдоха.
2. Закройте глаза и дышите.

Проверив работу устройства, один из рабочих повернулся к толпе:

— Все, можете попробовать...

Лысый толстяк, сочтя, что обращение адресовано ему, устремился к цилиндру.

— Говорят, такие же штуковины установят возле вокзала и напротив нового кинотеатра, — заметил кто-то.

— Давно пора! В столице их уже не меньше, чем конфетных автоматов, — раздалось в ответ.

— Наконец-то новинка добралась до провинции!

Подавленный увиденным, Альдо выбрался из толпы и побрел дальше, не заметив, как миновал окраины.

Альдо и любил, и ненавидел город. Тот тянулся

вдоль узкой долины, рассеченной руслом Риу. Говорили, когда-то река кипела серебром форели. Бедная Риу! Теперь она четырежды в день меняла цвет. По утрам в нее стекали отработанные воды доменного производства, и река становилась коричневой. В полдень она синела от стоков химических заводов, потом становилась ярко-красной, а вечером по ней плыла белая пена, которую извергала фабрика картофельных хлопьев. Только в дни забастовок река обретала естественный черный цвет. В эту клоаку город окунал фасады своих серых домов, жители которых никогда не открывали окон, чтобы спастись от зловония.

Из заводских труб тянулись шлейфы густого дыма. Он слизал все живое вокруг, обнажив черную землю и каменистые холмы.

Пять лет назад — Альдо хорошо помнил те дни, ему тогда было двенадцать — вдруг погасли/домны: ведь пламени тоже нужен кислород... Чтобы снова разжечь печи, были воздвигнуты две высоченные трубы, которые пронзили пелену туч и принялись заглатывать воздух из заоблачной выси...

— А как же мы? — возмутился кое-кто из горожан. — Можно ли дышать воздухом, который так беден кислородом, что даже не поддерживает горения?

Эти события помогли Альдо многое осознать. И не только ему.

Когда поборники чистоты воды и воздуха подали голос, их обвинили во всех смертных грехах, заклеямили ретроградами и после травли в печати прозвали «занудами». Конференции и мирные манифестации были запрещены, из университетов изгнали ученых, озабоченных будущим своих сограждан.

Конечно, не только ученые понимали, что реки стали непригодными для жизни, а океаны превратились в сливные ямы. Но стоило ли волноваться: ведь опреснители с избытком обеспечивали водой всех! Необра-

тимая агония Средиземного моря почти никого не насторожила, как, впрочем, и гибель других морей.

И только там, где у власти стояли проницательные политики, прислушивались к голосам экологов.

Через какое-то время на особо «грязных» предприятиях стали происходить непонятные аварии; виновников, как правило, не удавалось обнаружить. Тогда предприниматели ввели на заводах вооруженную охрану. Охранники объявили «занудам» беспощадную войну; в помощники себе они вербовали тех молодых людей, кто жил не задумываясь, а преуспеть хотел любой ценой. Эти молодцы провозгласили себя борцами за технический прогресс и присвоили себе модную кличку «чумазы».

Темная лента ограды была едва различима сквозь окна директорской башни, высившейся над заводом, словно средневековая цитадель.

— Проклятое местечко! — пробормотал Коль, пытаясь протереть стекло тыльной стороной руки.

Напрасный труд: коричневая пленка, скрадывавшая детали пейзажа, находилась снаружи. Впрочем, и в столице, откуда он прибыл, стекла были не чище. И здесь и там их приходилось мыть каждое утро...

Пьер Коль, молодой частный детектив, направленный сыскным агентством в этот провинциальный городишко, считал, что ему подложили свинью: вместо обещанного сложного расследования — слежка за горсткой пустых болтунов, по большей части детей! Как тут проявишь себя?!

— А вот и дело! — в кабинет с толстой папкой в руках вошел Адольф Мейлон, президент-директор концерна «Химические и металлургические заводы Риу».

Пьер Коль, плохо скрывая досаду, уселся в кресло напротив директорского стола.

— Подведем итоги, — начал Мейлон. — У «зануд» в городе две группы. В одну входят взрослые, в другую — подростки и даже дети. Первая использует в своей деятельности вторую. Обратного не наблюдалось, по крайней мере до сегодняшнего дня...

— Если я правильно понял, вместе с ребятишками их всего человек сорок?

— Ребятишками? Недели две назад один из этих «ребятишек» нанес мне визит: похоже, он у них заводи-ла... Должен заметить, требуется немалое мужество, чтобы в одиночку явиться к воротам завода, зная, что такое наша охрана. Я согласился его выслушать. Мне всегда импонировали смельчаки, и этот не обманул ожиданий — живой, умный, энергичный. Перспективный паренек... Сможет принести пользу нашему делу, конечно, когда повзрослеет и отбросит заблуждения юности. Нам нужны люди такой закваски! Короче говоря, парень отчитал меня и вручил петицию, под которой стояло с полсотни подписей. В ней излагалось требование ко всем промышленникам долины немедленно приступить к очистке отработанных вод и дымов... Казалось бы, какие тут могут быть особые основания для беспокойства? Ан нет! Вам смешно? В первый момент я тоже рассмеялся. А проводив паренька до двери, тут же обзвонил своих коллег... И сегодня мне уже не до смеха!

— Чем опасен болтун без аудитории?

— В том-то и дело, что аудитория у них есть, правда, небольшая — ведь тревоги необоснованы... Крайне нежелательно, чтобы к их словам начали прислушиваться. Недавно в одном городе на западе страны речи подобного ретрограда аплодировало более двух тысяч человек!

— Мне ничего об этом не известно!

— Естественно. Мы не сообщаем о такого рода событиях. Эти люди боятся тени, тени своей собственной цивилизации, а страх, как известно, заразителен.

Надо пресечь упаднические настроения! Я намерен предотвратить их конференцию, где должен выступить один заезжий эколог — этот уже посерьезнее наших «зануд». Слух о такой конференции носится в воздухе... Кто ее готовит? Как? Где? Когда она состоится? Вот вопросы, на которые я хотел бы получить скорейший ответ. Отчасти поэтому я и обратился в ваше агентство.

— Отчасти? Имеются и другие причины?

— Да. Меня беспокоит преподаватель лица, некий Клод Паскье. Его непременно следует обезвредить.

— Что вы имеете в виду?

— Клод Паскье — душа «зануд». До его приезда группы попросту не существовало. Взрослые относятся к нему с уважением, молодежь боготворит. Он преподает физику и химию, его слушают, ему подчиняются, ему подражают... Если он уедет из города, «зануды», лишившись сильной поддержки, быстро наделяют глупостей и в конце концов сникнут... Найдите хороший повод выгнать его из лица или добиться перевода в другое место! Начальник нашей заводской охраны Грамон подозревает, что Паскье использует лицейское оборудование для проведения частных анализов воды и воздуха, а это категорически запрещено. Поищите в этом направлении... Вас здесь никто не знает, и вам легче будет проследить за «занудами».

Мейлон протянул детективу папку.

— На каждого «зануду», будь то взрослый или ребенок, заведена карточка. Анкетные данные, фотография, семья, адрес, привычки, оценка нанимателей, школьные успехи... Короче говоря, все! С документами обращайтесь осторожно, я собрал их с большим трудом благодаря связям в Центральной картотеке... В папке имеется еще один список — так называемых «чума-зых». Если вам понадобится помощь, можете опереться на этих молодых людей! Зачастую именно они поставляют нам самую ценную информацию. Но особенно им

не доверяйте: никогда не знаешь, где у детей кончается вражда и начинается дружба... И еще: если кто-то заинтересуется вашей деятельностью, отрекомендуйтесь фоторепортером «Эклер дю Риу». Повесьте на шею камеру...

— Но я ничего не смыслю в фотографии!

— Неважно. Вам почти не придется снимать. В этой газетенке мне принадлежит контрольный пакет акций. Я предупрежу редактора...

— Хорошо. Еще один вопрос. Где я могу в случае надобности встретиться с вами?

— Здесь лучше не появляться... Можете мне звонить... Вы играете в теннис?

— Играю.

— Превосходно! По субботам я в клубе. Корт номер три. Запомните! Там есть старый кирпичный домик; он уцелел со времени старых угольных разработок и когда-то служил раздевалкой. Я всегда пользуюсь им. Там тихо, никакой сутолоки. Надо будет, приходите туда.

Альдо нетерпеливым жестом отбросил со лба прядь черных волос и двинулся дальше.

Это был высокий, стройный энергичный паренек с живыми темными глазами. Девушек, как правило, не оставляло равнодушными его обаяние, а он словно и не замечал, какие чувства рождает в их сердцах. Ведь у него была Леа... Леа, которая сейчас ждала его в конце Верхней дороги.

Альдо ускорил шаг. Не опоздать бы! Он сбежал по склону, оставив слева Черные земли, и вскоре оказался у Расщелин — трех глубоких оврагов, которые пересекала крутая насыпь бывшей железной дороги. Рельсы здесь давно были сняты, а путевой балласт называли Верхней дорогой. Километром дальше, на краю серой равнины в небо вонзалась изъеденная ржавчиной

стрела шлагбаума — там когда-то находился переезд.

По шоссе нервно расхаживала высокая девушка в синем комбинезоне.

— Леа! Эге-гей! Леа! — закричал Альдо.

Девушка обернулась на голос. Ее лицо освещали лучистые глаза, на ветру бились длинные светлые волосы. Тонкую талию стягивал широкий кожаный пояс.

— Альдо! Наконец-то! Я уже не знала, что и думать! Он вот-вот появится...

— Я все же надеялся, что тебе повезет...

— Увы! Охранник в проходной не желал ничего слушать и вытолкал меня.

— Ну что ж, господину директору придется встретиться с нами под открытым небом! Вперед!

Мейлон ездил этой узкой дорогой без малого сорок лет несколько раз на день и знал на ней каждую выбоину. Во времена его молодости она была местом воскресных прогулок горожан — дорога уходила из города платановой аллеей и терялась среди пшеничных полей. Тогда он радовался щедрости этих тучных земель, подступавших прямо к растущему заводу. Подобравшись к холмам, дорога ныряла под сень каштанов и снова поворачивала к городу. Какое-то время она цеплялась за склон Обглоданной горы (с этими скалистыми обрывами были связаны его лучшие детские воспоминания, и Мейлона никогда не раздражало ее уродство), а затем выкатывалась на плоскогорье, в овсы.

Сейчас поля исчезли, платаны засохли, а холмы обнажились... Мейлон считал, что все это в порядке вещей. Мир менялся, меняется и будет меняться всегда... Пейзажи без заводских труб и работающие на полях крестьяне остались в прошлом. «Надо быть реалистами! — убеждал себя Мейлон. — Эти земли едва могли прокормить горстку людей! А сегодня про-

мышленность дает пищу и кров со всеми удобствами десяткам тысяч!»

Машина на большой скорости вылетела на равнину. Прямая дорога словно уходила в небо.

«Теперь спуск к старому переезду... Шесть минут до дома. Боже, как болит голова! Опять придется глотать аспирин! Что это?»

Кто-то, отчаянно жестикулируя, выпрыгнул на дорогу почти перед самой машиной. Мейлон инстинктивно снял ногу с педали газа. Скорость упала, но все же машина метеором проскочила мимо пешехода. Краем глаза он заметил длинные волосы и юное лицо.

«Девушка... Что она здесь делает? Наверно, что-то случилось на спуске!»

Он резко затормозил. Машину юзом повело к обочине, где она и застыла. Мейлон глянул вперед и похолодел.

Последний поезд прошел здесь более десяти лет назад. И когда прекратилось железнодорожное движение, пути и световую сигнализацию сняли, разобрали и один шлагбаум. Второй остался... Но Мейлон ни разу не видел его опущенным. Сегодня же он преграждал путь! Облокотившись на железную штангу, посреди дороги стоял парнишка. Мейлон плохо видел его лицо, но казалось, тот улыбается.

«Без этих ребят я бы заметил шлагбаум в последний момент! Но как эта ржавая железка могла опуститься?!»

— Здравствуйте, господин Мейлон! — вежливо произнес парнишка, подходя к дверце.

Промышленник тут же узнал того самого подростка, который две недели назад приходил к нему. Теперь понятно, почему столь неожиданно вернулся к жизни старый железнодорожный переезд.

«Спокойно, — приказал он себе. — Это всего-навсего дети, не сознающие, как опасны затеянные ими

игры! Не волнуйся, Мейлон! Помни, что, не окажись твой сын тряпкой, он вполне мог быть с ними! Медленно опусти стекло... Главное — спокойствие!»

— Что все это значит? — громко осведомился он.

— Мы не нашли другого способа побеседовать с вами, господин директор.

— Побеседовать? А вам не кажется, что куда вежливей прийти на завод, а не играть в бандитов с большой дороги!

— Мы с Леа трижды пытались увидеться с вами, и трижды ваши охранники грубо выпроваживали нас...

— Не стоит преувеличивать! Разве я не встречался с вами?

— Встречались. Я вручил вам петицию. Вы должны были дать ответ через трое суток!

— Ах да, петиция! Припоминаю. Послушайте, малыш, неужели вы думаете, что у меня нет других забот? Проблему нельзя решить ни за три дня, ни за две недели! Прежде чем выбросить миллионы ради вашей прихоти, мне надо заручиться поддержкой административного совета!

— Мы давно требуем, чтобы вы осознали меру своей ответственности за жизнь людей! Мы слишком долго ждали!

— Я не вынуждал вас произносить именно эти слова, не так ли? Действительно, на карту поставлены судьбы многих людей, и я вполне сознаю свою ответственность. Переоборудование заводских установок в соответствии с вашими требованиями удвоит стоимость продукции... Неминуемо снизится объем выпуска. А вы подумали, сколько рабочих останется без средств к существованию, стоит только согласиться на ваши блестящие предложения? Могу вам сообщить: одиннадцать тысяч в первые месяцы и половина населения города в последующие! И это еще не все! Завод, который вы вините во всех бедах, можно сказать, кормит страну. Да-

да, мой мальчик! И ваша ироническая улыбка свидетельствует о том, сколь мало вы осведомлены об истинном положении дел. Можно ли прокормить постоянно растущее население без химических удобрений, которые мы производим? Вы еще дети, и многие аспекты проблемы ускользают от вашего внимания! Без наших заводов воздух, может, и станет чище, но желудки окажутся пустыми... Я — человек занятой, и у меня нет времени выслушивать мечтателей вроде вас. Хватит! Поднимите шлагбаум!

— Это не ответ, господин Мейлон! По логике вещей переоборудование установок надо делать за счет собственных доходов, а не путем удвоения стоимости продукции. Почему ваши промахи должен оплачивать потребитель?! Это относится ко всем заводам, и владельцам каждого придется подчиниться справедливым требованиям! Так что здесь нечего бояться конкуренции. Что касается необходимости самого производства, то ваши аргументы весьма шатки. Хотя с помощью химии мы получаем больше продуктов питания, чем даже требуется, эта пища так же отравлена, как и атмосфера! Такое изобилие недоброкачественной пищи еще быстрее прикончит нас! Нам вполне хватило бы и половины ее, а значит, отпала бы необходимость в вашей продукции...

— Милый мальчик! Вы суете нос в чужие дела. Ретрограды, боявшиеся прогресса, словно чумы, существовали во все времена. Обычно это живущие не в ногу с эпохой старики... В наши дни все свершается быстрее, гораздо быстрее! И те, кто не поспевает за остальными и хочет остановить время, бешутся от злобы. Но вы! Вы — молодые люди, которым завтра предстоит взять в руки управление миром! Как вы поведете себя в сложившихся условиях? У меня нет сомнений: двинетесь вперед еще быстрее и уйдете дальше. Такова жизнь. Поразмыслите над моими словами!

Голос Мейлона стал сухим и резким:

— За подобные штучки, — он кивнул на шлагбаум, — я мог бы отправить вас на скамью подсудимых. Но я этого не сделаю. Надеюсь вас переубедить. Да и не хочется портить ваше будущее из-за пустяков. Пропустите меня!

Альдо поднял голову и только тут заметил, что Леа стоит рядом. Она тяжело дышала — все-таки успела добежать до машины и слышала почти весь разговор.

— Помоги мне, Леа!

Мейлон с усмешкой смотрел, как ребята с трудом поднимают старый шлагбаум.

2. Мятежники с Черных земель

Первые симптомы недомогания Мейлон ощутил, когда входил в башню. Хватая воздух открытым ртом, усилием воли стараясь не потерять сознание, он вскочил в лифт. Кондиционированный воздух облегчения не принес, и он добрался до кабинета, чувствуя стеснение в груди и головокружение. Покачиваясь, он подошел к встроеной в стену панели, дрожащей рукой перевел рычаг в положение «Горный воздух», нажал на кнопку и, совершенно обессилев, рухнул в кресло.

Чистый свежий воздух мгновенно наполнил помещение. Мейлон жадно вдыхал его. Синева сошла с губ, лицо разгладилось, дыхание стало ровнее. Еще немного — и Мейлон поспешно привел себя в порядок, не желая, чтобы кто-нибудь из подчиненных застал его в момент слабости. Он остановил подачу горного воздуха и бросил взгляд на часы.

«Десять минут. На этот раз не так долго... Прекрасный аппарат! Пройдет несколько лет — и такие машины будут стоять через каждые сто метров. Вот и решение проблемы!»

Его размышления прервал телефонный звонок. Он снял трубку.

— Мейлон слушает!

Он узнал хриловатый голос Грамона. Тот сообщил, что «зануды»-подростки ведут в больнице опрос персонала, и попросил разрешения вмешаться.

— Нельзя позволить им совать свой нос куда не надо, господин директор! — убеждал начальник охраны. — Если позволите, пошлю туда парочку ребят, чтобы хорошенько их припугнули! Бояться нам нечего — я горжусь тем, что охранников уважают не меньше полицейских! Все будут держать язык за зубами. Есть там, правда, парочка врачей, но мы улучим момент, когда они будут заняты в другом месте.

— Попробуйте... Но на вашу ответственность!

Элиза нетерпеливо расхаживала перед больницей. Марк и Сильвия, как всегда, запаздывали. Элиза не любила ждать, тем более здесь — надрывный рев сирен, снующие взад-вперед санитарные машины рождали тревогу. Заслышав пронзительный вой, Элиза каждый раз вздрагивала. Большинство из тех, кого доставляли сюда, были жертвами характерного недомогания, вызванного кислородной недостаточностью и загрязнением воздуха. Через час, оправившись, они возвращались к прерванным занятиям.

«Как люди могут со всем этим мириться? — с тоской спрашивала себя Элиза. — Еще немного — и в городе не останется ни одного здорового человека!»

Друзья задерживались. Марк, должно быть, скрежещет зубами, а сестра в отчаянии пытается отыскать что-то нужное в комнате. Наконец, потеряв терпение, брат хватается Сильвию за руку и тащит за собой. Представив себе эту сцену, Элиза невольно улыбнулась. Два проходивших мимо паренька отнесли ее улыбку на свой счет

и, бесцеремонно окинув девушку взглядом с ног до головы, сообщили свое мнение о ее наружности. Элиза выслушала их со скрытым интересом, но, когда ребята отметили ее крохотный рост, яростно сверкнула глазами и, резко повернувшись, пошла прочь. Она мечтала быть высокой, а потому любой намек на полтора метра с шапочкой воспринимала очень болезненно. Ей недавно исполнилось шестнадцать лет, и она надеялась еще подрасти. Ребята крикнули ей вдогонку, что такой красивой девушке не к лицу сердиться. Но Элиза уже забыла о них, заметив на углу курчавые головы Марка и Сильвии.

— Прости, Элиза, я куда-то задевала очки!

Элиза расхохоталась. Марк только развел руками. Сильвия была Сильвией, и рассчитывать, что ее может что-то изменить, не приходилось. И у брата, и у сестры были одинаковые серые близорукие глаза; однако у Марка они отражали живость характера и решительность, тогда как в огромных печальных глазах Сильвии читалась покорность судьбе, отчего у каждого из ее друзей возникало неодолимое желание взять девушку под свою опеку.

— Ну ладно! Пошли! — заторопилась Элиза.

Главврач принял их любезно, но его время было расписано по минутам, а потому он дал им в сопровождающие молодого ассистента, пообещав побеседовать с ними позже. Жан уже не раз сопровождал их и не скрывал своего благожелательного отношения к проблемам, которые волновали ребят.

Не заходя в хирургию, они направились прямо в отделение общей терапии и начали с палаты, куда привозили тех, кто потерял сознание. Вокруг лежавших на носилках людей суетились санитары, делая искусственное дыхание, инъекции, давая кислород. Марк извлек из кармана записную книжку.

— Сколько всего сегодня? — спросил он.

Жан посмотрел на висевший у двери листок:

— С утра на улице подобрано сто двадцать восемь человек, а еще нет и двенадцати!

На первом этаже громадного здания размещалось акушерское отделение.

— Нас давят, травят, мы болеем, но дети продолжают рождаться! — заметил Жан и, помолчав, устало продолжил: — Соотношение почти не меняется: за месяц у нас появилось сто семьдесят пять новорожденных, а в городе пять больниц и клиник. Состояние ста сорока пяти младенцев соответствует норме, четверо находятся под наблюдением. Их надеются выводить с помощью недавно разработанной методики. Вылечить не вылечат, но жить будут. Пока. Двадцать шесть новорожденных неизлечимы. Их отправили в специализированные центры... Ну ладно, двинулись дальше... Нужные цифры получите в ординаторской каждого отделения.

Они прошли по всем этажам. Здесь, в больнице, истину не пытались скрывать.

Одиннадцать случаев острой анемии у детей от шести до тринадцати лет — крохотные изможденные личики без кровинки в лице, тонкие ручонки, к которым тянулись шланги для переливания крови. Двадцать случаев приступов сильнейшего кашля, сопровождавшегося рвотой, в результате отравления уличным воздухом. Марк, с трудом сохраняя невозмутимое выражение лица, заносил в записную книжку все, что видел и слышал.

Пять смертей от рака легких... Двенадцать случаев легочного кровоизлияния, к счастью вовремя остановленного...

Подавленные увиденным, Элиза, Марк и Сильвия вернулись в кабинет главного врача. Тот проглядел записи Марка.

— Все верно! Но вас ознакомили только с тем, что

непосредственно связано с загрязнением окружающей среды. Между тем, не следует забывать, что многие больные могли бы справиться со своими заболеваниями, не будь их организм ослаблен непрерывным кашлем и кислородной недостаточностью! Умножьте полученные у нас цифры на количество городских больниц и составите общую картину...

Элиза хотела что-то спросить, но дверь кабинета распахнулась. В комнату вбежал Жан.

— Извините за вторжение! Мне только что сказали, что вас разыскивают два охранника. Их сопровождает администратор больницы... Через несколько минут они будут здесь! Вам лучше уйти. Воспользуйтесь служебным лифтом! Пойдемте, я провожу вас...

Оказавшись на улице, ребята долгое время шли молча. Им лучше других было известно истинное положение в городе — они день за днем измеряли его пульс. Цифры красноречиво свидетельствовали, что положение ухудшается с каждым месяцем. Даже беззлобная Сильвия не выдержала:

— Когда же мы решимся на что-то серьезное? Пора кончать с этим, я больше так не могу!

— И я! — призналась Элиза.

— Так бы и взорвал все это! — с яростью воскликнул Марк, погрозив кулаком заводским трубам, из которых тянулся в небо черный дым...

Прохожие оглядывались на возбужденные лица ребят. Элиза схватила друзей за руки и, ускорив шаг, сказала:

— Пошли на Черные земли. Наверно, нас уже ждут. Послушаем, что скажет Альдо...

— Опоздали! Их наверняка предупредили!

— Ну, попадись только мне в руки хоть один из этих пакостников...

— И что будет?

— На всю жизнь отобью желание мутить воду!
— Брось кипятиться! Хоть по городу прокатились!
— Тоже мне — радость! Больница! От одного запаха эфира воротит, а еще по дороге наглотаешься выхлопных газов! Куда лучше сидеть в караулке.

Машина с двумя охранниками влилась в поток автомобилей и короткими рывками двинулась по Прямой улице. Наступал критический час дня. К этому времени воздух в городе становился насыщенным серой, окислами углерода, азотом, аммиаком, твердыми частицами. К вечеру, с увеличением влажности, эти вещества образуют еще более опасные соединения...

Новая остановка. Сидящий за рулем Ксавье, вздохнув, бросил завистливый взгляд в сторону магазина и едва не подпрыгнул на сиденье.

— Франсуа! Ты хотел бы поймать «зануду»?
— Еще бы. И поверь мне...
— Вон парочка их! В разгаре работы! Вон там, возле витрины...

Жан-Пьер тщательно следил за своей внешностью. С иголочки куртка из светлого драпа, безукоризненные стрелки на брюках. Бледное лицо юноши обрамляли длинные, черные, тщательно расчесанные волосы, впрочем, длинные волосы носила вся молодежь.

Мишель был покрупче и повыше Жан-Пьера и рядом с ним казался особенно небрежным: взлохмаченная шевелюра над квадратным лицом с короткой бородкой, широкие плечи, старые поношенные джинсы. Жан-Пьер держал хронометр, а Мишель, сидя на корточках, нажимал кнопки стоявшего на тротуаре странного аппарата, похожего на старинный радиоприемник. На передней панели прибора имелись три стеклянные трубки разного диаметра...

Жан-Пьер всегда испытывал неловкость, работая в центре города: его смущало пристальное внимание про-

хожих, они внимательно оглядывали их. Если узнают, скандала не миновать! Но он и бровью не повел, когда заметил направляющихся в их сторону двух мужчин в темной форме, только тихо произнес:

— Мишель! Охранники!

Мишель вздрогнул, но позы не изменил.

— Сколько?

— Двое.

— Пустяки! Соберу аппаратуру и постараемся смыться.

Он спокойно отключил питание и одну за другой утопил трубки в корпусе аппарата.

— Не иначе как свертываем лавочку? Это еще что за штука? — рывкнул один из охранников, оказавшись рядом.

Мишель выпрямился и повернулся к ним лицом.

— Смотри-ка! Господин Ксавье! Давно не видел вас! Как себя чувствуете?

Ксавье, издавна друживший с отцом Мишеля, смущенно отвернулся, но Франсуа, невысокий, плотный его напарник, повторил вопрос:

— Это что за штука, спрашиваю?

Мишель любезно объяснил:

— Мы называем его заразомером. Он обошелся нам в приличную сумму! Все наши ребята специально работали в каникулы и собрали сэкономленные за год деньги, чтобы купить его! Заранее предупреждаю вас о его стоимости, чтобы вы не трогали аппарат... Я несу за него ответственность!

— И что же делает ваш заразомер? — нетерпеливо перебил его Франсуа.

— Могу объяснить! С помощью этого аппарата мы установили, что в мае, как и в предыдущие месяцы, превзойден уровень, который по нормам оценивается как предельная величина атмосферного загрязнения! А вот сегодня следовало бы объявить тревогу и преду-

предить людей, что на улицу выходить опасно...

Один из охранников закашлялся, заглушив слова Мишеля.

— Вот видите! А я что говорю? Поскорее возвращайтесь к себе, пока не стали очередной жертвой! Уверю вас, сегодня уровень загрязнения значительно выше обычного!

Франсуа попытался ударить ногой по драгоценному аппарату:

— Поганный врун! Пакостник! Вот я...

Но Мишель был проворнее — он оттолкнул охранника, который, чтобы не упасть, уцепился за руку приятеля. Затем столкнул обоих на проезжую часть и, воспользовавшись их замешательством, сбил с Ксавье фуражку...

Пока шла потасовка, Жан-Пьер подхватил аппарат и кинулся к ближайшему переулку. Мишель в три прыжка догнал его.

— Быстро к старому городу!

Мишель хорошо знал Ксавье: охранник был не из тех, кто способен оставить новенькую фуражку на земле; Франсуа плохо ориентировался в старой части города. И беглецы вскоре оказались в безопасности...

Пятнадцатилетний Жак немало досаждал отцу. Красивый подвижный подросток то и дело ускользал от бдительного отцовского ока и присоединялся к друзьям.

Грамон понимал, что сын растет, и право сильного ему как отцу долго сохранять не удастся. Он запирал сына на замок, когда знал, что готовится акция «зануд». Жак считал, что у отца дьявольский нюх, не подозревая, что тот пользуется услугами частного сыска. Жак был страстно убежден в справедливости своих поступков, и пропасть, разделявшая их с отцом, ширилась с каждым днем.

Начальник охраны при всей своей резкости и даже грубости придерживался определенных принципов. Ему ничего не стоило выудить из сына информацию о деятельности их группы, но он ни разу не задал ни одного вопроса о его приятелях. Мейлон однажды посоветовал ему допросить Жака, но тем самым вызвал у Грамона такой приступ возмущения, что предпочел больше никогда не заговаривать на эту тему, боясь потерять преданного защитника своих интересов.

Грамон разработал собственную шкалу ценностей, и, борясь с сыном, не терял уважения к своему мятежному отпрыску. Преврати сына в предателя, Грамон стал бы презирать и сына, и самого себя. Грамону удалось сохранить привязанность сына, которого он воспитывал один — жена его умерла много лет назад.

Выйдя из лица, Жак не пошел домой: отец мог под любым предлогом задержать его. У близнецов Клода и Антонена занятий сегодня не было, и они ждали Жака в Центральной лаборатории, где, как и в больнице, сотрудники поддерживали ребят, даже если и не решались открыто выступить на их стороне.

Жак застал друзей за жарким спором с молодым человеком в белом халате. Это был их двоюродный брат Габриель, биолог по специальности. Он досадовал, что вместе с коллегами безоружен перед обществом, которое неотвратимо идет к собственной гибели и каждый член которого только и думает, как набить карманы за счет ближнего.

Каплей, переполнившей чашу терпения молодого биолога, была заурядная история, происшедшая десять дней назад. После нескольких случаев пищевого отравления в квартале, где жили Клод и Антонен, настырные близнецы провели тайное расследование, которое вывело их на мясные отделы трех больших магазинов. Они купили в них мясо и передали его в лабораторию. Анализ показал, что мясо было пропитано веществом,

которое придавало ему аппетитный вид, но оказалось ядовитым. Лаборатория немедленно поставила в известность санитарную службу, но один из двух ее инспекторов посетил магазин лишь на восьмой день и, конечно, ничего не обнаружил — владельцы успели сбыть товар.

— Фрукты и овощи, которые вы приносите, — с горечью говорил Габриель, — содержат все больше пестицидов и инсектицидов. Любая пища нашпигована химией так, что есть ее смертельно опасно! Лишь необработанные продукты относительно безопасны для организма. Но они по карману только богачам!

Габриель беспомощно развел руками и удалился. Разговор совсем расстроил ребят. Подавленные, они отправились на Черные земли, где оказались задолго до других.

Черными землями называли искусственную долину, образованную склонами двух гигантских терриконов, уродливого наследия исчезнувших угольных шахт. Когда уголь иссяк, шахты закрыли, а шахтеров уволили. Остались лишь два черных холма пустой породы, на которых не росло ни травинки. Терриконы нависали над громадными кирпичными зданиями и балочными конструкциями, между которыми вились рельсы. Когда человек ушел, природа попыталась вернуть утраченные позиции — кое-где появились чахлые кустики ежевики, заросли крапивы, жалкие стволы берез.

Город забыл, что эти места когда-то кормили его, и начал расти в другую сторону. Ребятам нравилось, что сюда никто не ходит, и они устроили в заброшенном помещении свой штаб.

Жак толкнул тяжелую створку ржавых ворот, и троюга оказалась в громадном пустом зале бывшего обогажительного цеха. Свет едва пробивался сквозь грязные стекла в потолке. Угрюмые стены, кое-где поросшие лишайником, отвесными скалами тридцатиметровой высоты уходили ввысь. В углу вокруг колонны вилась

узкая металлическая лестнка, исчезающая в черном настиле подвесной галереи, обгавшей здание метрах в трех от потолка.

Именно там, наверху, между синей балюстрадой и белой стеной, прятался веселый красочный мир — забитые яркими книжками полки, огромные цветные фотографии лугов и лесов. На полу лежал ковер, а на нем были разбросаны подушки с яркими рисунками.

Ребята тут же занялись делом. Надо было перенести полученные в лаборатории новые цифры на годовой график и написать статью об отравлении пищевых продуктов. Этим занялся Жак.

— Жак, посмотри-ка! — голос Антонена дрожал от волнения.

Жак склонился над разложенным на столе большим листом миллиметровки. От оси абсцисс вверх тянулась красная линия. Она все круче заворачивала вверх, почти под прямым углом пересекала черную линию «опасной концентрации» и устремлялась дальше.

— Что толку от всех этих графиков! — проворчал Клод. — Помогают, как мертвому припарки. А вон какой пик за последние полгода...

Жак кивнул и принялся за статью, гневный конец которой придумал заранее:

«Я не имею права открыть торговлю мышьяком и цикутой. Меня тут же отправят в тюрьму! А продовольственные магазины продают опасные для жизни фрукты и овощи, отравленные мясо и рыбу... Кто дал им право торговать смертью?»

Леа и Альдо пришли последними. Все были уже в сборе и ждали их. Черноволосая Беатриса, пятнадцатилетняя девушка с короткой стрижкой, обычно живая и веселая, с несвойственной угрюмостью рассказывала, как апатичны стали жители ее квартала. На набережной

мертвой Риу всегда стояла густая тошнотворная вонь, но ежедневные попытки девушки расшевелить соседей, заставить их выразить недовольство и возмущение, наталкивались на обескураживающую пассивность.

Поднявшись на галерею, Альдо сразу понял — дела обстояли плохо. Озабоченные лица повернулись в его сторону. Посыпались вопросы. Но Альдо предложил прежде окончить работу, а разговор с Мейлоном обсудить потом. Нужно было подготовить статьи для журнала, который они выпускали совместно со своими сверстниками из других городов долины. Время поджимало. Анна и Даниель, бессменные машинистки группы, сели за перепечатку...

— Кстати, — не выдержал Альдо. — Последняя городская новость: дыхательные автоматы. Кто их видел?

— «Живительный воздух» прибыл?! — восхищенно воскликнул Патрик, но, почувствовав осуждающие взгляды друзей, покраснел и смущенно пробормотал: — Опять я ляпнул не то?

— Не в этом дело, — сурово отозвался Альдо. — Ты еще не знаешь, что это за штуковина, а говоришь о ней с восторгом! Готов биться об заклад, что из простого любопытства ты и испытывать ее бросишься первым. А ведь эта механическая штучка предвещает худые времена!

— Перестань шпынять Патрика, Альдо! Лучше расскажи, как устанавливали автомат, что говорили вокруг! — прервала его Леа.

Беатриса поддержала ее.

— Вы рассчитывали на возмущение? Ничуть не бывало! Они жадно распахнули пасти и ждали, когда включат эту штуковину!

— Как! И никто не спросил, зачем на улице устанавливают кислородные автоматы, если, как утверждают власти, положение улучшается?

— Никто!

— Вот это да! Ни слова протеста?

— Ни единого! Только отметили, что прогресс добивается до провинции с большим опозданием.

— Глядя на них, руки опускаются!

— Они примут истину, лишь когда окажутся как рыбы — на спинке, брюхом кверху! — заявил Люсьен.

Анна и Даниель предложили прервать беседу: с обучением Патрика можно подождать, зато журнал ждать не может. Альдо смущенно улыбнулся. Роль наставника ему нравилась.

Работа возобновилась...

Затем Альдо зачитал два сообщения. Первое касалось открытия в Центральной Африке деревни для миллиардеров, где приняты специальные меры по охране растительности, особенно дерсвьев. Передвигаться по деревне разрешается только пешком или на велосипедах.

— Так что самые злостные отравители в мире умрут последними, — заключил Альдо и поспешил перейти ко второму сообщению.

— Это как бы обратная сторона медали, — сказал он. — Во многих крупных городах мира, где загрязнение среды превзошло допустимые пределы и где жители, словно аквалангисты, вынуждены ходить в масках и с кислородными баллонами, наметилось новое движение.

— Ну, ну?! — раздались нетерпеливые голоса.

— Не перебивайте. Почти ежедневно на улицы этих городов выходят группы людей в просторных одеждах, украшенных цветами из ткани или бумаги. Они отказываются от масок и остаются на открытом воздухе до тех пор, пока не падают без сознания. Даже самые крепкие не выдерживают и часа. Такое выступление равносильно самоубийству — дыхательные пути после подобной прогулки оказываются буквально сожженны-

ми... Вот все, что я хотел вам сказать, — закончил Альдо дрожащим голосом.

Повисла тяжелая тишина.

— И никто их не останавливает? — прошептал Патрик.

— Конечно, пытаются остановить! — ответила Леа. — Власти даже запретили ходить пешком. Тот, кто выходит из дома с открытым лицом, тут же оказывается в психиатрической больнице!

— Выбор невелик! — с горечью сказал Мишель. — Либо стремись разбогатеть, не заботясь о ближнем, и плати золотом за глоток чистого воздуха, либо шей одежды с цветочками...

— Ты неправ, Мишель!

Альдо вскочил. Лицо его сделалось бледным. Он едва сдерживал ярость:

— Ты неправ, Мишель! Одежды с цветочками — это красиво отчаянно, но бесполезно! Мы не ягнята, чтобы подставлять глотку под нож, но нас не будет и среди тех, кто держит нож у чужого горла! Нам предстоит отчаянная борьба — этот мир достанется нам в наследство, а потому наша задача вылечить его и снова сделать пригодным для жизни...

— Да, но мы ничего не добьемся, выстраивая колонки цифр на бумаге! Мне опротивело все это! — воскликнул Антонен.

Ребята поддержали его.

— В самом деле, хватит графиков! — жестко проговорил Альдо. — Пора действовать, если не хотим таскать кислородные маски... Раз плакаты, журнал и статистика никого не убедили, а Мейлон отказывается выслушать нас и плюет на наши доводы, проведем показательную акцию и прочистим мозги обывателю... План у нас подготовлен давно. Пора перейти к его осуществлению! И первым делом займемся химическим заводом...

Заявление Альдо было встречено гробовым молчанием, от неожиданности он даже смутился.

— Разве вы не хотите этого? Неужели...

Радостный крик оборвал его на полуслове. Альдо оглядел друзей.

— Итак, Альдо... Когда? — нетерпеливо спросил Жан-Пьер.

— Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня... Сегодня же вечером! — ответил вдруг успокоившийся Альдо.

Ребята шумной гурьбой взбежали на мертвый холм. В теплой полутьме небольшими группами они двинулись к городу.

Замедлив шаг, Альдо обнял за плечи Леа. Каждый раз, стоило ему коснуться девушки, сердце его начинало бешено колотиться. И все вокруг преображалось! Исчезали сомнения. Жившее в нем чувство дарило радость и тепло...

Он немного отстранил девушку. Она запрокинула голову: ее сомкнутые губы едва улыбались, из-под полуприкрытых век хитро поблескивали глаза.

Альдо словно впервые увидел, как она прекрасна в своей пробуждающейся женственности. Волна нежности захлестнула его. Ему очень хотелось поцеловать ее!

— Альдо! Альдо!

Голоса друзей разогнали очарование. Леа, словно пробудившись ото сна, прошептала:

— Альдо! Как здорово, что мы решились на это! Я буду рядом с тобой!

Схватив девушку за руку, Альдо повлек ее к друзьям. Их не смущали любопытные взгляды. Они имели право на собственную тайну! И не могли так быстро забыть о только что пережитом чудесном мгновении...

— Нет, ты только посмотри на них! — с яростью

прошипела Беатриса, вцепившись в локоть Элизы. — Они целуются с таким видом, будто им выпало райское блаженство, а прочие смертные обмениваются вульгарными поцелуями...

— Им вовсе не надо целоваться, чтобы быть счастливыми.

— Ну, я не такая простушка, чтобы поверить в это кино!

— Не ревнуй!

— Я ревную? Не смейся! Что в нем особенного? Сотни ребят куда красивей!

— Мордашки с губками сердечком! Альдо совсем другой. Влюбись он в тебя, ты вряд ли была бы против! Как, впрочем, и любая из нас...

— Я?! — Беатриса натянуто расхохоталась... — Да он мне и даром не нужен!

Она отстранилась от Элизы и ускорила шаг. Элиза пожалала плечами и остановилась, поджидая друзей. Она тут же втянулась в общий разговор, и никто не заметил, что Беатриса ушла далеко вперед.

Глубоко задумавшись, она вошла в город и оказалась на мосту минут на десять раньше друзей. Когда от бетонного столба отделилась тень, Беатриса продолжала идти вперед без особого волнения, хотя слегка удивилась — люди избегали появляться на вонючих берегах Риу.

— Смотри-ка! Беатриса! Что ты тут делаешь в полном одиночестве?

— Гуляю.

Из тени один за другим показались с десятков подростков.

«Бернар со своей бандой, — подумала Беатриса. — Быть драке!»

Беатриса и Бернар шли навстречу друг другу, пока не встретились на середине моста под фонарем. Остальные держались поодаль позади приятеля. Бернар, рас-

ставив ноги и засунув руки в карманы, с кривой усмешкой разглядывал девушку. Однако в его взгляде она заметила непривычную мягкость. От него исходило ощущение силы и уверенности в себе... На Беатрису вдруг накатила слабость. После всего, что она услышала сегодня, поведение этого красивого, независимого парня смутило ее. Может быть, он прав, по-своему распоряджаясь своей молодостью, отбрасывая все, что мешает его удовольствиям, ни в чем себе не отказывая... Может, поэтому он и выглядит таким счастливым?!

Словно почувствовав смятение девушки, но не понимая причины его, Бернар вкрадчиво заговорил:

— Странно, Беа... В лицее видимся каждый день, но даже словечком не перекинемся. Хотелось бы поболтать с тобой! Ты ведь очень красивая!

— Дай пройти, Бернар. Уже поздно, меня ждут дома. Поговорим завтра...

— Ну ладно, можешь идти, куда вздумается! Да и не тебя я поджидаю. Наша встреча — счастливая случайность! Хотя, лучше иди-ка сюда, займем исходные позиции, иначе пропадет эффект неожиданности...

Крепко схватив Беатрису за руку, он оттащил упирающуюся девушку к парапету и заставил пригнуться. Тень скрыла их. Приятели Бернара тоже пригнулись: мост снова выглядел пустынным. Беатриса прошептала:

— Что вы задумали?

— Проучить твоего любимчика Альдо и его свору. Он уже давно сидит у меня в печенках! Пророк, святоша! Целыми днями читает мораль другим, а девицы так и вешаются ему на шею!

— Только не я! — возмутилась Беатриса.

— Молчи! Похоже, они.

Бернар прижал Беатрису к себе, одной рукой обхватив ее за плечи, а другой зажав ей рот. Девушка даже не пыталась освободиться. Жизнь в последнее время не

радовала ее, и когда сильная рука легла ей на плечо, она беззвучно заплакала. Ладонь, зажимавшая ей рот, дрогнула; омытые слезами пальцы едва ощутимо коснулись мокрых век и горячих щек. С берега донеслись возбужденные голоса. Беатриса услышала тихий шепот:

— Не плачь, Беа! Завтра поговорим!

Послышался веселый голос Альдо, ему вторили голоса Люсьена, Патрика, Элизы, Леа... Беатриса рывком освободилась из объятий, выпрямилась и крикнула:

— Альдо! «Чумазые»!

— Зараза! — выругался Бернар и резким движением переброшил девушку через парапет в реку, потом кинулся вперед. Альдо с друзьями выбежали на мост.

— Держись, Беатриса! Мы здесь! — кричали они.

Но Беатриса, кашляя и отплевываясь, уже сидела под мостом в грязи.

Бернар ринулся на Альдо и головой ударил его в грудь. Альдо упал на спину, увлекая за собой противника. Леа схватила Бернара за волосы и с силой дернула его голову назад. Почувствовав жгучую боль, Бернар ударил девушку, и та рухнула в реку.

Рассвирепевший Альдо накинулся на предводителя «чумазых». Бернар прекратил сопротивление, закрыв лицо руками. Драка разгорелась не на шутку.

Девушки из обеих лагерей, сдернув пояса, размахивали ими, словно плетьюми; когда удар достигал цели, раздавался приглушенный шлепок. Могучие кулаки двухметрового Люсьена внесли смятение в ряды нападавших. Боевой запал «чумазых» иссяк, когда их предводитель вышел из строя. Они бросились врассыпную, выкрикивая угрозы.

Беатриса, Леа и маленький Патрик, откашливаясь, сидели на берегу. Их сотрясала рвота. Из глаз катились слезы. Альдо с друзьями помогли им выбраться из ила и обтереть лица, после чего ребята разошлись.

— В полночь у Новой башни! — в последний раз

напомнил Альдо и добавил, обращаясь к Патрику: — А ты — молчок! Оставайся в постели. Если увижу — влетит по первое число!

Пьер Коль, закурив сигарету, переключил кондиционер-воздухоочиститель и еще раз перечитал последнюю страницу из папки:

Патрик С.

11 лет. Учащийся.

Глаза карие. Шатен. Рост маленький.

Проживает в № 8 по улице Фур (шестой этаж)...

На полях мелким почерком была сделана приписка:

Вошел в группу Альдо, хотя его старший брат Андре входит в группу «чумазных». Болтлив, доверчив, легко знакомится, но словам его не следует особенно доверять! Любит конфеты и мотоциклы...

Пьер Коль отложил страничку в сторону. «Пожалуй, этот парнишка сгодится... — подумал он. — Мотоцикл я раздобуду. К тому же лучшего средства передвижения в этом городе не найти. Так-так. Теперь проглядим список наших «чумазных» друзей... Мейлон считает, что «зануды» охвачены страхом. Думаю, «чумазные» сколотили свою банду по той же причине!»

3. Возмутители спокойствия

Альдо машинально открыл кран холодной воды. Побежала слабая струйка, которая очень скоро истончилась и иссякла. В трубах утробно заурчало. Альдо вздохнул и посмотрел на счетчик — зеленая лампочка не горела, значит, давления в водопроводной сети еще не было...

Он с горечью перечитал ярко-красный текст на стальной табличке над умывальником:

«ТЕХНИЧЕСКАЯ ВОДА. Домашняя сантехника обеспечивается водой с 19 до 22 часов. Когда давление воды в сети достигает нормы, загорается зеленая лампочка. Напоминаем хозяйкам: семейный резервуар вы можете заполнить после 19 часов. Настоящий счетчик является собственностью...»

— Альдо! Сейчас только полседьмого!

Парнишка обернулся. В дверях стояла мать.

— Боже мой, Альдо, в каком ты виде?

— В жалком. Пришлось лезть за рыбками в Риу!

— Ловить рыбу в Риу? Да ты сошел с ума!

— Не сказал бы. Я вылавливал Леа и остальных...

— Альдо, перестань говорить загадками. Объясни, что все это значит!

— «Чумадые», мамочка, устроили засаду у Старого моста, ну и слабым пришлось искупаться!

— Альдо! Все это может плохо кончиться... Ну ладно... Умойся молоком с мылом, пока не сжег кожу! Если хочешь, сбегай купи к ужину три бутылки питьевой воды...

Когда мать занялась на кухне, Альдо ушел к себе в комнату. Притворив дверь, он вытащил из стола радиотелефон и выдвинул антенну. Бросив взгляд на часы, включил устройство...

Послышался голос Леа:

— Альдо! Альдо!

— Алло, Леа! Как тебя встретили дома?

— Нормально, успела умыться до прихода предков.

— У вас еще была вода?

— Едва хватило на мытье!

— Повезло!

— Изменений не предвидится?

— Ни в коем случае! Выведала у отца?

— Да, сегодня ночью дежурит Мори... Слышишь, Мо-ри...

— Заметано!

- Меня зовут к ужину! Побегу. До скорого!
 - Жду. Целую!
- Динамик звучно чмокнул, и Леа отключилась.

Подходило время, когда можно незаметно ускользнуть из квартиры. От напряжения и страха сосало под ложечкой. Альдо сознавал, что от успеха операции зависело очень многое...

Он погасил настольную лампу и осторожно открыл окно. Горячее дыхание ночи с ее шорохами и запахами ворвалось в комнату. Жилые дома смыкались широким темным кругом, рассеянным светящимися колоннами — окнами гостиных, где еще работали телевизоры. Передачи должны были вот-вот закончиться. Из комнаты, где сидели отец с матерью, доносился приглушенный голос диктора. Еще несколько минут — и он замолкнет... И почти тут же погаснут окна, освещенные экранами телевизоров. Свет переместится в спальни, и темные фасады вспыхнут разноцветьем огоньков.

Альдо отыскал глазами дом Леа.

«Второе окно от гостиной на втором этаже... Если шторы не задернуты, оно засветится зеленым светом... Леа любит зеленый цвет».

Чувство страха исчезло. Альдо вглядывался во мрак. Он улыбнулся, когда окна гостиных почти одновременно погасли и зажглись огоньки рядом. В квартире Леа сквозь задернутые шторы родительской комнаты пробивался тонкий лучик света, но окна девушки так и остались темными.

Тревога снова охватила его. Огоньки окон уже не казались дружелюбными, а громады зданий сомкнулись в угрожающее кольцо. Леа, как и он, ждала в темноте, пока сон не сморит город.

Вздохнув, Альдо отошел от окна, нащупал на столе карманный фонарик... Прикрывая луч ладонью, он

отыскал среди разбросанных бумаг два листочка с планом действий, сунул их в карман и поднял лежавшие у кровати кеды и старый школьный ранец с раздувшимися боками.

Когда они приблизились к Новой башне, из тени вынырнули четверо ребят.

— Маловато! — дрожащим от волнения голосом проговорила Леа.

— Я и не думал, что придут все, хотя рассчитывал на большее! — признался Альдо, ускоряя шаг.

— Пять, шесть... Может, лучше разбежаться по кроваткам? — предложила Элиза.

Альдо усмехнулся:

— Ты что же, думала, что мы, чеканя шаг, вступим туда колонной по четыре человека в ряд? Итак, кто здесь — Люсьен, Беатриса, Мишель?

— Скорее туда! — нетерпеливо перебила Беатриса. — Через два с половиной часа встанет отец... Он выходит сегодня в первую смену на теплоцентраль и, прежде чем уйти, непременно заглянет ко мне — боится, что я помру, наглотавшись всякой дряни в Риу.

— Ты права. Пошли...

Присев на корточки в тени грузового вагона, стоящего возле заводской ограды, Леа зажгла карманный фонарик; все склонились над листочками в руках у Альдо. Это был план завода с пометками, кому что делать и где. Но их собралось слишком мало. К тому же следовало принять некоторые предосторожности.

— Альдо. У меня есть идея, — начал Мишель.

Он схватил листок и, глядя в него, предложил:

— Оставь мне план и дай кого-нибудь в помощники. Мы вдвоем постараемся заменить недостающих. Конечно, все подходы не перекрыть, но по крайней мере обеспечим главные...

— Прекрасно! Возьми Элизу! Найдите точки для наблюдения, но сначала займись лестницей.

Люсьен взобрался первым и уселся верхом на стену. Через минуту рядом с ним оказались Леа, Альдо и Беатриса. С помощью Мишеля ребята подтянули лестницу вверх и опустили ее по другую сторону ограды. Махнув друзьям на прощанье, они растворились в темноте.

— Местечко что надо! — оценил Люсьен.

— Конечно. Ночью здесь не работают. Освещения нет, а вот то строение закрывает нас. Беатриса, Леа, ищите проход, он где-то здесь!.. Люсьен, за мной...

— Потопали!

Альдо почувствовал на щеке жаркое дыхание и быстрый поцелуй. Он на мгновение удержал девушку и коснулся губами ее волос:

— Успеха, Леа!

Они расстались. Люсьен и Альдо неслышным шагом двинулись вперед и вскоре оказались в зоне первых фонарей. Здесь, на освещенной части завода, их могли заметить. При подготовке плана действий ребята, чтобы свести риск до минимума, остановились на самом простом решении. Они подошли к куче старых балок и подняли одну из них на плечи.

— Не слишком хитро! — пробурчал Люсьен.

— Ничего! Издали нас примут за ремонтников.

Ребята шли быстро, но, оказываясь под очередным фонарем, каждый раз неводьно ускоряли шаг. Их никто не заметил; вскоре они с облегчением уложили свой груз в тени небольшого кирпичного здания.

— Уф! Я бы долго не выдержал! — признался Альдо.

— Пустяки! Я смог бы обежать с этим бревном вокруг завода десяток раз!

— Не сомневаюсь! Но у нас другие задачи. Пока спрячься, теперь мой черед!

Альдо прижался к стене рядом с металлической дверью, из-за которой доносился шум двигателей, клацанье, шипение и глухой рев, словно внутри здания низвергался водопад. Потом он набрал побольше воздуха в легкие и, приоткрыв дверь и сунув голову внутрь, что было сил закричал:

— Мори! Срочно в караулку!

Не ожидая ответа, Альдо попятился назад и присел рядом с Люсьеном.

Дверь распахнулась и на пороге показался человек в белом халате.

— Зачем?

Ответа не последовало.

— Эй! Уже смылся! Черт подери, ну и подонки, эти охранники! Ну, я им покажу!

Бормоча под нос проклятья, Мори поплелся в сторону караульного помещения. Не успел он сделать и двадцати шагов, как ребята проскользнули внутрь.

— Спрячься среди машин на стоянке. Оттуда видно все, что творится на заводском дворе и возле караулки. Если что-то случится, предупреди меня. И поглядывай в сторону моста — рабочие из пригорода идут оттуда!

— Господи, поскорее бы все кончалось!

— Ладно! Не дрейфь! Нам досталось самое простое!

— Знаю... До скорого, Мишель!

— До скорого, Элиза, и не теряй голову.

Девушка удалилась, и Мишель остался на перекрестке в полном одиночестве. Отсюда просматривались бульвар, по которому обычно шли рабочие из города, узкая улочка, откуда мог появиться полицейский патруль, и западная стена завода. Отойдя в сторону

шагов на двадцать, он видел, что творится на товарной станции и пустыре.

Пройдя немного вперед, Мишель оказался под фонарем, отбрасывавшим на тротуар круг оранжевого света.

— Черт возьми! Заляпался по колено! Наверно, когда возились с лестницей... — пробормотал он.

Юноша машинально сунул руку в карман, извлек листок, который дал ему Альдо, разорвал его надвое, одну половину сунул обратно, а второй принялся очищать грязь с ботинок... Мотоцикл, на малой скорости выкативший из узенькой улочки, застал его врасплох... Отбросив в сторону комок испачканной бумаги, он выпрямился и покраснел, как уличенный в постыдном проступке ребенок.

В центре помещения высилась громадная машина с полированным стальным кожухом. От нее разбежались толстые трубы, прижатые к полу стальными хомутами. На трубах тускло поблескивали чугунные маховики затворов. У дальней стены на бетонных основаниях стояли два электродвигателя. А рядом с машиной мигали лампочки пульта управления.

— Люсьен, у тебя четверть часа, чтобы расправиться со всей механикой! — напомнил Альдо и, схватившись за один из маховиков, начал его вращать.

— Передай мне инструменты и оставь в покое затворы! Лучше займись двигателями, я поковыряюсь в пульте... Думаю, отсюда электроника управляет распределением воды по цехам...

— А машина?

— Ею тоже управляют с пульта. Погоди-ка...

Пока Люсьен разбирался в кнопках и лампочках, Альдо принялся за двигатели. Первая попытка оказа-

лась неудачной. Но вот рев главной установки резко убавился, и через несколько секунд наступила тишина.

— Bravo, Люсьен! А у меня не ладится!

— Попробуй этот рубильник...

Альдо дернул рычаг вниз. Двигатели замерли, как по мановению волшебной палочки.

— Черт возьми! — проворчал Люсьен. — Замигали четыре лампочки. Сейчас на заводе забьют тревогу! Помоги-ка мне, Альдо!

Он извлек из ранца две отвертки, одну дал приятелю, а второй принялся отвинчивать винты на задней крышке пульта.

Когда сняли крышку, в глазах зарябило от сотен разноцветных проводников и транзисторов.

— Рвем? — спросил Альдо.

— Ни в коем случае! Есть кое-что получше... Глянь-ка, что на улице. Остались сущие пустяки!

Мотоцикл остановился рядом с Мишелем, и водитель, молодой человек со светлыми усиками, осведомился:

— Помочь не надо?

— Да нет. Вот кончил работу, возвращаюсь домой.

— Мне показалось, вы упали...

— Оступился...

— Ах так! Ну что ж, спокойной ночи!

— Спокойной ночи!

Водитель дал газ и, то и дело оборачиваясь, покатил в сторону пригорода.

Мишель, чтобы не вызывать подозрений, пересек улицу и скрылся за углом.

«Темные волосы, борода, крепыш, неряшливый вид... лет семнадцать. Возможно, Мишель Р.! Интерес-

но, сколько молодых людей в городе соответствуют этому описанию? Хм! Однако готов поклясться, что это был именно он! Что можно здесь делать одному в час ночи? А врать-то не умеет... Ладно, пустяки!»

Пьер Коль свернул за угол и исчез в ночи.

На насосной станции царила тишина. Альдо обвел глазами территорию завода. Возле цехов уже появились группки рабочих. В караульном помещении, метрах в восьмистах от станции, похоже, было спокойно.

«Не иначе Мори считает, что его разыграли, — подумал Альдо, — и заболтался... А вот и он, да еще с охранниками!»

В дверях караулки появился человек в белом халате, вслед за ним вышли люди в темной форме. «Старший мастер предупредил их по телефону!» — догадался юноша.

— Альдо, я закончил!

Невозмутимый Люсьен стоял в дверях с инструментами под мышкой.

— В самый раз, запираем станцию и сматываемся!

Альдо в темноте нащупал замочную скважину, быстро повернул ключ, вытащил его, сунул в карман и побежал вслед за приятелем. Они сделали большой крюк по территории завода, обходя центральные дорожки, на которых теперь толпился народ и, изредка сверяясь с планом, незамеченными пробрались между зданиями к южной стене...

Мишель выждал несколько минут и вернулся на перекресток. Считая, что все опасности позади, он успокоился. Но беды не кончились. Он вздрогнул, услышав быстрый стук каблучков! На бульваре возникла тоненькая фигурка... Элиза! Он бросился ей навстречу.

Расстроенная девушка с ходу уткнулась ему в плечо. Она тяжело дышала.

— Что случилось?

— Леа... Беатриса... заперты внутри завода!

Спрятавшись в узком проходе, девушки видели, как у караулки появился Мори. Он вошел в помещение, что-то бормоча под нос. Раздался громовой взрыв хохота, затем все стихло... Вскоре донеслись обрывки оживленной беседы... Речь шла о стрельбе по тарелочкам, и каждый хвастался своей меткостью! Один из охранников заявил, что в молодости убил зайца. Это вызвало недоверчивые возгласы.

— Ну и трепло! — возмущенно фыркнула Беатриса. — Он протирал штаны в школе, когда исчезли последние дикие животные!

— Может, он спутал зайца с крысой? — усмехнулась Леа.

Беатриса прыснула, зажав рот ладонями, но тут в караулке зазвонил телефон... Минутная тишина взорвалась бранью! Мори выскочил во двор в сопровождении дюжины охранников и поспешил в сторону станции.

— Неужели авария?!

— Сразу все насосы?! Не может быть!

Голоса удалились. Девушки бросились к караулке и на мгновенье застыли у двери рядом с табельным автоматом.

Леа прислушалась.

— Тихо! Никого нет...

— Давай!

Она вошла внутрь, ее била дрожь.

Обширное помещение разделяла навесная панель. В глубине комнаты на столе дымились чашки с кофе.

Девушка перевела взгляд на огромную витрину, занимавшую полстены над серой конторкой, где висела добрая сотня ключей самых разных размеров. Через три, максимум четыре минуты охранники наткнутся на

запертую дверь насосной и вернуться за запасным ключом.

— Архив... Бассейны (главный вход)... Бухгалтерия... Гараж... Дирекция... Слава богу, они расположены в алфавитном порядке! Так-так. Где же буква Н? Вот она! НАСОСНАЯ СТАНЦИЯ!

Со вздохом облегчения Леа сняла ключ и в два прыжка оказалась у двери.

— Есть!

— Браво!

Они ринулись к светлому прямоугольнику калитки. Беатриса потянула дверцу на себя... Нет! Толкнула... дверца даже не шелохнулась! Девушка вздрогнула. О лестнице следовало забыть — по плану ребята должны были забрать ее с собой... Главные ворота на ночь всегда запирались.

— Заперто!

— Не может быть! Подожди... здесь магнитный замок, в караулке должна быть кнопка! Сейчас я вернусь!

Но Леа не успела сделать и шага. Она застыла на месте, словно окаменев...

— Охранник возвращается!

— У нас один выход — Риу!

— Он заметит нас!

— Нет!

Беатриса, к которой вернулось самообладание, хладнокровно потянула Леа за собой в тень караулки, вспомнив, что там стояло несколько велосипедов.

— Проедем вдоль стены и выберемся к Риу, нас будет труднее заметить... Как только он войдет внутрь, на велик — и ходу!

Шаги охранника затихли. Беатриса сжала руку Леа и подала знак. Они оседлали два ближайших велосипеда и, отчаянно крутя педали, понеслись прочь от опасного места. Когда недоумевающий охранник вышел из

дверей, они уже скрылись за газгольдером. Вдруг стена сделала резкий поворот... Беатриса не успела остановиться, хотя отчаянно нажала на тормоз. Переднее колесо врезалось в стену, и девушка, перелетев через руль, ударилась о нее головой!

Леа соскочила с велосипеда и бросилась к подруге, которая, скрючившись, лежала на земле.

— Беа! Беа!

— Ничего... О-о-ой! Набила шишку, искры до сих пор сыплются из глаз.

Леа встала на колени и притянула к себе голову подруги.

Оклики и вспышки электрических фонарей напомнили им, что опасность не миновала.

— Надо сматываться отсюда! Как себя чувствуешь?

— Велосипед в привете! — жалобно простонала Беатриса, показывая на перекошенное колесо.

— Доберемся на моем! Садись на багажник...

Когда до них донеслись крики охранников, обнаруживших поврежденный велосипед, они не почувствовали страха, только неприятно екнуло в груди. Развязка близилась, они не сомневались, что их поймают. Спасти могло только чудо.

И чудо произошло, когда дорогу преградила толстенная труба. Они остановились.

— Беатриса! Погляди-ка!

Леа показывала на то место, где труба уходила в стену. Между металлом и кладкой зияла дыра... Небольшая, но вполне достаточная, чтобы через нее могли проскользнуть две тонюсенькие девчонки.

Встреча у Новой башни была радостной. Всем казалось, что они не виделись несколько лет, и каждому пришлось пережить столько опасностей, сколько другим и не снилось.

— Мишель, — спросил Альдо, когда девушки, перебивая друг друга, изложили свои приключения, — как ты догадался спуститься по Риу в лодке?

— Я следовал инструкции!

— Какой инструкции?

— Ты забыл про свой листок? Прежде чем заступить на пост, я прочел: «Риу (лодка канализационников) — Жак». Когда Элиза сказала мне, что Беатриса не сумела открыть запертую калитку, я кинулся к лодке!

— Ясно! Но мы совершили ошибку — надо было еще четверть часа подежурить у лестницы. Мы выбрали безопасное место, но были непредусмотрительны!

— А я считаю, что мы здорово подготовились! — возразил Люсьен.

— Кстати, — перебила его Элиза, — что вы натворили на станции?

— Остановили насосы, а что нахимичил Люсьен, даже не знаю! — ответил Альдо.

— Я просто поменял фазы, пусть поищут, отчего произошло замыкание!

— Ну что ж, друзья, пора баньки! Но прежде совершим последнее действие! — заявил Альдо, подняв над головой ключ от насосной станции.

Леа достала второй ключ, и они торжественно опустили их в ближайшее сточное отверстие...

4. Первые последствия

Телефон отчаянно надрывался. Коль снял трубку и услышал разгневанный голос Мейлона:

— Надеюсь, я не вытащил вас из постели?

Коль бросил взгляд на часы — семь ноль-ноль.

— Не имеет значения.

— Еще бы! Я плачу вам не за то, чтобы вы прохлаждались!

— Знаю, но в чем дело?

— Ах, в чем дело! Черт подери! Это я у вас должен спросить! Вы что же, дожидаетесь волнений в городе? Вам надлежало предусмотреть и предупредить то, что произошло сегодня ночью...

Сыщик не без раздражения перебил:

— Объясните, наконец, что произошло! Я не ясно-видец.

— Все очень просто. Сегодня ночью, пока вы безмятежно дрыхли, на химическом заводе произведен акт саботажа. И виновные гуляют на свободе как ни в чем не бывало! Ни следов, ни улики, ничего!

Ошеломленный Коль молчал.

— Ну, как вам новость?! — рявкнул в трубку промышленник.

— Имейте терпение, господин Мейлон! — холодно возразил Коль. — Я только что прибыл в город! У меня уже есть одна мыслишка... Где бы я мог встретиться с вами сегодня утром?

— На заводе. Я жду полицию, потом придут журналисты, можете явиться вместе с ними, чтобы не привлекать внимания. О нашем сотрудничестве никто не должен знать! — смягчившись ответил Мейлон.

— Не беспокойтесь...

Коль повесил трубку и задумался, его губы растянулись в злую улыбку.

«Странное совпадение!.. Лет семнадцать, бородастый, крепкий, неряшливо одет, бродил ночью в районе химического завода... Надо посмотреть на месте...»

Чтобы не привлекать внимания, Коль оставил мотоцикл метрах в трехстах от перекрестка. Когда он подошел к ограде, у проходной уже суетились комиссар полиции и его помощники. Тут же стояла кучка зевак, оживленно обсуждавших случившееся. Пьер Коль небрежной походкой направился к перекрестку... Он сразу же заметил на асфальте куски засохшей грязи.

— Ага! — пробормотал он. — Мой бородач стоял здесь.

Сыщик внимательно осмотрелся вокруг, неподалеку лежала скомканная бумажка. Он поднял ее, расправил и, не меняя шага, украдкой прочел:

Лестница — Марк, Сильвия

Северная стоянка — Даниель

Малый мост — Антонен

Запад — Жан-Пьер

Улица — Анна

Южная станция — Клод

Риу (лодка канализационников) — Жак

Коль удовлетворенно хмыкнул. Расследование шло успешнее, чем он предполагал.

Главные ворота завода были распахнуты. Вокруг Мейлона толпились люди. Только начальник охраны мрачно стоял в стороне. Детектив подошел к нему.

— Господин Грамон! Не могли бы вы рассказать подробнее о том, что произошло? — нарочито громко спросил он и тихо добавил: — Метрах в ста отсюда, на перекрестке, я нашел клочок бумаги, который может вас заинтересовать.

Грамон сунул листок в карман.

— Пока мне нечего сообщить! Ждите заявления дирекции!

Альдо нервно расхаживал по двору лица. Здание медленно пустело — учащиеся расходились по домам. Наконец в дверях показалась Леа. Она издали увидела Альдо и приветственно помахала ему рукой. Юноша бросился к ней.

— Быстрее. Есть новости?

— Альдо! Я ужасно боюсь!

— Что за детские штучки! Возьми себя в руки. Надо купить газету. Там наверняка будут комментарии.

Газетный киоск на углу Прямой улицы и Школьного бульвара в центре города всегда собирал любителей посудачить. Сюда, как говорится, стекались все слухи.

Когда молодые люди вошли в магазинчик «Вся пресса», возбужденные голоса разом стихли.

— Пожалуйста, «Эклер дю Риу»!

Владелец нахмурился и почти нехотя протянул газету. Альдо и Леа, сопровождаемые осуждающими взглядами, выскочили на улицу.

— Вот почему они косо смотрели!

Через всю полосу тянулся громадный черный заголовок:

САБОТАЖ

Альдо на ходу стал вполголоса читать:

«Нынешней ночью на химическом заводе была выведена из строя насосная станция. Директор завода Мейлон сделал следующее заявление: «Пока я не знаю размера убытков, но уже сейчас могу сказать, что серьезно повреждено электронное управление станцией. Злоумышленники произвели переключение проводов, что привело к короткому замыканию. В результате прекращения подачи воды наши главные цеха, оборудованные ультрасовременными установками, не смогут вступить в строй длительное время. Остановка производства обернется многомиллионными убытками». Затем господин Мейлон напомнил, что город, как и вся долина Риу, обязан своим процветанием предприятиям, и он как один из основателей концерна гордится, что способствовал этому процветанию. Причины саботажа, жертвой которого стал концерн «Химические и металлургические заводы Риу», пока необъяснимы...»

В конце статьи автор обрушивался на виновников «варварского поступка» и сокрушался о судьбе «несчастливых рабочих, которым на неопределенный срок грозит безработица!»

— Мы и не надеялись на такое! — пробормотала Леа, нервно рассмеявшись.

После обеда Анна подала кофе в гостиную. Лоран Порталь последовал за женой.

Дети уже сидели перед телевизором. Элиза устроилась в кресле с магнитофоном и учебными карточками на коленях. Как обычно, она нервно поглядывала на часы. Малыш Поль — в семье его звали Пушком — не отрывал взгляда от экрана. Лоран некоторое время наблюдал за ним: лицо мальчугана покраснелось, он то и дело заходил в приступах кашля.

— Пушок не болен?

— Обычный городской кашель...

— Бронхит, — поправил Лоран.

— Да-да, конечно. Я сегодня поведу его к врачу...

Элиза вскочила и чмокнула мать в щеку.

— Пора, а то опоздаю в лицей!

— До скорого, Элиза. Не ленись.

— До свиданья, мама!

Элиза поцеловала отца и устремилась к двери.

— Элиза!

— Что, пап?

— Ты вчера вечером никуда не выходила?

— Зачем?

— Неважно... Ну беги!

Он выключил телевизор. Изображение на экране сжалось и исчезло. Пушок вздрогнул и побледнел.

— Иди отдохни, малыш... — сказал отец.

Ребенок нехотя подчинился.

Лоран мелкими глотками смаковал кофе, поглядывая на жену.

— Тебя что-то гложет? — спросила Анна.

— Да так... Ты, наверно, слышала о саботаже?

— Как и все.

— Мне поручили вести следствие. Поганая работа!

— Понятно... Это действительно так серьезно, как расписано в газете?

— Вовсе нет. Повреждения устранят быстро... Не понимаю, зачем Мейлону понадобилось так сгущать краски! А я должен разыскать виновных. Я и Грамон... Правда, Грамон будет вести расследование независимо от меня.

— Ты знаешь хоть, с чего начинать?

— Проблема не в этом. Сам по себе акт саботажа, попросту говоря, смешон — ни побудительных причин, ни выгод! Если только...

— Если только?

— ...не рассматривать его как протест этих пресловутых борцов против загрязнения окружающей среды.

— Все так и поняли!

— Вот именно. Зная Клода Паскье, вину можно возложить на городской союз этих деятелей. Но не думаю, что к такой аванюре причастны взрослые... Как ты полагаешь?

— Никак.

— Еще бы. Имея дочь-«зануду» и супругу, которая во всем потакает ей, я оказался в двусмысленном положении. А историю надо распутать! Ну да ладно... Через полчаса у меня назначена встреча с Клодом Паскье... Пора идти. До вечера, Анна!

— Счастливо, Лоран.

5. Человек, которого надо устранить

Адольф Мейлон вернулся домой рано в скверном расположении духа. Завод стоял, и саботажников еще не обнаружили. Он им это припомнит...

Жена читала в гостиной. Когда он вошел, она отложила книгу и улыбнулась ему.

— Как дела?

— Хуже некуда! На заводе саботаж, но ни одна живая душа ничего не видела, ничего не слышала, ничего не знает. Ничегошеньки! А через неделю заседание административного совета... Представляешь, что мне придется выслушать!

— Милый, не волнуйся по пустякам! Разве можно что-то сделать за такой короткий срок?

— Комиссар полиции заявил мне: «Господин Мейлон, успокойтесь! Я не могу производить аресты на основе одних ваших подозрений. Вот закончу следствие, соберу улики — другое дело...»

Мейлон помолчал и возмущенно воскликнул:

— Улики! Улики! Ясно же, кто всему виной. Я бы засадил за решетку этого поганого учителя и дурачков, которые, развесив уши, слушают его! Паскье — опасный псих, и его надо во что бы то ни стало убрать. Смешно сказать — у полиции не хватает средств, чтобы заставить преступников признаться! Конечно, комиссар в глупейшем положении: вероятно, ему придется заняться и собственной дочерью... Как быть? Может, поручить расследование кому-нибудь другому?

— Порядочность комиссара не вызывает сомнений. Ты не имеешь права его подозревать.

— Так-то оно так... Но меня выводят из себя эти «зануды»! А где Эрик?

— Спит. По крайней мере, надеюсь, что спит...

— Как, он уже в постели?!

— Эрик вернулся из лицея совсем разбитый, на нем лица не было. Бедняга клевал носом за чаем. Я послала его отдохнуть.

— Ну и везет же мне! Сын и тот размазня — только и умеет пролеживать бока да бродить по дому с томной физиономией! Нет чтобы быть понаглее, подрачливее, понахальнее, как я в его годы... Уж лучше бы был саботажником, чем эдакой квашней! Пора его встряхнуть...

— Не трогай его. Мальчик страдает анемией, у него очень слабое здоровье. Врач постоянно напоминает мне об этом... А последнее время он сильно кашляет.

Жанна умоляюще посмотрела на мужа:

— Может, отправить его в горы? Немного чистого воздуха...

— Вздор! Ты тоже решила стать сторонницей Паскье?! Согласен, в городе немного пыльно. Но мы-то живем за его пределами. Чтобы не было вони, я велел отвести русло Риу, посадил у дома кусты — что еще надо? Солнца? Мы его видим во время отпуска, а в доме есть ультрафиолетовые лампы... Грех жаловаться. Нам и так завидуют.

— Но горы...

— Хватит! Не будем и обсуждать! Додумались! Играешь на руку моим врагам! Я уже слышу их голоса: «Смотрите-ка — послал сына в горы? Неужели воздух в городе вреден ему и безопасен для других?» И не помышляй ни о каких горах. Сын останется здесь!

Словно подчеркивая, что это его последнее слово, Мейлон вышел из комнаты. Жанна хотела было пойти следом, но, чувствуя раздражение мужа, решила вернуться к разговору в более благоприятной ситуации.

Адольф Мейлон вошел в комнату сына и в нерешительности застыл на пороге. Погруженный в дела, он не часто вспоминал о ребенке. Эрик выглядел похудевшим. При виде спящего подростка, его бледного лица с ввалившимися щеками Мейлона вдруг охватил страх — что, если сын действительно болен? Но он отогнал беспокойные мысли.

«Конечно, малыш выглядит неважнецки. А откуда быть силам, если все время валяться в постели? Известно, пролеживая бока, здоровья не наживешь. И все из-за Жанны, она опекает его, как тепличное растение. Парень в его возрасте должен увлекаться спортом,

кипеть энергией, встречаться с друзьями. Пора заняться им. Я за неделю поставлю его на ноги!»

Мейлон подошел к постели и с силой тряхнул сына за плечо:

— Хелло, Эрик! Хватит лентяйничать, вставай! А то жизнь проспичь! Для чего я купил тебе мотоцикл? Пойди, погоняй! Чтобы через пять минут был внизу, и до обеда дома не появляйся.

— Хорошо, папа, — вяло согласился подросток.

Мейлон с удовлетворением поднялся в кабинет и подошел к окну. Через несколько минут он увидел, как сын вывел мотоцикл, завел его и на малой скорости покатил по аллее в сторону дороги.

«Хоть бы газанул для приличия!» — с досадой подумал отец.

На Черных землях было оживленнее обычного. Разговоры шли только об удачной операции...

Одни хорохорились, другие опасались возможных последствий. Люсьен пытался успокоить друзей, но доводы его были не очень вескими:

— Черт подери! Смотрите веселей! Мы никого не убили! Уверен, такая акция — благое дело. И Альдо вам скажет то же самое...

— Люсьен прав, — поддержал Мишель. — Нашим поступком надо гордиться... А ты, Даниель, можешь откреститься от нас, ведь ты не принимала участия в деле...

— Скажешь тоже! Душой я была с вами, кроме того, участвовала в разработке плана. Только вот из-за нас люди оказались без работы... Представь, что ремонт продлится долго: мы лишим их заработка!

— Зато они передохнут немного!

— А вот и Альдо!

Появление Альдо и Леа охладило пыл спорщиков.

— Даниель, прости, но ты доверчива, как дитя. «Эклер дю Риу» угрожает безработицей? Но ведь эта газетенка вопит устами Мейлона... Хозяин хочет натравить на нас население.

Альдо помолчал и, оглядев ребят, продолжил:

— Хочу напомнить вам, что несколько лет назад был принят закон, обязывающий каждое предприятие возвращать воду в реки в том же объеме очищенной, охлажденной и насыщенной кислородом. Каждая труба должна быть снабжена фильтрами, чтобы исключить попадание вредных веществ в атмосферу... Ну а как выполняется этот закон, вам известно не хуже моего! Нарушители закона обязаны платить штраф. Но оказалось, что создание очистных сооружений и дымовых фильтров требует громадных затрат. Штраф по сравнению с ними — пустяк... И, естественно, каждый предприниматель предпочитает платить штраф, продолжая отравлять все вокруг! Химический завод Мейлона ничем не лучше других. Город забыл о солнце, о деревьях, птицах, траве и чистой воде...

— Мы поступили правильно! — убежденно воскликнул Люсьен.

— В противном случае все было бы иначе... — робко вмешалась в разговор Элиза.

— Еще бы! — насмешливо подхватил Альдо.

Почувствовав иронию в словах товарища, девушка покраснела и нерешительно продолжила:

— Я неверно выразилась... Я хотела сказать, что, если бы штраф был выше стоимости очистных сооружений, все было бы по-иному!

— Элиза, ты глядишь в корень! — воскликнула Леа. — Именно к этому мы и стремимся в масштабе всей страны, больше того — мира: штраф должен быть вдвое, втрое дороже устройств. И не только затем, чтобы прекратить загрязнение среды, но и ликвидировать урон, нанесенный природе!

— Такая мера была бы большой победой, — поддержал ее Альдо. — Правда, землю уже не вернуть к прежнему состоянию, но все же это было бы шагом вперед.

На лестнице послышались шаги — в проеме появилась фигура учителя, которого ребята любовно называли Стариком...

Клод Паскье.

35 лет. Преподаватель физики и химии.

Рост — 1,83, сутул. Глаза голубые. Близорук, носит сильные очки. Светлый шатен. (Женат. Детей нет.)

Дальше следовали прочие анкетные сведения, но сыщик не стал их читать. Его внимание привлекли карандашные пометки на полях, сделанные, похоже, рукой Грамона:

Пока не удалось найти ничего, что позволило бы освободить от занимаемой должности. Подозревается в использовании лицейского оборудования (вскрытие животных, анализы...) для предосудительных целей. Формально уличен не был. Лекции постоянно записываются, но в них придаться не к чему.

Неподкупен. Недоверчив. Устранить при первой возможности.

Жена: пилот (см. карточку), часто отсутствует. Предположительно — член движения «зануд».

Место жительства: Лесной приют, коттедж № 6.

Паскье был явно недоволен. Кивком поздоровавшись с ребятами, он сразу перешел к делу:

— Вы огорчили меня! Я стараюсь превратить вас в молодых, сознательных и убежденных борцов. А вы играете в детские игры! Ваш безрассудный поступок не принес ничего, кроме вреда.

Альдо, не выдержав, прервал учителя:

— А что нам делать? Продолжать регистрировать опасности? Вы уже пожилы, поэтому можете выжидать! А у нас нет времени, мы не желаем умирать как бараны...

— Альдо, разреши мне закончить!

Голос Клода Паскье был тверд и бесстрастен. Альдо насупился, но замолчал, с досадой пожав плечами.

— Мы терпеливо старались наладить контакты с населением, — продолжил Паскье. — Нам пока не поверили, но к нашим словам прислушивались все чаще и чаще! А теперь в одну ночь вы свели на нет многомесячные усилия! Более того, накануне приезда в наш город одного из крупнейших экологов, вы создаете дополнительные трудности в организации конференции... Подумайте, что вы натворили! Сегодня утром на квартирах начались обыски, полиция ищет улики, чтобы возложить всю вину на нас. Охранники озверели и ходят за нами по пятам. Короче говоря, вы привлекли внимание к нам в период, когда мы стремились быть как можно незаметнее!

Речь учителя была встречена гробовым молчанием.

— Ладно, сделанного не исправишь, — устало махнул рукой Паскье. — Я пришел не только за тем, чтобы порицать вас — мне нужна ваша помощь... Вы готовы?

Последние слова учителя немного разрядили напряженную атмосферу. Лица ребят просветлели. Альдо нехотя процедил:

— Вы упрекаете нас за то, что мы перешли к действию. Мир на краю гибели, а вы предлагаете спасти его, расставляя стулья! Ну это так, к слову. Мы, конечно, с радостью поможем вам.

— Ну и прекрасно! Не буду задерживаться... До свидания. Альдо, не проводишь меня?

Альдо словно не расслышал вопроса, он с усердием копался в книгах. Леа переводила взгляд с одного на

другого. Паскье явно не хотел уходить, не наладив отношений. Лицо у Альдо было хмурым и упрямым — она слишком хорошо знала такое его выражение. Он заранее отвергал любые попытки к примирению.

Леа решила вмешаться:

— Мне тоже пора уходить... Меня ждут дома. Альдо, ты идешь или нет?

Альдо зло глянул на нее, покраснел до ушей и нехотя пробурчал:

— Ищу тут одну книгу... Найду — догоню вас...

— Тогда поспеши! — безжалостно закончила Леа.

Двадцать пять домиков, некогда поставленных в лесу по образцу одноэтажных местных ферм, а позже надстроенных еще двумя этажами в связи с требованиями законов об уплотнении, жались друг к другу посреди пустыря, к которому вплотную подступали многоэтажные жилые корпуса.

«Деревенский приют в сердце леса у ворот города!» — так рекламировал когда-то строительство этих коттеджей бойкий предприниматель. Вначале там поселилась горстка избранных... Но потом концерн высосал грунтовые воды, деревья лишились влаги, и лес, устав от бесцеремонного вторжения, быстро исчез. Избранные устремились вслед за предприимчивым строителем дальше и дальше от города...

Пьер Коль толкнул входную дверь коттеджа № 6 и бесшумно поднялся по узкой лестнице на третий этаж.

«Клод Паскье, преподаватель», — прочел он на двери и позвонил. Но ему никто не ответил.

«Прекрасно, — усмехнулся он, — пришел не зря».

Он положил фотоаппаратуру на пол и извлек связку ключей. Третий ключ без труда открыл нехитрый замок. Коль вошел внутрь. Несмотря на незамысловатую обстановку, крохотная квартирка была уютной. Сыщик

быстро обошел комнаты, кухню, ванную, ничего не трогая, но запоминая каждую деталь.

На кухонном столе он заметил ареометр и сделал несколько снимков.

— Прекрасно! Общий план кухни, теперь стол и аппарат... Аппарат крупным планом... Если он принадлежит лицу, опознание не составит особых трудностей. И пускай потом отрицает, что брал его домой!

Коль перешел в гостиную и осмотрел рабочий стол, на котором стояли магнитофон и открытая картонная коробка с надписанными кассетами.

— Терять время на лекции не стоит. Посмотрим, что в ящиках. Книги..., опять лекции..., карточки с исправлениями. Нет! Так толку не добьешься. Придется заглянуть сюда еще раз, когда в запасе будет верных пара часов, и провести обыск по всем правилам...

Через пять минут сыщик на большой скорости уже мчался в город.

В редакции «Эклер дю Риу» он отдал пленку в фотолабораторию и отыскал пустой кабинет, чтобы позвонить Мейлону.

— Нельзя сказать, что вы начали свою деятельность с блестящих открытий! — рявкнул Мейлон в трубку.

— В чем дело?

— Ваша бумажка ничего не стоит, господин Коль! Грамон проверил весь список. Он утверждает, что его сын ни на минуту не покидал дома. То же говорят родители остальных! Двое из ребят, брат и сестра, провели ночь с родителями в соседнем городке у постели больной бабушки!

— А я уверен, что список имеет непосредственное отношение к саботажу.

— Продолжайте поиски. Советую порыться в делах взрослых. Все было слишком хорошо организовано, подростки на это не способны.

— Трудно представить, чтобы взрослые гоняли по

территории завода на велосипеде и удирали через дыру размером с игольное ушко!

— Откуда вам это известно?

— «Эклер дю Риу» обошла молчанием комическую сторону дела... Но моя профессия состоит в том, чтобы быть нескромным... И еще... Вскоре я передам вам фотографию одной интересной штуковины. Какой-то научный прибор. Снимок я сделал в кухне у учителя.

— И вы думаете, что...

— Что предмет принадлежит лицу? Не знаю.

— Это интересно. Присылайте побыстрее!

Когда они выбрались на вершину террикона, учитель сказал:

— Конференция должна увенчаться успехом.

— Ну, конечно! Триумфом! — пробормотал Альдо.

Клод Паскье натянуто улыбнулся:

— Откуда столько сарказма?

И тут Альдо дал выход клокотавшему в нем гневу.

— Какие могут быть сомнения в успехе! Состав аудитории известен: полсотни борцов за охрану окружающей среды, их семьи да несколько друзей. Все они уже давно осознали вред загрязнения! Вы ничем не рискуете!

— Ну, тогда чем же, по-твоему, мы должны заниматься? У тебя есть конкретные предложения?

— Давайте обратимся ко всему населению!

— Ишь, как просто... Может, подскажешь, как собрать под одной крышей сто двадцать тысяч человек? Как избежать столкновения с охранниками? Как сделать, чтобы они не сорвали конференцию?

— Вы ведь назначили конференцию на следующее воскресенье? День официального открытия нового водопровода?

— Да.

— Значит, весь город будет на улице. Люди так истосковались по чистой воде в кранах, что ни за что не пропустят такого события! Надо, чтобы вас услышали все!

— Фантазии...

— Послушать вас, любая акция либо невозможна, либо вредит движению!

— А, ты снова за свое. Тебя не убедили мои слова?

— Господин учитель, город медленно душит нас. многих он уже сожрал... Год назад вы говорили иначе!

— Альдо, ты говоришь о городе, как о чудовище...

— Он и есть чудовище!

— Если считать, что речь идет о математическом множестве, некоем числе одушевленных объектов, движимых одним эгоизмом, — при таком подходе город действительно выглядит монстром. Я же вижу людей, живущих в нем. Это отец Буке, Дельпеш, Леонар... Я не зря называю их имена. Они тебе известны. Это мужественные люди?

— Безусловно!

— Однако они наши убежденные противники. Разве за это их надо убивать? По-твоему, Альдо, город бесчеловечен. И будь твоя воля, ты в гневе безжалостно раздавил бы его. Но ведь одновременно тебе придется расправиться и с собственной семьей, с друзьями, соседями, с самим собой!

— Вы ошибаетесь! Я люблю наш город. Даже таким, как он есть, — больным, искалеченным, ненавидящим все и вся. Иногда он празднично улыбается... И тогда его улицы похожи на материнские руки. Еще маленьким я хорошо его знал — «от статуи Герцога до Витарелли»! Это был огромный прекрасный мир! Квартал Поющей Славки, кривые улочки, крохотные площади, дома с выходами на две улицы, переплетения лестниц и огороды на холме — я знал там каждый камушек. Рай, откуда я возвращался грязным, усталым и счастли-

вым. Город нянчился со мной, ласково убеждал вернуться домой. Ведь дом — особое место... Мы часто меняли жилье, но всегда казалось, что его выбирает нам город!

Дом в Тупике... Я иногда навещаю его к нему: четырехэтажное грязное здание, осклизлые, никогда не знавшие солнца стены, крохотный замусоренный дворик, где бакалейщик хранил ящики с бутылками... Но, пока я рос, город потихоньку отдалялся от меня, отталкивал от себя...

Клод Паскье молча слушал, понимая, что Альдо нужно выговориться, оправдать свою непримиримость.

— Мир ширился, перешагнув границы, где часовыми были Герцог и Витарелли... В лицее я узнал, что за птичка славка, и понял, что никогда не слышал, как она поет! Раз или два мне посчастливилось увидеть небо, звезды... Но обычно, распахивая утром окно, я вижу застилающий улицы туман. Я быстро узнал, что значит плотный слой тумана, весь день стоящий над крышами. И вчера, и позавчера, и ежедневно...

Я всегда вспоминаю город, о котором мне рассказывал дед, старый шахтер. Через его кварталы проходили рельсы, по которым катили вагонетки с углем — их почтительно пропускали автомобили. Уже тогда на всем лежал слой жирной пыли, подточенные подземными галереями улицы иногда обрушивались вместе с домами.

Город породила промышленность. Его создатели хотели блага. И говорили они красиво, эти мечтатели или лгуны — я даже не знаю, как их правильно называть, сами они предпочли поскорее укатить в другие, более приятные места.

Заводов прибавилось. Если раньше люди жили у мертвой реки, то теперь они познакомились с лысыми холмами... Они принимали разорение природы как неизбежное зло, мирились с ним. Город стискивал их в

серых стенах, о которые разбивали голову самые непокорные. Город справлялся со всеми. И однажды мой дед, отдавший жизнь городу, прозрел. Он увидел, что угольные шахты умерли, а сам он живёт на умирающей улице, где дома превратились в развалюхи, куда детишки заглядывали только ради любопытства. Хозяева города продолжали свою деятельность за его пределами, отрубив от громадного бесформенного тела «не-нужные» придатки!

Альдо на мгновенье замолк, его лицо покраснелось. Затем он с вызовом продолжил:

— Я люблю свой город и его жителей. Я здесь родился и надеюсь здесь жить... И это, я думаю, дает мне право говорить о нем без всякого снисхождения!

Клод Паскье задумался. Его назначили сюда меньше четырех лет назад, и он знал, что не останется здесь навсегда. Он понимал растерянность Альдо. Ему с младенчества вдальбивали, что процветание измеряется количеством дымящих труб, а об успехе родителей судят по размерам машины.. Но вот мальчишка осознал, что трубы извергают смерть, что ради сиюминутной прибыли растрачиваются природные ресурсы. И Клоду Паскье стало ясно — Альдо и его товарищи испытывают ощущение людей, оказавшихся на терпящем бедствие судне. У них нет времени ждать и питать тщетные надежды. Будь он сам лет на пятнадцать моложе, он действовал бы так же.

— Альдо, пойми меня правильно, я осуждаю твой поступок за бессмысленность. Он лишь на руку нашим врагам, но не дает решения проблемы. Главное — с фактами в руках убедить людей. Мы играем вспомогательную роль, Альдо. Энергия быстро истощится, если нас не поддержат другие!

— Наверное, вы правы, — помолчав согласился Альдо. — Действительно, надо убеждать людей.

Давайте вернемся к конференции. Голос лектора должен услышать весь город!

6. Трудный денек

— Ну вот и все! — проворчал слесарь, слезая с лесенки.

Альдо осмотрел новую установку: тонкая медная труба, пронзившая перекрытия, заканчивалась еще одним краном, над которым красовался оранжевый счетчик.

— Я объясню вам, как эта штука работает, а вы потом перескажете матери. Будьте внимательны, я вряд ли смогу зайти к вам еще раз! Опускаете в щель три монеты... Затем поворачиваете эту ручку до упора... Включается счетный механизм, и целую минуту из крана течет питьевая вода!

— Всего минуту! Да это же грабеж!

— Полегче, сынок! Если ты считаешь, что четыреста километров трубопроводов от океана, опреснительная установка и двадцать насосных станций ничего не стоили, то глубоко ошибаешься!

— Питьевая вода в бутылках и то дешевле!

— Зато теперь вы имеете воду в любое время.

— Если есть чем платить.

— С тобой не сговоришься! У вас у всех мозги набекрень. Мне пора. Не забудь, установка вступит в действие завтра в шестнадцать ноль-ноль!

— Знаю.

— Будет сам министр!

— Привет! Я не помешал?

Альдо вздрогнул от неожиданности и обернулся. В

кухне стоял мужчина. Он узнал его сразу — это был отец Элизы.

— Дверь была открыта... Я услышал голоса и решил, что могу войти...

— Конечно.

— Думаю, вы узнали меня... У Элизы до одиннадцати нет занятий. А вы учитесь в одном классе, и я решил, что вы тоже дома...

— Пожалуйста, пройдите в гостиную, — предложил Альдо комиссару. — Я сейчас, только провожу следящего.

Альдо закрыл за рабочим дверью и прислонился к стене. Только тут он почувствовал, как колотится сердце и по спине стекают струйки холодного пота. Несколько мгновений он стоял с полужакрытыми глазами, пытаясь взять себя в руки.

— Вам дурно?

Альдо открыл глаза. Комиссар стоял перед ним, хитро прищурясь.

— Я занимался почти всю ночь. Немного устал!

— Бывает... И часто вы страдаете бессонницей?

— Пожалуй, впервые. Я составил план повторения пройденного и сегодня приступил к занятиям.

— Вижу, несмотря на юный возраст, вы человек организованный! Элиза часто говорит о вас... И неизменно с похвалой!

— О, она замечательная девушка и прекрасно учится.

— У нее слабое здоровье, и я был бы против, если бы она просиживала ночи над уроками вместо сна. Но я зашел не за тем, чтобы говорить о здоровье Элизы... Иначе вы прочтете мне лекцию о вредных последствиях загрязнения окружающей среды! — улыбнулся комиссар.

— Да-да... Думаю, вы хотите допросить меня по поводу событий на заводе. Я был уверен, что рано или

поздно это произойдет. Но мои родители подтвердят, что позавчера ночью я был дома и спал сном праведника!

— Я вовсе не собирался вас допрашивать! — рассмехался комиссар. — Будь у меня такое намерение, я прислал бы вам повестку явиться в комиссариат... Мне хочется побеседовать с вами по-дружески, Альдо. Но буду с вами откровенен — я провожу небольшое расследование, скажем, как обеспокоенный отец!

— Ну, за Элизу не стоит бояться!

— Хм! Если к саботажу причастны вы, то и Элиза в нем замешана.

— А если исходить из того, что я невиновен?

— До прихода сюда я считал, что вы не имеете отношения к этой истории. Теперь моя уверенность поколеблена — вы человек самостоятельный. Более того, вы достаточно хладнокровны и умеете защищаться. Что вы думаете о саботаже?

— Я одобряю его целиком и полностью!

— А последствия?

— Миллионы литров подземной воды будут сохранены, отравители получили удар в самое чувствительное место — по мошне!

— А возможная безработица? Вдохновителю следовало подумать, прежде чем действовать. А что считают сообщники?

— Спросите об этом у них самих!

— Послушайте, Альдо, я пытаюсь помочь вам. Если это сделали вы, признайтесь! Я сумею замять дело. Вы с друзьями принесете извинения директору, в качестве наказания поработаете на заводе во время каникул... И все забудут об этой истории.

— Будь я инициатором саботажа, признание вины повлекло бы за собой выдачу тех, кого вы называете сообщниками. А разве можно на это пойти без их согласия? Но это в том случае, если саботаж устроили мы!

— Подумайте. Дня два-три я буду занят церемонией открытия и приездом министра. Потом мы вернемся к этому разговору. Если захотите сообщить что-либо раньше, добро пожаловать ко мне домой!

— В любом случае спасибо за добрые чувства к нам...

— До встречи, Альдо!

— До свидания, господин комиссар!

Едва Лоран Порталь вышел за дверь, как Альдо без сил опустился на стул. Он побледнел и долго сидел с отрешенным видом...

«Если надо, я не испугаюсь и отвечу за свой поступок. Но превращать друзей и себя в кающихся преступников — такого не будет!»

Жители города не скрывали недовольства — прошли целые сутки после злостной аварии, а виновники разгуливали на свободе, хотя каждый знал, чьих рук это дело... Без «зануд» тут не обошлось!

Грамон горел желанием спустить с цепи своих псов. Все «зануды» были на учете: бери их за глотку и отбей навсегда охоту заниматься подобными делишками! Но комиссар и директор завода были категорически против. Каждый по своим соображениям...

Комиссар с растущим недовольством смотрел, как частная полиция промышленника с каждым днем все больше вторгается в сферу общественного порядка. Мейлон же опасался, что беспорядки перекинутся в соседние города, где предприятиям концерна тоже могли угрожать подобные акции.

Грамон кипел от ярости, но ему пришлось подчиниться. Все же он отдал приказ своим охранникам при любой возможности настраивать людей против «зануд».

Малыш Патрик шел в школу с братом Андре и неожиданно оказался в центре группки оживленно

беседовавших людей. Жители квартала любили малыша. Но, к несчастью, здесь был и охранник Макс.

— Смотри-ка! А вот и один из наших саботажников! И тебе не стыдно, негодник?

— Что... что я вам сделал? — пробормотал малыш, бледнея от страха.

— Ты еще спрашиваешь! Лучше бы водил компанию с братом, а не таскался по улицам со всяким хулиганьем!

— Андре не станет мешать людям жить в мире и спокойствии! — подхватила одна из женщин.

— Будь я твоим отцом, я бы каждый день лупцевал тебя, чтоб знал, как себя вести! — снова вступил в разговор Макс, схватив Патрика за ухо.

Но юный «сторонник прогресса» неожиданно ударил охранника головой в грудь.

— Ты что! Взбесился, что ли, Андре?

— Оставьте парня в покое! Пошли! — огрызнулся Андре, увлекая брата за собой.

Они ускорили шаг и скрылись за ближайшим домом.

— Идиот! Могильщик! Горе-саботажник! — рявкнул Андре, замахнувшись на Патрика.

Перед уходом Мишель поцеловал мать.

— Мамочка, не волнуйся, если задержусь и приду поздно! — сказал он. — Мне придется съездить за оборудованием.

— Мишель, будь любезен, не говори об этой конференции отцу, он опять разозлится! Кто вас повезет?

— Как обычно, Лионель.

— Он водит осторожно?

— Конечно, мамочка! Ну ладно, я побежал...

Мишель подхватил сумку с учебниками и драгоценным прибором. Тяжелая деревянная дверь, побелевшая от дождей, захлопнулась за ним. Он огляделся.

Вокруг старой фермы с новенькой бетонной надстройкой на четырех «деревенских» гектарах, где почвенный слой был содран до скального основания, громоздились автомобильные кузова. Глухо ухали прессы, скрежетал металл. Где-то в этом хаосе работали отец и его подручные.

Мишель вздохнул и направился к дороге.

Рядом с ним остановилась машина, и папаша Луи, улыбаясь, распахнул дверцу кабины. Это был шестидесятилетний человек с бледным морщинистым лицом, без единого волоса на голове. Город износил его раньше времени.

— Привет, малыш! Долго ждал?

— Нет. Только что вышел.

— Я был у учителя вчера вечером, он подтвердил — конференция состоится послезавтра. Мне поручили подготовить приглашения.

— Мы тоже беремся за работу сегодня!

— Послушай, Мишель... Не затеваете ли вы очередную глупость?

— Нет! Старик одобрил наш проект.

— Вот как! Может, поделишься тайной?

— Пока рано, секрет! Но штука будет потрясной! Сами увидите. Глядите-ка, пробка у химзавода!

Мишелю и папаше Луи понадобилось почти четверть часа, чтобы переехать через Малый мост и добраться до заводских ворот. Там, оживленно беседуя, толпилось множество людей.

Дальше события развивались так быстро, что ни Мишель, ни папаша Луи не успели сообразить, как это произошло. Кто-то узнал их и указал на них пальцем. В следующее мгновение появившаяся словно из-под земли дюжина охранников окружила машину. Дверцы распахнулись, их вытащили наружу. Один из охранников, ликуя, достал из сумки Мишеля прибор. Посыпались ругательства, прибежавший на шум Грамон отве-

сил Мишелю звонкую пощечину. Кулак Мишеля про-
свистел мимо цели, и он едва не упал под общий
хохот.

— Спокойней, малыш! Побереги нервы, мы ничего
не можем сделать, — шепнул папаша Луи.

Начальник охраны громко распорядился:

— Ну-ка, ведите их во двор! Пусть подберут все
бумажки и окурки на территории. Я их не отпущу, пока
они не наведут чистоту!

Охранники загоготали, но смех застрял у них в глот-
ках. Несколько рабочих, разорвав кольцо охранников,
оттеснили их от Мишеля и папаши Луи. Рослый крепыш
с угрожающим спокойствием заявил:

— Уберите лапы! Папаша Луи — ветеран. Я рабо-
тал с ним, таких, как он, поискать. «Зануда»? Ну и что?
Он — пожилой человек. Только троньте его... Заца-
пали машинку бородача и хватит с вас!

Присутствующие разделились на два лагеря. Вот-вот
готова была разгореться драка. Мишель с отчаяньем
смотрел, как Грамон яростно топчет ногами его драго-
ценный прибор.

— Смойвайтесь, пока не поздно! — шепнул один из
рабочих в момент общей перепалки.

Они последовали его совету и добрались до машины,
почти не привлекая к себе внимания. Еще минута, и они
уже катили на большой скорости по пустому бульвару...

— Видишь, малыш... Перед тем как действовать,
всегда надо хорошенько подумать!

— Жалко, что все так случилось. Но почему они все
не хотят понять, что мы действуем в их интересах?

— Дело в том, Мишель, что забастовка, остановка
машин — это оружие рабочих, а вы воспользовались им
без их согласия... Мешая им работать, нашему делу не
поможешь. Сначала, малыш, им надо открыть истину. И
тогда они выступят такими силами, которые тебе и не
снились...

Люсьен вбежал во двор лицея, когда переменка подходила к концу. Заметив его, Беатриса бросилась ему навстречу.

— Боже, Люсьен! Что случилось?

Вид у Люсьена был жалкий: разорванная рубашка, испачканные брюки, темный набухший синяк под глазом.

— «Чумадые», старушка! Поджидали меня в подворотне в переулке Шарон и набросились впятером. Вопили, что расплатятся с нами за саботаж на заводе.

— А им-то какое дело?

— Не советую обращаться к ним с этим вопросом! И будь осторожней, когда в полдень пойдешь домой. А еще лучше — подожди меня, я провожу!

— Спасибо, Люсьен, но за мной заедет отец.

— В таком случае — до вечера!

Они расстались. Поднимаясь по лестнице, Беатриса услышала за спиной быстрые шаги; кто-то схватил ее за руку. Она удивленно обернулась. Это был Бернар.

— Беатриса, мне надо поговорить с тобой!

— Нам не о чем говорить!

— Беа! Я про вчерашний вечер... Я не хотел... Жаль, что так вышло... В тот момент я психанул, но, честно, мне понравилось, как ты себя вела!

— А ты надеялся, я буду молчать и позволю, чтобы вы налетели на моих друзей?

Бернар помолчал, затем мягко возразил:

— Я тогда ни о чем таком не думал!

Девушка резко оборвала его:

— Бежим, иначе опоздаем на занятия!

— Успеем. У нас есть пять минут до прихода учителя.

— И минуты не желаю быть с трусом. Это надо же — впятером на одного!

— А вы что же, ждете, чтобы вас по головке гладили за саботаж на заводе?

Бернар инстинктивно заговорил тише, чтобы его слышала только Беатриса. Она тоже понизила голос до яростного шепота:

— Прежде всего, обвинения без доказательств ничего не стоят, а кроме того, мне интересно знать, что вам-то до этого!

— Объясню! Нам надоели ваши проповеди о конце света! Завод — это жизнь. С ним связан прогресс. А вы мешаете нам жить, неандертальцы! У вас длинные языки, и слишком многие прислушиваются к вам. Вот мы и хотим заткнуть вам глотки!

— Я была права: нам не о чем говорить! — пожалала плечами Беатриса. — К тому же мы опаздываем!

— Беа, но это же не мешает...

Но девушка уже не слушала его, она быстро шагала к классу. Бернар догнал ее у самой двери.

— Можно расходиться во мнениях и все же дружить... — тихо сказал он.

Обернувшись, Беатриса посмотрела на него. Перед ней стоял сильный и в то же время неуверенный в себе парнишка. В глазах его бился нежный, но боязливый огонек.

Мгновенная жалость охватила ее, но она проявила твердость:

— Нет, это невозможно, Бернар! Невозможно!

Она еще раз пристально посмотрела ему в глаза и отвернулась.

Ему хотелось объяснить ей... Но она уже вошла в класс.

Широкой тридцатикилометровой полосой протянулись вдоль Риу пять городов. Их пригороды и дымовые шлейфы давно слились, но до административного объединения у властей, видно, не доходили руки. Города объединяла автострада. Те, кто утверждал, что долину

пробил непрерывный поток автомобилей, почти не преувеличивали...

Шоссе было на редкость перегружено. Фургончик продвигался рывками, от одной дорожной пробки к другой. Пятеро молодых людей с трудом сдерживали нетерпение. За рулем сидел Лионель, девятнадцатилетний молодой человек с бледным лицом в ореоле темных волос, работавший в ремонтной мастерской. Леа, Альдо и Люсьен жались на сиденье рядом, стараясь не мешать ему вести машину. Мишель прикорнул в кузове.

— Вы знаете о том, что сын Мейлона болен? — спросил Лионель.

— Да, его сегодня не было в лицее, — ответила Леа. — Он часто прихварывает, а последнее время его здоровье резко ухудшилось.

— Я был у Мейлонов, чинил воздушный фильтр. Он очень тепло говорил о вас. Вам стоит его навестить.

Альдо расхохотался.

— Ты считаешь, что сейчас для этого подходящий момент? Не уверен, что господин Мейлон по достоинству оценит наше появление в его доме.

Лионель притормозил машину.

— Где сворачивать, Люсьен?

— Вторая улица направо... Дальше покажу.

— Обратно поедем по старой дороге. Шоссе сегодня забито.

Минут через десять фургончик остановился у общежития технологического института. Навстречу им выпала шумная группа студентов.

— Наконец-то! Все готово! Мы вкальвали два дня и почти всю ночь!

В общем зале общежития на столе стоял комплект радиооборудования.

— Вот ваши игрушки: два передатчика с частотной модуляцией и фиксированной длиной волны и пятьдесят приемников с фиксированной частотой настройки.

— Дальность приема в городе неважнецкая: не более четырех километров, — вставил один из студентов.

— Знаю. Клод предупредил меня, но это не имеет особого значения. Конференция и торжественное открытие водопровода будут проходить в одном секторе.

— Опасно! Вас могут быстро засечь!

— Полиция не догадается искать так близко, а потом мы ее поводим за нос с помощью передатчика-ловушки... А теперь объясните, как работает ваша штуковина?

— Штуковина? Мы вручаем ему комплектную пиратскую радиостанцию, собранную из лучших деталей, которая работает как часы, а он говорит — штуковина!

Люсьен широко улыбнулся и признал, что столь великолепная аппаратура, размещенная в ящиках изпод мыла, достойна занять место в музее средств связи...

Через час фургончик с друзьями покинул общежитие будущих инженеров, увозя свой бесценный груз.

— Рекомендую посетить церемонию открытия водопровода. Спектакль вас позабавит.

— Обязательно приедем, Люсьен! Скромно затеряемся в ликующей толпе, а ваше чело увенчают лавры. Или вам накостыляют по шее!

16.30. Пронзительные вопли возвестили об окончании занятий, и гурьба реятишек высыпала из дверей лица. И тут же из-за угла вылетел сверкающий мотоцикл и остановился среди ватаги восхищенных малышей. Счастливый обладатель чудо-коня восседал на нем словно король. По крайней мере так он выглядел в глазах Патрика, который не спускал глаз с мотоцикла и его владельца. Человек помахал мальчику рукой:

— Привет, Патрик!

— Здравствуйте, господин Пьер!

— Опять господин! Не надоело? Зови меня просто Пьер, мы ведь друзья!

— Ладно! А вы прокатите меня? — радостно засмеялся Патрик, чувствуя завистливые взгляды приятелей.

— Ты сказал маме про фотографии?

— Угу! Я сказал, что вы сняли меня возле школы и что хотите сделать снимки еще и дома, на улице, а потом они будут в газете вместе с рассказом. Мама очень обрадовалась и даже пообещала, что увеличит фотографию и повесит в гостиной.

— Ну и прекрасно! Мне пришла вот такая мысль — поедем за город, и я сфотографирую тебя за рулем мотоцикла. Как ты на это смотришь?

У Патрика даже дух захватило от такого предложения.

— Ну что ты глядишь на меня, разинув рот, привязывай ранец к багажнику! — рассмеялся сыщик и усадил мальчика перед собой.

Даже не удостоив взглядом замерших одноклассников, Патрик умчался под оглушительный рев двигателей.

Выехав за город, Коль свернул с шоссе на неширокую дорогу, которая вилась в сторону от долины. Километров через десять он остановился.

— Прекрасное место для фотографий! Минут через десять — пятнадцать освещение будет что надо. А пока посидим на откосе.

— А мне нельзя остаться на мотоцикле?

— Сиди сколько влезет! Я устроюсь прямо на земле. Загляни в сумку, там должны быть конфеты, а я предпочитаю сигареты.

— А я ненавижу сигареты! — ответил Патрик, засовывая в рот сразу три конфеты. — Классное мото! — добавил он.

— Да, я доволен машиной. Особенно сейчас. Я ведь в городе человек новый, никого не знаю, а с мотоциклом веселее. По правде говоря, ты — первый, с кем я здесь подружился. В редакции всё не так, там у меня сугубо служебные отношения.

Мальчуган склонился над рулем, воображая себя несущимся мотоциклистом.

— Я рад, что познакомился с тобой! — проговорил, глядя на него, Пьер Коль.

— Я тоже! — отозвался Патрик.

— Теперь, — продолжал сыщик, — я буду не таким одиноким. Мы можем тренироваться по воскресеньям, а летом я возьму тебя на гонки... Ты, похоже, способный паренек!

— О-ля-ля! — восхищенно простонал Патрик и, широко улыбнувшись, пообещал: — Ты теперь не будешь один! Я познакомлю тебя со всеми моими друзьями! Сам увидишь, Альдо — вот такой парень!

— А кто такой Альдо? Один из твоих маленьких приятелей?

— Ну нет! — возмутился Патрик. — Он уже большой. Ему семнадцать лет, он храбрый и верен нашему делу до смерти. Я, когда вырасту, буду таким же, как он!

— Я тебя понимаю, — вздохнул Пьер Коль. — Самое интересное в жизни — защищать справедливость и бороться ради ее торжества! Кстати, там, где я жил раньше, тоже была очень активная группа ребят, и они ничего не боялись! Они боролись против... Но тебе пока этого не понять, ты еще маловат!

— Маловат—немаловат, а делаю важное дело, — с достоинством заявил Патрик и, помолчав, спросил: — А против чего боролись твои ребята?

— Они боролись против загрязнения окружающей среды. А я им помогал статьями, фотографиями. Мы делали потрясающие вещи. Останавливали автомобиль-

ное движение на несколько часов, саботировали заводы, расклеивали плакаты!

— Совсем как мы! — радостно воскликнул Патрик.

Сыщик словно не расслышал его слов и мечтательно продолжал:

— Эх, если бы здесь делались такие дела, уж я бы смог быть полезным!

— Хочешь, я познакомлю тебя с моими друзьями сегодня же вечером? Они тоже борются с загрязнением.

— Тебе даже трудно представить, что можно сделать, если объединиться всем вместе! К примеру, конференция. Кстати, ты не знаешь, где она будет проходить?

— Не знаю, мне еще не сказали!

— Ну, это неважно. Я ведь собираюсь написать про конференцию в газете. В редакции сразу не поймут: я из породы хитрецов. А когда статью напечатают, будет уже поздно — все ее прочтут... Хотя обожди. Когда состоится конференция? Неплохо бы подгадать с выходом статьи к ее открытию!

— В воскресенье... А откуда ты про нее знаешь?

— Ну, не даром я журналист. Нам все известно. Превосходно! Я заменю одну статью другой — и никаких проблем... А не пора ли нам возвращаться? Что-то мы припозднились.

— А фотографии?

— О, совсем забыл!

Коль поспешно сделал несколько снимков Патрика за рулем громадного мотоцикла и собрался было сесть на седло, как вдруг огорченно воскликнул:

— Черт подери! Заднее колесо спустило!

— Ну вот! — захныкал Патрик. — Если я не вернусь домой к полшестого, отец мне задаст...

— Тебе не избежать трепки — запасной баллон тоже спущен. Но не беспокойся, я поеду с тобой и постараюсь все уладить!

— Спасибо, но мне бы лучше быть дома вовремя!

Сыщик принялся за работу, а Патрик стал нетерпеливо расхаживать взад-вперед по дороге. Послышался шум двигателя — вдали показался фургончик.

— Может, остановить его? — спросил Патрик. — Он живо довезет меня до города.

— Отличная идея! — согласился Коль. — Здесь работы еще на четверть часа.

Мальчику показалось, что его новому другу стало не до него, а потому без особых угрызений совести он подхватил ранец, бросил «до свиданья» и, размахивая руками, побежал навстречу машине.

Она остановилась.

— Как, это вы? Вот здорово! — удивленно воскликнул Патрик. — Как вы здесь оказались, Альдо?

— А что делаешь ты на пустынной дороге с каким-то незнакомым человеком?

— Во-первых, это не незнакомый, это — мой друг! Он — новый фотограф из «Эклер дю Риу» и каждый раз заезжает за мной после занятий, чтобы сделать фотографии. Сегодня, правда, мы фотографировали мало, больше болтали...

— И о чем, если не секрет? — с беспокойством спросил Мишель.

— Мы говорили о загрязнении среды! Это — потрясный тип... Там, где он работал раньше, они тоже боролись. Он писал статьи в газеты. Он хочет познакомиться с тобой, Альдо, и с остальными, чтобы здесь работать тоже! Он даже хочет написать о конференции в «Эклер»...

— Что? Он знает о конференции?! — воскликнул Альдо.

Не обращая внимания на встревоженные лица друзей, Патрик с беззаботным видом продолжал:

— Конечно, знает! Журналисты все всегда знают! Ведь я же тебе говорю, что он хочет написать статью.

Он только забыл, когда будет конференция, и спросил меня.

— И ты все выложил ему?

— Ну да, ведь он и сам знал, только забыл!

— Что ты наделал! — сокрушенно воскликнул Люсьен.

Альдо удрученно молчал, а Патрик едва не плакал. Мишель призвал друзей к спокойствию и стал расспрашивать мальчугана:

— Послушай, Патрик, расскажи нам подробно, как ты познакомился с этим человеком, а затем припомни весь сегодняшний разговор с ним.

Патрик дрожащим голосом рассказал все. Когда он замолк, молодые люди только выразительно переглянулись.

— Что такого я сделал? — заплакал малыш.

— Мы доверили тебе тайну, а ты выдал ее за поездку на мотоцикле и горсть конфет. Теперь и докладчика, и нас всех упрячут за решетку...

— Альдо, я не хотел!

Вконец расстроенный Патрик громко разрыдался.

— Надо выяснить все до конца, а потом подумаем, что делать! — сказал Альдо.

Когда машина подъехала к дому Патрика, Альдо, видя отчаяние малыша, дружески потрепал его по плечу:

— Хватит реветь. Я знаю, что ты сделал это не нарочно. Этот тип обвел тебя вокруг пальца... Встреча, как всегда, на Черных землях. И больше никому ни слова. Договорились?

Патрик энергично затряс головой и, всхлипывая и шмыгая носом, расстался с друзьями...

7. Контратака

На следующий день Альдо зашел за Патриком в лицей. Мальчуган кинул на своего старшего друга робкий и преданный взгляд, и тот улыбнулся в ответ.

— Пошли, Патрик! Поможешь исправить то, что натворил... Я раздобыл в «Эклер» адрес твоего приятеля, и сейчас мы отправимся прямо к нему.

Патрик согласно кивнул головой, радуясь, что может быть полезным, и внимательно выслушал Альдо, который подробно объяснил ему план действий. Разговаривая, они вышли на Прямую улицу, где вначале встретились с Марком и Сильвией, а неподалеку от ратуши — с Леа, Жаком и Атоненом. Последним из-за угла вырос Люсьен.

— Прекрасно, — сказал Альдо. — Являться к нему в полном составе довольно смешно, но для наших целей это то, что надо!

Еще раз уточнив, какая кому отведена роль, они направились к дому, где жил сыщик.

Патрик позвонил.

— Входите, открыто! — донеслось изнутри. — Оставьте белье в прихожей, я разложу его сам!

Сыщик, сидя в кресле, перебирал пачку бумаг. Тишина заставила его поднять голову. От удивления он открыл рот, не в силах вымолвить ни слова. Перед ним стояла группа широко улыбающихся подростков.

— Привет, Пьер! — весело начал Патрик. — Я привел к тебе своих друзей.

— Очень мило с твоей стороны! — выдавил сыщик, обретя наконец дар речи.

Гости один за другим подходили к нему и энергично жали протянутую руку. Поздоровавшись, Альдо, не мешкая, приступил к делу:

— Патрик много говорил о вас! Это правда, что вы хотите нам помочь?

Коль уже оправился от неожиданности, хотя его удивило, что так легко удалось провести молодых людей.

«Быть того не может, чтобы моя детская сказочка обманула этих ребят! Да и улыбаются они как-то двусмысленно... К тому же воспитаны не лучшим образом!»

И в самом деле, если Альдо, Патрик и Люсьен уселись рядом с хозяином, чтобы поговорить, то остальные без всякого стеснения принялись разгуливать по комнате. Один из парней развалился на кровати, взял с тумбочки книгу и стал лениво листать ее. Девушки схватили какую-то безделушку и принялись вертеть ее в руках... Остальные шарили по углам.

— Вы знаете, люди вашей профессии очень полезны для нашей группы, — не обращая внимания на остальных, начал Люсьен.

Коль кивнул и вдруг раздраженно заметил:

— Девочки, нельзя ли поосторожней! У вас в руках старинный фарфор. Он очень хрупкий!

— Девицы, ведите себя поскромнее, мы ведь в гостях! — подал голос Люсьен.

Альдо, словно не замечая суеты в комнате, как ни в чем не бывало продолжал:

— В воскресенье к нам приезжает один ученый. Мы хотели бы пригласить вас, чтобы сфотографировать его.

Сыщик насторожился.

«Эти каналы явились, чтобы выставить меня на посмешище! Они мне заплатят за это! А пока попробуем выгадать и в этой ситуации».

— Ну конечно... — широко улыбнулся он, — Патрик, наверно, уже говорил вам, как я отношусь к вашему делу. С радостью помогу! Куда и когда мне явиться?

Альдо не успел ответить, как Коль взвился в кресле: на полу валялась раскрытая картонная папка, содержимое которой разлетелось по всей комнате, а Мишель смущенно просил прощения за неуклюжесть.

Сыщик хотел кинуться к бумагам, но Люсьен железной хваткой удержал его:

— Сидите... Прошу вас! Мы сами все соберем!

Антонен, роняя другие бумаги, добавил:

— Прошу прощения за неловкость!

Бледный от ярости, сыщик в полном бессилии смотрел, как ребята по одной подбирали карточки «зануд» и складывали их в алфавитном порядке.

Альдо был невозмутим:

— Итак, мы договорились, а сейчас нам пора идти. Конечно, по соображениям безопасности адрес я вам пока дать не могу. Но я заеду за вами в воскресенье в двадцать сорок пять...

Сыщик внимательно осмотрел гостей. Кроме Патрика, здесь было семь подростков, двое из них выглядели силачами. Связываться с ними сейчас не стоило, следовало выгадать время. Поэтому он ответил:

— Прекрасно. Я буду ждать вас.

Альдо встал, церемонно раскланялся и исчез вместе с друзьями, весело крикнувшими на прощанье:

— Пока, Пьер! До воскресенья!

Коль промолчал.

— Внимание, Лионель! Вот он!

Лионель дал газ, и фургончик медленно отъехал от панели. Пока мотоцикл их не обогнал, он едва двигался.

— Отлично! Теперь смотри не упусти! — потребовал Альдо.

— Не бойся! Пусть уйдет вперед. Никуда не денется, даже если ему вздумается вдруг свернуть в сторону.

— Главное выяснить, куда он едет.

— Что вы собираетесь делать?

— Пока не знаю... Но человек, располагающий картотекой на всех нас, должен находиться под непрерывным надзором. Особенно накануне конференции.

— Будьте осторожны! Он может быть опасен.

— Не переживай! Мы вооружены! — усмехнулась Леа, хлопнув по магнитофону и фотоаппарату, лежавшим у нее на коленях.

Лионель усмехнулся и промолчал, стараясь не упустить из виду красный мотоцикл, ушедший далеко вперед.

— Смотри-ка, он едет за город!

— В южный пригород по бульвару!

Фургончик перестроился, заняв место в скоростном ряду. Погоня продолжалась с четверть часа, как вдруг Лионель воскликнул:

— Черт возьми! Я потерял его!

— Он свернул направо, к спортклубу! — успокоила его Леа.

Лионель затормозил и остановился на ближайшем перекрестке.

— Жди здесь, Лионель! Теперь он от нас не уйдет, — распахнув дверцу, Альдо соскочил на землю.

— Постарайтесь не задерживаться... Я должен к пяти часам отвезти оборудование на склад!

Леа и Альдо направились к спортклубу. Возле теннисных кортов они вскоре отыскали машину сыщика. Альдо вскарабкался на ограду, чтобы высмотреть Коля.

— Ну как?

— Никого! Хотя подожди! Знакомый тип... Да это же Мейлон! Ну и видок у него в шортах! Идет к старому дому...

— Держу пари, «фотограф» уже там!

— Выиграла! Только что оттуда вышел. Жмут друг другу руки... А теперь вместе вернулись в дом. Бежим!

Молодые люди на цыпочках подкрались к самой двери. Она была приоткрыта, и из помещения доносились оживленные голоса.

— Дать себя обмануть банде мальчишек! — яростно кричал Мейлон.

— Позволю вам напомнить, господин директор, вы сами считаете их опасными!

— Это вас не извиняет!

— Но...

— Простую фотографию сделать не можете! Играете в шпиона, проникаете в квартиры, взламываете двери! Здесь вам нет равных! А дать нам в руки стоящий документ — тут вы пас! Кому нужны ваши размытые снимки? Теперь, ничуть не краснея, вы заявляете, что эти хулиганы раскололи вас! Более того, вы позволили им рыться в составленной на них картотеке! Я больше не нуждаюсь в ваших услугах! И сообщу вашему агентству почему! Не буду удивлен, если вы вдруг окажетесь без работы!

— Может быть, вы позволите мне закончить, господин Мейлон? Вполне возможно, мне не хватает умения... Однако я могу вам сообщить дату конференции...

— Удивлен, как это вам удалось ее узнать.

— Если хотите, чтобы я сообщил эту дату, придется оставить меня на службе...

— Наглец! Но это не имеет значения! Прижмите эту свору, изолируйте лектора, и я назначу вас на место этого идиота Грамона, который, кажется, сам не знает, что делать. Полагаю, это резко отразится на вашем материальном положении!

— Договорились! Завтра лектор будет нем как рыба!

— Завтра? Конференция назначена на завтра?

— Да! На день торжеств... Неплохо придумано. Но им не выдержать конкуренции! Если только они не устроят заседание на площади!

— Да их тогда линчуют! Хотя, кто знает? Во всех случаях этот человек не должен произнести ни слова!

— Неужели вы его так боитесь? Неужели загрязнение не миф? Хотя надо признать, что здешняя местность

выглядит весьма нездоровой! А вдруг их опасения не так уж беспочвенны, господин Мейлон?

Мейлон пожал плечами:

— В таком случае загрязнение среды станет еще одной ошибкой в истории человечества. Человек явился слабым и беззащитным в дикую враждебную природу, где царили свирепые животные, где властвовали стихии. Однако он приспособился. Вынес землетрясения, войны, эпидемии. Нет, успокойтесь, господин Коль, конец мира наступит не завтра! Человек не исчезнет с лица Земли. Всегда найдутся сильные индивидуумы, которые выживут при самых страшных катастрофах и продолжат род людской... Главное — быть среди этих сильных. Те, кто соображает, последуют моему примеру — построят убежища в Африке, где им хватит чистого воздуха и воды!

— Поучительная речь! Вы так уверены в моем умении хранить чужие тайны?

— Я не боюсь шантажа, господин Коль. У меня достанет друзей в правительственных кругах, чтобы с честью вытащить мою особу из любой передраги. К тому же в сложившейся ситуации виноват не я. Не я создал такое положение вещей. Подобные мне люди — цвет современности...

Альдо махнул рукой. Леа остановила магнитофон и быстро отключила микрофон. Они исчезли так же бесшумно, как и появились...

Доктор Рафаэль стоял посреди гостиной, переводя ледяной взгляд с одного супруга на другого. Мейлон — эгоист, расчетливый делец; Жанна — нерешительная, безвольная женщина. Врач решил не щадить их.

— Итак! Я привез результаты последних анализов — уровень гемоглобина у вашего сына чрезвычайно низок, практически минимален. В том состо-

янии, в котором он находится, печальный исход предreshen! Несколько месяцев назад я предупредил вас: живя здесь, ваш сын не сможет восстановить нормальный состав крови! Вывезите его из отравленной зоны, и он выздоровеет. Сегодня я повторяю: если Эрик останется здесь еще неделю, я снимаю с себя всякую ответственность. Его бронхи в плачевном состоянии, а отсюда кислородная недостаточность и полное отсутствие иммунитета.

Врач помолчал и без жалости посмотрел на мужа и жену. Женщина поднесла ладонь к округлившемуся от ужаса рту, словно пытаюсь заглушить застрявший в горле крик. Мужчина с упрямым видом мрачно рассматривал носки ботинок.

Доктор с твердостью продолжил:

— Вот документы, необходимые для помещения Эрика в международную больницу в Кении. Там еще имеются озера, леса, достаточно чистый воздух — короче говоря, необходимые условия, чтобы спасти его. Если это еще возможно. Я все подготовил, нужна только ваша подпись.

Жанна, задыхаясь от волнения, воскликнула:

— Давайте, доктор, сейчас же подпишу! Когда он должен уехать?

— Завтра в семь утра за ним прибудет машина скорой помощи. В аэропорту его встретят и доставят до места врач и две медсестры. Организуется специальный рейс для больных...

Супруги согласно кивнули и молча подписали протянутые им листки.

Когда на следующее утро Мейлон провожал сына, который, садясь в машину скорой помощи, буквально повис на руках у матери, он должен был признать, что мальчик действительно теряет силы.

«Боже! — подумал он. — Как это все не ко времени!»

8. Конференция

Два часа дня. На город навалилась удушливая жара. Затянутое серебристыми тучами небо слепит глаза. Ни ветерка.

Альдо миновал новую насосную станцию, даже не замедлив шага. Украшенная флагами деревянная эстрада еще была пуста, а на площади уже собирались группки зевак. Неподалеку, возле жилых домов, стоял фургончик. Альдо подошел к нему. Из кабины выглянул Лионель. Он был бледнее обычного.

— Ну как?

— Уже минут десять как работают все приемники. А у вас?

— Мы готовы, смотри! — довольно заулыбались сидевшие в кузове Беатриса и Мишель, указывая на стоящий между ними мотоцикл. На багажнике был укреплен завернутый в коричневую бумагу передатчик размером с обычный проигрыватель.

— Прекрасно! Итак, детки, наберитесь храбрости.

— Когда начнем?

— Ровно в три. К четырем часам все должно быть закончено, постарайтесь, чтобы до этого времени вас не сцапали.

— Трудновато будет, но мы все сделаем!

Альдо ободряюще улыбнулся ребятам и отправился дальше. Он нырнул в подъезд первого же дома и сбежал вниз по лестнице. Вход в подвальное помещение заслонила мужская фигура.

— А, это ты, Альдо? Все уже в сборе.

— И эколог?

— Да, он беседует с учителем...

— Прекрасно. Удачи вам!

В низком зале со сводчатым потолком на деревянных ящиках сидели люди самого разного возраста. Собралось человек тридцать. В глубине Клод Паскье

оживленно беседовал с коренастым человеком, лицо которого украшала короткая светлая борода. Рядом с ними Люсьен, Леа и еще несколько ребят возились с большой катушкой кабеля и передатчиком, уложенным на тележку для провизии.

— Альдо! Может, ты объяснишь мне, что все это значит? — обратился преподаватель к приближающемуся юноше.

— Не беспокойтесь, господин учитель! Сейчас все объясню. Как вы добрались, господин профессор? — обратился он к экологу.

— Без трудностей не обошлось, — ответил тот тихим, немного хриплым голосом. — На въездах в город полно охранников. Но мне удалось проскользнуть... Вы выбрали странное место для конференции. Надо спешить, воздух в подвалах тяжеловат...

— В этом доме почти никто не живет... Здесь будет спокойно!

— Это в двух-то шагах от места официальной церемонии? Для этого я поручил тебе найти помещение? — обрушился на Альдо Клод Паскье.

— Конечно! Разве вы не помните о нашем разговоре?

— Я помню! Ты хотел пригласить на конференцию весь город! — раздраженно ответил учитель.

— Вы дали свое согласие, а теперь идете на попятный? Если вы одобрите наш план, — обратился Альдо к докладчику, — события будут развиваться следующим образом. Ровно в пятнадцать часов метрах в восьмистах отсюда начнется официальная церемония открытия водопровода... В тот же момент установленные на крышах, на фонарных столбах и под сценой усилители начнут на полную мощность транслировать ваш доклад! С помощью вот этого передатчика, подключенного к микрофону... Единственный полицейский автомобиль, оборудованный радиопеленгатором, сможет прибыть не

раньше чем через полчаса. Тогда начнется самая трудная часть операции. У нас имеется второй передатчик, установленный в фургончике. Он будет работать вхолостую, но полицейские засекут его. Лионель уведет их за собой подальше отсюда. Для страховки мы поместили наш передатчик на тележку — глядите сами. Длина электрического провода от микрофона до передатчика около трех тысяч метров... Это позволит нам возить его по подвалам домов, которые соединяются между собой. Полицейские запутаются, ведь они будут мотаться по улицам. В общем, эти хитрости давно известны, но мы рассчитываем на неожиданность... Главное, чтобы передача была не слишком долгой.

Лицо Клода Паскье отразило всю гамму его чувств. Возмущение сменилось гордостью за своих учеников.

— Молодец, Альдо! — воскликнул он, хлопнув юношу по плечу. — Но ты уверен, что полиция распознает только одним пеленгатором?

— Элиза провела частное расследование. Думаю, мы можем ей поверить!

— Ну что ж, желаю успеха!

И Клод Паскье обратился к экологу:

— Профессор, как вам это нравится?

— Молодцы, ребята! Игра стоит свеч!

Вокруг одобрительно загудели.

Площадь кишела народом, а люди все шли и шли. Полицейский кордон оставил лишь узкий проезд для кортежа машин с официальными лицами. Служащие мэрии безуспешно пытались расчистить место перед трибуной, его тут же занимали снова. Помост воздвигли справа от входа в новую насосную станцию, а перед ней натянули символическую ленточку. Наконец прибыла вереница черных автомашин.

Первым выступил мэр, он долго распинался о чести, которую оказал городу своим прибытием министр, затем упомянул о развитии промышленности, принесшей городу процветание. Он напомнил о будущем, о прогрессе, а затем уступил место директору станции.

Последний в основном сыпал цифрами, первым делом упомянув о деньгах — строительство станции обошлось в кругленькую сумму! Затем обрушил на головы слушателей километры труб и электрических кабелей, вскользь напомнив о небольших индивидуальных счетчиках, которые за деньги будут отмеривать в минуту целых семь литров воды. Никаких ограничений, хоть залейся, только не забывай опускать монеты.

В толпе возбужденно захлопали. Когда слово представили министру, тот произнес речь, достойную его ранга, — о будущем и прогрессе, но на этот раз уже в масштабах нации, и о том, что городу не следует забывать, кто помог ему сделать новый большой шаг вперед... Снова раздались аплодисменты, министр раскланялся и направился было к дверям станции, чтобы перерезать ленточку, как вдруг, окаменев, застыл на месте. На его лице появилось растерянное выражение... Сверху донесся громовой голос, который покрыл все шумы города.

— Господин министр, господин мэр, уважаемые граждане! У нас с вами общая забота — благо всех и каждого, поэтому просим выслушать компетентного специалиста.

Но прежде хотелось бы ознакомить вас с мнением одного из наших наиболее уважаемых граждан, который в данный момент стоит на трибуне для почетных гостей. Послушайте выдержки из его беседы, которые нам удалось записать!

Юный звенящий голос замолк, и послышались резкие реплики:

— Простую фотографию сделать не можете! Игра-

ете в шпиона, проникаете в квартиры, взламываете двери! Здесь вам нет равных! А дать нам в руки стоящий документ — тут вы пас! Кому нужны ваши размытые снимки?..

Пауза, затем ответ:

— Может быть, вы позволите мне закончить, господин Мейлон?..

В толпе словно взорвалась бомба, все стали внимательно вслушиваться. Мейлон побледнел и рывкнул, обращаясь к охранникам:

— Немедленно прекратите этот цирк!

Но беседа продолжалась:

— ...изолируйте лектора...

— Неужели вы его так боитесь? Неужели загрязнение не миф? Хотя надо признать, что здешняя местность выглядит весьма нездоровой! А вдруг их опасения не так уж беспочвенны, господин Мейлон?

— ...конец мира наступит не завтра! Человек не исчезнет с лица Земли. Всегда найдутся сильные индивидуумы, которые выживут при самых страшных катастрофах и продолжат род людской. Главное — быть среди этих сильных. Те, кто соображает, последуют моему примеру — построят убежища в Африке, где им хватит чистого воздуха и воды!

И тут же последовал ответ сыщика:

— Поучительная речь! Вы так уверены в моем умении хранить чужие тайны?

И снова заговорил промышленник:

— Я не боюсь шантажа, господин Коль. У меня достанет друзей в правительственных кругах, чтобы с честью вытащить мою особу из любой передраги. К кому же в сложившейся ситуации виноват не я. Не я создал такое положение вещей. Подобные мне люди — цвет современности...

Последние слова покрыл гневный ропот толпы. Люди на трибуне смущенно перегляывались. Министр

с презрительной ухмылкой оглядывался, пытаюсь найти виновника возмущения.

— Мейлон! Где Мейлон?!

Но Мейлона и след простыл.

После короткой паузы раздался молодой голос:

— Не правда ли, поучительная беседа? А теперь передаю слово тому, чье выступление господин Мейлон хотел сорвать любой ценой. Перед вами выступит профессор Л. Р., один из виднейших экологов мира.

Толпа всколыхнулась. Охранники с криками пробивались через толпу, пытаюсь разогнать людей. Но люди не двигались с места. Один из охранников, увидев Бернара с друзьями, крикнул:

— Помогите же! Надо найти и раздавить этих мерзавцев «зануд»!

Но молодые люди презрительно отвернулись от него.

На трибуне для почетных гостей царило смятение...

Мэр, промышленники и официальные лица требовали скорее покончить с беспорядком и арестовать виновных. Комиссар полиции и его помощники растерянно переглядывались. Министр вполголоса отдал приказ не разглашать подробностей скандала, чтобы информация о нем не распространилась по стране, а потом с улыбкой обратился к своему окружению:

— Почему бы нам не присесть и не послушать эколога? Возможно, его рекомендации окажутся нам полезными. Я знаю этого человека, у него высокая репутация...

Слова министра мгновенно разнеслись по площади, и, когда раздался усталый низкий голос, все затихли, внимательно прислушиваясь.

Затем звук стал громче:

— Спасибо, Альдо!

— ...Не каждому по средствам, загадив собственную землю, выстроить себе виллу в Африке. Но бегство бес-

смысленно: Африка, как и многие другие части Земли, тоже поражена смертельной болезнью.

Почему вы, мужчины и женщины этого города, соглашаетесь жить, укутавшись в саван из дымов и отходов? Заставьте владельцев предприятий заботиться об общественном благе, а не о своем кошельке! Неужели никто не видит, что нельзя до бесконечности насыщать отравой этот столь нам необходимый воздух? Земля обладает богатыми запасами минералов, но пресной воды и кислорода на ней не так много...

Человек в далеком прошлом приступил к преобразованию природы и долгое время жил в добром согласии с ней. А потом решил, что может обойтись и без нее...

...К сожалению, деятельность человека сопровождается производством невероятного количества отходов. Ранее природе удавалось их ассимилировать. Чтобы окружить себя еще большим комфортом, человек создал еще более совершенную технику, но вместе с тем резко увеличилось и количество отходов, справиться с которыми природа оказалась не в силах.

Приведу некоторые цифры. Возможно, они не новы, но достаточно красноречивы.

В 1900 году количество кислорода, поглощаемого всем живым на Земле, возвращалось в атмосферу с лихвой — запас составлял две тысячи процентов!

В 1970 году были произведены такие же замеры. Земля все еще возвращала атмосфере поглощенное количество кислорода, но запас снизился до пятидесяти процентов.

На мгновение голос, доносившийся из динамиков, заглушил рев сирены. Почти тут же из-за угла выскочил Мишель. Он прыгнул в кабину фургончика, и Лионель тронул машину с места:

- Все нормально, они едут прямо на нас!
- Сколько до них?
- Метров двести!

— Отлично... Когда они будут здесь, мы уже выскочим на Прямую!

Беатриса успела заметить мигалку полицейской машины, когда Лионель, не снижая скорости, выскочил на Прямую улицу. На несколько секунд они затерялись среди машин, но вскоре Лионель заметил в зеркальце преследователей.

— Они нагоняют нас! Что дальше?

— Третий переулоч направо, затем первый налево. Надо кружить в этом районе... Наверно, они уже оценили примерную мощность передатчика.

Лионель вел машину, точно следуя указаниям штурмана, но рев сирены нарастал.

— Ай-я-яй! Проулок пуст! Они видели, как мы свернули сюда, и сообразят, что передатчик у нас в фургоне!

— Ну и что, быстро по Мощеной улице!

— Но здесь встречное движение!

— Зато она короткая... Сворачивай!

Шины завизжали. Мишель бросил быстрый взгляд на перекресток Прямой улицы... Пока никого!

— Бьюсь об заклад, они не поедут против движения! Постарайся увеличить разрыв.

Не прошло и минуты, как фургончик остановился у пустынного перекрестка.

Распахнулась задняя дверца. По доске на мостовую съехал мотоцикл.

— Скорее! — Беатриса быстро вскочила на сиденье позади Мишеля. Машина рванулась вперед, унося работающий передатчик.

Лионель втащил доску в кузов и спокойно сел за руль. Он включил мигалку, предупреждая, что трогается с места...

Визжа шинами, мимо пронесся полицейский автомобиль и перегородил ему дорогу. Из патрульной машины с оружием в руках выскочили два инспектора и комиссар и бросились к фургончику.

— Стоять! Выйти всем, конец вашим штучкам!

Лионель подчинился приказу, изобразив на лице полнейшее недоумение.

Один из инспекторов оттолкнул его и сунул голову в кузов. Но тут из патрульной машины выскочил четвертый полицейский.

— Комиссар, мы теряем время! Передача продолжается, они где-то впереди! — закричал он.

— Проклятье! — выругался комиссар, и, оставив Лионеля, они укатили так же быстро, как и появились.

Выиграв несколько минут, Мишель с Беатрисой увеличили разрыв с преследователями. Используя преимущества маленькой верткой машины, Мишель принялся кружить по закоулкам старых кварталов, лепившихся по склонам холма. Они остановились на границе квартала Поющей Славки и прислушались... Полицейская машина с ревущей сиреной неслась вслед за ними, срезая углы на поворотах.

— Прекрасно, спускаемся обратно к площади!

— Не спеши, Мишель! У нас есть время!

Они скатились на нижние улицы, потом по двум извилистым проулкам между старыми домами выскочили на проспект. Кто-то, раскинув руки, бросился им навстречу.

— Бернар!

Дрожащим голосом, заикаясь, он кричал:

— Дальше не проедете! Квартал оцеплен... Комиссар... радио... я слышал!

— Боже! — простонала Беатриса. — Что делать?

— Бери передатчик и постарайся пройти через проходной двор! — посоветовал Мишель. — Если проврешься, дальше знаешь, что делать!

— Ладно! — она уже пыталась развязать веревку, которой передатчик был привязан к багажнику.

— Не нервничай, Беа! Дай-ка помогу... — отодвинул ее в сторону Бернар.

Он вытащил перочинный нож и перерезал веревку в нескольких местах.

Беатриса с пакетом в руках ринулась прочь и исчезла в первом же доме...

Она проскочила грязный внутренний дворик, уставленный старыми матрасами, отыскивала темный коридор, на секунду остановилась перед выходом, чтобы отереть пот со лба... Затем нажала на ручку и оказалась на улице.

— Здравствуйте, мадемуазель!

— Здравствуйте! — вежливо ответила она полицейскому.

Ее сердце часто билось, но она не спеша пересекла улицу в направлении стоявшей метрах в двадцати от нее машине.

«Девять..., десять..., одиннадцать», — она заставляла себя считать шаги, чтобы превозмочь охвативший ее страх... Наконец она добралась до машины!

Двигатель работал. Она открыла дверцу и плюхнулась на сиденье. Сирена визжала где-то неподалеку.

— Вперед, папаша Луи, вон они...

А радиопередача на площади продолжалась:

— ... В том же 1970 году американские ученые подсчитали, что три с лишним миллиарда людей, населявших планету в то время, поглощали в год сто девяносто миллионов тонн кислорода. И в том же году для сжигания одних только углеводов было истрачено семьдесят миллиардов тонн кислорода! Причем в этих оценках не учитывалась доля, приходящаяся на промышленность — теплоцентрали, тепловые электростанции, уголь и прочее. Не так давно подсчеты были проделаны заново, но их результаты держат в тайне... Поймите, у природы больше нет сил! Население возросло...

Докладчик говорил, и весь город, как и рассчитывал

Альдо, слушал его. Слушатели на площади были так же внимательны, как и слушатели в подвале.

Люсьен, Леа, Антонен, Жан-Пьер и их друзья докладчика не слышали. Они крутились в темных коридорах под старыми зданиями и, не останавливаясь, перевозили передатчик из одного подвала в другой.

Коль бродил в толпе, не зная, что делать. В сердце клокотала ненависть: молокососы снова провели его. Поражение было полным и окончательным — эколог говорил. С карьерой детектива можно было распрощаться. Агентство, как и Мейлон, не простит провала... А он еще считал задание пустяковым!

— Вы мне заплатите за все, подонки! — бормотал он, скрипя зубами.

Расталкивая толпу, он выбрался на свободное место.

— Известно, что кислород производится зелеными растениями, в которых под лучами солнца идет процесс фотосинтеза. А леса к сегодняшнему дню почти повсеместно исчезли! Достаточно сказать, что выпуск одного номера газеты обходится в семьдесят семь гектаров леса!

Но и это не самое страшное! Восемьдесят процентов всего количества кислорода вырабатывает, опять же под воздействием света, фитопланктон океанов. Но наши измученные моря покрыты пленкой грязи, и лучи солнца не проникают в глубь воды!

От неожиданности сыщик вздрогнул — по тротуару разгуливал улыбающийся Патрик. Коль сглотнул пересохшим горлом, от ярости у него потемнело в глазах. Затем бросился к малышу и схватил его за волосы.

— Попался!

— Отпустите меня! На помощь!

— Кричи, кричи! Твои друзья слишком расшумелись! Говори! Где они?

— Не знаю! Отпустите меня!

Сыщик отвесил малышу пощечину. Патрик рыдался.

— Говори!

— Мне больно!

Новая пощечина.

— Где они? Будешь молчать, сдам тебя охранникам... Они арестуют всю твою семью!

— Но я ничего не знаю!

— Тем лучше... Пошли, охранники будут довольны!

— Нет!

— И так?

— Там... на той стороне площади... В старых домах...

— Веди, я тебя не отпущу!

Эколог продолжал:

— Пора серьезно заняться очисткой дымов, ограничить автомобильное движение, оставив общественный транспорт, и тогда атмосфера постепенно освободится от большей части отравы...

Следует прекратить атомные взрывы на планете! Ведь безвредных атомных взрывов нет! Наши предки заразили радиоактивностью льды на полюсах, надолго лишив человечество основных запасов пресной воды... Боритесь с тем, чтобы продукт, признанный опасным в одном месте, не продавался в другом. Ведь природа находится в постоянном движении, и несчастье, которое сегодня обрушилось на вашего соседа, завтра затронет вас!

Пора стать благоразумными! Иначе роду человеческому может прийти конец!

Двадцать охранников и сыщик с оружием в руках теснились у двери, на которую указал испуганный

Патрик. Грамон послал одного из охранников за полицейским. Именно за полицейским... Официальная форма придаст его действиям законность, но не помещает расправе... Полицейского все не было, выступление близилось к концу, и Грамон выходил из себя от нетерпения.

И вдруг голос оборвался! Тишина обрушилась на толпу, словно нож гильотины. Людям показалось, что их бросили на произвол судьбы. Оратор привел их на край бездны и ушел, не сказав ни слова в утешение. Тысячи людей боязливо и недоуменно мялись, опасаясь смотреть друг другу в глаза. Потом кто-то заметил охранников, понял, в чем дело, и призвал остальных.

Толпа надвинулась грозной волной... Охранников смяли...

Когда первые участники конференции вышли из парадного, людское море колыхнулось и раздвинулось, давая им проход.

Последними появились Клод Паскье, Альдо, Леа и докладчик. От полной неожиданности они на мгновение застыли на пороге...

Альдо слишком поздно заметил опасность... Пьер Коль с искаженным от бешенства лицом подскочил к ним.

Грянул выстрел... Вскрикнув, эколог рухнул на руки юноши.

Второй раз Коль выстрелить не успел — десятки рук скрутили его.

Альдо с беспокойством склонился над раненым.

— Никудышный стрелок! — прошептал профессор, теряя сознание.

9. Катастрофа

Спал Альдо беспокойно. Он снова и снова переживал во сне события дня, и каждый раз слышал сдавленный крик падающего ему на руки раненого человека. В этот момент юноша просыпался, натягивая на себя одеяло, не понимая, от чего его бьет дрожь — от холодной ночи или от трагического воспоминания. Стоило ему только смежить веки, как кошмар повторялся...

Наконец Альдо решил встать, он ощущал смутное беспокойство. Что-то было не так! Часы показывали половину девятого, а еще не рассвело.

Он бросился к окну, сообразив вдруг, что не слышит привычных городских шумов. Похоже, город крепко спал. Альдо отдернул штору: над городом висел плотный туман, в котором тонуло все вокруг. Туман походил на плотную грязно-серую вату, едва подсвеченную занимавшейся зарей...

Альдо поспешно оделся, заскочил на кухню, приготовил чашку кофе. Вскоре появилась мать.

— Доброе утро, Альдо. Смотри, какой ужасный туман! К счастью, отец ушел до того, как он появился... Я ходила за хлебом — ни одной машины, улицы кажутся вымершими! Ты уходишь?

Альдо, глотая на ходу, уже натягивал пиджак. Он перехватил обеспокоенный взгляд матери и нежно чмокнул ее в щеку.

— Мне надо в больницу. Как там наш раненый?

— Альдо, после всего этого я надеялась, что ты...

— Ну конечно, мама, успокойся! До скорого!

Улицы были непривычно тихими, наверно, люди боялись садиться за руль — видимость не превышала и десяти метров... По пути в больницу Альдо не покидало ощущение, что он попал в какой-то заколдованный город, где остановилось время. Иногда из тьмы возни-

кал и тут же бесшумно исчезал, растворясь в тумане, человеческий силуэт.

В приемном покое он увидел Клода Паскье.

— Здравствуйте, господин учитель! Новости есть?

Клод Паскье обнял его за плечи.

— Думаю, ничего страшного, малыш... Если бы он провел тяжелую ночь, нам бы сообщили.

Медицинская сестра появилась нескоро и сказала, что до обхода врача видеть раненого нельзя. Утро прошло в томительном ожидании. Туман не рассеивался, а, казалось, наоборот — сгущался.

Наконец к ним вышел хирург. Он успокоил:

— Не волнуйтесь! Думаю, пострадавший вне опасности. Пуля прошла в нескольких сантиметрах от сердца и застряла в левом легком. Вчера мы извлекли ее. Операция прошла удачно. Можете повидать раненого, но недолго, чтобы не утомить! Кстати, наш пациент обратил внимание на туман и очень обеспокоен этим...

Хотя близился полдень, в палате был полумрак. Бледный, с осунувшимся лицом, профессор улыбнулся им и тихо спросил:

— Что это за туман?

— Не волнуйтесь! Сейчас главное — ваше здоровье! — ответил Клод Паскье, словно не слыша вопроса.

Эколог нетерпеливо тряхнул головой:

— А все же, что это за туман?

— Я никогда такого не видел, — признался Альдо. — К этому часу туман обычно рассеивается! А этот висит, словно клочья грязной ваты!

— Ночью резко похолодало. Может, в этом дело... — предположил Паскье.

— А не кажется ли вам, что это смог?

Клод Паскье нехотя согласился:

— Наверно, вы правы.

— А это серьезно? — обеспокоился Альдо.

— Когда воздух неподвижно висит над городом, как

сейчас, промышленные выбросы зависят вместе с ним. Смесь дыма, взвешенных частиц и тумана порождает смог.

— И чем это грозит?

— Среди всего прочего промышленность выбрасывает громадное количество сернистого газа. Он окисляется, и, соединяясь с содержащимися в воздухе каплями воды, образует серную кислоту...

— Смог пагубно действует на сердечно-сосудистую систему, органы дыхания, — перебил Паскье эколог, — а это нередко влечет за собой летальный исход!

Он умолк, обессилев, а потом отрывисто приказал:

— Вывозите детей, стариков, ослабленных, всех, кто кашляет! И побыстрее!

Ученый закрыл глаза, его лицо исказилось от боли. Грудь часто вздымалась от прерывистого свистящего дыхания. Альдо, глотая слезы, смотрел на раненого. Тот открыл глаза и знаком подозвал его ближе. Альдо наклонился.

— Не переживай, что все так сложилось, Альдо! — тихо сказал больной. — Если надо было бы начать все снова, я поступил бы так же... Мы хорошо сработали!

Юноша вышел из палаты со слезами на глазах.

Леа, Мишель и Люсьен ждали в холле. Альдо и учитель сообщили об обрушившейся на город катастрофе. К ним подошел главный врач, вид у него был обеспокоенный.

— Раненый все время твердит о смоге, а ему можно верить... — сказал он. — Если бедствие приобретет тот размах, о котором он говорит, городских больниц не хватит! Я уже предупредил своих коллег, но мэрия отказывается принимать меры по эвакуации жителей. Мэр не верит в опасность, утверждая, будто это очередная басня «зануд». «Докажите мне, что это правда!» — заявил он. Дай бог, чтобы наш раненый ошибался.

— Надо предупредить о грозящей опасности! Люди

должны по возможности хотя бы не выходить из дома! — перебил Паскье.

— Совершенно верно, и надо раздобыть транспорт... — добавил Альдо.

Через час разделившиеся на группы взрослые и ребята уже обходили жилые дома, неустанно повторяя:

— Не выходите на улицу! Оставайтесь в квартирах! Сегодняшний туман особенно опасен!

Лионель и Люсьен отправились в мэрию и принялись осаждать тех редких служащих, кто оказался на работе. Мэр по-прежнему не желал ничего слушать. Секретарша, которой они порядком надоели, спроводила их к его заместителю. И тот, помня о событиях предыдущего дня, внимательно выслушал ребят. Молодые люди вложили в свои слова столько пыла, что чиновник сдался и подписал нужную бумагу.

— Держите, — сказал он, — отправляйтесь на автобусную станцию и возьмите пару машин... Водителей ищите сами, я не имею права заставить их выйти на работу. Если у вас ложная информация, мне придется подать в отставку!

Два автобуса, за рулем одного из которых сидел Лионель, а второго — папаша Луи, на малой скорости (даже противотуманные фары обеспечивали видимость не более четырех метров!) добрались до центра города.

Элиза и Мишель крутились по городу в машине и с помощью громкоговорителя повторяли обращение к населению, призывая начать вывоз детей и стариков на автобусах за пределы города. На одном из перекрестков их остановил требовательный звук сирены. Они увидели патрульную машину, только уткнувшись в нее.

— О-ля-ля! — обеспокоенно воскликнула Элиза, когда четверо полицейских во главе с комиссаром распахнули дверцы и приказали:

— Ну-ка вылезайте!

— Но папа!

— Марш домой!

— Умоляю тебя, папа! Оставь нас в покое, городу грозит настоящая катастрофа... Если не веришь, позвони в больницу!

— Не рассчитывай, что я позволю тебе сеять панику! Ну-ка, быстро домой! Продолжайте, — обратился комиссар к своим подчиненным. — Этой парочкой я займусь сам!

Элиза и Мишель нехотя вылезли из машины и двинулись вслед за комиссаром. Дом был недалеко, и всю дорогу девушка умоляла отца:

— Отпусти нас! Надо вывозить людей!

— Куда? Туманом затянута вся долина. Все города в одинаковом положении!

— Тем более. Значит, опасность грозит всем!

— А тебе не кажется, что вместе со своими друзьями вы и так нарушили городской порядок? Вы только выиграете, если о вас забудут!

Поняв, что спорить бесполезно, Элиза замолчала. Но, войдя в квартиру, тут же бросилась к телефону:

— Алло! Больница? Говорит Элиза Порталь. Я звоню по поручению комиссара... Передайте, пожалуйста, трубку главному врачу!

Она замолчала, потом быстро сказала что-то в трубку и обернулась к отцу:

— Главврач хочет с тобой поговорить, папа!

Комиссар взял трубку. Элиза и Мишель увидели, как посуровело лицо полицейского. Голос врача доносился даже до них:

— За полчаса не менее сорока случаев... Вызовы не прекращаются... Машины скорой помощи едва ползут из-за тумана... У всех одни и те же симптомы — цианоз, кашель, рвота, нарушение дыхания...

— Вы уверены, что эти расстройства смертельны?

— Абсолютно уверен. Особенно при наличии слабого сердца и бронхов... А бронхитом страдает прак-

тически все население! Следует немедленно принимать меры... Иначе нам не справиться...

Комиссар устало положил трубку на рычаг.

— Вы слышали?

Элиза и Мишель молча кивнули.

— Извините, ребята, я отнял у вас драгоценное время. Идите, продолжайте. У меня свои заботы! — сказал Лоран Порталь и добавил, сглотнув комок в горле: — А ведь Пушок на улице!

— Не беспокойся за Пушка, папа, — Элиза обняла отца за шею. — Мы с мамой усадили его в автобус папаши Луи. Он был эвакуирован одним из первых, и сейчас, наверно, вне опасности...

Спустя четверть часа десять полицейских машин, оборудованных громкоговорителями, начали передавать рекомендации жителям города. Вскоре был заполнен второй автобус... Под нажимом комиссара полиции, признав, наконец, очевидность бедствия, в работу включился и муниципалитет.

Бернар со своей группой пригнал четыре фургона. К семи часам вечера было вывезено около трехсот человек. В полночь туман по-прежнему укрывал город.

Альдо и Лоран Порталь неожиданно столкнулись нос к носу в районе эвакуационного центра. Лицо юноши осунулось, он едва ответил на улыбку полицейского.

— Добрый вечер, Альдо! Видишь... мы все оказались на одной галере!

— Поздновато, господин комиссар. Однако лучше поздно, чем никогда!

— Я ждал тебя все эти дни!

— Я был очень занят...

— Не сомневаюсь! Но я хотел бы знать, кто все же организовал саботаж? Ты с друзьями? Считаю, что это любопытство. Последние события дискредитиро-

вали Мейлона, к тому же на нас обрушился этот туман. Расследование не будет возобновлено!

— Правда? Я не привык тешить себя иллюзиями! Подобные катастрофы уже бывали в мире, но это ничего не изменило! Завтра все забудут о том, что случилось сегодня, и жизнь снова пойдет по-прежнему! Промышленники потребуют продолжить расследование, и вы пойдете у них на поводу!

В этот момент из полицейского автомобиля послышался хриплый голос диктора:

— Вся промышленная долина объявлена зоной национального бедствия. Положение осложнено тем, что плотность смога препятствует вывозу жителей. Полностью прекратилось авиационное и железнодорожное сообщение... Крайне затруднен вывоз людей на автотранспорте...

— В самом деле, господин комиссар, похоже, катастрофа сотрет воспоминание о нашей акции! Теперь могу признаться: завод вывели из строя мы! — мрачно проговорил Альдо и исчез в густой тьме.

Когда наступил новый день, в городе почти не заметили этого — смог не рассеивался! Все, кто держался на ногах, занимались спасательными работами: вывозили автобусами детей и стариков, помогали в срочно организованных эвакуационных центрах, доставляли больных в пункты первой помощи — больницы не справлялись с потоком пострадавших...

Город, укрытый густым облаком, которое изредка прошивал свет едва ползущих невидимых непрерывно сигналивших машин, казался призрачным.

Сменяя друг друга, чтобы урывками поспать час-другой, осунувшиеся ребята работали не покладая рук. Кошмару, казалось, не будет конца. Наступил вечер, но ничто не изменилось.

Леа и Альдо помогали престарелым усаживаться в автобус, когда из невидимого громкоговорителя вдруг донесся голос диктора:

— Долина, на которую обрушилось бедствие, по-прежнему изолирована от внешнего мира. Катастрофа вызвана невероятным по масштабам загрязнением атмосферы промышленными отбросами... На данный час отмечено более пяти тысяч смертельных исходов, число пострадавших постоянно растет!

В полдень состоялось заседание кабинета министров, на котором была назначена комиссия по расследованию обстоятельств катастрофы и выявлению ее виновников... После заседания представитель правительства зачитал декрет, усиливающий меры по охране городов от загрязнения.

Отныне все заводские трубы будут оборудованы специальными фильтрами, выброс неочищенных дымов запрещен. Фирмы и владельцы предприятий, нарушающие закон, будут выплачивать штраф, намного превышающий стоимость очистных сооружений. На предприятиях, где не соблюдаются условия безопасности, производство будет приостановлено до исполнения необходимых работ.

Национальное собрание потребовало разработать общий план действий, который позволит остановить дальнейшее загрязнение окружающей среды и по мере возможности выправить положение в тех областях, которые прямо или косвенно связаны со здоровьем человека. В частности, особое внимание обращается на пресную воду...

Альдо дернул Леа за рукав.

— Ты слышала?

Девушка не ответила, ее пополам согнул сильнейший приступ кашля.

— Леа!

Альдо подхватил задыхающуюся подружку. Свет

фар разрезал тьму ночи, и рядом с ними остановилась машина.

— Что случилось, Альдо?

Юноша узнал голос учителя.

— Быстрее в больницу! Леа!

Клод Паскье помог Альдо уложить девушку в машину.

— Хорошо сказать — в больницу. Они уже отказались принять нескольких человек, которых я им доставил! Все переполнено! Пострадавших размещают в ратуше, в лицее, везде, куда смогли отрядить врача...

— Леа, Леа, — Альдо едва сдерживал слезы.

Леа задыхалась и отвечала лишь слабым пожатием руки.

Всю дорогу Альдо торопил учителя. Но двигаться быстрее было невозможно. Когда они наконец добрались до больницы, где пострадавшую отказались принять, юноша сорвался на крик. Услышав шум, к ним поспешил главный врач. Он тут же узнал ребят.

Леа едва держалась на ногах.

— Спасите ее! — умолял Альдо.

Врач пригласил их следовать за ним. Он уложил девушку на диван в своем кабинете и оказал ей первую помощь... Потом обернулся к ее спутникам:

— Я сам займусь ею. Идите отдохните немного, а завтра утром навестите ее.

Всю ночь Альдо провел на ногах, а ранним утром прибежал в больницу. Состояние Леа не улучшилось. Ее перенесли в палату, где лежал эколог. У изголовья девушки сидели родители. Альдо забился в угол и не сводил с нее глаз.

Вскоре появился главный врач.

— Я надеюсь, мы спасем ее, — устало сказал он.

Альдо снова оказался на улице, забитой плотной серой ватой. Сердце камнем лежало в груди. Кто-то схватил его за плечи и втолкнул в машину. Это был

учитель. Участливо обняв юношу за плечи, он стал ласково убеждать его:

— Поезжай домой, Альдо. Леа непременно поправится! Мы одержали важную победу! Надеюсь, подобного не повторится. Мы сумели убедить жителей города и власти в своей правоте, а наше несчастье помогло принять новый закон!

Родители Альдо с облегчением встретили сына — он пропадал третьи сутки. Оказавшись в своей комнате, обессиленный юноша рухнул на постель. Клод Паскье посоветовал родителям дать ему отоспаться...

Альдо проснулся ровно через сутки. Сильный ветер разгонял последние клочья тумана. В городе было светло! Несколько мгновений юноша наслаждался этим светом, но вдруг его охватил панический страх — как там Леа. Он быстро оделся и выскочил из квартиры. Оказавшись на улице, Альдо бросился бежать... Навстречу, держась за руки, шли Бернар и Беатриса. Альдо проскочил мимо них, едва поздоровавшись. Он ворвался в больницу, пронесся по коридорам и лестницам, не замечая удивленных взглядов, и остановился с отчаянно бьющимся сердцем только тогда, когда увидел улыбку Леа...

Содержание

С. Абрамов. Эти странные непонятные дети 5

ДЭВИД БИШОФ

Недетские игры 17

УИЛЬЯМ КОТЦВИНКЛ

Ип, инопланетянин и его приключения на Земле 205

МИШЕЛЬ ГРИМО

Город, лишенный солнца 397

Литературно-художественное издание

НЕДЕТСКИЕ ИГРЫ

Старший научный редактор А. Г. Белевцева

Младший редактор И. Б. Ильченко

Художественный редактор Н. М. Иванов

Технические редакторы А. Г. Резоухова, Л. П. Емельянова

Корректор Т. И. Стифеева

ИБ № 6041

Сдано в набор 08.04.86. Подписано к печати 11.10.86. Формат 70 × 100 / 32.
Бумага офсетная № 2. Печать офсетная. Гарнитура таймс. Объем 7,88 бум. л.
Усл. печ. л. 20,48. Усл. кр.-отт. 41,44. Уч.-изд. л. 22,13. Изд. № 9/5000.
Тираж 100 000 экз. Заказ 75. Цена 2 р. 30 к.

Издательство «Мир»

129820, ГСП, Москва, И-110, 1-й Рижский пер., 2

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический
комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

2 р. 30 к.

Зарубежная



фантастика

НЕДЕТСКИЕ
ИГРЫ



Издательство «Мир» Москва

